

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
(1992–2008 годы)

МОСКВА – 2008

УДК 327
ББК 66.4(531.7)
Ю197

Ответственный редактор
и руководитель авторского коллектива
В.А.Гусейнов

Ю197 Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы).
Отв. ред. и рук. авт. кол. В.А.Гусейнов. – М.: Красная звезда, 2008. – 392 с.
ISBN 978-5-94691-283-9

Данный труд подготовлен авторским коллективом сотрудников Института стратегических оценок и анализа и журнала «Вестник аналитики» под руководством директора ИСОА, главного редактора журнала «Вестник аналитики» В.А.Гусейнова и при поддержке ЗАО «Бюро социально-экономической информации». Книга будет полезна как для специалистов, профессионально занимающихся проблемами Южного Кавказа и постсоветского пространства, так и для студентов соответствующих специальностей. Как надеются авторы, она также привлечет внимание широкого круга читателей, интересующихся процессами, происходящими на постсоветском пространстве.

Южный Кавказ – регион, в котором наиболее ярко проявляются как трагические последствия крупнейшей геополитической катастрофы XX века – распада СССР, так и ростки новых экономических и социальных отношений, основанных на законах рынка и свободной конкуренции, а также процессы, связанные с перестройкой идеологических основ государства и формированием гражданского общества.

Особое внимание в книге уделено событиям весны–лета 2008 г. в Южной Осетии и Абхазии, привлечшим к себе внимание всего мирового сообщества, признанию Российской Федерацией независимости этих самопровозглашенных республик, которые определяют начало нового рубежного этапа в развитии государств Южного Кавказа.

УДК 327
ББК 66.4(531.7)

ISBN 978-5-94691-283-9

© Институт стратегических оценок и анализа, 2008
© Бюро социально-экономической информации, 2008
© Журнал «Вестник аналитики», 2008
© ФГУП «Издательский дом «Красная звезда», 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ответственного редактора	4
Алексей Денисов, Николай Савкин, Павел Холоден	
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	20
Немного истории	20
Геополитическая роль Южного Кавказа	24
Геоэкономическая роль региона	28
Геостратегическая значимость Южного Кавказа.....	29
Ведущие игроки на геополитическом пространстве региона.	
Краткая характеристика их интересов и целей	30
Вагиф Гусейнов, Александр Гончаренко	
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	55
Место региона в национальной энергетической политике Запада	55
Нефтегазовый потенциал Южного Кавказа	61
Энергетический потенциал Азербайджана	
и энергобезопасность Европы	74
Борьба за нефтяные маршруты.....	76
Трубопроводная политика на Каспии и интересы России	92
Конкуренция вокруг газопроводов	100
Энергетика Армении – ведущая роль России	118
Повышение роли стран – транзитеров углеводородов.....	120
Вагиф Гусейнов, Алексей Денисов, Александр Романов	
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ	
И ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.....	132
Проблемы обеспечения региональной безопасности	132
Некоторые аспекты военно-стратегической ситуации	
на Южном Кавказе	150
Вызовы и угрозы безопасности на Южном Кавказе.....	153
Интересы стран региона.....	155
О военно-политическом сотрудничестве стран Южного Кавказа	
с НАТО и странами Запада	162
Вагиф Гусейнов, Олег Поклоннов, Сергей Демиденко	
РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.....	177
Общая характеристика ситуации в регионе	177
Взаимодействие с соседними странами	183
Азербайджанская Республика	201
Республика Армения.....	276
Грузия: политическая и экономическая ситуация,	
государственная и исполнительная власть, финансы	
и инвестиции, отношения с Россией	295
Вагиф Гусейнов, Афранд Дашдамиров, Сергей Демиденко	
РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ	316
Армяно-азербайджанский конфликт (1988–2008 гг.).....	316
Конфликт в Абхазии и Южной Осетии.....	372

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА

В последние годы Институт стратегических оценок и анализа проводил самостоятельно или совместно с другими научно-исследовательскими учреждениями и аналитическими центрами широкий круг исследований по многим проблемам внутренней и международной политики. Результаты этой работы обобщены в целом ряде изданных работ, таких как «Модернизация России и Европа» (в 3-х томах), сборник «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (совместно с Российской академией государственной службы (РАГС)), «Средиземноморье – Черноморье – Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (совместно с Институтом Европы РАН), «Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего» (совместно с Высшей школой экономики (ГУ ВШЭ) и Советом по внешней и оборонной политике (СВОП)); «Россия–Великобритания: очередное охлаждение» (совместно с «Российским исследованием Лтд (Великобритания)», «Иракский кризис и становление нового мирового порядка», «Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги демократизации».

Особо хотелось бы отметить участие Института в подготовке и издании труда «Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить» и, в частности, вклад в эту работу сотрудников ИСОА А.П.Денисова, С.В.Демиденко и А.В.Гончаренко.

Представляемое читателям очередное издание «Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы)» является тематическим продолжением многолетней работы, проводимой коллективами Института стратегических оценок и анализа и Бюро социально-экономической информации по исследованию и анализу процессов, протекающих на т.н. постсоветском пространстве (ПСП) после распада мировой супердержавы – СССР, во всем многообразии их политических, экономических, социальных, военно-стратегических аспектов – как в целом, так и в отдельных регионах и в новых государствах, образовавшихся в границах бывших союзных республик СССР.

Разумеется, все эти процессы нельзя рассматривать в отрыве от общей ситуации, которая начала складываться в мире после завершения почти полувекового периода «холодной войны» и противостояния двух антаго-

нистических общественно-политических систем. В «постхолодном» мире, который в первые годы своего существования характеризовался искренним, как казалось, стремлением недавних непримиримых противников к мирному сотрудничеству, к построению общих систем безопасности – глобальной, общеевропейской, евроазиатской, довольно скоро в первую очередь в политических кругах США стал давать знать о себе «синдром победителя» в «холодной войне». Особенно после прихода к власти администрации Дж. Буша-младшего и его неоконсервативного окружения. Их стараниями преобладающей в мировой политике становилась тенденция построения однополярного мира во главе с Вашингтоном.

США, в конце концов, так и не удалось, что называется, окончательно «подмять» мир под себя. Идея построения однополярного мира оказалась несостоятельной. Очень скоро в глобализирующемся мире стали заявлять о себе и набирать все больший вес новые центры силы и влияния – Объединенная Европа, Китай, Индия и Бразилия, с которыми Вашингтону приходится считаться. Стала подниматься с колен и Россия, которая, казалось бы, полностью утратила свой политический авторитет и влияние, былую экономическую и военную мощь за годы бездумной, совершенно не подготовленной ни экономически, ни политически, ни идеологически перестройки, провозглашенной Горбачевым, и последующие годы правления Ельцина, когда российское правительство привело страну едва ли не к окончательному краху. Отошла в прошлое и приснопамятная «козыревщина», когда над зданием российского МИДа в пору было вывешивать любой флаг, но только не российский.

И хотя попытки Вашингтона создать однополюсную конфигурацию мира потерпели крах, США по совокупности своей экономической, финансовой и особенно военной мощи, а также почти полному доминированию в глобальном информационном пространстве продолжают оставаться единственной супердержавой мира с амбициями и, надо признать, с определенной потенцией глобального лидера. Правда, эти возможности используются либо, что называется, вкривь и вкось, либо с опорой в основном на силу, причем во главу угла, как правило, ставятся только национальные интересы США, что никак не согласуется с ролью справедливого лидера.

Но лавры глобального лидера, «знаменосца» «глобальной демократической революции» привлекают США не сами по себе. В основе курса Вашингтона на построение однополярного мира лежали и лежат сугубо материальные, меркантильные факторы. И в частности, ресурсный потенциал планеты во всех его ипостасях.

Мир все плотнее подходит к ресурсному голоданию. Вполне реальной становится угроза истощения невозобновляемых природных ресурсов, прежде всего энергетических (нефти, газа, угля, урана), других полезных ископаемых, без которых невозможно развитие современной промышленности и сельскохозяйственного производства, угроза нехватки чистой питьевой воды, продовольствия, как и интеллектуальных, ква-

лифицированных трудовых ресурсов. США уже сегодня потребляют около 40 процентов ресурсов планеты, а с учетом стран «золотого миллиарда» – около 70 процентов.

Россия и другие страны постсоветского пространства, особенно Южный Кавказ и Центральная Азия с их значительным даже по мировым меркам ресурсным потенциалом, являются весьма привлекательными объектами для проводимой Вашингтоном глобальной политики «ресурсного империализма». Так, все чаще можно слышать высказывания американских политиков о «вопиющей несправедливости», когда Россия с ее двумя процентами населения Земли владеет почти четвертью мировых ресурсов. И совсем не случайны призывы о создании «энергетического НАТО» или обвинения России в «незаконных» притязаниях на арктический шельф, в попытках подчинить себе новые независимые государства на ПСП и возродить здесь Российскую империю. Вполне вписывается в политику «ресурсного империализма» и расширение НАТО на Восток, вовлечение в этот альянс Украины и Грузии, развертывание американских и натовских военных объектов в непосредственной близости от западных и южных границ России, в том числе и на территориях государств – бывших советских республик, создание новых блоков с вовлечением в них государств СНГ (тот же ГУАМ, в который вошли две страны Южного Кавказа – Грузия и Азербайджан).

Именно в контексте борьбы за мировое лидерство, за ресурсы и за стратегические территории и необходимо рассматривать и оценивать те процессы, которые происходили все эти годы в регионе Южного Кавказа и в его странах, тенденции и проблемы их развития. В эту борьбу, инициированную Соединенными Штатами, на «южнокавказском фронте» вовлечены практически все основные мировые центры силы и региональные державы – Турция, Иран, Украина и др.

Южный Кавказ – регион, в котором наиболее ярко проявляются трагические последствия распада СССР. И не менее ярко – ростки новых экономических и социальных отношений, основанных на законах рынка и свободной конкуренции, процессы, связанные с перестройкой идеологических основ государств и формированием гражданского общества.

«Перепутье мира» – это, пожалуй, наиболее показательный образ, характеризующий современный Южный Кавказ, который столетиями был в эпицентре мировой и европейской политики. А в условиях, сложившихся в мире к началу XXI века – в условиях глобализации, непрекращающихся попыток даже не перестройки, а слома устоявшегося мирового порядка, в условиях геополитического противоборства главных центров силы за передел сфер влияния, за контроль над мировыми ресурсами и стратегически важными территориями, – значимость Южного Кавказа чрезвычайно возросла. Соответственно, возрос интерес к оценке нынешнего состояния и перспектив развития расположенных в регионе стран.

Анализ и ясное понимание тех процессов, которые происходят сегодня в Южном Кавказе и вокруг него, важно еще и потому, что он являет-

ся главным пространством, где пересекаются жизненно важные интересы Российской Федерации и претендующих на доминирование в этом районе Соединенных Штатов, поддерживаемых своими союзниками по Североатлантическому альянсу и Евросоюзом. И, к сожалению, тем пространством, где пересечение этих интересов не побуждает к взаимному поиску компромиссов и путей сотрудничества, а выливается во все более острое противоборство, в том числе, как показали события весны-лета 2008 года, в противоборство военное, которое несет опасность всеобщему миру и первыми, но не единственными жертвами которого могут стать страны региона.

Представляемая читателям книга посвящена анализу различных измерений общей ситуации, складывающейся на Южном Кавказе в их динамике в течение 1992–2008 годов. Подробно рассматривается также нынешняя ситуация в отдельных государствах Южного Кавказа – Азербайджанской Республике, Республике Армения и Грузии, ее извивы за последние полтора десятилетия.

Глава I посвящена геополитическому измерению Южного Кавказа. В отдельных ее разделах рассматриваются геополитические аспекты, характерные для региона, и геоэкономическая роль Южного Кавказа в общей системе мирового хозяйства – прежде всего как важного источника энергоресурсов и как транзитного пространства, связывающего Запад и Восток, Север и Юг. Приводится также краткий анализ геостратегической значимости Южного Кавказа с учетом современных условий и той военно-политической и стратегической обстановки, которая складывается в примыкающих государствах и в целом в государствах Большого Ближнего Востока.

Значительное место в главе уделено анализу интересов и целей ведущих игроков на геополитическом пространстве Южного Кавказа, среди которых, помимо России, рассматриваются Соединенные Штаты – главный внерегиональный актер и безусловный «предводитель» всех западных игроков, действующих в регионе; Североатлантический альянс, который все чаще выступает в роли силового кулака американской политики и экономики; Европейский союз, в целом следующий в фарватере кавказской политики Вашингтона, но вместе с тем имеющий в регионе свои интересы, не во всем совпадающие с интересами США, и политика которого имеет свои особенности. Далекую не последнюю роль играют в странах Южного Кавказа региональные державы, прежде всего Турция и Иран. В последние годы все более заметно стремление утвердиться в регионе Украины, нынешнее руководство которой, к сожалению, в своей кавказской политике считает необходимыми и важными антироссийские мотивы.

Энергетическое измерение Южного Кавказа в системе геополитических координат имеет наиболее важное значение. Его анализу посвящена **глава II** книги. Южный Кавказ сразу же после распада Советского Союза стал рассматриваться западными странами как важный постав-

щик нефти и газа Каспия, способный составить серьезную конкуренцию российским энергоисточникам и российским трубопроводам. (История первого десятилетия «второго пришествия» Запада на Каспий, его борьбы за контроль над каспийскими источниками нефти и газа и прокладку нефте- и газопроводов по территории Южного Кавказа в обход России рассмотрена в книге «Каспийская нефть. Экономика и геополитика», изд-во «ОЛМА-ПРЕСС», Москва, 2002.) Подробно рассматривается нефтегазовый потенциал региона, нарастающая борьба за маршруты транспортировки энергоресурсов Азербайджана и государств Центральной Азии (прежде всего, Казахстана и Туркменистана). Дается оценка роли стран Южного Кавказа в энергетической политике Запада и обеспечении энергобезопасности Европы – как энергодобывающих, так и стран-транзитеров.

В **главе III** анализируются составляющие военно-политического и военно-стратегического измерения Южного Кавказа. Основное внимание в ней уделяется проблемам обеспечения региональной безопасности. Анализируются вызовы и угрозы безопасности для стран Южного Кавказа, их интересы в сфере безопасности и обороны. Значительное внимание уделено военно-политическому сотрудничеству стран региона с Североатлантическим альянсом, с США и отдельными странами Запада. Отмечается, в частности, нарастающая экспансия США и НАТО, их военных и военно-политических структур в регионе, целенаправленная политика по втягиванию в альянс стран региона. Первой из них стала Грузия – страна наименее стабильная, с наибольшим конфликтным потенциалом, что само по себе увеличивает опасность втягивания НАТО в различные военные авантюры и даже опасность военного столкновения с Россией, которая уже в течение полутора десятка лет несет на себе бремя миротворчества в Абхазии и Южной Осетии.

Анализ **регионального измерения** представлен в наиболее объемной **главе IV**. Помимо оценки общей характеристики ситуации в регионе, состояния и особенностей взаимодействия с соседними странами, здесь дается детальный анализ ситуации в отдельных странах региона – Грузии, Азербайджане и Армении в динамике ее развития.

Южный Кавказ даже на беспокойном постсоветском пространстве выделяется своим **конфликтотенным потенциалом**. Три из четырех самопровозглашенных республик, появившихся на ПСП после распада СССР, являются южнокавказскими республиками. В эти конфликты втянуты и от них страдают все три государства Южного Кавказа, разрешить их не один год безуспешно пытаются заинтересованные мировые и региональные державы, общеевропейские организации.

История возникновения и развития этих конфликтов, их истоки, явные и подспудные движущие силы, а также перспективы разрешения рассматриваются в **главе V**.

Наиболее подробный анализ дается армяно-азербайджанскому конфликту, рассмотрение которого выходит за временные рамки данного

труда и начинается еще со времен существования СССР, с 1988 года, когда недалновидной и ошибочной политикой руководителей СССР и были заложены истоки этого конфликта, приведшего в результате к военному столкновению Армении и Азербайджана и последующей оккупации значительной части Азербайджана, продолжающейся и по сей день.

Завершается глава анализом конфликтов в Абхазии и Южной Осетии. Помимо краткого исторического экскурса, помогающего более полно и объективно оценить нынешнюю ситуацию, основное место в разделе, посвященном конфликтам в Южной Осетии и Абхазии, уделено событиям последнего времени, весны-лета 2008 года, приведшим к признанию Россией независимости этих отколовшихся от Грузии автономий, которые в течение полутора десятка лет существовали де-факто как независимые государства и все это время пытались добиться признания в качестве суверенных государств.

Главное внимание в данном разделе уделено событиям в зоне грузино-южноосетинского и грузино-абхазского конфликта в августе 2008 года. Подробно описана хронология конфликта, анализируются действия и позиции как непосредственных участников конфликта, так и поддерживающих их сил, сделаны выводы относительно возможных последствий военных действий.

* * *

Война в Южной Осетии – первое военное столкновение между странами СНГ – поднимает ряд вопросов, выходящих далеко за рамки двусторонних отношений. Прошло слишком мало времени, еще слишком небольшая часть информации, касающейся подготовки этой войны Грузией, ее хода и послевоенных событий, стала доступной общественности, слишком динамично развиваются события, инициированные войной и решением России о признании независимости Абхазии и Южной Осетии, чтобы претендовать на детальный и глубокий анализ. Тем не менее попытаюсь изложить свое мнение относительно некоторых аспектов этой пятидневной войны и ее возможных долгосрочных последствий.

1. Кто подтолкнул Саакашвили к военной аванюре в Южной Осетии, закончившейся для него крахом? Сегодня западными политиками и прессой дело выставляется так, что Саакашвили напал на Южную Осетию вопреки предостережениям своих американских советников и покровителей, которые якобы удерживали его от этого неразумного шага. «Еще 9 июля, во время визита в Тбилиси, Кондолиза Райс недвусмысленно предупредила грузинского лидера о недопустимости ввязывания в военный конфликт с Россией. Белый дом удивился, что его рекомендацию проигнорировали», – писало одно из российских изданий¹.

¹ *К.Ремчуков.* Когда делаешь, что хочешь, получаешь, чего и не хочешь // «Жизнь», №30(585) от 18 августа 2008 г. <http://www.profile.ru/items/?item=26801>

В подобных рассуждениях явно больше наивности, чем логики. Российская сторона, обеспокоенная наращиванием грузинских войск с тяжелыми наступательными вооружениями у границ Южной Осетии, явно готовящимся вторжением, предприняла 8 июля демонстративный облет этих группировок военными самолетами. Как посчитали в России, эта мера позволила «охладить горячие головы в Тбилиси и предотвратить развитие ситуации по силовому сценарию», т.е. предотвратить вторжение, но она вызвала громкие и дружные осуждения России со стороны США и их западных союзников. Грузия потребовала созыва Совета Безопасности ООН, на котором при полной поддержке США попыталась представить эту предупредительную меру как акт агрессии со стороны России. Г-жа Райс во время упомянутого визита в Тбилиси безоговорочно поддержала грузинского президента и фактически обвинила Россию в нагнетании напряженности в зоне конфликта. Буквально накануне вторжения Грузии в Южную Осетию Москва предложила Совбезу ООН принять резолюцию с призывом к отказу от применения силы обеими сторонами. Это решение могло бы предотвратить кровопролитие, но было заблокировано США и западными странами. То есть США фактически дали добро Саакашвили на вторжение, чем он и не преминул воспользоваться, обрушив свои «Грады» и танки на Южную Осетию.

Кто все эти годы вооружал и оснащал грузинскую армию, финансировал ее, готовил отнюдь не к обороне, а именно к активным наступательным действиям, натаскивал ее в Ираке? С чьей помощью военные расходы Грузии постоянно росли и по уровню милитаризации эта страна давно вырвалась в безусловные лидеры среди стран СНГ? И могла ли переполненная экономическими и социальными проблемами бедная страна позволить себе тратить на военные нужды больше миллиарда долларов в год, свыше 10% своего ВВП (и это не считая безвозмездных скрытых вливаний со стороны США и Запада)? Можно напомнить также, что еще с 2003 года американским военным на территории Грузии официальными властями страны была предоставлена беспрецедентная свобода действий.

Конечно, прямую команду Саакашвили начать наступление на Южную Осетию президент Буш не давал, но то, что за спиной Саакашвили стояли определенные силы, связанные с его администрацией, сомнений нет. Саакашвили убеждали, что Россия не рискнет предпринять какие-либо силовые меры в защиту Южной Осетии.

Сегодня доброты в той же Америке задаются вопросом: почему грузинская армия не предприняла попыток подорвать Рокский тоннель и тем самым закрыть единственный путь для Российской армии? Ответ простой: Саакашвили был убежден, что Россия не посмеет вмешаться. А подрыв тоннеля перекрывал бы дорогу беженцам и не позволил бы выдавить осетин на территорию России, что и было задумано операцией «Чистое поле», и привел бы к еще более массовым жертвам среди осетин.

Не совсем корректно будет не упомянуть еще об одном факторе, который, помимо американской поддержки, вселил в Саакашвили уверенность в окончательном успехе его военной авантюры в Южной Осетии. Назовем его «головокружением от успехов».

За непродолжительное время своего правления новый грузинский лидер добился (хотя и незначительных, но все же...) успехов на экономическом поприще – начался рост ВВП (в первую очередь, за счет энергетического транзита), несколько укрепился курс национальной валюты лари и т.д. Это обстоятельство могло породить у грузинской политической элиты искаженное представление об истинном положении вещей на геополитической карте Южного Кавказа. Успехи в экономике и в Абхазии, сильная, оснащенная американцами армия – что еще нужно для дальнейшего утверждения роли регионального лидера?

Однако «мускулы» обновленной Грузии наращены были, по меткому выражению Леонида Григорьева и Марселя Салихова, на слабом экономическом костяке. Значит, для Тбилиси экономические последствия маленькой и отнюдь не победоносной войны с Южной Осетией скажутся в перспективе, когда военные расходы и ресурсные потери лягут непреодолимой преградой на пути экономического развития Грузинской Республики².

2. Чего добился Саакашвили? Полностью проиграв пятидневную войну и не сумев окончательно «зачистить» территорию Южной Осетии от осетин, грузинский лидер даже после столь жестокого поражения постарался повернуть дело так, что многие его цели в рамках конфликтов с Южной Осетией и Абхазией можно считать достигнутыми. Конечно, заслуга в этом не столько Саакашвили, сколько поддерживающих его американских покровителей.

Так, прервано монопольное миротворчество России, конфликты интернационализированы, чего давно и безуспешно добивался Тбилиси. Россия из миротворца превратилась как в глазах западного сообщества, так и, вообще говоря, по объективным оценкам, де-факто в одну из сторон конфликта. Во что это выльется в дальнейшем – пока сказать трудно, но ясно одно, что Россия если и будет допущена в состав миротворцев, то только в составе многонационального миротворческого контингента, под контролем западного командования.

Саакашвили всеми силами всегда старался, что называется, столкнуть лбами Россию и Запад. Если в отношении США особых стараний ему не пришлось прикладывать, скорее, наоборот – вашингтонская администрация использовала Саакашвили как главный козырь в антироссийских политических играх, призванный оказывать постоянное давление на Россию, то в отношениях с Европой дело обстояло иначе. Серьезные политические деятели Западной Европы втайне расценивали

² Л.Григорьев, М.Салихов. Конфликт в Осетии и Грузии: война против развития // «Время новостей», №153. 22 августа 2008 г.

Саакашвили как вашингтонскую марионетку, как человека экзальтированного, способного на необдуманные поступки и не очень чистоплотного в выборе средств как во внутривнутриполитической борьбе, так и, особенно, в отношениях с Россией. После войны в Южной Осетии и признания Россией независимости Южной Осетии и Абхазии многие ранее достаточно лояльно относящиеся к России европейские страны и политики встали на сторону США и Тбилиси, обвиняя Россию как агрессора, нарушителя норм международного права. На Западе стал формироваться консолидированный антироссийский фронт.

Саакашвили добился также не только психологического перелома в свою пользу – в Европе страются и не вспоминать, что война в Южной Осетии развязана им и что в ходе ее использовались варварские методы истребления мирных жителей, приведшие к многочисленным жертвам, разрушены мирные города и села, что фактически Саакашвили проводил в отношении осетинского населения политику геноцида. Как ни странно, но, несмотря на значительные потери военной техники и разрушение ряда объектов военной инфраструктуры Грузии, выиграл он и материально. США и страны НАТО безвозмездно, с лихвой и очень быстро возместят ему потери в военной технике, восстановят военную инфраструктуру и, в общем, подготовят к новому вооруженному нападению, которое, если оно все же случится, будет не только поддержано военной мощью США и НАТО, но и прикрыто их политическим и информационным щитом.

Так что Грузия под предводительством Саакашвили проиграла войну, но выиграла ли ее Россия – еще вопрос. Тем более что за спиной марионеточного грузинского лидера маячит тень его главного покровителя – США.

3. Могла ли Россия повести себя иначе в ходе развязанной грузинскими властями войны в Южной Осетии? На этот вопрос следует дать однозначный ответ – нет! Россия была поставлена в такие условия, что отделаться лишь призывами к миру и требованиями вывода грузинских войск она не могла, не потеряв при этом окончательно лица как страна, долгие годы выполнявшая в зонах конфликтов в Абхазии и Южной Осетии миротворческие функции, как единственная надежда народов Абхазии и Южной Осетии, их защитница от истребления и вытеснения из родных мест. Проявив себя как слабая и запуганная страна, Россия не только нанесла бы невосполнимый урон своему морально-психологическому облику, особенно в глазах кавказских народов, в том числе и на российском Северном Кавказе. Очень скоро это сказалось бы на политике и экономике – кому охота иметь дело со слабой и непостоянной страной, неспособной постоять даже за собственных граждан.

Конечно, у российского президента, принимавшего решение о вводе российских войск в зону конфликта, был выбор: не защищать слабых, а встать на сторону сильных – это намного выгоднее и безопаснее, тем более, что признание независимости Абхазии и Южной Осетии, чего гре-

ха таить, создает для России больше проблем, чем выгод. А, как гласит пословица, «стыд не дым, глаза не выест». Но у Д.Медведева хватило мужества не бросить на произвол судьбы народы Южной Осетии и Абхазии, что заслуживает безусловного уважения.

Но дело не только в государственной морали и взятых Россией на себя миротворческих обязательствах. В случае реализации задуманных грузинским руководством планов к южным границам России вплотную выходила бы военная машина недружественной, даже враждебной Грузии, а затем и НАТО. И очень скоро можно было бы ожидать дестабилизации ситуации в северокавказских республиках России, активизации действий здесь террористических банд, ваххабитских джамаатов, сепаратистских движений. Резко возрастала бы угроза дальнейшего расчленения России, которую и теперь еще рано сбрасывать со счетов.

Так что предпринятая Россией операция по принуждению к миру Грузии была вызвана и серьезными беспокойствами России за собственную безопасность, за безопасность своих народов и за целостность страны.

4. Проиграла ли Россия информационную войну? Думаю, что нет. На этот раз руководство страны и Минобороны, органы, отвечающие за информацию, сработали на вполне приличном уровне. Конечно, нашим руководителям не угнаться за Саакашвили, который, по существу, работал внештатным корреспондентом CNN и других ведущих западных агентств и не гнушался при этом озвучивать любые инсинуации в адрес России, не считаясь с их достоверностью. Надо отдать должное, грузинский президент умеет извлекать пропагандистские «дивиденды» даже из проигрышных ситуаций. Ему отказали участвовать в саммите ЕС, но он тут же заявил, что и не собирался покидать Грузию, так как... Россия его может не пустить обратно. Да и западные СМИ не придираются к излагаемым Саакашвили «фактам, считая, как видно, что в «войне (информационной) все средства хороши» и что в любой войне, как заметило одно из российских изданий, «не может быть правых и виноватых, а есть свои и чужие».

Оценивая возможности и практику России в информационном обеспечении военных действий в Южной Абхазии и последующих действий российского руководства, надо учитывать и то, что в мировом информационном пространстве полностью доминируют США и их западные союзники, создавшие, по существу, «глобальную информационную империю», способную, грубо говоря, выдать черное за белое. Через такие информационные бастионы трудно пробиться правдивой, но невыгодной для Запада информацией.

Об этом говорил в своем интервью телекомпании CNN премьер России В.Путин, это же подчеркнул президент Д.Медведев на пресс-конференции по итогам прошедшего 28 августа саммита ШОС: «Я не мог не рассказать, как реально обстояли дела (по Южной Осетии). Та картина, которая шла через западные СМИ, существенно отличалась от того, кто был агрессором и кто должен нести ответственность, как моральную,

так и политическую и правовую, за то, что произошло. Поэтому я рассказал, какими мотивами мы руководствовались». Но в этом преимуществе не только заслуга наших конкурентов, виновны в нем и мы сами, долгие годы занимавшиеся разделом имущества и переделом активов, вместо того чтобы готовить страну к вызовам современного мира.

Так, например, совершенно ясно, что созданный США косовский прецедент послужил тем запалом, который подорвал ситуацию вокруг самопровозглашенных республик. Однако о Косово в связи с конфликтом в Южной Осетии даже не вспоминают ни американские, ни европейские политики, замалчивают эту тему и зарубежные СМИ.

Стоит отметить и еще одну особенность, касающуюся информационного обеспечения внешнеполитической деятельности сторон. Западное общественное мнение, как представляется, более подготовлено к тому, чтобы проглатывать, «не разжевывая», практически любую информацию, преподносимую ему в массовом порядке. Российское же общество, воспитанное на «кухонных дебатах» советских времен и ощутившее вкус полной «свободы слова» в последние два десятка лет, начиная с горбачевских времен, намного более критично воспринимает любую информацию, преподносимую ему официальными властями. И тем не менее стоит отметить, что решение президента о вводе российских войск в зону южноосетинского конфликта и последующее признание независимости двух самопровозглашенных республик одобрило большинство российского населения.

5. Россия лишилась всех своих бывших союзников, не приобретя новых? Действительно, союзников у России сегодня практически нет. СНГ давно превратился в клуб встреч президентов, хотя определенные преференции, в основном экономического плана, для его участников сохраняются. Так что демонстративный выход из Содружества Грузии останется незамеченным, тем более что Тбилиси давно фактически устранился от работы в его органах. Никто из членов СНГ официально не поддержал силовые действия России в Южной Осетии и Грузии. Но это говорит лишь о том, что большинство наших соседей по СНГ озабочены собственными проблемами сепаратизма и вынуждены придерживаться осторожной позиции.

России не стоит возлагать большие надежды и на Организацию Договора о коллективной безопасности.

Ближайший союзник России – Белоруссия – также предпочла осторожно подойти к поддержке действий Москвы в Южной Осетии. Осторожность ее понятна. Из всех президентов стран СНГ Лукашенко в глазах общественного мнения Запада давно выставляется как наиболее одиозная фигура, а его страна отнесена самоназначенным «мировым судьей» – Соединенными Штатами – к «странам-изгоям». Причина отнюдь не в авторитаризме Лукашенко и «ущемлении гражданских свобод» в стране. Белоруссия – очень важный западный форпост на подступах к России, и «ликвидировать» его, сменив политический режим,

представляется для США и стран НАТО весьма заманчивой и вполне решаемой задачей. Рычагов для этого создано более чем достаточно. Вот Лукашенко и вынужден лавировать, особенно в преддверии парламентских выборов в своей стране, состоявшихся в сентябре 2008 года.

Сегодня у России союзников, в полном смысле этого слова, нет. Война в Южной Осетии показала это достаточно ясно. Государства СНГ (Украину, по понятным причинам, надо исключить) вынуждены лавировать между Москвой, Вашингтоном и Брюсселем, а страны Центральной Азии – еще и Пекином. Осуждать их за это нельзя, но и сильно рассчитывать на их серьезную поддержку не стоит.

Если Россия сумеет достаточно окрепнуть в экономическом отношении, эта ситуация может измениться. Но политика Запада, в том числе и на Южном Кавказе, как раз и направлена на то, чтобы не допустить этого.

б. Что можно сказать о военных итогах операции? Прежде всего, надо отметить, что Российская армия действительно проводила операцию по принуждению к миру и провела ее, в общем-то, профессионально, хотя и не без огрехов. Ее целью не было уничтожение грузинских солдат, которых Саакашвили бросил на верную погибель. Грузинская армия понесла очень незначительные потери (грузины, по официальным данным и показаниям пленных, потеряли 250–260 человек убитыми и более 550 ранеными³, при том, что численность грузинских войск, сосредоточенных против Южной Осетии, составляла порядка 12 тыс. человек). Российская армия, войдя на территорию Грузии в районы сосредоточения военной техники и военных объектов, не пошла дальше, хотя не встречала никакого сопротивления, и уже к исходу 12 августа была выведена в районы, оговоренные соглашением между Д.Медведевым и Н.Саркози).

Война также показала, что грузинская армия, подготовленная американцами, не столь уж слаба. Она хорошо организована, обучена, вооружена и экипирована. Значительная часть личного состава прошла «обкатку» в Ираке (грузинский контингент в Ираке численностью в 2000 человек, периодически заменяемый по принципу ротации, – третий по величине после США и Великобритании).

В то же время выявились существенные недостатки в вооружении и оснащении Российской армии: старая и даже не модернизированная бронетехника времен Афгана и первой чеченской войны, никудышная индивидуальная защита военнослужащих, не выдерживающие никакой критики системы боевого обеспечения – связи, разведки, управления. Нет в достаточном количестве беспилотных самолетов-разведчиков, боевых информационно-разведывательных систем, современных средств радиоэлектронной борьбы и еще много другого, что давно уже находится на вооружении современных армий. То есть война показала

³ Эти данные приводит В.Баранец в газете «Комсомольская правда» от 14 августа 2008 г. Неофициальные источники называют цифры в 1500, свыше 2000, от 4 до 5 тыс.

существенное технологическое отставание Российской армии. И это несмотря на то, что о военной реформе не переставали говорить в течение всех 17 лет ее существования. За семь лет на вооружение Российской армии поступило всего 114 танков Т-90 (танк разработан еще в советское время, первые его образцы стали поступать на вооружение в начале 1990-х годов, уже после развала СССР) и 14 самолетов различных типов. И это при том, что программой на 2007–2015 годы планируется выделить 4,9 трлн. руб., т.е. ежегодно 625 млрд. руб. (около 17 млрд. евро). В 2008 г. на перевооружение выделено 368 млрд. руб. (около 10 млрд. евро)⁴. Но, выходит, расходуются они, мягко говоря, неэффективно. Здесь есть серьезные вопросы к нашему военному ведомству и ОПК.

Война в Южной Осетии четко вскрыла антироссийскую сущность НАТО. Никакой критики, никакого осуждения в адрес Саакашвили (впрочем, за что ругать грузинского лидера, если он действует в том же русле, что и НАТО?). Весь обличительный гнев обрушен на Россию. Но главное – начато срочное «возмещение ущерба», понесенного Грузией в военной технике и вооружениях. Грузию срочно готовят к новой войне – не за «освобождение оккупированных территорий, а против России, осмелившейся пойти наперекор альянсу в его экспансионистских планах. И поэтому самый главный военный итог этой войны в том, что становится реальностью новая «холодная война», возрастает угроза военного противостояния в Европе, вновь замаячил на горизонте призрак большой ядерной войны, канувший, еще недавно казалось, в прошлое. Россию в качестве предупредительного шага «наказали» тем, что приостановлены заседания Совета Россия – НАТО. Орган этот, созданный в 1997 году, за 10 лет своего существования показал свою почти полную бесполезность – он не снял ни одной озабоченности России, связанной с расширением НАТО и приближением ее военных группировок к границам нашей страны. Совет Россия – НАТО (СРН) – это, скорее, дополнительный рычаг давления на нашу страну. И поэтому решение Минобороны России о прекращении контактов с НАТО в военной области можно только поддержать, но нельзя прекращать диалог с Европой.

Что касается НАТО, то, как отметил российский президент, «если Россия и НАТО скажут друг другу до свидания, трагедии не произойдет».

7. И, наконец, главное, чего можно ожидать в ближайшей перспективе, как эта война, и особенно признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, скажется на отношениях с США, Европой, как повлияет на положение России на мировой арене? Пессимистических и даже мрачных прогнозов на этот счет довольно много. Думается, такой пессимизм в целом оправдан. Россия действительно вступает в очень сложный период. Ее постараются втянуть в новую «холодную войну», «окольцовывают» недружественными режимами от Балтики до Южного Кавказа. В дальнейшем можно ожидать попыток наращива-

⁴ В.Смоленцев. Война вчерашнего дня // «Завтра», №35(771), август 2008 г.

ния антироссийских мотивов в политике стран Центральной Азии и Монголии. События последних лет в Узбекистане и Киргизии, а также недавнее обострение внутривнутриполитической борьбы в Монголии можно считать первой пробой сил в этом направлении.

Война в Южной Осетии и решительная политика российского руководства, признавшего независимость этой республики и Абхазии, использована Вашингтоном и Брюсселем для создания единого антироссийского фронта Запада. Формироваться он начал усилиями США задолго до поражения их ставленника Саакашвили в Южной Осетии. В настоящее время этот фронт начал приобретать вполне конкретные политические очертания – в Европу срочно вылетела Кондолиза Райс, затем последовал созыв внеочередного заседания Совета НАТО, саммит ЕС, заявление Парламентской ассамблеи Совета Европы и т.д.

В целом же судьба Грузии и ее президента Саакашвили в этой атмосфере уже отошла на второй план. Надо полагать, выводы некоторых экспертов о том, что война в Грузии спровоцирована республиканской администрацией Вашингтона в преддверии президентских выборов, не лишены здравого смысла. Их кандидат Маккейн на поднявшейся волне антироссизма сумел не только сократить разрыв от демократа Обамы, но и опередить его (по некоторым оценкам, на 5–6%). Пока еще действующей вашингтонской администрации сейчас крайне важно «победить» Россию. Если же после провала в Ираке, «паутины» Афганистана, скатывания на 10 лет назад в ближневосточном урегулировании, очень туманной и опасной перспективы в Пакистане, потерпеть поражение еще и в Грузии, то республиканцам обеспечен провал на выборах и, скорее всего, на долгие годы переход на вторые роли на американской политической сцене.

Так что, скорее всего, напряженность в отношениях между Россией и США, в частности, и западным миром, в целом, будет нарастать. Это неизбежно.

Важным сдерживающим фактором явится экономика. Современная Россия глубоко интегрирована в мирохозяйственные связи, и главным их звеном является экономическое сотрудничество с Западом, прежде всего в сфере энергетики.

Лучшим выходом был бы политический диалог, который не исключал бы обсуждения международного статуса непризнанных республик и поиска действенных мер по разрешению конфликтов. Но в ближайшее время, можно предположить, не стоит ожидать снижения напряженности в отношениях России с Западом.

Однако в любом случае период, когда российское руководство беспрекословно или под нажимом следовало указаниям или принимало позиции США и Запада, закончился. Как России, так и Западу придется искать и выстраивать во взаимных отношениях новую линию поведения.

Российское руководство твердо заявило, что не собирается ни оккупировать, ни аннексировать грузинскую территорию. Оно намерено

твердо следовать принципу, что право выбора должно оставаться за народами Абхазии и Южной Осетии, и в случае необходимости защищать это право всеми доступными средствами.

Из нашей позиции по Южной Осетии несколько позднее родились пять принципов президента Медведева, которые, как предполагается, лягут в основу внешнеполитической концепции России на срок его каденции.

Первое. Россия признает первенство основополагающих принципов международного права, которые определяют отношения между цивилизованными народами. Второе. Мир должен быть многополярным. Третье. Россия не хочет конфронтации ни с одной страной мира и не собирается изолироваться. Четвертое. Безусловным приоритетом является защита жизни и достоинства российских граждан, где бы они ни находились. Пятое. У России, как и у других стран мира, есть регионы, в которых находятся привилегированные интересы⁵.

Будем надеяться, что Россия вступит в новый политический век государством со зрелой, взвешенной внешней политикой, свободной от иллюзий и откровенной глупости 1990-х гг. Понимание собственных интересов поможет российскому руководству структурировать свои усилия на международной арене. По крайней мере, после южноосетинского кризиса наша страна впервые попыталась заявить о себе как о вполне самостоятельной политической единице, способной твердо выражать свою волю на международных форумах и готовой защищать свои интересы.

Конечно, в позиции России по Южной Осетии не все гладко. Массовая выдача российских паспортов населению Абхазии и Южной Осетии, имея в дальнейшем целью защиту «российских граждан» на территориях, которые кремлевские власти долгое время признавали грузинскими, выглядит в глазах мирового сообщества сомнительно, тем более, что «темные стороны» этого метода всюду используются западными политиками, идеологами и пропагандистами. Но Россия, что бы там ни говорили на Западе, все эти годы чувствовала ответственность за народы бывшего СССР, особенно те из них, которые оказались изгоями на собственной территории, и пыталась помочь им, даже находясь сама в довольно сложном экономическом положении.

Что касается непосредственно Южного Кавказа, то его страны вновь могут стать заложниками разгорающейся в регионе политической борьбы великих держав и первыми жертвами в случае каких-либо военных столкновений.

После войны в Южной Осетии в регионе еще более явно обозначились две и ранее бытовавшие здесь тенденции.

⁵ Интервью президента Российской Федерации российским телеканалам «Первый», «Россия», НТВ 31 августа 2008 г. <http://osinform.ru/history/8526-pjat-principov-vneshnejj-politiki.html>

Одна из них – решение территориальных проблем силой оружия. И в этом отношении можно ожидать дальнейшей милитаризации региона, в которую основной вклад внесут США и некоторые другие страны Запада. Но не останется в стороне и Россия, руководство которой твердо заявило о своей поддержке, в том числе военной, Абхазии и Южной Осетии.

Другая тенденция, которую в определенном смысле можно считать положительной, заключается в том, что мир вынужден повернуться лицом к проблемам Южного Кавказа, которые дошли до точки кипения, и серьезно заняться решением конфликтов и проблем региона. Пускать их, как в последние полтора десятка лет, на самотек, лишь имитируя потуги к урегулированию, значит, создавать опасность не только для всей Европы, но и для всего мирового сообщества. Яркий пример – отторгнутый не без поддержки России и некоторых западных стран (таких как США, Франция и т.д.) силой от Азербайджана Нагорный Карабах.

Пока верх берет милитаристская тенденция. Но ее рост все же должен быть ограничен, так как большинство стран понимают бесперспективность и опасность подобного пути, который может довести лишь до большой войны.

* * *

Предлагаемое читателю очередное исследование Института стратегических оценок и анализа не претендует на полноту исследований и сделанных оценок. Но вместе с тем хочется надеяться, что оно будет полезно как для специалистов, профессионально занимающихся проблемами Южного Кавказа и постсоветского пространства, студентов соответствующих вузов, так и для всех других, кто интересуется процессами, происходящими на постсоветском пространстве после распада СССР.

Завершая предисловие, замечу, что авторы будут считать свою задачу во многом выполненной, если читатель после прочтения книги задумается над вопросами: что ждет нашу страну и наше общество впереди? Какое место Россия будет занимать в мире? Как будут развиваться отношения России с государствами Южного Кавказа, Украиной, другими государствами? И не закончился ли невыразительный период существования СНГ – образования, которое так и не сумело выработать жизнеспособную концепцию своего будущего? С какой стороны и какие угрозы ждут Россию и другие страны бывшего СССР? Какие угрозы могут быть созданы нами самими?

И такое бывало в непростой истории нашего государства.

Алексей Денисов, Николай Савкин, Павел Холоден

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Немного истории

Конец XX века принес заметное потепление международного климата, исчезновение или ослабление ряда глобальных угроз, прежде всего, таких, как крупномасштабное ядерное столкновение сверхдержав, «холодная война» и вооруженное противостояние двух антагонистических систем, истощавшее и без того быстро тающие ресурсы земной цивилизации, и др. Навсегда канул в небытие хотя и жестко сбалансированный, но далеко не безопасный мир, державший в напряжении человечество всю вторую половину XX века.

Однако начало нового столетия показало, что надеждам о наступлении «золотого века» пока не суждено сбыться. XXI век поставил человечество перед новыми вызовами и потребовал решения труднейших задач. Эти вызовы уже выходят за рамки тривиальной борьбы с угрозами, которые пришли на смену угрозам биполярного мира и которые в первые годы после завершения «холодной войны» считались главными опасностями для дальнейшего развития мировой цивилизации, – международным терроризмом, трансграничной преступностью и т.п.

К исходу первого десятилетия нового века речь все чаще идет уже о таких угрозах, как «война цивилизаций», «столкновение конфессий», об угрозах, связанных с истощением природных ресурсов и с обостряющейся год от года борьбой за быстро тающие энергетические ресурсы планеты и ее природные ресурсы – земельные, водные, лесные, а также полезные ископаемые. Иной масштаб в последние годы приобретают природные, экологические и техногенные угрозы планетарного или регионального масштаба. Можно, наверное, говорить и о таких относительно новых, опасных для общемирового развития явлениях, как информационный терроризм и информационные диверсии, а также о еще мало изученных угрозах, которые несет в себе пока еще не реализованное, но возможное единоличное глобальное доминирование одной сверхдержавы в технологической, информационно-идеологической, военной, культурной и других сферах общечеловеческого бытия.

Во всяком случае, мрачная политическая антиутопия Джорджа Оруэлла «1984» становится даже ближе сегодняшнему дню, чем она приближалась к дню вчерашнему. По-прежнему нависает над миром тень Большого Брата, который один знает «как, кому и сколько», и по-прежнему среди равных есть «более равные».

Вместе с тем надо отметить и такую негативную тенденцию, которая сопровождает формирование нового мирового порядка, как рост межгосударственных территориальных притязаний, «дробление» устоявшихся государств, усиление сепаратизма, в том числе в агрессивных его формах. Южный Кавказ – один из тех регионов мира, в которых эти процессы протекают в острых формах и наиболее бурно.

Разумеется, не все так плохо в наступившем веке. Он несет и немало позитивного, например, политическое потепление, сменившее полувековой период бескомпромиссной «холодной войны». Это расширение мирохозяйственных, экономических и культурных связей, более широкий доступ к знаниям, бурное развитие массовых коммуникаций, систем транспорта и связи, более свободное перемещение трудовых ресурсов и капиталов, позволяющее нивелировать многие негативные процессы, снижающие уровень жизни людей в отдельных странах и целых регионах. Это развитие и укрепление демократий и, следовательно, вовлечение все большего круга граждан в принятие государственных решений. Это, наконец, усиливающееся чувство общности человечества и его ответственности за судьбы цивилизации и пусть пока еще не очень заметное, но все же уже обозначившееся понимание необходимости более справедливого распределения материальных ресурсов и социальных благ, преодоления опасного разрыва между богатыми и бедными странами планеты и т.д.

Южный Кавказ в этом отношении, пожалуй, наиболее показательный регион. В нем, как в зеркале, отражаются как негативные, так и позитивные сдвиги и явления, присущие нынешнему этапу мирового развития. Наверное, не будет большим преувеличением сказать, что Южный Кавказ – это своеобразная миниатюрная модель современного мира со всеми присущими ему противоречивыми тенденциями. И в этом ценность и практическая полезность исследований проблем региона.

За пятнадцатилетний период, с 1992 по 2008 год, этот регион в своем, если можно так выразиться, геополитическом статусе прошел путь от «Советского Закавказья» (тесно связанных между собой общей идеологией, едиными политической, экономической и социальной системами трех союзных советских республик, в составе которых было пять автономных национальных образований: Абхазская и Аджарская автономные республики, Юго-Осетинская автономная область – в составе Грузинской ССР, Нахичеванская автономная республика и Нагорно-Карабахская автономная область – в составе Азербайджанской ССР) до «Южного Кавказа».

И если Кавказ в целом (как южная его часть, так и российский Северный Кавказ) всегда отличался этнической пестротой, то сегодня этот регион и в политическом плане представляет собой очень пеструю картину. Здесь на сравнительно небольшой территории сосуществуют три суверенных государства – Азербайджанская Республика (население около 8,6 млн. человек, площадь 86,6 тыс. кв. км), Республика Армения (население 3,3 млн. человек, площадь 29,8 тыс. кв. км) и Грузия (население около 4,6 млн. человек, площадь 69,7 тыс. кв. км с учетом Абхазии – 8,6 тыс. кв. км и Южной Осетии – 3,9 тыс. кв. км) и, по крайней мере, три самопровозглашенные республики Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах, но де-факто полностью отделившиеся от них.

Уместно хотя бы вкратце вспомнить исторические события начала 1990-х годов, когда распадался СССР и республики Советского Закавказья выходили на суверенный путь развития.

12 июня 1990 года РСФСР, а 16 июля – Украина объявили о своем суверенитете, открыв тем самым «официальный» парад суверенитетов.

Верховный совет Армении принял Декларацию о независимости 23 августа 1990 года. 21 сентября 1991 года в республике был проведен референдум о выходе из СССР (День независимости), по его итогам Армения официально провозгласила себя независимым государством.

В марте 1991 года был проведен референдум о сохранении СССР как федерации суверенных республик. Армения и Грузия (а также прибалтийские республики и Молдавия) отказались от проведения референдума на территории своих республик.

Верховный совет Грузии 9 апреля 1991 года принял т.н. «Акт о восстановлении государственной независимости». Грузия стала независимым государством.

Азербайджан объявил о своей независимости 28 августа 1991 года, официально стал независимым суверенным государством 18 октября 1991 года.

В октябре 1991 года Верховный Совет СССР предложил план создания конфедерации союзных республик, который отвергли Армения, Грузия, Азербайджан и прибалтийские республики.

В декабре 1991 года грянуло Беловежское соглашение, подписанное руководителями трех славянских республик СССР. Руководители ни кавказских республик, ни республик Средней Азии не были даже представлены в известность о готовящемся сговоре. Это подготовленное наспех, непродуманное ни по своему содержанию, ни по своим последствиям соглашение, легитимность которого у многих вызывала большие сомнения, положило конец мировой державе – Советскому Союзу.

Абхазия была провозглашена суверенной Абхазской Советской Социалистической Республикой в 1990 г. В апреле 1991 года, когда Грузия объявила о выходе из СССР, Абхазия заявила о намерении остаться в СССР. Разногласия между Тбилиси и Сухуми привели к затяжному вооруженному конфликту 1992–1994 гг., который был урегулирован в апреле 1994 года с участием России и при посредничестве ООН. С 23 июня 1994 года на территории Абхазии находятся «Миротворческие силы СНГ», представленные российскими военнослужащими. Независимость Абхазии провозглашена Верховным советом республики в связи с принятием 26 ноября 1994 года новой конституции и подтверждена в Акте от 12 декабря 1999 года согласно итогам предшествовавшего референдума. В 1995 году парламент Абхазии обратился с предложением о вхождении республики в состав Российской Федерации.

Совет Юго-Осетинской автономной области (ЮОАО) объявил о независимости и провозгласил Республику Южная Осетия в 1990 году. Этому предшествовал период напряженных отношений с Тбилиси, когда в 1989 году Совет ЮОАО принял решение повысить статус автономной области до автономной республики, а Тбилиси в ответ объявил о решении ликвидировать автономию и взял в длительную блокаду центр ЮОАО – г.Цхинвали. В течение 1991 года на территории республики периодически проходили вооруженные столкновения. Боевые действия были прекращены после подписания в 1992 году между Россией и Грузией Дагомьских соглашений. В зону конфликта были введены миротворческие силы в составе трех батальонов: российского, грузинского и осетинского (дальнейшее развитие событий рассматривается в отдельной главе).

В начале 1988 года резко обострились отношения между Азербайджанской ССР и Армянской ССР из-за Нагорного Карабаха и обстановка в самой Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО). Дело дошло до военных действий между Арменией и Азербайджаном. В итоге Азербайджан потерял значительную часть своей территории, включая Нагорный Карабах. 2 сентября 1991 года совместная сессия Нагорно-Карабахского областного и Шаумяновского районного советов народных депутатов провозгласила образование Нагорно-Карабахской Республики в границах Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) и населенного преимущественно армянами Шаумяновского района Азербайджанской ССР. 10 декабря 1991 года в НКАО был проведен референдум о независимости, а 6 января 1992 года провозглашена декларация независимости Нагорно-Карабахской Республики. 5 мая 1994 года Азербайджан и Армения подписали Бишкекский протокол о прекращении огня и перемирии. Весной 1992 года СБСЕ (с 1 января 1995 года – ОБСЕ) создает так называемую Минскую группу ОБСЕ по урегулированию конфликта, сопредседателями которой сегодня являются Россия, США и Франция.

Таким образом, распад СССР и политика Горбачева во многом провоцировали события на Южном Кавказе и способствовали зарождению там сепаратистских тенденций, рост которых и привел к существующей сегодня политической напряженности и вражде между отдельными его субъектами и территориями.

Однако разнообразие и особенности политической, этнической и конфессиональной структур Южного Кавказа не снижают его важности как целостного региона, играющего важную роль как в геополитическом, так и в геоэкономическом и в геостратегическом плане, а кое в чем даже усиливают весомость региона.

Геополитическая роль Южного Кавказа

Геополитическая роль Южного Кавказа действительно уникальна – как по его потенциалу, так и по географическому расположению.

В направлении «север – юг» он расположен между двумя наиболее подверженными перестройке, хотя и разной направленности, регионами мира.

С севера – это территория бывшего Советского Союза, на которой в последние 17 лет произошли и продолжают происходить перемены, связанные с кардинальной перестройкой всех политических, экономических, военных и идеологических систем и социальных укладов.

На юге Южный Кавказ примыкает к так называемому региону Большого Ближнего Востока, модернизация и реформирование которого, в силу целого ряда причин, является на сегодня одной из главных и труднейших задач всего мирового сообщества. Это кипящий котел, который оказывает все большее давление по многим направлениям, и, прежде всего, в северном направлении, на страны Южного Кавказа и Юго-Восточной Европы и через них на другие европейские страны.

Южнокавказский регион в этом отношении правомерно рассматривать неотъемлемой частью пояса из стран, относящих себя к западной цивилизации и в целом лояльно настроенных к политике, проводимой лидерами западного мира, в том числе Соединенными Штатами, частью своеобразного «банджа», разделяющего (и защищающего) благополучный и богатый Север от бедного и проблемного Юга. Но в то же время, в силу того, что определенная доля населения региона исповедует ислам, а также своего географического положения, страны Южного Кавказа находятся в более близких отношениях с государствами Большого Ближнего Востока. Такое промежуточное положение Южного Кавказа определяет его уникальные возможности как в реализации планов модернизации Большого Ближнего Востока (ББВ), так и в налаживании конструктивного диалога Большой Европы со странами мусульманского мира.

Надо также учесть, что южнокавказские республики, ранее входившие в Советский Союз, – это светские государства, намного более близ-

кие по своему «государственному менталитету» к западным странам, чем их южные соседи. Население их далеко не так религиозно, как население многих стран Ближнего и Среднего Востока, в значительной мере приобщено к европейской культуре и европейским ценностям, и поэтому эти страны могут служить своеобразным демпфером, то есть в какой-то мере ослаблять влияние религиозного фанатизма и экстремизма, исходящих из южных стран региона, препятствовать распространению экстремистских и фундаменталистских идей и течений и, в конечном счете, внести ощутимый вклад в модернизацию стран БВВ, в реализацию этого геополитического проекта глобальной значимости.

К тому же страны Южного Кавказа и Центральной Азии, которые теперь все чаще рассматриваются как северная оконечность Большого Ближнего Востока, значительно легче «демократизировать», чем остальные государства этого региона, тем более, что большинство из них были и остаются странами с достаточно развитыми демократическими институтами, которые за последние 15 лет независимого существования значительно приблизились к западным моделям. И эти страны, как рассчитывают их западные покровители и спонсоры, могут и должны послужить при поддержке их «демократического имиджа» западными правительствами и СМИ (как это наблюдается, в частности, в отношении Грузии) наглядным положительным примером для «трудных» стран БВВ.

В направлении «запад – восток» Южный Кавказ нередко рассматривается как центральная часть т.н. Средиземноморско-Черноморско-Каспийского региона, в который включают балканские государства, страны Юго-Восточной Европы, собственно Южный Кавказ и страны Центральной Азии. В частности, проблемы этого протяженного пояса, представляющего южную часть Большой Европы, явились предметом серьезных исследований и обсуждены на ряде международных конференций последних лет с участием Института Европы РАН, Института стратегических оценок и анализа, Ростовского госуниверситета, представителей аналитических центров стран Южного Кавказа и Центральной Азии, балканских стран и стран Юго-Восточной Европы¹.

И еще одна особенность Южного Кавказа, несущая важную геополитическую нагрузку. Не секрет, что определенными силами на Западе Южный Кавказ рассматривается как часть «санитарного кордона» («железного моста») от Балтики до Каспия и – далее – до китайской гра-

¹ Юго-Восточная Европа и Россия. Проблемы Средиземноморско-Черноморского региона. Изд-во «Огни ТД». Москва, 2005; Средиземноморье – Черноморье – Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком. Институт Европы РАН, Институт стратегических оценок и анализа. Москва, 2006; Черноморское сотрудничество: на пути к партнерству XXI века. Институт Европы РАН, журнал «Вестник аналитики». Москва, 2007. Материалы конференций опубликованы также в журнале «Вестник аналитики» №2–2005, №3–2007.

ницы, который пытаются выстроить вокруг России и тем самым нейтрализовать ее попытки восстановить, хотя бы частично, свое бывшее влияние. Но к чему это приводит? Прежде всего, к росту опасений России за свою территориальную целостность. Трудно отделить Южный Кавказ от республик Северного Кавказа, входящих в состав Российской Федерации. Серьезным раздражителем для России в этом отношении может стать не только подогреваемая извне активизация сепаратистских сил в северокавказских республиках, но и распространение аналогичных процессов на другие республики Южного и Центрального федеральных округов России.

Нельзя, очевидно, сбрасывать со счетов и психологический фактор.

Во всех странах Южного Кавказа исторически всегда было сильно влияние России. Это касается как цивилизационного влияния, так и экономики, социальной и культурной сферы. С помощью России Азербайджан, Грузия и Армения превратились в индустриальные страны с высокотехнологичным и конкурентоспособным промышленным потенциалом, который вносил весомый вклад в общий промышленный потенциал СССР, с развитым аграрным сектором. В них была создана передовая по тем временам система образования, подготовки научных и инженерно-технических кадров, здравоохранения, социального обеспечения, национальная культура. Братские, дружеские связи между народами Российской Федерации и кавказскими народами были далеко не пустым звуком. Они и сегодня играют заметную роль во взаимоотношениях наших народов.

Но вместе с тем реализация планов по строительству «мостов», «кордонов» и прочих заградительных объектов геополитической архитектуры на западных и южных границах России, втягивание государств Южного Кавказа и других государств СНГ в военно-политический блок НАТО неизбежно требуют соответствующей обработки их населения, подготовки общественного мнения. И этот процесс, как правило, сопровождается формированием образа России если и не как враждебной, то, во всяком случае, недружественной страны. Это отчетливо видно на примере прибалтийских стран. Сегодня такой же процесс наблюдается на Украине.

В странах Южного Кавказа подобная недружественная по отношению к России стратегия усиливалась и продолжает усиливаться теми ошибками в отношении кавказской политики в целом и отдельных республик, в частности, которые были допущены во времена Горбачева и Ельцина и многие из которых сохраняют свое деструктивное воздействие и сегодня, неспособностью урегулировать тамошние конфликты, вялой кавказской политикой Москвы, ее слабой и неоперативной информационно-пропагандистской работой с населением Южного Кавказа. И этот психологический фактор потенциально усиливает взаимную недоброжелательность, способствует даже росту вражды между некогда

братскими народами и тем самым надежно и на долгие годы закрепляет тот геополитический расклад, который создается сегодня на Южном Кавказе определенными западными силами и который, по большому счету, не выгоден ни России, ни кавказским государствам.

Без соответствующей идеологической обработки населения, без поддержки большинством граждан антироссийских мотивов в политике, проводимой правящей элитой государства, все эти заградительные и сдерживающие «российскую имперскую политику» «сооружения» и функции ничего не будут стоить. Ведь для России опасно не только членство Грузии в НАТО. Главная опасность в том, что грузинскую армию (в первую очередь) и грузинский народ целенаправленно приучают (да и уже приучили, если судить по результатам социологических опросов) к мысли, что Россия – главный враг Грузии.

Понятно, что, помимо угрозы нарушения территориальной целостности России, попытки создать вокруг нее «санитарный кордон» несут в себе и иную, даже более реальную угрозу – изоляцию страны от исторически сложившихся районов ее жизненно важных интересов, искусственный разрыв связей со странами так называемого ближнего зарубежья, ослабление политической и экономической независимости страны и подрыв ее суверенитета. И в этом смысле суверенитет, помимо всего прочего, – «это синоним конкурентоспособности». Так что «строительство» вокруг России подобных «заградительных укреплений» в виде насаждения в соседних странах прозападно ориентированных и недружественно настроенных в отношении России режимов несет в себе, помимо геополитической, еще и геоэкономическую нагрузку.

Надо подчеркнуть, что речь идет не просто о прозападной ориентации государств Южного Кавказа. В российской политической элите, по крайней мере, в большей ее части, как и у представителей официальных властей России, сотрудничество государств Южного Кавказа с Западом отнюдь не рассматривается как проявление враждебности к России. В конце концов, у российских властей существует твердое понимание, что сотрудничеству с западными странами, с Евросоюзом, с НАТО альтернативы сегодня нет, что конфронтационный путь с Западом для современной России, как и для государств Южного Кавказа, неприемлем. Именно на этом в последние два десятилетия строится политика России в отношении США и стран Европы, общеевропейских и евроатлантических институтов. Но речь идет о неприемлемости такой прозападной политики, которую пытаются строить на антироссийском фундаменте, как это наблюдается, в частности, в политике нынешнего руководства Грузии. Азербайджан и Армения также в своей официальной внешней политике активно сотрудничают с западными странами и институтами, в том числе с НАТО, но не отталкиваясь от России, а поддерживая с ней нормальные, дружеские связи и пытаясь решать возникающие двусторонние проблемы спокойно, без излишних истерик и без антироссийс-

ких информационных атак по политическим или дипломатическим каналам или за столом переговоров.

В этой связи стоит напомнить, например, что Г.Алиев в начале своего правления приложил немало усилий для того, чтобы решить совместно с Россией две важнейшие проблемы – урегулировать конфликт вокруг Нагорного Карабаха и начать совместную разработку каспийских углеводородных месторождений. Однако ельцинское руководство внятного ответа на поставленные вопросы и выдвинутые предложения не дало. На встрече с Черномырдиным азербайджанский президент с горечью воскликнул: «Когда мы обращаемся к вам с предложением о морских месторождениях, вы тянете, говорите о сложностях, отсутствии средств, технологий и еще бог знает о чем. Не получив поддержки, мы обращаемся к американцам, тогда вы являетесь и говорите, что этого нельзя делать. Чего же вы хотите?!» Можно было бы привести и другие факты о, мягко говоря, нерасторопности российской политики, которая фактически подталкивала находившееся тогда в крайне тяжелом экономическом положении азербайджанское руководство искать поддержки на Западе, который и не преминул вцепиться в Алиевых мертвой хваткой.

Неоспорима и геополитическая значимость для Южного Кавказа тех событий, которые разворачиваются вокруг Косово и выходят далеко за рамки Балканского региона. В Косово создается важный международный прецедент, он может сказаться не только на ситуации, которая складывается вокруг самопровозглашенных республик Южного Кавказа, но и, в конечном счете, может способствовать новым геополитическим катаклизмам и новому переделу мира, окончательному слову всего того позитивного, чего добились государства Европы после завершения «холодной войны». Южный Кавказ в этом смысле может стать одним из главных катализаторов этих дестабилизирующих процессов.

Геоэкономическая роль региона

Южный Кавказ является также заметным регионом в мировой хозяйственной системе. Его экономический потенциал позволяет утверждать, что в системе мирового хозяйства регион отнюдь не будет являться пассивным потребителем, но способен вносить свой вклад в мировую экономику, мировой научно-производственный потенциал.

Геоэкономическая роль региона определяется его энергетической ценностью. Прежде всего, это касается запасов нефти и газа Каспийского региона – Азербайджана на Южном Кавказе, прикаспийских государств Центральной Азии – Казахстана, Туркменистана, а также Узбекистана. Каспийская нефть и газ призваны к тому же обеспечить диверсификацию поставок углеводородов для Европы.

Кроме того, в силу своего выгодного географического положения фактически в центре Евразийского континента регион обладает уникаль-

ными коммуникационными возможностями. Его транспортные коммуникации – существующие и проектируемые – связывают Север и Юг, Запад и Восток. Тот, кто будет контролировать Южный Кавказ, получит возможность не только извлекать немалую прибыль и обеспечить себе одно из лидирующих мест в трансконтинентальных транспортных перевозках, но и решать в собственных интересах многие политические задачи.

Немаловажным является и то, что регион расположен между двумя морями – Черным на западе (Грузия) и Каспийским на востоке (Азербайджан). Здесь имеются неплохо оборудованные порты (на Черном море – Батуми, Потти, Супса и др.; на азербайджанском побережье Каспия – Баку, Ленкорань, проектируемый порт Аляты, строительство которого запланировано на 2008–2015 годы и который призван разгрузить международный морской порт Баку, а главное – обеспечить увеличение грузопотоков после завершения строительства железнодорожного пути Баку – Тбилиси – Карс) и соответствующая портовая и береговая структура, позволяющая осуществлять перевалку наливных и сухих грузов, а также контейнерную перевозку.

Еще одна важная особенность региона заключается в том, что страны Южного Кавказа обладают значительно развитым промышленным и научным потенциалом, достаточно профессиональными кадрами, развитой системой образования и подготовки кадров.

Но проблема в том, что тот немалый научный и производственный потенциал, который был создан в южнокавказских республиках в годы советской власти, с начала 90-х годов XX века, после выхода кавказских советских республик на путь суверенного развития, в силу целого ряда объективных и субъективных причин, был в значительной мере разрушен, частично деградировал и требует восстановления и модернизации. Особенно это касается таких стран, как Грузия и Армения. Азербайджан, основу экономики которого долгие годы составлял и составляет сегодня нефтяной сектор и который готовил и поставлял кадры нефтяников для многих нефтеносных районов Советского Союза, сумел сохранить значительную их часть и в этом отношении находится в несколько лучшем положении.

Геостратегическая значимость Южного Кавказа

Нельзя не отметить также и геостратегическую значимость Южного Кавказа, прежде всего, в связи с реализуемыми Вашингтоном планами «демократизации» Большого Ближнего Востока (которые, как показывает международная практика последних лет, не только не исключают применения военной силы, но и опираются на нее – Ирак, Афганистан, Иран и другие «непослушные» режимы).

Другим важным фактором является обеспечение военно-морского контроля над акваториями Черного и Каспийского морей. Над Чер-

ным морем США и другие страны НАТО уже сегодня установили свой практически полный контроль, особенно учитывая незавидное положение российского Черноморского флота. На Каспийском море, где еще недавно безраздельно господствовала Каспийская флотилия ВМФ СССР, такой контроль установлен над значительной частью акватории. При этом особенностью Каспийского моря в геостратегическом отношении является то, что сегодня здесь действуют военно-морские группировки всех пяти прикаспийских государств – помимо Азербайджана, также России, Казахстана, Туркменистана и Ирана. И, таким образом, бывшее столетиями мирным, Каспийское море имеет реальные шансы стать потенциально даже более конфликтоопасным, чем Черное море.

Геостратегическими «аргументами» при оценке Южного Кавказа являются также угроза распространения ядерного оружия, борьба с международным терроризмом, заслон на пути влияния Москвы и Пекина, который пытается выстроить Вашингтон и который не исключает, в числе прочих, принятия мер военного характера. К числу подготовительных мер такого плана относятся, в частности: оперативное освоение театра военных действий и развитие его оперативной инфраструктуры, содержание в странах региона военных группировок, военных баз и объектов – частично на постоянной основе, частично путем создания возможностей для быстрой переброски и развертывания здесь военных группировок, ведение разведки территорий и воздушного пространства сопредельных государств с использованием технических средств, размещенных в странах Южного Кавказа, а также все более тесное сотрудничество с НАТО, имеющее конечной целью включение всех государств региона в члены этого военно-политического альянса «с глобальной ответственностью», как он позиционирует себя в настоящее время и соответствующим образом строит свою политику и военную стратегию.

(Более подробно военно-стратегический фактор и проблемы безопасности рассмотрены ниже.)

Ведущие игроки на геополитическом пространстве региона. Краткая характеристика их интересов и целей

Южный Кавказ издавна привлекал ведущие европейские державы – Великобританию, Францию и Германию, которые на протяжении многих десятилетий, начиная с XIX века, имели здесь прочные позиции, что не мешало им остро конкурировать друг с другом.

Сегодня количество так называемых внерегиональных игроков на Южном Кавказе (особенно если учитывать страны Каспия в целом, т.е. некоторые государства Центральной Азии) заметно выросло и стало большим, чем в других регионах мира, – здесь присутствуют и наращи-

вают свою деятельность практически все ведущие центры силы современного мира. Эта особенность лишний раз свидетельствует о важности и уникальности Южного Кавказа в мировом геополитическом раскладе.

Россия тесно связана со странами региона давними историческими, экономическими, культурными узами. Вполне правомерно говорить о жизненно важных для России интересах на Южном Кавказе. Но вместе с тем надо отметить, что у Москвы как не было, так и нет цельной, просчитанной на длительную перспективу политики в отношении Южного Кавказа в новых условиях, когда приходится конкурировать за влияние со многими внерегиональными державами и другими центрами силы, действующими здесь все более активно и, главное, имеющими в регионе четкие цели.

В какой-то мере в этом играет свою негативную роль инерция прошлого. В свое время Россия пришла на Кавказ в войнах с Ираном и Турцией, причем это была не только борьба за сферы влияния, а силовая экспансия с целью расширения Российской империи, что обосновывалось необходимостью создания своеобразного пояса безопасности на южных границах. За многие десятилетия новые территории стали органической геополитической частью России. Революционные события начала XX века и последующий советский период внесли свои коррективы – бывшие национальные окраины Российской империи обрели одинаковые, пусть и усеченные, формы государственности, стали равноправной частью обширной федерации. Нельзя не видеть логического поступательного движения истории, подведшей эти государства, выросшие на русском социокультурном и экономическом фундаменте, к независимому существованию. И сегодня Россия ведет на этом геополитическом пространстве борьбу не за завоевание своих бывших земель, а за сохранение и укрепление своего влияния на Кавказе. Разница принципиальная, и она требует от российских властей новой политики на Кавказе, чего пока не наблюдается.

Среди части российской политической элиты даже бытует мнение, что проблемы Кавказа для сегодняшней России ненужная головная боль. Да и многие кавказские политики считают панацеей от всех проблем интеграцию в западные структуры и дистанцирование от России. Ошибочность подобных мнений очевидна. Кавказ – уникальный по своим геополитическим параметрам «мост», связывающий Север и Юг, Азию и Европу, ислам и христианство. Это может стать благом для народов Кавказа и России, но может быть использовано и во вред им, если Кавказ останется ареной соперничества. Ведь сегодня Южный Кавказ – это пространство пересечения геополитических и геостратегических интересов Российской Федерации и Соединенных Штатов, Евросоюза, НАТО, региональных государств – Турции, Ирана и других.

К сожалению, в последнее время тенденция соперничества заметно берет верх над разумным сотрудничеством.

Так, с приходом к власти режима Саакашвили резко обострились отношения Грузии с Российской Федерацией. Руководство этой страны, игнорируя все то доброе, что связывало наши народы, сознательно идет на обострение отношений с Москвой и, однозначно ориентируясь на США, держит курс на полную изоляцию от России. Москву обвиняют во всех смертных грехах. При этом забывается, что именно усилиями России было предотвращено массовое кровопролитие, распад Грузии и ситуация в этой стране не стала развиваться по югославскому сценарию.

Здесь уместно будет привести мнение А.Абашидзе, бывшего президента Аджарии, высказанное им в свое время в интервью газете «Русская мысль» (Париж): «Грузия в силу своего положения не может не иметь дружественных отношений со всеми сопредельными странами, она как бы в буфере между двумя вагонами, которые все время стучаются. ... Я за дружбу со всеми народами, в том числе и с Россией. Когда Грузия вошла в состав России, было 430 тысяч грузин, а когда вышла из Советского Союза – 5,5 миллиона. И не надо забывать, что все это время мы прошли на плечах России, что Россия помогла нам развивать и науку, и культуру, и экономику, и многое другое».

Справедливости ради надо признать, что и Москва за все годы независимости Грузии пока не нашла оптимальной формы общения с руководством в Тбилиси. Но ведь то, что озвучивает сегодня Саакашвили в отношении России, не ново, оно составляло идейную основу грузинских диссидентствующих интеллектуалов в течение длительного времени, а в период перестройки стало идейно-политической платформой грузинской оппозиции, на которую затем встал и Шеварднадзе. Грузинский национализм стал как бы общенациональной идеологией, а Саакашвили – всего лишь ярким реализатором политики вражды с Россией во имя «приобщения Грузии к западной цивилизации».

С Арменией Россия выстраивает отношения стратегического партнерства, что закреплено в Договоре о дружбе и сотрудничестве 1997 г. Москва фактически поддержала Ереван во время войны из-за Карабаха. Да и сегодня, чего греха таить, официально признавая территориальную целостность Азербайджана, РФ способствует росту военного потенциала Армении, оккупирующей значительную часть Азербайджана. Еревану поставляется российское оружие по льготным ценам, здесь дислоцирована военная база РФ. Поддерживаются тесные связи между политической и деловой элитами двух стран. Значительная часть промышленных предприятий, 80% энергетики республики контролируется российскими компаниями. Все этому способствует, как часто утверждается, влиятельная армянская зарубежная диаспора, с которой вынуждены считаться не только в Москве, но и в Париже, и в Вашингтоне.

Но нелишне заметить и то, что ссылки на влиятельные лоббистские силы при решении сложных межгосударственных проблем мало убеждают тех, против кого вольно или невольно действует политика подобных двусторонних дружественных союзов. В данном случае речь идет об Азербайджане, политическая элита которого в своем большинстве рассматривает стратегический союз Москвы с Ереваном как поддержку агрессивного курса Армении против Азербайджана – страны, потенциально дружественной России. Так, многие представители политического класса Азербайджана призывают российскую дипломатию определиться, что для нее имеет больший вес – национальные интересы Российского государства или же лоббистские возможности армян? Ведь, по сути, территориальные притязания Армении создают трудноразрешимый клубок проблем, следствием которых становится все более заметная политика отчуждения, проводимая Баку по отношению к Москве.

Отношения с Азербайджаном, на которые охлаждающее воздействие оказывала и продолжает оказывать позиция Москвы в отношении Нагорного Карабаха, в течение 1990-х годов оставались довольно напряженными. Только при президентстве В. Путина они несколько улучшились. Разрешен был целый ряд острых проблем, как-то: статус Каспия, Габалинская РЛС, более чем в 4 раза – до \$1 млрд. – вырос товарооборот. Улучшению отношений не помешала прозападная ориентация Баку с опорой на Турцию, курс на сближение с НАТО. Но камнем преткновения в межгосударственных отношениях остается проблема территориальной целостности Азербайджана.

В целом же надо отметить, что до сих пор не обозначена ясная стратегическая цель России в регионе, не определены ее интересы, без чего нельзя говорить о продуманной внешнеполитической стратегии. В Москве как бы не замечали, что в странах Южного Кавказа сформировались новая политическая элита и гражданское общество, далекие от стереотипов прошлого. Отношения с Россией признаются ими важными, но уже далеко не приоритетными. Характерно, что во всех странах Южного Кавказа нет более или менее влиятельных пророссийских партий или общественных движений. К тому же здесь сокращалась и теряла влияние русскоязычная прослойка и та часть национальных элит, которая была воспитана на политической культуре времен СССР. Москва равнодушно взирает на то, что русский язык перестал быть государственным, да и теряет перспективы как язык общения между нашими народами. В Азербайджане выросло поколение граждан, для которого русский язык звучит так же непонятно, как и немецкий или фарси. То же наблюдается и в других государствах Южного Кавказа. Стоит напомнить, что в Иране, где английский язык имел широкое распространение, муллокрации понадобилось 25–30 лет, чтобы этот язык был забыт.

Недооценка всех этих процессов является одной из главных ошибок российской политики в регионе и причиной снижающегося влияния

Москвы в странах Южного Кавказа. Так, население Грузии в последние годы, особенно в годы правления М.Саакашвили, фактически стало занимать враждебную позицию по отношению к России, ставя ей в вину раскол страны и поддержку «сепаратистских режимов» Абхазии и Южной Осетии, а ранее – «коррупцированного режима» А.Абашидзе в Аджарии. Результаты плебисцита, проведенного в Грузии в январе 2008 года одновременно с президентскими выборами, когда почти 70% принявших в нем участие избирателей высказались за вступление страны в НАТО, говорят, в частности, о том, что антироссийская позиция правительства поддерживается значительной частью населения республики.

Соединенные Штаты – один из наиболее влиятельных на сегодня внешних игроков на Южном Кавказе. Между Вашингтоном и Москвой все эти годы шло наиболее острое соперничество за Южный Кавказ как сферу влияния. И, если судить по итогам этого соперничества, Москва в нем пока является проигрывающей стороной.

Уже сегодня на Южном Кавказе влияние США заметно сильнее российского. Даже Армению, которая является членом Организации Договора о коллективной безопасности и позиционирует себя как стратегический партнер России на Южном Кавказе, в этом контексте вряд ли можно считать исключением, хотя пока прозападный крен в ее политике и не проявляется столь заметно, как, например, в той же Грузии. Мало в чем уступает Грузии и Азербайджан – стратегические интересы Баку как одного из главных «нефтедобытчиков» Каспийского региона все больше переориентируются на Запад, к тому же, как говорилось выше, в стране нарастает недовольство пассивной политикой РФ в отношении оккупировавшей его территории страны.

Таким образом, если роль Москвы в последние годы во всех странах Южного Кавказа снижалась, то влияние «западной» команды игроков во главе с США, наоборот, планомерно наращивалось.

«Мы должны укреплять наши глобальные союзы как ядро нового глобального компакта – Лиги Демократий, которая может использовать огромное влияние более чем ста демократических наций во всем мире, чтобы продвигать наши ценности и защищать наши совместные интересы», – заявил кандидат в президенты США Джон Маккейн, выступая со своей внешнеполитической программой 26 марта 2008 года в американском Совете по международным делам в Лос-Анджелесе.

Южный Кавказ как главная в Каспийско-Черноморском регионе ячейка такого «глобального компакта демократий», призванного подменить собой ООН, в модернизационных планах Вашингтона занимает особое место.

Во время своего первого визита в Польшу в июне 2001 года президент Буш выступил в Варшавском университете с концептуальной речью, в которой особое внимание уделил европейской и евроатлантической ин-

теграции, проблемам безопасности Европы. Составными элементами этой концепции должны были, в частности, стать расширение НАТО за счет приема в него государств постсоветского пространства, размещение американской системы ПРО в Европе. «Все европейские страны могут претендовать на членство в Североатлантическом союзе и ЕС, и здесь не может быть никаких ограничений – это наша жесткая принципиальная позиция», – заявил Буш, имея в виду, разумеется, и Украину, и, конечно же, государства Южного Кавказа, среди которых первоочередным кандидатом на вступление в альянс уже тогда считалась Грузия.

Вот как прокомментировал эту речь и американскую политику, реализующую ее положения, видный германский политик, бывший федеральный министр Эгон Бар, выступая на международном семинаре «Угрозы безопасности для Европы?», соорганизатором которого с российской стороны выступил Институт стратегических оценок и анализа (при поддержке Посольства России в ФРГ), а с германской – Семинар политических наук Геттингенского университета. «Когда президент Буш посетил Польшу со своим первым визитом, никто не представлял, что у США было твердое намерение навести жесткий мост между Балтийским и Черным морями. Тем не менее это намерение было реализовано. И, разумеется, на другой стороне Черного моря «всплыла» Грузия. И затем – Ближний Восток или Средний Восток, вплоть до Афганистана»².

Страны Южного Кавказа рассматриваются в США как основной геополитический плацдарм, опорная территория, которая используется в интересах реализации планов демократического реформирования государств БВВ, а фактически – для укрепления влияния США в Каспийско-Черноморском регионе (включая и Центральную Азию), важном для их национальной безопасности. Но чтобы эффективно выполнять эту функцию, страны Южного Кавказа сами должны были стать первоочередными объектами модернизации. Здесь, по замыслу Вашингтона, надлежит укреплять институты демократии и гражданского общества, обеспечить соответствующие права и свободы, взяв при этом за эталон западные, прежде всего американские образцы. На этих направлениях в последнее время заметно активизировалась деятельность Соединенных Штатов и межгосударственных объединений, в которых влияние Вашингтона бесспорно (того же ГУАМ). Помимо расширения и углубления контактов с официальными властями, поддержки многочисленных неправительственных организаций, идет целенаправленная работа с оппозицией в этих странах, которая, надо признать, приносит свои плоды.

Но надо заметить и другое. В ряде работ западных аналитиков высказывается разочарование итогами демократических преобразований в постсоветских государствах, в том числе на Южном Кавказе. В самих

² Сокращенная стенограмма российско-германского семинара опубликована в «Вестнике аналитики», №4, 2007.

же южнокавказских государствах укрепляется мнение, что «формализованная» демократия, внедренная, например, в Грузии и Азербайджане, является лишь прикрытием для решения США и Европой своих задач энергетического и глобалистского порядка. При этом такая «имитационная» демократия на деле устраивает и США, и местные правящие круги.

Еще один важнейший интерес США на Южном Кавказе – это энергетика, каспийские источники нефти. Каспийская нефть призвана обеспечить диверсификацию поставок нефти для Европы в обход России. А это значит, что контроль над краном, открывающим поставки каспийской нефти в страны Евросоюза, будет осуществляться Вашингтоном. Если к этому добавить, что контроль над значительной частью ближневосточной нефти также будет в руках американских компаний, то самостоятельная политика некоторых стран Евросоюза (как это было, например, в отношении войны в Ираке) будет сдерживаться серьезными экономическими ограничителями. Нефть и газ Каспия в руках Вашингтона – еще и действенное принудительное средство для скрепления евроатлантического единства при доминирующей роли США. Если во времена «холодной войны» эта доминирующая роль определялась т.н. советской угрозой, то теперь ей на смену приходят угрозы, связанные с энергетической безопасностью Европы, которую, как правило, увязывают с политикой России.

Но США – не единственный игрок в борьбе за нефтяные ресурсы региона. В этой борьбе участвуют Евросоюз и другие крупные мировые державы – Россия, Китай. В нее вовлечены, хотя и в разной степени, и региональные страны – Турция, Иран, Украина и др. Следовательно, можно ожидать дальнейшего обострения политической борьбы вокруг каспийской нефти, и эта борьба будет подкрепляться военными, финансовыми и иными ресурсами. Соответственно, будет повышаться роль стран Южного Кавказа в геополитическом раскладе мировых сил. И тут особое значение будет иметь формирование американскими «спонсорами» новых политических элит в странах Южного Кавказа, взятие под контроль конкретных политических фигур, которые могут стать гарантами политики переориентирования своих государств и в дальнейшем твердого удержания проамериканского курса. Этому процессу дан ход, и он в развитии. В этой связи обращает на себя внимание усиление компрадорских начал в официальной олигархии южнокавказских государств, укрепление ее связей с транснациональными корпорациями (ТНК), крупным бизнесом Запада. В этом причина совпадения позиций правящих сил в странах Южного Кавказа с американскими подходами по многим вопросам геополитики, региональной политики, активизации ГУАМ и т.п.

Надо учитывать и то, что Южный Кавказ может послужить для Вашингтона своего рода очередным (после Балкан и Косово) «испытатель-

ным» полигоном, на котором все эти годы отрабатывались и совершенствовались планы переустройства политических систем стран и замены тех режимов, политика которых не укладывается в предначертанные рамки «модернизации» мира, не отличается лояльностью Вашингтону или неуживаема ему чем-то другим. В этом отношении Южный Кавказ мог бы послужить для других стран благоприятным примером реформаторской деятельности американцев на пространстве бывшего СССР.

Неоспорима для США и военно-стратегическая важность Южного Кавказа: не только как удобного и надежного плацдарма на случай возможного силового воздействия на «строптивые» режимы БВВ и дальнейшей экспансии в Центральную Азию, но и как форпоста по сдерживанию «российской экспансии» и влияния Москвы в южном направлении. Определенные задачи здесь возлагаются на реанимацию ГУАМ – межгосударственного объединения Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы (хотя выход Узбекистана ослабил это объединение), а также на возможный новый союз стран Центральной и Южной Азии, в который могут войти все пять центральноазиатских республик СНГ, а также Афганистан, Пакистан, в последующем, возможно, Ирак, и который сотрудничал бы с объединением ГУАМ. Создание такого «компакта» решило бы ряд важных задач: дальнейшее отчуждение стран Центральной Азии от России; окружение Ирана лояльными Вашингтону странами; преграда для Китая на пути к иранской и каспийской нефти; реализация южных маршрутов транспортировки каспийских энергоносителей в страны Южной Азии и к терминалам Индийского океана; надежный барьер против угрозы создания «газовой ОПЕК» с участием России и Ирана.

«Опорной» страной такого плацдарма на Южном Кавказе Вашингтоном определена Грузия. Ей выделяется самая крупная на пространстве СНГ военная помощь. Так, в представленном 6 февраля 2006 г. Конгрессу США проекте бюджета 2007 финансового года объемы военной помощи составили: Грузии – 10 млн. долларов и 1,235 млн. долларов по программе международного военного образования и стажировки, Азербайджану – 4,5 млн. и 885 тыс. долларов, Армении – 3,5 млн. и 790 тыс. долларов. Объемы экономической помощи: Грузии – 58 млн. долларов, Армении – 50 млн. долларов, Азербайджану – 28 млн. долларов.

Особую активность в военной сфере сотрудничества с Грузией проявляют США и Турция, которые взяли контроль над реформированием и переоснащением грузинских вооруженных сил и за два года подготовили четыре батальона для грузинской армии. Турция взяла на себя обязательство подготовить и полностью укомплектовать пехотную бригаду, которая разместится в Ахалцихе и Гори.

В военно-стратегических планах США Южный Кавказ играет все более важную роль. Постепенно наращивается присутствие американских вооруженных сил в странах субрегиона. Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе американс-

кий генерал Джеймс Джонс на слушаниях в сенате в марте 2005 г., в частности, откровенно говорил о том, что Кавказ «в возрастающей степени» важен для интересов США. Генерал с обескураживающей военной прямотой заявил, что Пентагон считает Кавказ **«ключевой географической точкой в процессе распространения демократии и рыночной экономики в страны Центральной и Юго-Западной Азии»**. Отметив важную роль «передового базирования» вооруженных сил США в различных регионах мира, генерал Джонс разъяснил американским сенаторам: «В дополнение к сохранению наших традиционных линий коммуникаций и доступа, мы ищем доступ к новым объектам и свободе транзита к Черному морю, Кавказу, Ближнему Востоку и Африке для продвижения американских национальных интересов». К тому же Кавказ – идеальный воздушный коридор между европейскими базами США и их афганской группировкой – так считают в Пентагоне. Понятно, что этот же коридор, как и оперативная инфраструктура южнокавказских государств, будет использоваться в любых операциях – военных, гуманитарных и других, которые США и их вооруженные силы могут проводить в граничащих с Южным Кавказом или близлежащих регионах.

В американской правящей элите до сих пор продолжает господствовать убеждение, что с точки зрения всеобщей и региональной безопасности нельзя отделять Северный Кавказ от Южного. Следовательно, любая система региональной безопасности, которая, как надеются американские неоконсерваторы, будет выстраиваться под эгидой США или НАТО, должна так или иначе охватывать и Северный Кавказ, что для России, по понятным причинам, неприемлемо.

Но все же надо отметить и то, что в самих США имеются определенные разногласия между различными органами исполнительной власти относительно проводимой в регионе Южного Кавказа политики: по некоторым вопросам позиции госдепартамента и министерства обороны отличаются. Кроме того, по внутривнутриполитическим причинам особую (проармянскую) позицию занимает Конгресс США в отношении армяно-азербайджанского конфликта. Так что южнокавказскую стратегию США можно назвать в определенном смысле размытой.

Все активнее в регионе Южного Кавказа становится деятельность **Североатлантического альянса**. На саммите НАТО в Стамбуле летом 2004 г. Кавказ и Центральная Азия были определены альянсом как стратегически важные регионы. Лидеры альянса приняли на нем два важных решения: были назначены офицеры связи от НАТО для Южного Кавказа и Центральной Азии и спецпредставитель генерального секретаря НАТО в этом регионе. Этот пост занял американец Роберт Симмонс, который сохранил за собой должность заместителя помощника генсека НАТО по политическим вопросам и политике безопасности. Штаб-квар-

тира спецпредставителя НАТО по Южному Кавказу размещена в Тбилиси.

Приоритетное значение Кавказа для Североатлантического альянса, мандат которого теперь не ограничен географическими рамками, не раз подчеркивал и генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Схеффер (в частности, об этом им было заявлено в интервью армянскому агентству «Медиамакс» накануне его турне по странам Южного Кавказа в ноябре 2004 г.).

Начало контактам НАТО с республиками Южного Кавказа было положено еще в 1990 г. Именно в это время Организация Варшавского Договора (ОВД) и Североатлантический альянс проводили обсуждение Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Одной из ключевых проблем Договора были так называемые «фланговые вооружения», расположенные на территории Армении, Азербайджана и Грузии. В декабре 1991 г. был создан Совет североатлантического сотрудничества (ССАС). Образование этого Совета под эгидой НАТО привело к установлению более тесных политических контактов с бывшими странами – членами ОВД и новыми независимыми государственными образованиями Южного Кавказа. В 1992 г. бывшие республики Южного Кавказа стали членами ССАС. В 1994 г. Армения, Грузия и Азербайджан включились в проект НАТО «Партнерство ради мира» (ПРМ). В 1997 г. состоялся первый визит генерального секретаря НАТО (на тот момент Х.Соланы) на Южный Кавказ. В 1999 г. Грузия и Азербайджан, а в 2002 г. – Армения присоединились к натовской программе «Процесс планирования и анализа».

Все страны Южного Кавказа высказываются за евроатлантическую интеграцию, но реальная их политика на этом направлении различна.

Власти Грузии, не довольствуясь существующим уровнем партнерства с НАТО, неоднократно декларировали свою готовность незамедлительно вступить в альянс. С Североатлантическим альянсом власти Тбилиси связывают надежды на разрешение этнополитических и территориальных конфликтов в свою пользу.

Президент Грузии М.Саакашвили заявил, что Грузия вступит в НАТО не позднее 2009 года. После этого «страну будут защищать не грузинские вертолеты и танки, а десятки западных самолетов», и «наши бывшие «братья» уже не пересекут безнаказанно нашу границу», – заявил Саакашвили. (Хотя 2009 год является, скорее, желаемым для грузинского президента сроком и пока не подтверждается.)

На саммите НАТО в Бухаресте, прошедшем 2–4 апреля 2008 года, Грузия, как и Украина, не получила приглашения на вступление в альянс. Однако, как заявил в своем интервью накануне саммита корреспонденту Би-би-си генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Схеффер, касаясь проблемы Грузии и Украины, «вопрос не в том, получают ли они приглашение вступить в альянс, а в том, когда это произойдет». То есть

вопрос о том, что эти страны в самом скором будущем станут членами альянса, решен окончательно.

Наиболее серьезным препятствием для Грузии на ее пути в НАТО до сих пор являлось то, что Тбилиси утратил контроль над значительной частью своей территории – Абхазией и Южной Осетией. В этой стране имеются и другие районы, которые могут стать потенциальными источниками внутренней нестабильности и причиной обострения отношений с соседними государствами. Но официальные представители Вашингтона не раз заявляли, что конфликты с Абхазией и Южной Осетией не могут считаться непреодолимым препятствием на пути вступления Грузии в альянс. Более того, в конце июля 2008 г. (как раз в период спровоцированного грузинской стороной резкого обострения обстановки в Абхазии и Южной Осетии, к чему приложили руку США, оказывая открытую поддержку агрессивным действиям Тбилиси) руководитель отдела по европейским делам Госдепартамента США Дэн Фрид в интервью немецкой газете «Франкфуртер альгемайне» заявил, что США будут предлагать пригласить Украину и Грузию к Плану действий по приобретению членства в НАТО (ПДЧ) на встрече министров иностранных дел стран НАТО в декабре 2008 года. Отсутствие консенсуса в НАТО по этому вопросу не может служить препятствием для этого, считают власти США³.

Чуть позднее⁴ палата представителей конгресса США приняла резолюцию в поддержку расширения НАТО. В ней, в частности, идет речь о том, что НАТО начнет интенсивно сотрудничать с Украиной и Грузией, с тем чтобы положительно рассмотреть заявки этих стран о приеме в члены НАТО уже на встрече министров иностранных дел альянса в декабре 2008 года. И, как и следовало ожидать, в этой резолюции категорически отвергается «право вето» нечленов НАТО (фактически речь идет о том, что при решении вопроса о приглашении в альянс Украины и Грузии никакие озабоченности и тревоги России альянсом учитываться не должны).

Призывы вступить в НАТО раздавались и из Азербайджана, но в основном на неофициальном уровне. Нынешнее руководство этой республики занимает осторожную позицию и не спешит будировать вопрос о вступлении в НАТО, тем более что до урегулирования карабахской проблемы и восстановления территориальной целостности страны подобные запросы Баку наверняка были бы обречены на неудачу.

США и НАТО проводят активную политику по втягиванию в НАТО и Армении, которая приносит свои плоды. Тем более что и со стороны официальных лиц этой республики не раз звучали высказывания если и не о

³ На саммите НАТО в Бухаресте в апреле 2008 г. 6 стран НАТО, в том числе Германия и Франция, выступили против приглашения Украины и Грузии в НАТО.

⁴ Сообщения об этом появились в зарубежных СМИ 1 августа 2008 г.

смене военно-политического вектора, то, во всяком случае, о целесообразности более интенсивного сотрудничества с НАТО, что, в общем, и наблюдается в последнее время. Процесс этот, с точки зрения альянса, вполне логичен, «поскольку пророссийская Армения, оставаясь вне влияния НАТО, будет клином, вбитым между Грузией и Азербайджаном, с одной стороны, и Турцией – с другой. В качестве союзника же Ереван может предложить альянсу связующую роль и получить взамен серьезные дивиденды – как политические, так и экономические»⁵.

Между тем, оценивая возможности НАТО по урегулированию конфликтов на Южном Кавказе, надо учитывать, что на сегодняшний день сам альянс уже далеко не тот монолит, которым он был во времена «холодной войны». Распуск Варшавского Договора и особенно распад СССР обесценили НАТО как военно-оборонительный союз. Альянс оказался не готов в полной мере и к новым глобальным вызовам (международный терроризм, несостоявшиеся государства, резко возросший конфликтный потенциал, распространение оружия массового поражения и др.), что продемонстрировал опыт Афганистана в 2001 г. и Ирака в 2003 г. Две волны расширения и включения в альянс стран Восточной Европы и Балтии, далеко не отвечающих западноевропейскому уровню развития, сделали альянс более рыхлым, усилили в нем проамериканскую прослойку, что также не укрепляет консолидацию союза. Парадокс в том, что авторитет США как неформального лидера блока среди «старых» членов блока упал, но их влияние в блоке, возможности по проталкиванию выгодных Вашингтону решений увеличились. Поэтому рассчитывать на системный подход НАТО к разрешению этнополитических проблем Южного Кавказа не приходится. Понимание такого положения вещей растет и в странах Южного Кавказа.

О конфликтогенном потенциале региона следует сказать особо. Южный Кавказ вместе с примыкающими к нему северокавказскими субъектами Российской Федерации является сегодня наиболее конфликтогенной зоной на постсоветском пространстве. Без улаживания конфликтов и стабилизации обстановки здесь государства Южного Кавказа не смогут выполнить в полном объеме предначертанные им американскими и западными «покровителями» энергетические, коммуникационные и военно-стратегические функции. Под вопросом остаются и дальнейшие демократические реформы в этих странах по западным образцам. Поэтому активизация действий США, Евросоюза и НАТО на Южном Кавказе, которая наблюдается в последнее время, связана в том числе и с проблемой улаживания конфликтов. Тем более что миротворческая деятельность для США – удобный инструмент для того, чтобы держать под контролем регион, демонстрировать общественности южнокавказских стран, кто главный игрок в регионе и на мировой арене.

⁵ ИА «Росбалт», <http://www.rosbalt.ru/2004/08/14/173704.html>

Не в последнюю очередь миротворческая деятельность связана и с политической поддержкой лояльных Вашингтону кандидатов в президентских выборах кампаниях в странах Южного Кавказа.

На Западе все чаще, и уже не только на неофициальном уровне, высказывается мысль, что только международное вмешательство на Кавказе может стабилизировать обстановку в этом регионе. Со стороны грузинского руководства эти требования выдвигаются давно, вполне открыто и настойчиво, причем участие России в миротворческих операциях в Абхазии и Южной Осетии в Тбилиси отвергается. В Вашингтоне в этом отношении до поры до времени высказывались более осторожно, понимая, что без согласия и участия своих западноевропейских союзников и России задача эта обречена на провал. Но в последнее время, как раз в период обострения обстановки в зонах грузино-абхазского и грузино-южноосетинского конфликтов весной-летом 2008 года, вашингтонские власти открыто потребовали заменить российский миротворческий контингент в Абхазии и Южной Осетии на международные полицейские силы. Синхронность этих событий подтверждает искусственно раздуваемый характер этих конфликтов.

Надо отметить, что в последние годы США все более активно подключались к урегулированию конфликтов на Южном Кавказе. Так, в первой половине 2006 года высокопоставленные представители Госдепартамента США – руководитель департамента по связям с Европой Д.Фрид и спецпредставитель по конфликтам в Евразии, сопредседатель Минской группы ОБСЕ Стивен Манн провели серию переговоров в Баку, Тбилиси, Ереване, Анкаре и Вашингтоне. Скорее всего, эту новую волну активности можно объяснить попыткой Вашингтона решить проблему «непризнанных территорий» на Кавказе одновременно с определением статуса независимости Косово, но с принципиально иных позиций. В частности, в грузинских конфликтах главным тезисом является восстановление территориальной целостности этой страны. (В отношении Нагорного Карабаха и улаживания отношений между Азербайджаном и Арменией Вашингтон, похоже, за эти годы так и не смог твердо определиться.) Как рассчитывают США и другие западные участники процессов, протекающих на Южном Кавказе, урегулирование здешних конфликтов с возможным использованием международных миротворческих сил, помимо всего прочего, обеспечило бы более надежные «тылы», необходимые для оказания дальнейшего давления на Иран и другие нестабильные или не подчиняющиеся внешнему диктату страны и режимы Ближнего и Среднего Востока.

Препятствует осуществлению замыслов американских неоконсерваторов на Кавказе и продолжающийся конфликт между Арменией и Азербайджаном и нерешенность карабахской проблемы. Пока США и их союзникам не удалось найти форму приемлемого компромисса между Арменией и Азербайджаном. Дискуссия, развернувшаяся на

Генеральной ассамблее ООН в начале 2008 года вокруг азербайджанской резолюции по Нагорному Карабаху, продемонстрировала неготовность США сделать решительный шаг в сторону Азербайджана, несмотря на то, что отношения с ним в Белом доме не раз декларировались как стратегические. На практике же, как расценили это в Баку, позиция Вашингтона не многим отличается от позиции Москвы. Но критическая шумиха, поднятая в Азербайджане вокруг США, когда американская делегация солидаризировалась с Россией и Францией, проголосовав против азербайджанской резолюции, была быстро смикширована властями.

Оценивая объективно, разрешение карабахского конфликта представляется делом наиболее трудным из всех кавказских конфликтов. Об этом свидетельствуют безуспешные попытки найти решение этого конфликта со стороны ООН и ОБСЕ.

Еще в начале 1992 г. нагорно-карабахский конфликт попал в фокус внимания ООН. 17 марта 1992 г. в зону конфликта был делегирован спецпредставитель ООН С. Венс. По итогам своего визита Венс представил доклад генеральному секретарю ООН (на тот момент Бутрос Гали). В 1993 г. с резолюциями по карабахской проблеме неоднократно выступал Совет Безопасности ООН. В резолюциях № 822, 853, 874 и 884 содержались призывы к немедленному прекращению огня и выводу армянских сил из занятых ими районов. Основная направленность резолюций – подтверждение территориальной целостности Азербайджана и других государств Южного Кавказа.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на регулярные встречи представителей Минской группы (только в 1998–2001 гг. их было около 20) и выдвигание большого количества политических проектов разрешения конфликта, реального продвижения на пути к урегулированию и сегодня не наблюдается. Непримируемые позиции конфликтующих сторон и кризис доверия в отношениях между ними делают неэффективными усилия международных миротворцев.

В Азербайджане крепнет убеждение, что Минская группа превратилась в инструмент затягивания конфликта, скрытого потворствования агрессии Армении. Официальному Баку ничего не остается делать в такой ситуации, как периодически озвучивать воинственные заявления и заверять население, что военный баланс сил складывается в пользу Азербайджана. Из чего местные аналитики делают вывод, что, несмотря на американский крен в политике официального Баку, Россия продолжает оставаться фактором, с которым не может не считаться, по крайней мере на данном этапе, Вашингтон. И тем не менее в Баку, как на официальном уровне, так и в оппозиционных кругах, полагают, что перспективнее искать военно-политического счастья в западном направлении, точнее – американском.

Европейский союз (ЕС) в 1990-е годы стал одним из главных игроков на Южном Кавказе. Однако, в отличие от США и НАТО, ЕС в своей «кавказской политике» делает акцент не на военно-политическую, а на социально-экономическую сферу. Вторым приоритетным направлением ЕС является обеспечение стабильности в регионе, а также уважения и соблюдения «европейских стандартов» в области прав человека и демократических свобод. ЕС признал независимость Армении, Азербайджана и Грузии в декабре 1991 г. В 1994 г. Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) рассмотрела вопрос о перспективах взаимодействия с Арменией, Азербайджаном и Грузией. В 1995 г. Совет ЕС принял проект «общей позиции» по государствам Южного Кавказа, в котором подчеркивалась необходимость всесторонней помощи бывшим республикам Южного Кавказа в строительстве демократических институтов.

Все страны Южного Кавказа высказываются за европейскую интеграцию и считают это направление своей внешней политики одним из приоритетных.

Но в наибольшей степени «европейский характер» своей политики подчеркивает **Грузия**. В 1997 г. парламент этого государства принял «Концепцию укрепления стабильности общественной жизни, государственного суверенитета и безопасности, восстановления территориальной целостности Грузии». В этом документе подчеркивалась конструктивная роль европейских институтов. В 1999 г. президент Э.Шеварднадзе провозгласил европейское направление грузинской внешней политики одним из приоритетных. В начале 1999 г. Грузия была принята в Совет Европы, несмотря на неурегулированность двух межэтнических конфликтов. Тем самым признавался «европейский» демократический характер республики. В октябре 1999 г. состоялся визит главы Грузии в Германию, где он был принят не просто как глава иностранного государства, но и как «архитектор единой Европы» и «нового мышления». Через год Грузию посетил федеральный канцлер Германии Г.Шредер.

С приходом к власти команды Саакашвили устремления Тбилиси в ЕС были отодвинуты на второй план, основные усилия были сосредоточены на внедрение страны в НАТО. Тем более что к этому времени Брюссель ясно дал понять всем членам очередной волны кандидатов на вступление в ЕС, что прием в Союз прекращен на неопределенное время.

Азербайджан, по сравнению с Грузией и Арменией, наиболее часто удостоивался критики со стороны ЕС. Признавая факты движения республики в сторону демократии, представители европейских структур давали в целом критическую оценку политическому процессу в Азербайджане. Они неизменно отмечали многочисленные факты нарушения законодательства и злоупотребления властью со стороны чиновников всех уровней. Тем не менее лидеры республики, декларируя о необходи-

мости теснейшей интеграции с ЕС по всем направлениям, постоянно подчеркивали, что республика «осознает себя составляющим элементом новой Европы».

Но, несмотря на эти декларации, осознанной и проработанной политики интеграции в Баку нет до сих пор. В ЕС и Совете Европы нередко негодуют по поводу грубых нарушений прав человека, гонений на журналистов в Азербайджане, в Баку же отговариваются тем, что на Западе не понимают местных особенностей. Если забыть об энергетическом факторе, которым озабочена Европа, то окажется, что все предпринятое властями республики в отношении интеграции есть не более чем благое пожелание. Нередки случаи, когда на высоком правительственном уровне Европе выговаривают за ее замечания в отношении ограничения демократии, нарушения прав человека, обосновывая это своеобразием исторического момента, грузом проблем, доставшихся из прошлого, и т.п. Иногда даже европейцам выговаривают: мол, аналогичных проблем немало и у вас, положение в Азербайджане ничуть не хуже, чем у его соседей, Грузию тем не менее вы похваливаете, и т.п. Евростандарты, которые являются единственно верным критерием европейской интеграции, не утверждаются ни в экономической, ни в культурной, ни в общественной жизни.

Европейское направление стало одним из приоритетных и во внешней политике **Армении**. В январе 1994 г. состоялся визит главы парламента Армении Б.Аракчяна в Страсбург, а в сентябре того же года Армения приняла участие в заседании сессии Венецианской комиссии Совета Европы. В 1996 г. Армения первой из государств Южного Кавказа получила статус особо приглашенного в ПАСЕ. В последующие годы представители Совета Европы часто критиковали Армению за «неевропейский» политический стиль (усиление авторитарных тенденций во внутренней политике, а также отсутствие гибкости в деле карабахского урегулирования). Со своей стороны, представители политического класса и общественные деятели Армении критикуют европейские структуры за стремление навязать чуждые армянскому социуму представления (толерантное отношение к сексуальным меньшинствам, нетрадиционным религиозным объединениям и т.п.).

И все же надо отметить, что положение Еревана в плане выстраивания перспективных отношений сразу в трех направлениях – российском, американском и европейском – предпочтительней его соседей по региону. Официальная политика Армении дополняется работой сильных лоббистских центров, многообразными связями в столицах важнейших государств мира. Проигрывая в последние годы Азербайджану в дискуссиях международных организаций, Ереван тем не менее находит понимание своей неуступчивой политике на дипломатическом уровне и пользуется большой поддержкой на международном

уровне. Любопытный пример: попытки любой европейской страны как-то наладить отношения с Тегераном встречают резкий отпор Вашингтона. Отношения Армении со своим исламским соседом развиваются во всех направлениях и носят едва ли не дружеский характер, в то время как отношения Азербайджана с ИРИ, имеющего для этого больше возможностей и оснований, остаются натянутыми, периодически даже накаляясь. Несомненно, дает знать и дипломатическое искусство, но оно опирается на большее понимание в западноевропейских столицах.

Европейский союз по большинству ключевых вопросов, касающихся политики на Южном Кавказе и дальнейшего развития региона, стоит на позициях, близких США. При этом часто «военный кулак» США и НАТО и «мягкая сила» Европейского союза фактически дополняют друг друга, что дает синергетический эффект, сохраняется объективная взаимодополняемость ресурсов и намерений Соединенных Штатов и Европейского союза относительно расширения своего влияния в восточном направлении в целом и на Южном Кавказе в частности.

С расширением Евросоюза значимость Южного Кавказа для него возросла. В последнее время европейские эксперты все чаще подчеркивают, что нестабильность на Кавказе несет угрозу ЕС. Основные задачи в регионе, решению которых ЕС намерено уделять приоритетное внимание, следующие:

- развитие энергетического добывающего сектора и обеспечение транспортировки каспийских энергоресурсов на Запад;
- урегулирование этнополитических кризисов на Кавказе;
- построение демократического и правового общества в государствах Южного Кавказа.

Активизацию кавказской политики ЕС можно отметить с 2003 года, когда был назначен специальный представитель ЕС по Южному Кавказу (Хейке Талвитие, с 2006 года эту должность занимает Питер Семнеби). В июне 2004 года южнокавказские государства были включены в программу ЕС «Политика европейского соседства», которая направлена на развитие более тесных контактов с государствами, расположенными рядом с внешними границами Евросоюза. С 2007 года начато финансирование конкретных проектов в рамках этой программы, на что из бюджета ЕС выделяются существенные средства. Мероприятия, запланированные в рамках программы «Политика европейского соседства», станут основным инструментом ЕС по проникновению на Кавказ.

В то же время слабость ЕС, усиленно занимающегося выработкой общей внешнеполитической доктрины, в том, что по многим вопросам внутри этого Союза пока еще не сформулирована согласованная позиция. Кроме того, дальнейшая выработка единых подходов и расширение активности ЕС в Черноморско-Каспийском регионе осложняются обострившимися внутренними проблемами (провал референдумов по

принятию Конституции в 2005 г., принятие ее «усеченного» варианта в 2007 г., возникшие сложности с его внедрением в политическую практику ЕС) и противоречиями, возникающими между государствами – членами Евросоюза.

Вашингтон, со своей стороны, стремится направить ресурсы Евросоюза на стратегически выгодные для США проекты. (Так, он настаивает на вступлении одного из важнейших игроков на Южном Кавказе – Турции в ЕС.) В отношении энергоресурсов общие интересы США и ЕС – в обеспечении бесперебойных поставок каспийских нефти и газа через Азербайджан и Грузию (не исключая из этой схемы в будущем и Армению) в обход России.

Но важно отметить и то, что усиливается конкурентная борьба «западников» с другими игроками и центрами силы, ведущими свою политику в регионе. К чему приведет эта конкуренция и является ли она безусловным благом для стран региона – пока не ясно. Ожидаемого бурного притока инвестиций от конкурирующих сил, заметного экономического роста, подъема уровня жизни населения в большинстве стран региона пока не произошло. Уровень безопасности и стабильности также оставляет желать лучшего, и по сравнению с временами «холодной войны» он даже понизился. Войны в Афганистане и Ираке, нагнетание военной напряженности вокруг Ирана с возможностью еще одной войны в непосредственной близости от границ региона дают достаточно поводов для пессимистических прогнозов.

Война в непосредственной близости от стратегических энергетических коммуникаций крайне нежелательна как для Баку, так и Тбилиси и Еревана. Помимо конфликтов, на ситуацию в регионе могут повлиять повышенные ожидания от нефтедолларов, беспрецедентное обогащение малой части и нищета большей. Эта ужасающая социальная поляризация заставляет людей обращаться к религии, искать ответы в экстремистских идеях, а также приводит к массовой эмиграции и миграции.

Не так давно в Азербайджане были арестованы офицеры-ваххабиты, ставившие вполне экстремистские цели, открыто заявившие, что считают своим священным долгом вести джихад против США – главной угрозы мусульманам. Ничего подобного не имело место за все годы политики Азербайджана. Бросается в глаза омоложение числа верующих мусульман. Начинают действовать и другие факторы, например, оживляется диаспора, вновь формируются кланы. И хотя правящий клан жестко контролирует движение капиталов, дальнейшее обострение социальной напряженности не исключено.

Аналогичные проблемы внутреннего порядка присущи и другим странам Южного Кавказа.

Монолитность западных игроков, по большому счету, вызывает сомнения, и это не может не сказаться на их политике в регионе. НАТО иногда называют «силовым кулаком политики и экономики США». И в

этом есть определенный резон, учитывая влияние США в западном мире и нарастающую американизацию европейских институтов, особенно за счет приема в НАТО и ЕС стран Восточной Европы и Прибалтики, однозначно отдающих приоритет Соединенным Штатам в своей внешней политике. Не всем в Европе, особенно в западной ее части, это нравится.

Разногласия проявляются и в нефтяной политике. Единоличный контроль США над нефтяными месторождениями региона и маршрутами транспортировки нефти на Запад означает, что Вашингтон сможет диктовать условия потребителям нефти, в том числе и промышленно развитым странам Западной Европы.

Так что взаимодополняемость «мягкого» экономического ресурса ЕС и прямолинейного силового давления США эффективно работает не по всем направлениям. Остаются противоречия и по решению проблем в отношении самого Южного Кавказа. Так, для США этот регион важен прежде всего как «мост», соединяющий Европу (от Балтики) с Центральной Азией и Ближним Востоком, в то время как для Евросоюза более важно обеспечить, чтобы на «юго-восточном фланге Европы» (так иногда в Брюсселе называют этот регион) не возникало очагов нестабильности, откуда в Европу может хлынуть поток мигрантов, наркотиков, террористических элементов и т.д.

Тем не менее не стоит преувеличивать значение разногласий между странами ЕС (особенно между его членами из числа государств «старой» Европы). Сегодня вполне можно говорить о некоей единой геополитической модели западных стран в отношении Южного Кавказа, действующей на принципах атлантизма. Ее отличительные черты: единство энергетической политики, предусматривающей создание южнокавказского коридора поставок энергоресурсов на западные рынки, действующего в обход России; использование в общих интересах коммуникационных возможностей региона; проведение общей политики обороны и безопасности, которая в практической политике выливается во вступление стран Южного Кавказа и Центральной Азии в Североатлантический альянс; полное «выдавливание» России из региона – не только в политическом, но и в культурном отношении, ослабление экономических связей южнокавказских государств с Россией, идеологическая переориентация населения Южного Кавказа на Запад с использованием антироссийских и антирусских мотивов; недопущение в регион других игроков; использование Южного Кавказа как своеобразного двустороннего заслона, препятствующего как распространению российского влияния в южном направлении, так и исламского влияния в западном направлении.

Значительное место в палитре внешних сил, воздействующих на страны региона, занимает **Турция** – и как «южный якорь» НАТО, и как одна из наиболее влиятельных региональных держав, исторически стремящаяся к лидерству среди тюркоязычных стран и активно разви-

вающая партнерские отношения с Грузией. Правда, на территории этой страны у Турции есть и свои интересы, которые не могут не вызывать беспокойства Тбилиси. Это – мусульманское население Аджарии и Абхазии.

В отличие от США и стран Евросоюза, Турция является одним из старейших участников кавказской «большой игры». В XVI–XVIII вв. исторический предшественник Турецкой Республики – Османская империя – вела борьбу за доминирование на Кавказе с Персией, а в XVIII – начале XX вв. – с Российской империей. Значительная часть территорий нынешних государств Южного Кавказа в различные периоды входили в состав Турции. В начале 1920-х годов основатели современной Турецкой Республики и лидеры Советской России договорились о *status quo* в регионе. В годы «холодной войны» Турция была оттеснена от разрешения этнополитических проблем Кавказа. Она играла роль главного партнера США и натовского плацдарма на Юге.

После распада СССР в 1991 г. Турция вернулась в кавказскую геополитику. Такому «возвращению» способствовали, во-первых, образование независимого тюркоязычного государства – Азербайджанской Республики и этнонациональное самоопределение тюркских народов Северного Кавказа, а во-вторых, наличие многочисленной «кавказской диаспоры» в самой Турции. По турецким данным, на территории Турецкой Республики сегодня проживает порядка 7 млн. выходцев из Кавказского региона. По другим оценкам, эта цифра составляет порядка 2,5 млн. чел.

Как и в 1918–1920 гг., главным партнером Турции на Юге Кавказа стал Азербайджан. 16 декабря 1991 г. независимость Азербайджана была признана Анкарой. С приходом к власти в Азербайджане президента А.Эльчибея Турция рассматривалась в качестве объекта поклонения. Сам азербайджанский лидер называл себя «солдатом Ататюрка». В одном из интервью Эльчибей заявил: «У Азербайджана с Турцией особые, родственные отношения». Глава Азербайджана совершил визит в Турцию в ноябре 1992 г. Однако турецкие власти оказались не готовыми к равному партнерству с новым независимым государством, предпочитая традиционную роль «старшего брата». В ходе армяно-азербайджанского конфликта Турция оказала содействие Азербайджану. В 1993 г. была перекрыта армяно-турецкая граница. Однако полномасштабной турецкой военной интервенции в Армению, как в 1918–1920 гг., не могло произойти. Падение режима А.Эльчибея и Народного фронта Азербайджана (НФА) открыло путь к власти Г.Алиеву. Новый лидер республики, хотя и отказался от радикального пантюркизма, продолжил курс на сотрудничество с Турцией.

Г.Алиеву принадлежит формула азербайджано-турецкого братства, которая поддержана и Анкарой: «Один народ – два государства». Так было покончено с разного рода проектами неопантюркизма, едине-

ния, порожденными азербайджанскими тюркистами. Так удалось оградить молодую азербайджанскую государственность от турецкого поглощения, признаки которого явно проглядывали во времена А.Эльчибея. Отрезвляюще на азербайджанских тюркистов-романтиков подействовали и политические реалии нового мира, в котором они намеревались создать новое мощное тюркское государство, – Турция оказывала им посильную помощь, но ее военные возможности оказались ограниченными.

В 1994 г., выступая в Великом национальном собрании Турции, Г.Алиев подчеркнул стратегический характер взаимоотношений между Турцией и Азербайджаном. В 1990-е годы Турция взяла на себя роль доверенного лица Азербайджана в НАТО и других международных организациях. Значительную роль в развитии азербайджано-турецких отношений играет военное сотрудничество. Начиная с 1996 г. в Азербайджане регулярно работают турецкие военные советники, а в Турции проходят обучение и переподготовку азербайджанские военные.

С начала 1990-х годов, несмотря на определенные политические расхождения (абхазская проблема, репатриация турок-месхетинцев), интенсивно развиваются грузино-турецкие отношения. В 1998 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании в вопросах военного сотрудничества между Министерством обороны Грузии и Генштабом Турции. Данный документ предусматривал организационно-методическую помощь Турции в подготовке офицерских кадров для вооруженных сил Грузии. В начале 1999 г. столицу Турции посетил глава Грузии Э.Шеварднадзе.

Наибольшим драматизмом отличаются политические отношения между Турцией и Арменией. Главными причинами армяно-турецкого конфликта сегодня являются попытки Армении добиться международной оценки событий, имевших место в 1915 году и трактуемых ею как геноцид армян, с чем не может согласиться современная Турция, отрицающая факт геноцида. Отягощает отношения и проблема Нагорного Карабаха. Современная турецкая историография рассматривает события 1915 г. как «вынужденную депортацию» армян, оправданную, во-первых, условиями военного времени, а во-вторых, жестокостью армян по отношению к туркам и их нелояльностью властям Османской империи в ходе военных действий в Первой мировой войне.

Для официальной Анкары признание геноцида армян означает не только моральные потери. Оно может поставить под сомнение и законность границ Турецкой Республики, определенных Лозаннским мирным договором (1923 г.), и возврат к ситуации 1920 г. (Севрский договор). В случае реализации подобного сценария актуализируется проблема территориальной компенсации Армении. Уступки же Армении по Нагорному Карабаху будут означать не капитуляцию армянской элиты. Это будет добровольный отказ современных армян от собственной идентичнос-

ти, сформированной в борьбе за самоопределение ныне непризнанной республики. Так, во всяком случае, полагают идеологи «миацума» – движения за присоединение Нагорного Карабаха к Армении, с чем не могут согласиться ни азербайджанская, ни турецкая стороны, определяя такой подход как не согласующийся с международным правом.

Между тем в 1990-е годы со стороны армянских лидеров предпринимались попытки установления диалога с Турцией. В 1992 г. Л.Тер-Петросян встречался с С.Демирелем (в то время премьер-министром Турции). В ходе встреч обсуждались проблемы карабахского урегулирования. Однако обострение военной ситуации на карабахском фронте в 1993 г. и, в конечном счете, военное поражение Азербайджана привели к новому отчуждению между Турцией и Арменией. Анкара обвинила Армению в агрессии против Азербайджана и в поддержке курдских террористических организаций. Нельзя сказать, что со стороны Еревана не делалось попыток встречных шагов, направленных на преодоление взаимной отчужденности. В 1995 г. в выступлении, посвященном 80-летию «Егерна», Л.Тер-Петросян возложил ответственность за геноцид на режим «младотурок», а не на турецкий народ. Но после ухода с политической сцены первого президента Армении позиция официального Еревана стала более жесткой. Выступая на 53-й сессии Генассамблеи ООН, второй президент Армении Р.Кочарян попытался вернуть в сферу международной политики «армянский вопрос», «исключенный» из нее в 1923 г.

Вместе с тем следует отметить заинтересованность турецких региональных чиновников и бизнесменов в развитии экономических контактов с Арменией. Однако на сегодняшний день процесс армяно-турецкого примирения не приобрел системного характера и ограничивается лишь спонтанными акциями.

Важным игроком в регионе является **Иран**, который стремится проводить независимую от США политику. Он же обладает наиболее многочисленными среди стран региона, не исключая и страны Южного Кавказа, и хорошо оснащенными вооруженными силами и военно-морским флотом. (Турцию, которая и сама обладает мощными вооруженными силами и к тому же является членом НАТО, нельзя, конечно, сравнивать ни с одним государством региона.)

В древние времена и средневековый период различные территории современного Кавказа находились под властью персидских монархов. Иран – традиционный геополитический соперник Турции. В XVI–XVIII вв. Турция и Иран вели перманентные войны за доминирование в Кавказском регионе. Однако вытеснение Ирана с Южного Кавказа связано с политикой не Османской, а Российской империи. В результате серии русско-персидских войн конца XVIII – начала XX в. Россия установила свой контроль над Восточной Арменией и Северным Азербайджаном. Но и

после утраты прежнего влияния Иран остался важным участником кавказских политических процессов. В 1921 и 1940 гг. Иран и СССР подписали договоры, определившие статус Каспия.

Сегодня Исламская Республика Иран граничит с новыми государственными образованиями Южного Кавказа – Арменией и Азербайджаном. Современный Иран занимает важное геостратегическое положение. На юге он имеет выход в Персидский залив, а на севере занимает южный сектор акватории Каспийского моря. Вместе с тем Иран является одним из главных геополитических противников США. В Вашингтоне Иран рассматривается как «государство-изгой», страна «оси зла». Для исламского Ирана США являются «большим Сатаной».

В значительной степени американо-иранское противостояние имеет свое продолжение на Юге Кавказа. Постсоветская азербайджанская элита ориентирована на Турцию (традиционного союзника США) и Соединенные Штаты. Здесь внешнеполитическое влияние Ирана минимально. Более того, отношения между Азербайджаном и Ираном отличаются довольно высокой степенью конфликтности. Азербайджанские лидеры, включая президента И.Алиева, регулярно критикуют Иран за поддержку радикальных исламистов в Азербайджане и попытки заменить светскую модель власти в этом государстве Южного Кавказа на исламское государство. Другой «болевым точкой» во взаимоотношениях Азербайджана и Ирана является проблема Южного (Иранского) Азербайджана.

Стоит напомнить о том, что в ходе Второй мировой войны СССР удалось создать на территории Ирана Азербайджанскую демократическую республику. Республика погибла, но идея еще долго жила. Как ни странно, в советские времена об историческом воссоединении двух частей Азербайджана писалось и говорилось больше. Правящие круги независимого Азербайджана не вынашивают такого рода планов, дистанцируясь от сепаратистского движения в Иране, оппозиционные же силы в основном ориентированы на Турцию и считают иранскую муллократию противником всех тюрков. В то же время воссоединительных проектов и тут не вынашивается.

Более успешно развиваются взаимоотношения Ирана и Армении. Значительное влияние на позитивное развитие армяно-иранских отношений оказывает армянская диаспора Исламской Республики. Иранские армяне – лояльное этническое меньшинство, традиционно пользующееся покровительством властей Ирана. Несмотря на исламский характер своей государственности и перманентные апелляции к солидарности всех мусульман в «карабахском» вопросе, Иран занял благожелательную для армянской стороны позицию. Исламская Республика провозгласила принципы «равноудаленности» и приверженности политическому урегулированию проблемы Нагорного Карабаха. В укреплении взаимоотношений с Арменией Иран видит альтернативу односторонне-

му усилению на Южном Кавказе США и их союзника Турции. Есть тут и традиционный элемент иранского антитюркизма – ослабление Азербайджана, как и Турции, здесь принято рассматривать как традиционный элемент геополитики.

Ситуация, сложившаяся в последнее время вокруг Ирана, создает дополнительную напряженность в регионе Южного Кавказа. Многие наблюдатели не без основания связывают ужесточение политики Вашингтона в отношении Ирана, официальным поводом для которого стала ядерная программа Ирана, с намерением американцев поставить под свой контроль энергетические ресурсы Ближнего Востока и Каспия. ИРИ сегодня – единственное на субконтиненте государство, не подчиняющееся американской воле, к тому же с амбициями занять лидирующее положение в регионе Ближнего Востока и сплотить здесь антиамериканские силы. Американцы активно изыскивают возможности для расшатывания правящего в Иране режима, с тем чтобы заменить его на более «сговорчивый». При этом в Вашингтоне рассматривается комплексный вариант решения «иранской проблемы», который включает в себя как усиление экономической блокады и пропагандистской обработки населения Ирана, так и возможность проведения военной операции в отношении иранских ядерных объектов. Вторжения по типу иракского США, наученные горьким опытом Ирака, пока опасаются, хотя этот вопрос отнюдь не снимается с повестки дня. Но и «дистанционная» война с применением ракет и авиации никак не может ограничиться только ядерными объектами Ирана, она неизбежно потребует массированного удара по объектам государственного и военного управления, оборонительным системам, средствам ответного удара. Короче, потребует масштабных военных действий, которые наверняка выйдут за пределы Ирана и могут серьезно затронуть страны Ближнего Востока, Южного Кавказа и Центральной Азии. Американцев настораживает и ожидаемый морально-психологический эффект от такого удара – взрыв антиамериканизма не только в регионе, но и во всем исламском мире, где ИРИ занимает лидирующие позиции.

Следует учитывать и то, что в случае войны в Иране и неизбежного возникновения там гуманитарного кризиса потоки беженцев могут хлынуть на территорию Азербайджана. Опасен для Азербайджана и вариант спровоцированной внешними силами внутривосточной дестабилизации Ирана с подключением этнических проблем.

В настоящее время перспективы Южного Кавказа, а также будущее значение кавказского фактора в мировой политике и экономике находятся в прямой зависимости от того, каким образом будут складываться отношения между США и Ираном. В том случае, если Вашингтон все же решится пойти на силовое решение «иранской проблемы», это самым негативным образом скажется на положении Азербайджана и Грузии, затронет это и Армению. Заявления иранского руководства о том,

что в случае американских ударов по Ирану используемые США и их союзниками военные и энергетические объекты в Азербайджане и Грузии будут подвергнуты ракетным ударам, могут превратиться в реальность.

Активно участвует в делах Южного Кавказа и **Украина**, которая крайне заинтересована, во-первых, в каспийском углеводородном сырье, которое может частично ослабить зависимость Украины от российских поставок, во-вторых, в загрузке собственных портовых, перерабатывающих и трубопроводных мощностей (нефтепровод Одесса – Броды, о котором речь пойдет ниже, один из таких проектов), в-третьих, как участник сообщества ГУАМ, патронируемого Вашингтоном, в котором украинское руководство стремится занять лидирующее положение и играть роль основного проводника американской политики.

В целом ситуация на южных границах Южного Кавказа (помимо Ирана, напряженная обстановка сохраняется в Ираке, в недалеком Афганистане и в зоне палестино-израильского конфликта) складывается пока не очень благоприятной для мирного и стабильного развития региона и входящих в него государств. Опасность дальнейшей дестабилизации обстановки в некоторых странах региона остается довольно высокой, не исключена и опасность развязывания новой войны (в дополнение к войнам в Афганистане и Ираке) и нового длительного витка напряженности, заложником которого могут стать страны Южного Кавказа.

Вагиф Гусейнов, Александр Гончаренко

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Место региона в национальной энергетической политике Запада

На протяжении всего XX века нефть играла роль основного энергоресурса. Продолжается это и сегодня. Влияние нефтяных интересов на международные отношения в целом объясняется глубокой взаимосвязью геополитической проблематики с энергетической безопасностью развитых индустриальных стран. Постоянно растущее значение энергоресурсов в мировой политике вызывает новое обострение как скрытого, так и открытого противоборства между ведущими державами за контроль над ними. И в эти международные «игры» ныне активно вовлекаются страны – как обладатели энергоресурсов, так и транзитеры.

Безусловно, энергетика останется ключевым среди факторов, определяющих контуры будущего мира. Нефтяной бизнес, в том числе нефтедобыча, нефтепереработка и транзит нефти, является основным видом экономической деятельности для целого ряда государств. При этом для многих из них понятия «энергетическая политика» и «внешняя политика», по существу, синонимичны.

И если нынешние тенденции развития сохранятся, то можно согласиться с мнением экспертов Международного энергетического агентства (IEA), что мировое «энергетическое будущее выглядит грязным, небезопасным и дорогим», а рост потребления углеводородов в мире существенно увеличит геополитические риски и может привести к развитию новых региональных конфликтов.

С ростом цен на нефть произошло масштабное перераспределение природного сырья. По прогнозу IEA, к 2030 году общий мировой спрос на энергетическое сырье вырастет на 53% и не менее двух третей этого роста обеспечит увеличение потребления в развивающихся странах.

Ожидаемый всеми экспертами к 2020 году спад мировой добычи нефти особенно остро ставит вопрос о замене нефти как основного энергоносителя. Основные надежды здесь, естественно, связываются с углем и газом, запасы которых огромны. Однако экологические проблемы, связанные с использованием этих источников энергии, сдерживают мас-

штабы их применения. Экологически чистые же источники энергии обеспечивают в настоящее время лишь около 1% потребностей мировой энергетики и вряд ли намного увеличатся в ближайшие десятилетия. Атомная энергетика развивается, но весьма скромными темпами, термоядерная же, о которой так много говорится в последнее время, находится, по существу, в зародышевом состоянии.

Переход к постиндустриальному обществу, использующему высокие и энергосберегающие технологии, а также эффективные альтернативные источники энергии, похоже, займет еще не одно десятилетие. Поэтому и в XXI веке, во всяком случае, в его первой половине, будет действовать принцип, на котором долгие годы основывались международные отношения и держалась безопасность многих государств: «кто владеет нефтью, тот владеет миром».

Вполне понятно, что богатый запасами нефти Каспийский регион привлекает сегодня внимание ключевых потребителей нефти – в первую очередь США, ЕС и Китая, для которых проблема допуска на перспективные энергетические рынки становится проблемой выживания в условиях нарастающих кризисных явлений в мировой экономике.

С появлением на постсоветском пространстве новых независимых государств география нефтяных интересов ведущих государств мира значительно расширилась, охватив страны Южного Кавказа и Центральной Азии. Оценки потенциальных запасов углеводородов в Каспийском регионе весьма разнятся, но все эксперты сходятся в одном – в XXI веке Каспий будет занимать заметное место среди мировых источников энергоресурсов.

Кроме того, особую стратегическую привлекательность представляет геополитическое положение стран Кавказа. Уже в силу одного только этого стремление США и других западных стран экономически закрепить в богатой энергоресурсами зоне приобретает характер геостратегического проникновения в сферу, затрагивающую национальную безопасность России. Вся постсоветская история свидетельствует о том, что ведущие страны Запада, прежде всего США, стремятся вытеснить Россию из региона. В свою очередь Россия заинтересована в сохранении своего влияния на Южном Кавказе.

В настоящее время Южный Кавказ и Каспийский регион в целом из-за своего геополитического веса, геостратегических выгод и геоэкономической (прежде всего, энергетической) привлекательности становится регионом, где в наибольшей степени проявляется соперничество и борьба за влияние основных глобальных центров силы.

Во-первых, Каспийский регион имеет исключительно выгодное расположение в центре Евразии. Значительная часть конфликтных зон и зон с перманентной нестабильностью примыкает к Каспийскому региону или находится в непосредственной близости от него – Афганистан,

Ирак и др. Следовательно, возрастает геостратегический вес Каспийского региона как своего рода плацдарма, контроль над которым позволяет более эффективно влиять на протекающие процессы во многих из этих околоядерных или потенциально «горячих» областях.

С учетом развития ситуации на Ближнем Востоке значение региона поднимается до стратегического уровня.

Во-вторых, Каспийский регион имеет неоспоримую ценность как богатая кладовая минеральных запасов глобального значения. Прежде всего, это касается запасов нефти и газа.

По сегодняшним оценкам, каспийские углеводороды составляют от 4% до 9% от мировых запасов нефти. Это довольно важная доля в мировом энергетическом балансе. По совокупному объему запасов углеводородного сырья Каспийский регион может составить ощутимую конкуренцию главному поставщику нефти на западные рынки – странам Персидского залива. К тому же страны Каспийского региона более лояльны и управляемы по отношению к США, чем некоторые нефтедобывающие страны Персидского залива.

В-третьих, большую ценность стратегического значения Каспийский регион имеет как важный узел транспортных коммуникаций.

Энергетические ресурсы Прикаспия оказались в центре сложного узла сталкивающихся интересов многих стран. Говоря о влиянии геополитических факторов на формирование мировых энергетических рынков, нельзя обойти вниманием таких крупных игроков, как США, Евросоюз и Китай.

Сегодня США столкнулись с серьезными проблемами в плане обеспечения собственной энергобезопасности. Основные проблемы, стоящие перед энергетикой США, – общий дефицит энергоснабжения; растущая внешняя зависимость от поставок нефти; высокие цены на нефтепродукты; региональный дисбаланс спроса и предложения. Уже сегодня доля импортируемой нефти в суммарном ее потреблении в США составляет 55%. Согласно данным аналитического отдела министерства энергетики США, зависимость от импорта нефти и газа к 2025 г. значительно вырастет и вплотную приблизится к 70%.

Важнейший экспортер нефти в США – район Персидского залива (до четверти объема всего американского нефтяного импорта). Именно этот район отличается высокой политической нестабильностью, является зоной интенсивных регулярных военных конфликтов. США стремятся к постоянному экономическому, военному и политическому присутствию здесь для урегулирования политической и экономической ситуации.

Ситуация в энергобалансе Евросоюза складывается не менее напряженно. В настоящее время на долю российского газа приходится 26% его потребления в Европе и около 40% европейского импорта. При этом

собственное производство в Европе будет с каждым годом сокращаться, а потребность в импорте газа – нарастать. По имеющимся прогнозам, на европейском газовом рынке к 2010 г. рост потребления сверх действующих соглашений может составить порядка 100 млрд. куб. м. Эксперты прогнозируют, что дефицит природного газа в 15 странах – членах ЕС возрастет до 37 млн. тонн нефтяного эквивалента к 2010 г. и до 231 млн. тонн – к 2025 г.¹

Все эти тенденции развивались на протяжении длительного периода времени и уже в середине 1990-х гг. приобрели крайне острый характер для Запада. Одновременно в 1990-х гг. на мировой энергетической арене появились такие крупные потребители, как Китай и Индия. Темпы роста экономик этих стран АТР поставили вопрос о грядущем дефиците углеводородов и заставили Запад искать резервные источники энергетики. Выход был найден в реализации концепции реформирования Большого Ближнего Востока (ББВ), который известный американский политолог Збигнев Бжезинский назвал «Глобальными Балканами».

Главным побудительным мотивом политики Запада по модернизации Большого Ближнего Востока является его энергоресурсный потенциал. Но для реализации этих планов необходимо создать стабильную обстановку на маршрутах трубопроводов и других коммуникациях. И здесь просматривается четкая взаимосвязь процессов, развивающихся в Каспийском регионе и Южном Кавказе, с войной в Ираке, которую можно рассматривать как одну из превентивных мер по реализации долгосрочных планов США по обеспечению собственной, в том числе энергетической, безопасности.

С учетом «долгосрочности» планов по т.н. «демократизации» Ирака, Ирана, Саудовской Аравии и других государств ББВ, в первую очередь взоры США устремились на Каспийский регион, где в начале 1990-х гг. сложилась крайне выгодная для Запада геополитическая ситуация.

Для Азербайджана, Казахстана и Туркмении залежи нефти и газа – едва ли не единственный реальный источник средств для выживания, преодоления социально-экономических проблем. Не имея достаточных возможностей для освоения месторождений собственными силами, они взяли курс на сотрудничество с западными компаниями. В свою очередь, Грузия активно использовала то обстоятельство, что ее территория – кратчайший путь по доставке углеводородов Каспия на рынки Западной Европы через Турцию в обход России.

Руководство молодых государств региона решило разыграть «нефтяную карту», чтобы привлечь внимание Запада (в первую очередь США) и, заручившись его поддержкой, избавиться от опеки Москвы. Здесь не-

¹ П. Орехин, Балтийская мечта. // «Профиль», 11 сентября 2005 г.

обходимо отметить, что ключевые месторождения на Каспии были открыты еще во времена СССР, но не разрабатывались.

Западные страны сделали постарались по максимуму использовать сложившуюся ситуацию не только для того, чтобы «застолбить» за собой на будущее львиную долю каспийских углеводородов, но и создать подходящие геополитические условия для постепенного наращивания своего стратегического присутствия на этой части постсоветского пространства.

Одной из важнейших задач геополитического уровня для Запада стало создание и обеспечение надежной работы евразийского транспортно-го коридора, главной составной частью которого должен стать энергетический коридор. Обеспечив его функционирование, США могут решить с выгодой для нефтепотребляющих стран Запада, и, прежде всего, для себя, сразу несколько важных задач как геоэкономического, так и геополитического характера.

Среди чисто экономических мотивов:

- диверсификация источников экспорта энергоносителей;
- снятие актуальности проблем обеспечения энергобезопасности для западных потребителей;
- уменьшение зависимости от ближневосточной нефти;
- облегчение поставок каспийской нефти на мировой рынок, избежав пробок в проливе Босфор.

Среди политических:

- ослабить связи России с нефтегазодобывающими странами региона, предоставив им маршруты транспортировки энергоресурсов в обход России;
- направить нефтегазовые потоки в обход Ирана;
- создать основу независимой от России, но зависимой от США и Запада кооперации стран Южного Кавказа с последующим вовлечением в нее государств Центральной и Средней Азии, тем самым обеспечить долгосрочную привязку этих государств к интересам США в Каспийском регионе;
- ослабить собственную энергетическую зависимость от поставок нефтересурсов из Саудовской Аравии, тем самым получить на руки козырь в нефтяной игре с Эр-Риядом;
- усилить позиции ключевого транзитера каспийских углеводородов и своего регионального союзника – Турции.

Кроме того, прокладка трубопроводов по нестабильным в политическом отношении странам Южного Кавказа стала поводом для расширения присутствия вооруженных сил НАТО в регионе.

Как отмечает З.Бжезинский, «если Европа и США совместно не делают того, что требуется, чтобы добиться большей диверсификации доступа к энергии, Европа может стать политически уязвимой. Вот почему

для Запада важно получить доступ к энергетическим ресурсам Каспийского моря, а также в Центральной Азии»².

Выдвижение замысла направить нефть и газ с открытых на Каспии и в Центральной Азии месторождений на мировой рынок по неподконтрольному России маршруту мотивировали, прежде всего, геополитические интересы США и Великобритании. Именно эти две державы, действующие с конца XIX века на мировой арене, как правило, в тандеме, стремились, во-первых, максимально ослабить влияние России на Кавказе и в Каспийском регионе, во-вторых, поставить под свой контроль все поставки энергоресурсов и сырья с постсоветского пространства.

В итоге в регионе практически сразу же после распада СССР появились и влиятельные нерегиональные игроки в лице США, Великобритании, Франции, Германии, Японии, Китая и других стран, для которых каспийские углеводороды представляют несомненный интерес³.

Характерно, что со стороны США и их ключевых западноевропейских сателлитов на протяжении достаточно короткого времени был разработан и предложен ряд маршрутов по выходу каспийской нефти и газа на мировые рынки в обход России.

Некоторых успехов на этом направлении Евросоюзу уже удалось добиться. Введен в эксплуатацию нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан. По нему на мировой рынок будет поступать до 50 млн. тонн азербайджанской и казахстанской нефти. Начал функционировать газопровод Баку–Тбилиси–Эрзерум, по которому «голубое топливо», добываемое на азербайджанском месторождении «Шах-Дениз» на шельфе Каспия, стало поступать с июля 2007 г. в газовую систему Турции (на первом этапе будет получать до 6 млрд. куб. м). Этот газопровод должен стать звеном трубопроводной системы, по которому «голубое топливо» Центральной Азии будет перекачиваться через Турцию в Европу. Речь идет о проекте Транскаспийского газопровода и связанного с ним трубопровода «Набукко».

Ключевую роль в реализации трубопроводных проектов по экспорту газа в Европу играет Центральная Азия. ЕС собирается построить Транскаспийский газопровод (25–31 млрд. куб. м), наполнять который вместе с Азербайджаном и Казахстаном придется, по замыслу Брюсселя, Туркмении. Известно, что в мае 2008 президент Туркмении Г.Бердымухамедов заявил, что достижение договоренностей о строительстве Прикаспийского газопровода в Россию не снимает с повестки дня вопрос об учас-

² Збигнев Бжезинский (в прошлом советник президента Джимми Картера по национальной безопасности). Разговор со Збигневом Бжезинским // *Foreign Policy*, 25 октября 2007 г.

³ Гушер А.И. – руководитель Центра стратегического развития. Геостратегическое измерение проблем Каспийского моря. <http://www.e-journal.ru/besop-st2-22.html>

тии республики в возможном проекте Транскаспийского газопровода по дну Каспия. «Этот проект не снят», – сказал он, подчеркнув, что «во всем мире идет диверсификация маршрутов транспортировки газа»⁴.

Каспий и Центральная Азия остаются важнейшими стратегическими регионами и для России. И дело здесь не только в геополитическом противостоянии. Газ Центральной Азии играет важнейшую роль в энергобалансе России. В настоящее время «Газпрому» необходим центральноазиатский газ, чтобы полностью обеспечить имеющиеся контракты по поставкам в Европу. Об этом свидетельствует ежегодный рост объемов импорта российским холдингом газа из Центральной Азии, несмотря на его удорожание.

Нефтегазовый потенциал Южного Кавказа

Говоря о нефтегазовом потенциале региона, мы в первую очередь будем иметь в виду Азербайджан – единственное государство Южного Кавказа, обладающее значительными запасами углеводородов.

Экспертные оценки о размере запасов нефти и газа Азербайджана варьируются в широких пределах – от 1 до 6 млрд. тонн нефти и от 0,5 до 4 трлн. куб. м газа. По данным компании BP, доказанные запасы нефти в Азербайджане на конец 2007 г. составили 1 млрд. баррелей, запасы газа – 1,28 трлн. куб. м⁵. Анализ российских экспертов, с учетом всей имеющейся информации, позволяет сузить этот диапазон до 1,6–1,9 млрд. тонн нефти и 1–1,5 трлн. куб. м газа⁶.

Будущее и стабильность страны привлекают внимание наблюдателей по нескольким важным причинам. Ее стратегические позиции в системе мировых отношений определяются не только географическим положением на Кавказе и Каспийском море. В не меньшей степени роль Азербайджана стала ключевой с точки зрения мировой энергетической безопасности. Дело не только в собственной нефти Азербайджана – с построением нефтепровода Баку–Джейхан страна заняла важную позицию между центральноазиатской нефтью и газом и европейскими рынками с доставкой через Турцию.

Энергетическая политика и стратегия Азербайджана

Отправным пунктом в истории развития нефтяного дела в Азербайджане считается присоединение в 1813 г. Бакинского, Кубинского и Дербентского ханств к России. Доходы от добычи нефти стали важной статьей российского государственного бюджета. Первая буровая была

⁴ А.Диев. Европу манит восток. // «Красная звезда», 10 июля 2007 г.

⁵ BP Statistical Review of World Energy – 2008

⁶ Нефть и газ Азербайджана–2005. // «Нефтегазовая вертикаль», 6 апреля 2006 г.

установлена на Апшеронском полуострове в 1871 г. и в короткое время положила начало интенсивному промышленному освоению нефтяных ресурсов Азербайджана. На заре века это был один из основных нефтеносных регионов мира. Благодаря этому Россия обрела важную экономическую роль в международной нефтяной политике, составив успешную конкуренцию американским нефтепромышленникам.

Исключительно важную роль играл нефтяной комплекс Азербайджана и в последующем. В советские годы реконструкции, индустриализации и особенно в годы войны с гитлеровской Германией на долю Азербайджана приходилось более 75% производства нефти и нефтепродуктов в СССР.

Справедливости ради следует отметить и то, что именно в этот исторический период и был создан современный мощный нефтедобывающий, нефтеперерабатывающий, нефтехимический комплекс в Азербайджане. Со временем Баку стал терять свое нефтестратегическое положение в стране. Открывались новые месторождения, гораздо более богатые и доступные. По традиции некоторые из них назывались «второй» или «третий Баку».

Во времена Советского Союза промышленность Азербайджана была замкнута на экономику Центра. Поэтому ТЭЖ республики, по сути, был одним из элементов «системы топливных сообщающихся сосудов» СССР. А дефицит газа покрывался за счет поставок из других республик Советского Союза, в основном из России.

Распад СССР, повлекший разрыв налаженных экономических связей, поверг экономику Азербайджана в хаос. В нефтяной отрасли простаивала значительная часть эксплуатационного фонда скважин, был сокращен объем эксплуатационного и разведочного бурения, добыча нефти и газа стремительно падала. Сократилось производство продукции предприятий нефтяного машиностроения, которые раньше обеспечивали 70% потребности Советского Союза в нефтяном оборудовании⁷.

После распада СССР внешние поставки энергоносителей стали сокращаться, а затем и вовсе прекратились. Республика была вынуждена решать проблемы топливного рынка за счет собственных энергетических источников. В 2001 г. поставки газа из России в Азербайджан возобновились, что, конечно, помогло решить многие проблемы, порожденные дефицитом энергоносителей. Всего в 2001–2006 гг. республика импортировала из России более 25 млрд. куб. м газа.

Глубокий экономический спад Азербайджана начала 1990-х годов был вызван несколькими причинами. С 1990 г. производство, как и экспорт нефти, устойчиво сокращалось. Также на этот период пришлась фаза низких мировых цен на нефть. Экономика не располагала другими

⁷ История нефти и газа // «Нефтегазовая вертикаль», 5 июня 2006 г.

ресурсами, которые можно было бы задействовать в такой обстановке. Вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе усугубил ситуацию.

С целью проведения единой государственной политики в области нефтяной промышленности осенью 1992 года на базе Государственного концерна «Азеринетфь» и Производственного объединения «Азернефтехимия» была создана Государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики (ГНКАР).

В сферу деятельности ГНКАР входит разведка нефтяных месторождений на море и на суше, подготовка, переработка, использование и транспортировка нефти, газа, конденсата и продуктов их переработки, обеспечение спроса потребителей на энергоносители.

На закате века вместе с обретением самостоятельности Баку получил исторический шанс вернуть себе былую нефтяную славу и обрести влияние в международных отношениях.

В 1994 г. были предприняты первые реальные шаги по выводу страны из экономического кризиса. В отличие от других стран СНГ, эти шаги позволили достаточно быстро стабилизировать обстановку⁸. Они включали в себя, в первую очередь, либерализацию внешней торговли и принципиальное решение о приходе иностранного капитала в нефтегазовый комплекс.

На начальных этапах добыча нефти в Азербайджане устойчиво сокращалась, достигнув своего минимума в 1996 г. К этому привели истощение разработанных месторождений, отсутствие средств на модернизацию оборудования, а также фаза низких мировых цен на нефть. Однако с конца 1990-х гг. ситуация в нефтегазовой отрасли страны начала выправляться, и в настоящее время углеводородные запасы республики составляют «костяк» экономической политики и стратегии Азербайджана.

Свое будущее Азербайджан в значительной степени связывает с «большой нефтью» Каспия, вокруг которой в основном и строится вся геополитическая стратегия Баку, ориентированная на прорыв страны в элитные ряды мирового сообщества.

Нынешние азербайджанские власти рассчитывают на то, что по ходу реализации нефтяных проектов должно произойти постепенное оживление не только индустрии нефти, но и завязанных на нее других сфер производства, активизация соответствующих элементов инфраструктуры, подъем экономики в целом. Однако это возможно обеспечить лишь при условии усиления притока в страну инвестиций и кредитов.

Центральным элементом азербайджанской политики становится нефтяной фактор. Вдруг выясняется, что запасы углеводородов в Азербайджане являются «третьими по объему во всем мире». «Азербайджанский

⁸ См. *Л. Григорьев, М. Салихов*. ГУАМ – пятнадцать лет спустя: Сдвиги в экономике Азербайджана, Грузии, Молдавии и Украины, 1991 – 2006. – М.: Regnum, 2007 г., с. 55.

сектор» Каспия содержит 81 млрд. тонн нефти. «В ближайшие годы объемы капиталовложений в нефтяную отрасль Азербайджана составят 65 миллиардов долларов». Этими эйфорическими заголовками во второй половине 1990-х годов пестрели азербайджанские газеты и журналы, восхваляющие нефтяную стратегию.

Вокруг Азербайджана, ставшего в последние годы объектом активной региональной и глобальной политики, сложилась новая геополитическая ситуация, в условиях которой реанимируются традиционные и появляются новые формы угрожающей интересам России конкуренции на Южном Кавказе и в целом в Черноморско-Каспийском регионе.

Основной причиной, которая вызвала рост нефтяного сектора в Азербайджане, стало привлечение массивованных прямых иностранных инвестиций в предприятия, работающие по режиму СРП. Иностранные инвестиции в нефтегазовый комплекс, по сути, являются определяющими развитием всей экономики Азербайджана.

Переломным в развитии страны стал 1994 год, когда был подписан первый контракт СРП на разработку открытых еще в 1980-е годы месторождений Азери, Чираг и глубоководной части Гюнешли (проект АЧГ) в азербайджанском секторе Каспийского моря с участием 12 ведущих нефтяных компаний мира из 8 стран.

Первый контракт был подписан в Баку во дворце «Гюлистан» 20 сентября 1994 года, он был назван «контрактом века». Двадцатый – в сентябре 2000 года во время визита президента Азербайджана в США.

Крупными успехами нефтяной отрасли Азербайджана со времени подписания «контракта века» на разработку месторождения Азери–Чираг–Гюнешли стали получение в ноябре 1997 г. на данном месторождении первой партии «ранней» нефти и доведение ее суточных объемов добычи до 15 тыс. тонн, а также восстановление и сдача в апреле 1999 г. в эксплуатацию бездействовавшего еще с советских времен нефтепровода Баку–Супса вместе с терминалом на грузинском побережье Черного моря.

Доведение объема добычи нефти на месторождении Азери–Чираг–Гюнешли до 115 тыс. б/д (15 тыс. тонн) позволило Азербайджану в сентябре-ноябре 1999 г. получить 1,4 млн. тонн нефти общей стоимостью 215 млн. долл.

В страну потянулись другие большие и малые иностранные компании, начался приток инвестиций. Последующие годы стали свидетелями сменяющих друг друга эйфории и разочарований, противоречивых прогнозов и оценок, ухода ряда компаний из страны, острых геополитических дебатов.

Следующий крупный контракт, Шах-Дениз, был подписан в 1996 году. За ним последовали два пиковых года: ажиотажный спрос на нефтеперспективные объекты привел к заключению в 1997 и 1998 гг. 12 новых СРП.

За 1996–2007 гг. в Азербайджане было заключено 26 международных контрактов с участием около 40 компаний – от ведущих корпораций мирового значения, в том числе BP, ExxonMobil, Chevron, ConocoPhillips, Shell, Total, Agip, Statoil и др., до средних и мелких фирм с различных континентов⁹. Заметно участие японских компаний, которые вовлечены в пять проектов, в трех проектах участвуют китайские компании, ближневосточный регион представлен компаниями из Саудовской Аравии, ОАЭ, Ирана и Турции. Наиболее представительным можно считать присутствие компаний BP, Exxon и российского «ЛУКОЙЛа». ОАО «ЛУКОЙЛ» имеет 10% -ную долю в проекте разработки газоконденсатного месторождения Шах-Дениз и 80% -ную долю в проекте по разведке и разработке структуры D-222.

Пик подписания соглашений пришелся на середину 1997–1998 годов, объектами соглашений были преимущественно структуры на шельфе Каспия. В конце 1990-х годов интерес инвесторов к новым добывающим проектам в Азербайджане заметно снизился. В последующие годы, после серии неудач разведочного бурения на контрактных блоках, разочарование стало очевидным. 11 из 26 заключенных контрактов по тем или иным причинам к настоящему времени официально закрыты, приостановлены или заморожены.

Такая тенденция выдерживается до настоящего времени: с 2000 года контракты СРП заключаются исключительно на сухопутные месторождения и разведочные площади, и ни в одном из них крупные нефтяные корпорации участия не принимают.

Дав согласие на участие западных корпораций в разработке новых нефтяных месторождений на Каспии, Азербайджан начал крупную политическую игру, построенную на балансировании и маневрировании между интересами ведущих нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих стран мира и нефтяных компаний. Азербайджанская нефть, добываемая в Каспийском море, стала не только источником доходов государства, но и политическим фактором, определяющим ситуацию в регионе.

Важным событием, определяющим развитие ситуации в ТЭКе Азербайджана, стали прошедшие в 2003 г. выборы президента страны, на которых, как и ожидалось, победу одержал Ильхам Алиев. Выборы прошли под фактическим патронажем США, которые задолго до них явно и однозначно определили свою позицию. Индикаторами проамериканского крена во внешней политике И.Алиева стали и поспешная отправка небольшого контингента азербайджанских военных в Ирак, и совместные американо-азербайджанские военные учения в Каспийском море.

После избрания И.Алиева в качестве основного геополитического игрока в Каспийском регионе окончательно утвердились США, от полити-

⁹ См. Международные проекты // «Нефтегазовая вертикаль», 5 июня 2006 г. С. 59–65.

ческой поддержки которых зависит судьба проектов строительства нефтепроводов и газопроводов из Каспийского региона в Турцию и более активный выход Азербайджана на мировые топливные рынки.

Характерно, что решение международных кредитных организаций по финансированию проекта строительства ключевого трубопроводного проекта, патронируемого США – нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан – было получено только после окончательного утверждения ЦИК Азербайджана итогов выборов президента.

В 2005 году добыча нефти, последние 5–6 лет застывшая на отметках 14–15 млн. тонн, рванула вверх к следующему после пикового 1941 года максимуму 22,2 млн. тонн. Соответственно на 50% увеличился экспорт нефти из страны.

2006 год был отмечен завершением строительства нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан, и весной 2006 года из средиземноморского порта вышел первый танкер с азербайджанской нефтью.

С июля 2007 года начал функционировать газопровод Баку–Тбилиси–Эрзерум (БТЭ), по которому «голубое топливо», добываемое на азербайджанском месторождении Шах-Дениз на шельфе Каспия, стало поступать в газовую систему Турции (о реальных возможностях этого месторождения будет сказано ниже).

Дальнейшие перспективы развития добычи нефти и газа в Азербайджане связаны в основном с морскими месторождениями. В азербайджанском секторе Каспийского моря открыто 28 месторождений нефти и газа (18 из них находятся в разработке), выявлено более 130 перспективных структур.

Увеличение экспорта энергоресурсов имеет для Баку большое значение, способствуя быстрому росту внутреннего валового продукта и оборонного потенциала. Не случайно президент Азербайджана И.Алиев выступил с обращением к своему народу по случаю достижения азербайджанской нефти терминала в Джейхане. Он назвал ввод в строй экспортного нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД), носящего имя его отца Гейдара Алиева, историческим событием мирового значения. «С одной стороны, это принесет нам большую экономическую прибыль, а с другой – огромный политический капитал, – отметил И. Алиев. – С Азербайджаном считаются, с Азербайджаном советуются. Наши позиции в мире и Европе укрепляются»¹⁰.

По мере приближения сроков экспорта азербайджанского газа по газопроводу БТЭ все заметнее трансформировалась позиция Баку по отношению к соседним странам – производителям природного газа. Если в конце 1990-х Азербайджан стремился «отгородиться» от них, делая ставку преимущественно на экспорт собственного сырья, то сегодня Баку открывает «зеленый» коридор для транзита казахстанского и турк-

¹⁰ ИА REGNUM, 30 мая 2006 г.

менского газа по своей территории в Европу. Азербайджанские руководители заявили о необходимости реанимировать идею Транскаспийского газопровода (ТКГ) для поставок через Азербайджан туркменского и казахстанского газа.

Новые предложения Азербайджана находят поддержку в Европе – тем более, что сейчас между ЕС и Россией усиливаются противоречия в формировании стратегии энергетической безопасности. Все это усиливает намерение европейцев найти новые источники поставок и маршруты в обход России.

Начало 2007 года было ознаменовано резким ухудшением энергетического диалога между Азербайджаном и РФ. Состоявшаяся в начале декабря 2006 г. встреча глав правительств РФ и Азербайджана по времени совпала с охлаждением отношений между двумя странами, которые во многом определяются их политикой относительно Грузии. Москве невыгодно тесное сотрудничество Баку и Тбилиси. Если до сих пор отношения Алиева и Саакашвили в целом устраивали Москву (Азербайджан придерживался подчеркнуто сдержанного отношения к Грузии), то события 2006 г., когда Баку поддержал Тбилиси в противостоянии с «Газпромом», пообещав сделать все возможное для обеспечения Грузии газом, не могли не вызвать раздражения Кремля. В качестве механизма влияния в очередной раз была использована сохраняющаяся энергетическая зависимость Азербайджана от России. Так, еще в середине ноября 2006 г. РАО «ЕЭС» предупредило азербайджанскую сторону о том, что собирается сократить поставки электроэнергии – с 300 МВт до 60 МВт. Кроме того, «Газпром» настаивал на повышении стоимости газа со 110 долл. за 1 тысячу куб. м до 230 долл. в 2007 г.

Ответ Баку не заставил себя ждать: в январе 2006 г. республика объявила об отказе от закупок российского газа по «завышенной» цене. Кроме того, была приостановлена транспортировка нефти через трубопровод Баку–Новороссийск. Таким образом, нефтяники отреагировали на декабрьское заявление президента Азербайджана И.Алиева о необходимости введения жестких мер по защите энергобезопасности страны.

Между тем жизнь вносит свои коррективы в планы Баку. Так, в связи с развернувшимися в августе 2008 г. боевыми действиями в Грузии Азербайджан фактически потерял возможность экспортировать углеводороды в обход России. Это уже привело к обсуждению возобновления поставок азербайджанской нефти через Новороссийск.

Как бы то ни было, очевидно, что Азербайджан стремится к энергетической независимости от России и уже в 2007 г. впервые в XXI веке смог за счет собственных энергетических ресурсов – нефтепродуктов, природного и попутного нефтяного газа – удовлетворить все свои основные потребности в моторном топливе и энергоносителях.

Как будет складываться ситуация в ТЭК Азербайджана в ближайшем будущем?

В 2007 году страна располагала 10,135 млрд. куб. м «голубого топлива», из которых 9,172 млрд. куб. м планировалось использовать для внутренних нужд. Ряд факторов позволяет Азербайджану улучшить некоторые энергетические показатели. Во-первых, за счет реконструкции и модернизации трубопроводных магистралей и системы газораспределения потери газа постоянно снижаются. Так, если в 1990 г. они составили 1,579 млрд. куб. м (6,35% газового баланса), то в 2004 г. – снизились до 0,501 млрд. куб. м (4,9%). Во-вторых, переход на систему оплаты по фактическому потреблению (для этого несколько лет назад началась кампания по установке газовых счетчиков) заставляет население и предприятия использовать данный энергоресурс более рационально. В-третьих, в Азербайджане происходит последовательная модернизация старых ТЭС и ведется строительство новых экономичных парогазогенераторных станций.

Дальнейшая ситуация на топливном рынке во многом зависит от планов Государственной нефтяной компании Азербайджанской Республики (ГНКАР), наметившей добывать ежегодно 8 млрд. куб. м газа. Если приплюсовать к этому объему еще 1,5 млрд. куб. м углеводородов Шах-Дениза, которые положены Азербайджану за транзит в Турцию, и попутный газ проекта Азери – Чираг – Гюнешли (от 1,4 до 2,7 млрд. куб. м в год), то газовый баланс может составить от 10,9 до 12,2 млрд. куб. м. Если же реальные газовые ресурсы в 2008 г. окажутся меньше прогнозируемых, то дефицит сырья для ТЭС, как и раньше, можно будет компенсировать топочным мазутом¹¹.

Вместе с тем в переговорах с Россией Азербайджан занимает выгодное положение. Обладая значительными запасами углеводородов, Баку осознает возможность ведения относительно самостоятельной внешней политики. Реализация двух крупнейших инфраструктурных проектов, позволивших Азербайджану транспортировать нефть и газ в Европу в обход России (нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан и газопровод Баку–Тбилиси–Эрзерум), дала возможность Алиеву использовать этот фактор как инструмент для проведения независимой от Кремля политики.

В этой ситуации некоторые пока еще гипотетические газотранспортные проекты, инициируемые странами Центральной Азии и поддерживаемые ЕС, вполне могут перейти в разряд реально рассматриваемых и осуществимых. Во всяком случае, тенденция к сближению Запада с Южным Кавказом и Центральной Азией без участия России сегодня становится все более ощутимой и наполняется конкретными действиями.

¹¹ Алиев Ш. Путь наверх // «Нефть России», 17 декабря 2007 г. С. 101–103.

В середине августа 2007 г. в Баку при участии заместителя госсекретаря США по вопросам энергетики и экономики Дэниэла Салливана было подписано соглашение, по которому США выделяют Госнефтекомпаниям Азербайджана грант в размере 1,7 млн. долл. на подготовку технико-экономического обоснования (ТЭО) двух транскаспийских трубопроводов. По ним казахстанская нефть и туркменский газ потекут в Европу через азербайджанскую территорию.

Данное соглашение свидетельствует не только о политической, но и об экономической поддержке США транскаспийских трубопроводов. Вашингтон, финансируя проект разработки ТЭО, не только продемонстрировал свой интерес к транскаспийским трубопроводам, но и дал сигнал инвесторам, что можно вкладывать средства в этот проект. А США готовы минимизировать политические, экономические и военные риски, которые могут возникнуть в ходе строительства трубопроводов по дну Каспия через территорию Азербайджана в Турцию и далее – в Европу.

С запуском нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан и газопровода Баку–Тбилиси–Эрзерум Азербайджан заявил о себе как о крупном альтернативном РФ поставщике углеводородов в Европу. Между тем запасов нефти и газа Азербайджана явно не хватает для всех контрактов на поставку углеводородного сырья в Европу, в которых Баку хотел бы участвовать. В данных обстоятельствах для Азербайджана стратегически важно стать транзитером углеводородов – это позволит ему сохранить статус важного звена в энергетическом коридоре Центральная Азия – Европа в обход России на долгосрочную перспективу.

Как отметил министр иностранных дел Азербайджана Эльмар Мамедьяров, «вместе с нашими партнерами из Казахстана и Туркмении мы строим сильное и подлинное транскаспийское партнерство. Мы обсуждаем идею о соединении двух берегов Каспийского моря сетью трубопроводов. Мы говорим о формировании механизмов регионального сотрудничества в сферах экономики и безопасности. На региональном рынке в случае его интеграции возрастет конкуренция, он станет эффективнее и организованнее. Это возымеет позитивные последствия для всех стран, которые участвуют в процессе. Прикаспийский регион окружен такими мощными экономиками, как ЕС, Турция, Россия и Китай, так что перспективы быстрого и постоянного роста в этом регионе выглядят более чем убедительными. Потому-то мы оптимистично полагаем, что Баку удастся превратить в европейское ядро этого региона»¹².

Вместе с тем сама по себе подготовка ТЭО трубопроводов не гарантирует присоединения центральноазиатских государств к этим проектам. Активность США на данном направлении, скорее всего, является элементом давления на Казахстан и Туркмению, для которых присоеди-

¹² The Wall Street Journal, 21 января 2008 г.

ние к Транскаспийской трубопроводной системе означало бы переориентацию углеводородных потоков только лишь на Запад, тогда как и Назарбаев, и Бердымухаммедов проводят политику по диверсификации направлений поставок.

Однако после подписания 20 декабря 2007 года в Москве между Россией, Казахстаном и Туркменистаном соглашения по строительству Прикаспийского газопровода мощностью 20 млрд. куб. м газа в год стало ясно, что эта выигрешная роль транзитера досталась другим.

Что касается Стадии-1 Шах-Дениза, то в 2007 году Азербайджан получил почти 50% добытого в рамках этого проекта газа. В 2008-м и последующих годах рассчитывать на подобный газовый расклад Баку уже не сможет – обязательства перед Анкарой заставят ежегодно экспортировать в Турцию обещанные 6,6 млрд. куб. м газа из проектного максимума в объеме 8,6 млрд. куб. м (в 2008 году на Шах-Денизе планируется добыть 8 млрд. куб. м газа).

Запасы и добыча нефти

Добычу нефти в стране ведут добывающие предприятия уже упоминавшейся здесь Государственной нефтяной компании (ГНКАР), в том числе два СП, шесть операционных компаний (ОК), и консорциум АМОК в составе ВР (34,1367% – оператор), Unocal (10,2814%), ExxonMobil (8,0006%), Devon Energy (5,6262%), Amerada Hess (2,7%), Inpex Corp. (10%), Itochu Oil (3,9205%), Statoil (8,5633%), турецкая ТРАО (6,75%) и ГНКАР (10%)¹³.

По условиям соглашений часть нефти передается ГНКАР по внутренним ценам, а частью распоряжаются сами добывающие предприятия. ГНКАР имеет соглашение по экспорту нефти совместных предприятий и операционных компаний.

Сухопутные месторождения разрабатывает ГНКАР и шесть операционных компаний: Salyan Oil Ltd (SOL, разрабатывает месторождения Кюрсенги и Гарабаглы), Karasu Operating Company (КОС, месторождения Кяламедин и Мишовдаг), Shirvanoil (Северный Гюровдаг, Центральный Гюровдаг и Южный Гюровдаг), Gobustan Operating Company (Юго-Западный Гобустан), Binagadi Oil (Бинагади) и AzShengli (Пирсагат) и два СП – азербайджано-малайзийско-турецкое ANSHAD Petrol (месторождение Нефтчала) и азербайджано-германское AzGerneft (месторождение Раманы).

ГНКАР недавно приступила к поэтапной переоценке своих запасов. Первым результатом этой работы, осуществляемой входящим в структуру компании НИПИ «Гипроморнефтегаз», стало увеличение оценки

¹³ Нефть и газ Азербайджана – 2006 // «Нефтегазовая вертикаль», 14 апреля 2007 г. С. 49–52.

запасов мелководной части Гюнешли с 135 млн. тонн до 180 млн. тонн.

Добыча нефти и газа в Азербайджане ведется примерно на 60 месторождениях, большая часть которых находится на суше и в прибрежной зоне моря. Месторождения на суше разрабатываются многие десятки лет и в значительной мере истощены. Перспективы развития отрасли связаны с глубоководным шельфом, где сосредоточены основные запасы и откуда поступает большая часть добычи.

Начиная с 2005 года добыча нефти в республике вступила в стадию активного роста в темпе, превышающем 40%. В 2007 году добыча составила примерно 50 млн. тонн, а к 2010 году ожидается ее рост до 65–67 млн. тонн¹⁴.

Почти половина всей нефти ГНКАР поступает с мелководной части месторождения Гюнешли, разработка которой ведется с 1980 года.

Основные надежды нефтяной отрасли Азербайджана связаны с разработкой месторождений группы АЧГ, разрабатываемых международным консорциумом АМОК (Азербайджанская международная операционная компания). В 2005 году добыча на комплексе выросла вдвое, а в 2006 году – еще на 76%, достигнув 23,3 млн. тонн – более 72% всей азербайджанской нефти.

До 2006 года осуществлялась первая фаза разработки, включавшая месторождение Чираг и центральный участок месторождения Азери.

С февраля 2006 года АМОК приступил к промышленной добыче нефти на западном участке Азери, а в октябре, на четыре месяца раньше запланированного срока, – на восточном участке. Вводом платформы Восточный Азери завершилась вторая фаза освоения комплекса. На пике добыча нефти на месторождении Азери достигнет 800 тыс. баррелей в день.

В рамках третьей фазы, состоящей в разработке глубоководной части месторождения Гюнешли, АМОК продолжает бурение опережающих скважин – технология, позволяющая начать добычу нефти сразу после строительства платформы.

Кроме того, в 2008 г. должно быть добыто более 1 млн. тонн газового конденсата с месторождения Шах-Дениз.

Запасы и добыча газа

До 1970-х годов газовая промышленность Азербайджана развивалась преимущественно на базе попутного газа и мелких газовых залежей. Первое крупное газовое месторождение было открыто в 1974 году в скважине, пробуренной на нижние горизонты нефтяного месторожде-

¹⁴ Нефть и газ Азербайджана – 2006 // «Нефтегазовая вертикаль», 14 апреля 2007 г. С. 49–52.

ния Карадаг. Вслед за ним были выявлены газоконденсатные залежи на площадях Зыря, Калмас, Южная, Бахар, к югу от которых находятся структуры Шах-Дениз, Умид и несколько других. Открытия подтвердили гипотезу, что основные нефтегазоносные горизонты Азербайджана содержат не только нефть, но и крупные скопления газа.

В разных источниках встречаются различные данные о размере подтвержденных запасов газа Азербайджана. Наиболее вероятным представляется диапазон от 1 до 1,5 трлн. куб. м¹⁵. Самые крупные объемы газа связаны с газоконденсатным месторождением Шах-Дениз.

Максимальный уровень годового производства газа – 15 млрд. куб. м – был зафиксирован в Азербайджане в 1982 году. С 1983 года началось снижение добычи газа в стране, продолжавшееся более 20 лет. Первые признаки роста появились только в 2005 году, когда добыча газа в стране начала расти, увеличившись на 16% – до 5,8 млрд. куб.м.

Рост добычи был обеспечен попутным газом на комплексе АЧГ за счет ввода в эксплуатацию месторождения Азери. ГНКАР, стремясь удерживать существующий уровень добычи, реализует две газовые программы на месторождении Гюнешли-мелководье, направленные на увеличение производства свободного газа и снижение потерь попутного, а также проект «Бахар-2», связанный с разработкой южной части месторождения.

В настоящее время рост производства газа в стране продолжается, главным образом за счет ввода в эксплуатацию газоконденсатного месторождения Шах-Дениз. Это – экспортный проект, который состоит из трех частей: само месторождение (разведка, разработка и добыча), Южно-Кавказский газопровод Баку–Тбилиси до границы с Турцией и участок трубопровода из Грузии в Эрзерум (Турция).

В 1996 году было подписано, ратифицировано Милли Меджлисом и в октябре того же года вступило в силу Соглашение о разведке, разработке и долевом разделе добычи. Участниками консорциума являются BP (25,5%, оператор), Statoil (25,5%, коммерческий оператор), LUKAgip (10%), TotalFinaElf (10%), иранская ОИЕС (10%), турецкая ТРАО (9%) и ГНКАР (10%).

Аналитики объявили Шах-Дениз крупнейшим открытием газа в мире за последние 20 лет. Несомненно, что это было первое открытие крупного месторождения на Южном Каспии в постсоветскую эпоху. То, что оно оказалось газовым, открывало новые горизонты для Азербайджана, который отныне мог рассчитывать не только на газовую самообеспеченность, но и на статус газового экспортера.

В 2001 году в этом направлении был сделан важный шаг: в Анкаре было подписано соглашение об экспорте газа Шах-Дениза в Турцию. Поставки предполагалось начать в 2004 году в объеме 2 млрд. куб. м, с увеличением в период 2007–2018 годы до 6,6 млрд. куб. м в год. Впослед-

¹⁵ Запасы и добыча газа // «Нефтегазовая вертикаль», 5 июня 2006 г. С. 78–85.

ствии по ряду причин сроки были отодвинуты на 2006 год. В реальности же первые поставки газа из Азербайджана начались лишь в июне 2007 г.

В феврале 2002 года акционеры проекта «Шах-Дениз» и правительство Азербайджана подписали четыре соглашения, регулирующие экспорт природного газа по трубопроводу Баку–Тбилиси–Эрзерум. В марте того же года аналогичный пакет документов был подписан акционерами проекта «Шах-Дениз» и правительством Грузии. Соглашение предусматривало, что Грузия будет получать за транзит 5% прокачиваемого объема газа, а также получит возможность ежегодно закупать у Азербайджана по 0,5 млрд. куб. м по льготной цене 55 долл. за 1 тыс. куб. м.

В феврале 2003 года участники проекта санкционировали «Стадию-1» разработки месторождения. Он предусматривал бурение трех опережающих скважин, установку морской платформы, прокладку двух подводных трубопроводов и сооружение установок для подготовки газа и конденсата на береговом терминале, а также строительство Южно-Кавказского трубопровода.

Суммарная добыча «Стадии-1» была определена в 178 млрд. куб. м газа и 34 млн. тонн конденсата. По проекту максимальный годовой уровень планируется в 8,4 млрд. куб. м газа и 2 млн. тонн конденсата. В Турцию будет поступать 6,6 млрд. куб. м в год, 1,5 млрд. куб. м в год будет закупать Азербайджан и 0,8 млрд. куб. м в год – Грузия.

Однако в 2005 году максимальный уровень и объем продаж Азербайджану были скорректированы. Азербайджан договорился с партнерами по проекту об увеличении с 2007 года и в течение трех лет ежегодных закупок газа вдвое, до 3 млрд. куб. м.

В 2006 году официально зафиксировано начало промышленной добычи на газоконденсатном месторождении Шах-Дениз. В декабре этого года была введена в эксплуатацию первая скважина с дебитом 5,6 млн. куб. м газа и 2,5 тыс. тонн конденсата, пробуренная со стационарной добывающей платформы на глубине моря 105 метров¹⁶. В начальную фазу разработки месторождения входят еще три добывающие скважины.

ГНКАР надеялась, что в 2007 году добыча на Шах-Денизе составит 5,4–5,6 млрд. куб. м. В рамках этого объема Грузия должна была получить 270 млн. куб. м, Турция 2,8 млрд. куб. м.

Переход к следующим стадиям проекта, в ходе которых можно будет добывать до 16 млрд. куб. м в год, будет возможен после решения вопроса с рынками сбыта и заключения новых контрактов на продажу газа. Пока нет определенности даже в отношении «Стадии-2», по которой сегодня ведутся оценочные работы. Добыча газа в рамках «Стадии-2» может начаться не ранее конца 2011 года.

¹⁶ Нефть и газ Азербайджана – 2006 // «Нефтегазовая вертикаль», 14 апреля 2007 г. С. 49–52.

Энергетический потенциал Азербайджана и энергобезопасность Европы

В ноябре 2006 года в Брюсселе был подписан Меморандум о стратегическом энергетическом партнерстве между Азербайджаном и Евросоюзом. «Азербайджан станет первой страной, поставляющей нефть и газ из Каспийского региона на европейский рынок», – заявил тогда президент И.Алиев. В феврале 2007 года в ходе визита в Баку миссии Госдепа США было заявлено: «В течение последующих лет Азербайджан станет одним из главных поставщиков газа в Европу»¹⁷.

Формальные основания для подобного рода заявлений, безусловно, имеются: в 2006 году из Азербайджана на Запад ушли две трубы: нефтяная: Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД) и газовая: Баку–Тбилиси–Эрзерум (БТЭ).

Геополитическое значение этих трубопроводов подчеркнул президент И.Алиев: «Завершение строительства БТД и БТЭ совпало с актуализацией вопроса энергетической безопасности Европы». По поводу которой в том же феврале 2007 года в ходе визита в Германию президента Алиева германский канцлер Ангела Меркель не преминула заявить: «Богатый энергетическими ресурсами Азербайджан способен помочь обеспечить энергетическую безопасность ЕС»¹⁸.

БТД и БТЭ построены под конкретные углеводородные проекты Азербайджана – нефтяной АЧГ и газоконденсатный Шах-Дениз. БТД имеет проектную мощность 50 млн. тонн нефти в год и рассчитан на эксплуатацию в течение 40–60 лет. То есть на суммарную прокачку от 2 до 3 млрд. тонн нефти. Проектный срок эксплуатации БТЭ составляет также до 40–60 лет, пропускная способность первой очереди – 7,8 млрд. куб. м газа в год, при увеличении мощности насосно-компрессорного оборудования газопровода она может быть доведена до 20 млрд. куб. м в год. Это позволит прокачать по БТЭ за все годы эксплуатации от 800 до 1200 млрд. куб. м газа.

Запасы нефти на блоке АЧГ оценены оператором проекта BP Azerbaijan в 800 млн. тонн. Хотя геологи ГНКАР утверждают, что в пластах АЧГ содержится более 1 млрд. тонн нефти. По запасам углеводородов Шах-Дениз ничем не уступает блоку АЧГ. Как прогнозирует все та же BP Azerbaijan, Шах-Дениз содержит до 1,05 трлн. куб. м газа и 200 млн. тонн газового конденсата, который должен экспортироваться по БТД.

Таким образом, эти запасы энергетическую безопасность ЕС обеспечить не могут даже в краткосрочной перспективе¹⁹. В 2010 году, когда

¹⁷ Т.Тагиев. Азербайджан и энергобезопасность Европы: халва, халва, халва... // «Нефтегазовая вертикаль», 4 апреля 2007 г. С. 53–56.

¹⁸ Day.Az, 15 февраля 2007 г.

¹⁹ Т.Тагиев. Указ. соч. С. 53–56.

на АЧГ, по планам BP Azerbaijan, должны быть добыты максимальные 55 млн. тонн нефти, потребности Западной Европы в этом энергоносителе должны, по прогнозу IEA, составить 745 млн. тонн. Таким образом, даже если вся нефть АЧГ пойдет на нужды западных европейцев, долевое участие Азербайджана в этом деле не превысит 7,8%. И это будет, пожалуй, именно тот нефтяной максимум, который Западная Европа сможет когда-либо получить от Азербайджана.

Потому что, во-первых, максимальная добыча на АЧГ будет непрочной – к 2017 году «золотой век» АЧГ закончится. К 2025 году, когда истечет срок действия контракта на разработку АЧГ, добыча на блоке и вовсе упадет, по прогнозам BP Azerbaijan, до 4–5 млн. тонн нефти в год. На месторождении Чираг, например, добыча на котором началась в ноябре 1997 года, за девять лет эксплуатации средний суточный дебит скважин снизился с 2 до 1,4 тыс. тонн, т.е. коэффициент отдачи упал до 0,7 (в среднем снижение коэффициента нефтеотдачи составляло на Чираге около 3,5% в год).

Во-вторых, даже в 2009–2016 годах, когда в рамках проекта АЧГ планируется добывать максимальные 50–55 млн. тонн нефти в год, БТД вряд ли будет загружен нефтью Азербайджана под проектные 50 млн. тонн в год. Причиной тому – вынужденное распределение нефти АЧГ между трубопроводами Баку–Джейхан и Баку–Супса и железнодорожным направлением Баку–Батуми, на котором работает Азербайджанская государственная железная дорога.

На загрузку Баку–Супса требуются до 6,5 млн. тонн нефти АЧГ в год. И, кроме того, не отправленная по Баку–Супса часть долевой нефти американских компаний ExxonMobil (8% долевого участия в проекте АЧГ) и Devon Energy (5,6%), не являющихся участниками проекта БТД, экспортируется железнодорожными цистернами из Баку в Батуми. В пиковые для АЧГ по объемам добычи 2008–2016 годы ExxonMobil и Devon Energy планируют транспортировать по железной дороге до 6 млн. тонн нефти АЧГ в год. Таким образом, на долю БТД при максимальной добыче на блоке АЧГ в объеме 50–55 млн. тонн в год останутся только 37,5–42 млн. тонн нефти

Что касается надежд европейцев на газ Азербайджана, который возведен на официальном уровне в ранг «главного газового поставщика Европы», то они еще призрачнее.

Во-первых, проектный максимум «Стадии-1» Шах-Дениза должен составить лишь 8,6 млрд. куб. м в год, из которых в Турцию, имеющую гипотетическую возможность к реэкспорту каспийского газа в Грецию, будет поступать не более 6,6 млрд. куб. м в год (остальное будет оставаться на Южном Кавказе – в Азербайджане и Грузии).

Во-вторых, технические проблемы, возникшие на первой эксплуатационной скважине Шах-Дениза (добыча на этой скважине несколько

раз приостанавливалась), не ставят, конечно, под сомнение весь проект, они лишь свидетельствуют, что аналогичные аномалии могут появиться на любой из последующих скважин месторождения.

В-третьих, если в 2015 году заработают на полную проектную силу «Стадия-1» и «Стадия-2» Шах-Дениза, даже если, невзирая ни на какие технические проблемы, на месторождении будут добыты проектные 16 млрд. куб. м газа, если Турция реэкспортирует в Европу все свои договорные 6,6 млрд. куб. м, а в Азербайджане и Грузии останутся не более 4 млрд. куб. м долевого газа, западные европейцы смогут рассчитывать лишь на 12 млрд. куб. м газа республики. А это лишь 2,2% газовых потребностей Западной Европы 2015 года, оцененных ИЕА в 532 млрд. куб. м.

Нарастание напряженности на Ближнем Востоке не позволит пока рассчитывать на иранский газ в качестве ресурсной базы для маршрута Nabucco. Поэтому европейские эмиссары в настоящее время пытаются развернуть в сторону на западное направление потоки туркменского и казахстанского газа, которые сейчас ориентированы на Россию. Данное обстоятельство толкает лоббистов проекта Транскаспийского энергетического коридора (США и ЕС) к усилению давления на Казахстан и Туркмению.

С учетом позиции Туркмении и Казахстана, заявивших о присоединении к Прикаспийскому газопроводу, Европе приходится рассчитывать исключительно на небольшие запасы Азербайджана. В 2007 году было добыто 6,8 млрд. куб. м газа. Практически весь этот объем был потреблен внутри страны. С 2007 года Азербайджан отказался покупать газ у «Газпрома» (раньше объем импорта составлял 4,5 млрд. кубов ежегодно).

Азербайджанские власти надеются увеличить добычу голубого топлива за счет шельфового месторождения Шах-Дениз. Однако по итогам 2008 года оно, вероятнее всего, даст менее 3 млрд. куб. м газа²⁰. В 2009 году его производительность должна увеличиться до 8,6 млрд. кубометров, однако этих ресурсов не хватит даже для заполнения недавно построенного газопровода Баку–Тбилиси–Эрзерум, не говоря уже о предполагаемом Nabucco. Практически весь газ будет потреблен в самом Азербайджане, а также в Грузии и Турции. При этом Турция заявила, что планирует направить часть азербайджанского газа в Грецию и Италию, но пока этого не произошло.

Борьба за нефтяные маршруты

К середине 1996 г. согласно намеченным при заключении контракта по разработке группы месторождений АЧГ планам должна была начаться добыча и, соответственно, транспортировка «ранней» нефти объемом до 30 млн. барр. в год. А потому решить, как ее перебросить к сре-

²⁰ С.Правосудов. Газопроводные игры // «Нефтегазовая вертикаль», 26 октября 2007 г. С. 58–60.

диземноморским портам, было необходимо не позднее осени 1995 г. Проблемы транспортировки немедленно приобрели характер международной политической и стратегической конфронтации. Страна, по территории которой проходит трубопровод, получает ощутимые материальные выгоды, обретает контроль над коммуникациями, жизненно важными для нефтяных компаний, входящих в различные каспийские консорциумы. Многочисленные варианты маршрута будущего нефтепровода стали активно обсуждаться, начиная с 1993 г.

Основными конкурирующими маршрутами для транспортировки «ранней» нефти на самых ранних стадиях освоения месторождений «контракта века» (АЧГ) выступали, по существу, два географических направления – «северное» и «западное»²¹. В экспертных кругах обсуждалось и третье, «южное» направление (через Иран), но, скорее, в теоретическом плане, так как существовавший в то время уровень отношений между США и Ираном однозначно не допускал его реализации.

«Северное» направление предусматривало использовать существующий нефтепровод из Баку в российский порт Новороссийск через столицу Чечни город Грозный. «Северный» вариант активно лоббировала российская сторона, надеясь, естественно, не только на материальные, но и на политические дивиденды. Помимо всего прочего, в Москве могли, например, рассчитывать, что в этом случае на Западе с большим «пониманием» отнесутся к российской политике в Чечне и на Кавказе в целом.

По оценкам экспертов, этот нефтепровод (в том числе и его чеченский участок) находился в удовлетворительном техническом состоянии. Главная задача состояла в том, чтобы обеспечить «реверс» нефти, то есть ее перекачку не в южном направлении, как он использовался ранее, а в северном. Однако нестабильность в Чечне и неопределенность ее политического будущего сразу же поставили под сомнение безопасность маршрута через Грозный.

Второй, «западный» вариант предполагал несколько подвариантов, замыкающихся, как правило, на Турцию. Предусматривалась прокладка нефтепровода для транспортировки «ранней» нефти от Баку в Турцию или в черноморские порты Грузии с последующей транспортировкой танкерами в черноморские порты той же Турции или через проливы Босфор и Дарданеллы в Европу. То есть на первых порах обсуждались сразу несколько вариантов «западного» направления. Строительство магистрального трубопровода под каспийские энергоносители, в совокупности с проблемой черноморских проливов, возведены Турцией в один из государственных приоритетов, отстаиваемых с неизменным натиском и упорством.

²¹ Подробнее об этом см.: *В. Гусейнов. Каспийская нефть. Экономика и геополитика.* – М.: Издательство «Олма-Пресс», 2002.

Вопрос приобрел наибольшую остроту в связи с ситуацией в Чечне и заявлением госдепа США о поддержке американцами проекта нефтепровода через турецкую территорию. Вдобавок протурецкое лобби в Азербайджане и Казахстане неизменно твердило о предполагаемой прибыльности слияния нефтяных месторождений Казахстана с азербайджанской нефтетранспортной системой и дальнейшей перегонки нефти к открытому морю.

Один из «западных» подвариантов предусматривал транспортировку нефти через Турцию с выходом на нефтеналивные порты на ее восточно-средиземноморском побережье, прежде всего на Джейхан, где оканчивается нефтепровод из Ирака и где имеются мощные нефтеналивные сооружения. Этот вариант пользовался поддержкой Баку еще при правительстве Народного фронта. Еще в начале 1993 г. в Анкаре было подписано турецко-азербайджанское соглашение о строительстве нефтепровода Баку–Джейхан, проходящего через Иран и Нахичевань (с тем, чтобы обогнуть территорию Армении), протяженностью чуть более 1000 км с технической пропускной способностью 240 млн. барр. нефти в год. В силу ряда причин – внутривосточные перемены в Азербайджане летом 1993 г., нежелание западных держав допустить транспортировку нефти через Иран и т.д. – этот вариант был снят с обсуждения.

С тем чтобы устранить трудности, связанные с Ираном, предлагалось также провести нефтепровод через Армению. Но это было нереально, пока не урегулирован карабахский конфликт. Как признался премьер в правительстве Эльчибея – Панах Гусейнов, лидеры Народного фронта активно поднимали вопрос решения карабахского конфликта в обмен на долевое участие Армении в прибылях от продажи нефти. Но делалось это так же, как и все у национал-демократов, примитивно, без серьезной профессиональной, дипломатической и политической проработки. Нельзя сказать, чтобы армянская сторона, пребывавшая в тяжелой экономической ситуации, проявила равнодушие к сигналам из Баку. Но и правительство Тер-Петросяна на том этапе не обнаружило стратегического видения проблемы, а потом, когда армянскому президенту открылась привлекательность и убедительность сделки, уже было поздно – в Армении к власти шли полевые командиры. Во всяком случае, каспийские углеводороды и связанные с ним возможности превращения Армении в подлинно независимого игрока региона и сегодня остаются, по мнению многих аналитиков, одним из вероятных коротких путей к миру.

Наконец, в любом из этих подвариантов трасса нефтепровода должна пересекать зону, контролируемую курдскими боевыми формированиями. Следовательно, без решения курдской проблемы такой вариант также считался маловероятным.

Для того чтобы обойти, по крайней мере, некоторые из перечисленных трудностей, предлагалось также провести трубопровод через грузинскую территорию с выходом к турецкой границе около черноморского побережья и – далее – на юг к Джейхану, обходя с запада контролируемые курдами районы. Правда, его стоимость была бы довольно высока, даже если использовать бездействующий трубопровод Баку–Самгори–Поти. Но эксперты полагали, что турецкое руководство могло бы пойти на столь крупные затраты, имея в виду в дальнейшем использовать эту нитку для транспортировки также и казахстанской нефти, поступающей с Тенгизского месторождения. Анкара выступила в поддержку именно этого варианта и обещала оказать финансовую поддержку для его реализации.

Одним из рассматриваемых проектов западного направления, который был позднее реализован, являлся нефтепровод Баку–Супса (Грузия).

Что касается «южного» (иранского) направления, то, учитывая напряженность в американо-иранских отношениях, оно и в середине 1990-х годов (когда речь шла о транспортировке «ранней» нефти), а тем более в настоящее время, да и в ближайшей перспективе, вряд ли может быть использовано для масштабных перебросок каспийской нефти.

Борьба вокруг возможных маршрутов транспортировки «ранней» каспийской нефти, особенно обострившаяся при подготовке к заключению «контракта века», наглядно высветила тесное переплетение геополитических и национальных, экономических и финансовых, энергетических и военно-стратегических и других интересов многих стран, в том числе расположенных далеко за пределами Каспийского региона.

С началом первой чеченской кампании каспийские консорциумы активизировали переговоры с правительствами Грузии и Турции о возможности экспортной транспортировки каспийской нефти через эти страны – к портам Средиземноморья (в Турции) или к портам Поти и Батуми (в Грузии).

Чтобы снизить шансы российского проекта и придать больший вес собственным аргументам, Турция предприняла уже в августе 1993 г. попытку ввести ограничения на свободный проход нефтетанкеров через проливы, контролируемые выход из Черного моря. Новые правила прохода супертанкеров через проливы Босфор и Дарданеллы серьезно затруднили крупномасштабные перевозки нефти из Новороссийска в Европу.

Все это заставило Россию вводить в игру дополнительных участников и разрабатывать проекты сооружения трубопроводов в обход проливов, через Болгарию и Грецию. Последние, впрочем, относятся к данным проектам вполне благосклонно, но транспортные затраты при таких вариантах неизбежно возрастают.

Проблема черноморских проливов действительно является наиболее уязвимым местом «северных» вариантов транспортировки нефти, в том числе Баку–Новороссийск, Тенгиз–Новороссийск.

Азербайджан с самого начала больше склонялся в пользу турецкого маршрута. Турецкая позиция находила также понимание и у правительства США.

Последующие события, закончившиеся подписанием осенью 1999 года в Стамбуле пакета соглашений по Основному экспортному нефтепроводу (ОЭТ) по маршруту Баку–Тбилиси–Джейхан, подтвердили, что эти заявления отражали продуманную политику с далеко идущими геополитическими последствиями не только регионального, но и глобального масштаба. Решение по этому маршруту было принято, несмотря на его очевидные недостатки: дороговизна, технические сложности, вызванные высокогорными участками, курдская проблема и др.

В результате ряда экономико-политических переговоров на различных уровнях 9 октября 1995 г. руководящий комитет АМОК сообщил о компромиссном решении транспортировать «раннюю» нефть по двум маршрутам – «северному» (Баку–Новороссийск) и «западному» (Баку–Супса). Западные нефтяные компании, обладавшие в то время в общей сложности 80% долевого участия в «контракте века», были склонны к выбору грузинского маршрута, а правительство Азербайджана – «северного». Но ни та, ни другая сторона не были против выборов двух маршрутов.

Таким образом, первые партии новой азербайджанской нефти с 1996 года стали отправлять через Новороссийск. Российская сторона активно занялась переоборудованием нефтепровода, на что ей потребовалось несколько месяцев.

Тем не менее как в Азербайджане, так и в странах Запада, уже тогда поговаривали о «северном» нефтепроводе как об обреченном на бездействии.

Официальное открытие маршрута Баку–Супса произошло 17 апреля 1999 года в присутствии глав целого ряда государств, а также весьма знаковой фигуры – вице-президента США А.Гора.

Участникам проекта АЧГ, чтобы обеспечить пропускную способность западного маршрута Баку–Супса (Грузия) на уровне 6–6,5 млн. тонн нефти в год, пришлось практически заново построить 830 км трубопровода и нефтяной терминал в Супсе. Первая нефть АЧГ пришла в Супсу 8 апреля 1999 г.

Что же касается транспортировки «большой» нефти, то вопрос о ней оставался открытым. Проблема транспортировки «большой» каспийской нефти появилась и стала активно обсуждаться еще на этапе принятия решения о маршрутах переброски на запад «ранней» нефти²².

²² См. Дело труба. Баку–Тбилиси–Джейхан и казахстанский выбор на Каспии. – М.: Издательство «Европа», 2005.

Следует отметить, что силы, заинтересованные в ослаблении позиций России на Кавказе, использовали «чеченскую карту» в «нефтетранспортной» борьбе. Как только потребовалось оттеснить Россию от транспортировки «ранней» каспийской нефти, возникла ситуация, когда, ссылаясь на нестабильность северного маршрута, США и Турции удалось добиться политического решения и в короткие сроки завершить строительство нового нефтепровода Баку–Супса.

Остроту и явный политический привкус придавало этой борьбе то, что значительная часть трубопроводов «северного» направления проходит по российской территории, в то время как трубопроводы «западного» направления обходят ее. Основное экспортное «западное» направление все эти годы оставалось неизменным – из Баку в турецкий средиземноморский порт Джейхан.

Тут надо отметить, что весь предшествующий период, примерно с 1993 года до самого конца века, Россия проявляла удивительное благодушие, и иногда казалось, что она не придает значение активной работе лоббистов Баку–Джейхана. В один из моментов тогдашний премьер Черномырдин заявил, что, дескать, Азербайджан волен выбирать любой маршрут транспортировки своей нефти – «хоть через Марс», но без участия России в этом международном проекте не обойтись. Позже самостоятельность, проявленную «ЛУКОЙЛом», российская дипломатия признала полезной и своевременной. Так что, помимо всего прочего, в Москве еще долго многие ответственные лица не чувствовали новизны складывающейся ситуации. И это было серьезной причиной, мешавшей Москве правильно сориентироваться в большой коммуникационной игре.

При этом обострение конфликта на Северном Кавказе в августе 1999 года, последующее развитие событий в этом регионе осенью-зимой 1999 и в течение 2000–2001 гг., связанное с проведением Москвой антитеррористической операции в Чечне, если и не ускорило окончательное принятие решения по основному экспортному нефтепроводу Баку–Джейхан, то, во всяком случае, сыграло на руку его сторонникам. Нестабильность в Чечне дала не только весомые аргументы для сторонников маршрута Баку–Джейхан, но и привела к смещению акцентов в транспортировке нефти, добываемой на месторождении Тенгиз в Казахстане и на азербайджанском шельфе Каспийского моря, в сторону других альтернативных вариантов, в обход России.

Было ясно и то, что именно реализация «турецкого» варианта транспортировки углеводородного сырья Каспия к Джейхану представляет наибольшую угрозу интересам России. Если «большая» каспийская нефть пойдет по турецкой территории, влияние Москвы на Кавказе и в Центральной Азии – исторических зонах российского влияния – автоматически пойдет на убыль.

При оценке «северных» маршрутов транспортировки «большой» каспийской и казахстанской нефти надо иметь в виду, что здесь, помимо России, в игру все активнее вступает Украина. Так, еще в конце 1998 года ряд американских компаний приняли решение инвестировать до 4 млн. долларов в украинскую систему транзита нефти по маршруту Одесса–Броды, строительство которой было закончено в 2001 г.

Проект изначально задумывался для диверсификации поставок углеводородного сырья на Украину, полностью зависимую от поставок российской нефти. Позднее под давлением Польши и Евросоюза появилась идея достроить участок Броды–Плоцк (Польша), чтобы поставлять каспийскую нефть и в страны Восточной Европы.

Пропускная способность нефтепровода равна 14,5 млн. тонн в год (построив дополнительные насосно-перекачивающие станции, его пропускную способность можно увеличить до 45 млн. тонн в год). Основная цель строительства нефтепровода состояла в том, чтобы создать «Евразийский нефтетранспортный коридор» (ЕАНТК), предназначенный для поставки каспийской нефти в страны Европы. В таком случае Украина становилась одним из гарантов энергетической безопасности Европы, а также уменьшала бы зависимость собственной экономики от поставок российской нефти.

По мнению авторов проекта, нефтепровод Одесса–Броды обеспечит возможность перекачки нефти кратчайшим путем из Черного моря в южную ветку нефтепровода «Дружба», что позволило бы подать нефть на нефтеперерабатывающие заводы Словакии, Чехии, Венгрии, а после строительства коротких соединительных нефтепроводов – в Австрию, Германию и другие страны.

Прямую заинтересованность в строительстве нефтепровода Одесса–Броды–Плоцк–Гданьск имела и Польша, которая стремилась усилить свою экономическую значимость среди европейских стран и, тем самым, подкрепить роль неформального лидера среди «новых» членов ЕС – бывших стран соцлагеря.

Поставка нефти из Каспийского региона на европейский рынок полностью соответствует и стратегии ЕС по диверсификации поставщиков энергоресурсов. Кроме того, качество каспийской нефти выше российской Urals, что является еще одним аргументом для Европы в пользу проекта «Одесса–Броды».

Однако сразу после окончания строительства в 2001 г. у правительства Украины возникли проблемы с потенциальными поставщиками нефти для трубопровода. Ввиду этого российские нефтяные компании «ЛУКОЙЛ», «ЮКОС», «ТНК» (а впоследствии «ТНК-ВР») предложили заполнить простаивающую трубу своей нефтью, но направить ее в обратном направлении. В итоге Украина, чтобы не терять

деньги на обслуживании неиспользуемого нефтепровода, вынуждена была согласиться с российской позицией. В апреле 2003 г. «Укртранснафта» (украинский оператор проекта «Одесса–Броды»), «ТНК» и «Транснефть» подписали протокол о намерении использовать нефтепровод Одесса–Броды в ре-версном направлении. «ТНК» брала на себя обязанность прокачивать до Одессы и дальше по Черному морю ежегодно до 9 млн. тонн нефти, что приносило бы Украине 14 млн. долл. прибыли.

Точку зрения России по поводу «реверса» трубопровода активно поддержал тогдашний президент Украины Л.Кучма, который в сентябре 2003 г. публично высказался за предложенный Россией вариант использования нефтепровода.

Однако в диалог вокруг нефтепровода вмешались представители администрации США. Под давлением США и Евросоюза в конце ноября 2003 г. польский и украинский вице-премьеры М.Поль и В.Гайдук подписали соглашение о «западном» использовании трубопровода. В начале февраля 2004 г. правительством Украины было принято «окончательное» решение по прямому использованию нефтепровода Одесса–Броды.

В то же время как российские, так и некоторые украинские специалисты отмечали, что ввод в строй нефтепровода Одесса – Броды с поставками нефти в Европу в среднесрочной перспективе невозможен в связи с наличием ряда фундаментальных проблем, среди которых особо можно выделить следующие:

Во-первых, отсутствие поставщиков сырья. Потенциальные поставщики каспийской нефти в нефтепровод Одесса–Броды – это, в первую очередь, Азербайджан и Казахстан. Однако у этих стран существуют свои планы по наращиванию экспорта. Переговоры с Азербайджаном и Казахстаном о возможности их участия в международном консорциуме по эксплуатации нефтепровода начались еще в 2001 г. С одной стороны, Баку и Астана заявляют о желании диверсифицировать нефтяные маршруты. С другой, ссылаясь на наличие нефтепроводов Баку-Супса и Баку-Новороссийск и отсутствие «свободной» нефти, лидеры обоих государств объявляют о неготовности поставлять сырье через Украину. После запуска БТД перспективы прокачки каспийской нефти через Украину в Европу стали просматриваться еще слабее.

Как, в частности, отмечает Сергей Куюн, исполнительный директор киевской фирмы URSCO, которая занимается консультациями в сфере энергетики, нехватка поставок из каспийского региона останется серьезным тормозом для всего проекта. «Азербайджан... не сможет производить достаточно нефти, чтобы наполнить этот нефтепровод (Одесса–Броды), у него нет достаточно нефти, нет и соответствующего конт-

ракта, – говорит он. – Основная проблема в том, что Казахстан не входит в этот политический альянс»²³.

Во-вторых, проблемы спроса. Восточноевропейские НПЗ в свое время проектировались под поставки советской нефти Urals по системе нефтепроводов «Дружба». Эта схема достаточно эффективно работает и сейчас – маржа восточноевропейских НПЗ существенно превышает показатели Западной Европы. В настоящее время польские НПЗ, на которые Украина рассчитывает поставлять нефть через Одесса–Броды, не могут гарантировать дополнительный спрос каспийской нефти. Поставка нефти до Брод и далее через Ужгород в Европу также под сомнением: «Дружба» сегодня не готова принимать дополнительные объемы каспийской нефти.

В результате под давлением политических обстоятельств (приближающиеся выборы президента Украины) Киев, в течение длительного времени безуспешно пытавшийся договориться о транспортировке каспийской нефти напрямую, в конце июня 2004 г. разрешил использовать трубопровод для транспортировки российской нефти в реверсном направлении.

Последние годы не принесли принципиальных изменений в работу нефтепровода Одесса–Броды. Магистраль, как и в 2005 году, качает нефть в реверсном режиме, причем в довольно скромных объемах. Киев по-прежнему стремится развернуть нефтяной поток.

В июне 2007 г. состоялся второй саммит ГУАМ, в ходе которого вновь поднимался вопрос использования каспийской нефти для поставок в Европу по трубопроводу Одесса–Броды–Гданьск. Наибольший интерес вызывает участие в саммите Польши, являющейся главным лоббистом трубопроводного проекта. Данный форум, несмотря на статусный состав его участников, не принес результатов.

Немаловажным фактором здесь является несовпадение энергетических интересов стран – участниц ГУАМ. Тогда как Украина при мощной поддержке Польши лоббирует прокачку каспийской нефти по своей территории в надежде на рост собственного регионального влияния, Грузия, уже получив свои бонусы от реализации проектов Баку–Джейхан и Баку–Эрзерум, находится в стороне от этой «игры». Каспийские же государства пока не готовы «распылять» свои ресурсы и пускать нефть по менее экономически привлекательным маршрутам только для того, чтобы тем самым «цементировать» ГУАМ и укреплять позиции Украины в блоке.

Вместе с тем с учетом политической составляющей большинства трубопроводных проектов на южных рубежах России (в том числе Одесса–Броды–Гданьск) нельзя полностью исключить возможность их реализации. Однако это потребует от Запада значительных политических и

²³ Пять государств достроят каспийский нефтепровод, чтобы меньше зависеть от России // Financial Times, 11 октября 2007 г.

финансовых усилий для того, чтобы компенсировать странам-поставщикам потери от использования сомнительных с экономической точки зрения маршрутов в условиях неполного заполнения имеющихся трубопроводов.

«Отдав на откуп» России нефтепровод Одесса–Броды, страны Запада сосредоточили основные усилия на реализации основного экспортного маршрута «большой» каспийской нефти – Баку–Тбилиси–Джейхан.

Строительные работы по сооружению нефтепровода БТД начались весной 2003 года – уже во времена республиканской администрации Бушамладшего. При участии американцев к финансированию подтянули банковский консорциум из 15 банков, и стройка пошла темпами первых советских пятилеток. Правда, в первоначальные сроки все же не уложились («стройку века» собирались завершить в конце 2004 года, чтобы приступить к экспорту азербайджанской нефти из турецкого порта Джейхан во втором квартале 2005 года). Ввод в строй нефтепровода из-за трудностей, с которыми столкнулись строители, произошел на год позднее. Но все же на экономической карте мира появился новый экспортный трубопровод, отчасти меняющий конфигурацию мирового рынка нефти.

25 мая 2005 г. на Сангачальском нефтяном терминале под Баку состоялась официальная церемония ввода в эксплуатацию азербайджанской части экспортного трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД). Выступивший на церемонии президент Азербайджана Ильхам Алиев сказал, что БТД, являющийся «самым крупным энергетическим проектом в мире, принесет большую выгоду Азербайджану и соседним странам-друзьям, обеспечит безопасность, мир и стабильность в регионе». По его словам, «сдача в эксплуатацию Баку–Тбилиси–Джейхан сыграет большую роль в региональном сотрудничестве»²⁴.

И.Алиев на церемонии заполнения нефтепровода БТД также заявил: «Некоторые сомневаются в реализации этого проекта, некоторые пытались помешать, но не смогли этого сделать. Союзничество Азербайджана, Турции и Грузии, поддержка США всем региональным энергетическим проектам, деятельность ВР и других компаний дала возможность, чтобы мы эту легенду сделали реальностью»²⁵. Алиев также считает, что «двери для участия российских компаний в БТД остаются открытыми, ведь это коммерческий проект, хотя некоторые и пытались придать ему политический характер».

Между тем, несмотря на открытие маршрута, актуальным оставался вопрос с наполнением нефтепровода. Проектная мощность БТД составляет 50 млн. тонн нефти в год, а срок службы трубопровода определен в 40 лет. Следовательно, при полной загрузке трубе БТД суммарно необходимы 2 млрд. тонн нефти. Однако из 15 морских контрактов Азер-

²⁴ Россию огрели трубой // Русская Община (Нетания), 16 июня 2006 г.

²⁵ Нефтяная река потекла в обход России // «Российская газета», 25 мая 2005 г.

байджана, подписанных республикой в 1994–2000 гг., по причине отсутствия на контрактных площадях коммерческих запасов нефти часть уже перестали существовать. Таким образом, фактически единственный в Азербайджане источник нефти для БТД – только блок АЧГ. Даже по официальным прогнозам BP Azerbaijan, добычу максимальных 50 млн. тонн нефти в год проект АЧГ сможет обеспечить лишь в период 2010–2016 годов. Затем добыча нефти на АЧГ начнет снижаться, а к 2025 году должны закончиться и запасы нефти на блоке, и срок действия «контракта века».

Проблему дефицита нефти для БТД обостряют еще два фактора. Во-первых, необходимость обеспечивать нефтью трубу Баку–Супса. Во-вторых, два участника соглашения по АЧГ – американские компании ExxonMobil (8% долевого участия) и Devon (5,6%) – не вошли в проект БТД и свою долевую нефть «контракта века» – почти 6 млн. тонн в год – намерены экспортировать железнодорожными цистернами в Батуми и далее танкерами по Черному морю.

Значит, даже в «пиковые» 2010–2016 гг. БТД может рассчитывать лишь на 37,5 млн. тонн нефти АЧГ, что обеспечит трубопроводу лишь 75% загрузки. Ну а после 2016 года загрузка БТД нефтью АЧГ начнет последовательно снижаться.

В этой связи ключевой задачей для владельцев БТД стал поиск нефти для средиземноморской трубы. Однако основные надежды на дополнительные объемы нефти участники проекта возлагали на Казахстан, пообещавший Азербайджану 10 млн. тонн нефти в год для Баку–Джейхана. Переговоры о присоединении Казахстана к проекту БТД Баку и Астана вели несколько лет, однако безрезультатно. По всей видимости, глава Казахстана Н.Назарбаев пытался использовать потребность Запада в казахстанской нефти для усиления своего политического влияния. Частично этого он добился – Запад не только открыто поддержал Назарбаева во время президентских выборов в декабре 2005 г., но и все меньше высказывается в отношении несоблюдения политических прав и свобод в Казахстане.

Как итог, 16 июня 2006 г. И.Алиев и Н.Назарбаев подписали совместный договор «По поддержке и содействию в транспортировке нефти из Казахстана через Каспийское море и территорию Азербайджана на мировые рынки посредством системы Баку–Тбилиси–Джейхан»²⁶. На начальном этапе предусматривается транспортировка по этому маршруту 7,5 млн. тонн казахстанской нефти с последующим увеличением объема до 20–30 млн. тонн. Предполагается, что казахстанская нефть будет загружаться в танкеры в портах Актау и Курык, поставляться в порт Баку и далее в нефтепровод БТД.

²⁶ Казахстан присоединился к Баку–Джейхан // «Эхо» (Баку), 16 июня 2006 г.

Проект исходит из объемов запасов месторождения Кашаган, которые оцениваются в 10–13 млрд. баррелей. Следует заметить, что основными экспортерами казахстанской нефти будут французская компания Total, американская Conoco Philips, японская INPEX и итальянская Eni, задействованные в проекте разработки Кашагана. Если учесть, что эти же компании входят в спонсорскую группу трубопроводного консорциума БТД, то понятно их желание доставлять свою нефть в порт Джейхан по собственной трубе.

Для выполнения подписанного договора Астане предстоит решить две основные задачи. Во-первых, реализовать свои планы по значительному увеличению добычи нефти. Планы эти весьма амбициозны: если сейчас в Казахстане при участии иностранных компаний добывается около 60 млн. тонн, то в 2010 г. намечено добыть уже 100 млн. тонн, а к 2015 году – 110 млн. тонн²⁷. Во-вторых, создать систему Актау–Баку по перевозке казахстанской нефти через Каспийское море для ее дальнейшей транспортировки по нефтепроводу до Джейхана.

Для создания системы Актау–Баку готовится к реализации проект строительства морского нефтеналивного терминала в порту Курык. К новому морскому терминалу будет построен подводный нефтепровод Жетыбай–Курык, благодаря которому будет обеспечена бесперебойная загрузка портового комплекса (проект под названием Казахстанская каспийская транспортная система (ККТС)).

Принятие данного решения Назарбаевым стало результатом мощнейшего давления со стороны Запада. В апреле 2006 г. Казахстан посетила делегация Евросоюза во главе с еврокомиссаром по энергетике Андрисом Пиебалгсом, а затем и вице-президент США Ричард Чейни. Главной темой переговоров стал вопрос о строительстве нефтегазовых маршрутов из Казахстана в Европу в обход России. Кроме того, в начале июня 2006 г. президент США Дж. Буш в своем послании к участникам выставки «Нефть и газ Каспия-2006» отметил начало поставок казахстанской нефти для БТД в качестве одного из наиболее перспективных и важных проектов в регионе²⁸.

По всей видимости, привлечение к решению «казахстанской проблемы» первых лиц США, которые выступили основными лоббистами проекта БТД, было вызвано явным увлечением Казахстана от подписания каких-либо договоренностей с Азербайджаном на фоне начала коммерческой эксплуатации трубопровода. Затягивая подписание документа, Казахстан тем самым фактически ставил проект на грань срыва, особенно в долгосрочной перспективе.

Между тем БТД является отправной точкой в евроазиатской стратегии США: нефтепровод не только предоставит США прямой доступ к

²⁷ Каспийский вектор Казахстана // «Красная звезда», 20 июня 2006 г.

²⁸ Сырьевая демократизация // «Коммерсантъ», 6 июня 2006 г.

каспийской и центрально-азиатской нефти, но и послужит усилению влияния Вашингтона в странах, связанных этой трубой. Преследуется и стратегическая цель – развести Казахстан и Россию. С этим пересекаются и чисто экономические мотивы создания маршрута – диверсификация источников экспорта энергоносителей, уменьшение зависимости от ближневосточной нефти, облегчение поставок каспийской нефти на мировой рынок в обход Босфора.

С экономической точки зрения обходящий Россию новый экспортный маршрут не наносит ей серьезных экономических потерь, так как и без азербайджанской нефти трубопроводная сеть нашей страны сегодня полностью загружена, а возможности морского пути из Новороссийска близки к исчерпанию из-за достижения турецкими проливами предела своих пропускных возможностей. Однако с точки зрения геополитики БТД усиливает влияние США в Каспийском регионе и дает им инструмент влияния на политику Баку и Тбилиси. У американцев появляется также дополнительный аргумент для расширения американского военного присутствия на Южном Кавказе.

Успех БТД может стать важным фактором в региональном раскладе сил. Об интересе к проекту уже заявил Израиль, который рассчитывает продлить систему БТД до Ашкелона, и Иран, который, несмотря на антиамериканскую риторику, проводит прагматичную политику и рассчитывает использовать БТД для увеличения поставок нефти на мировой рынок. Несмотря на скептическое отношение аналитиков к этим заявлениям («первую скрипку» в БТД играет позиция антиирански настроенных стран Запада, и говорить о присоединении ИРИ к трубопроводу можно будет лишь после снятия «иранской проблемы»), в целом реализация проекта БТД существенно меняет геополитическую ситуацию в Каспийском регионе. С одной стороны, ввод в действие экспортного нефтепровода означает успех американской стратегии, нацеленной на то, чтобы направить нефть из бывших советских республик в обход России. С другой, обладающие большими нефтяными запасами страны СНГ приобретают серьезный геополитический инструмент воздействия на мировую политику.

В частности, Казахстан превращается в одного из ключевых игроков в регионе. Это видно как по интересу, проявляемому основными игроками – Россией, США, ЕС и Китаем – к разработке и транспортировке энергоресурсов Казахстана, так и по все более заметным попыткам Назарбаева укрепиться в качестве одного из лидеров в региональной политике.

Сохраняется актуальность ряда ключевых проблем БТД. Так, в связи с решением о подключении Астаны к проекту встал вопрос о способах транспортировки казахстанской нефти в Баку. Пока что можно осуществлять поставки только 5–8 млн. тонн в год морским путем из порта

Актау. Для обеспечения же более масштабного экспорта углеводородов требуется расширение мощностей порта в рамках проекта создания экспортной системы Актау–Баку.

Основная опасность трубопроводу исходит от неурегулированности ряда «тлеющих конфликтов» на территории государств – участников БТД. Актуальность данной проблемы была в полной мере продемонстрирована в августе 2008 г., когда из-за действий курдских сепаратистов, осуществивших подрыв БТД рядом с турецким городом Эрзинджан, экспорт азербайджанской нефти в Джейхан был временно приостановлен. Дополнительную неопределенность внес грузино-южноосетинский конфликт. Несмотря на то, что, по заверениям военных и компании ВР, трубопровод в ходе военных действий не пострадал, вопрос о необходимости обеспечения безопасности данного нефтяного маршрута остается открытым.

Западные лоббисты расширения подключения Казахстана к БТД продолжают наступление. В сентябре 2006 г. в поле зрения экспертов попал доклад о проблеме энергетических ресурсов, составленный председателем сенатского комитета по иностранным делам Ричардом Лугаром, который посетил Казахстан, Азербайджан, Грузию и Албанию. В докладе, в частности, отмечается, что экспорт энергоресурсов из Казахстана в обход Ближнего Востока и России – это «стратегический приоритет» США. «Даже если идет поиск вариантов расширения существующих путей экспорта через Россию, для США стратегическим приоритетом является работа с правительством и частной индустрией Казахстана для открытия идущих на Запад экспортных путей через Каспийское море и по земле через Азербайджан, Грузию и Турцию в обход территорий, подверженных контролю со стороны России или Ирана», – указывается в докладе²⁹.

Столь прямолинейные заявления Лугара в целом отражают нарастание противоречий между Россией и Западом в контексте ряда инициатив России, идущих вразрез с трубопроводной политикой США в Каспийском регионе. В первую очередь это касается перспектив увеличения российских газовых поставок в Турцию, а затем в Южную Европу. Проект «Южный поток» является прямым конкурентом Баку–Тбилиси–Эрзерум (БТЭ), который по замыслу западных лоббистов проекта должен был отрезать южно-европейских потребителей от российского газа. Кроме того, Россия инициировала нефтепроводный проект Бургас–Александрополис, что не вписывается в планы США, рассчитывающих «запереть» российские нефтяные маршруты в «узком горле» турецких проливов.

Чтобы не допустить потери инициативы на Каспии, США в ближайшее время могут активизировать деятельность в отношении заявлен-

²⁹ РИА «Новости», 11 сентября 2006 г.

ных, но пока не реализованных проектов вывоза каспийских углеводородов в Европу в обход России.

Речь идет о проекте транскаспийского газопровода из Каспия по дну Черного моря через Украину в Европу, который, при соответствующих инвестициях и политической поддержке стран-транзитеров со стороны Запада, из разряда фантастических может трансформироваться в разряд реальных. То же самое можно сказать о проекте Nabucco, авторы которого рассчитывают с учетом политических реалий на поставки не иранского, а каспийского газа из Турции в Европу. Кроме того, со стороны США будет всячески лоббироваться строительство нефтепровода Самсун–Джейхан как альтернативы ветке Бургас–Александраполис.

Пока что США и ЕС получили лишь гарантию транспортировки казахстанской нефти в БТД танкерами. Для этого 24 января 2007 г. в дополнение подписанному 16 июня 2006 года договору «По поддержке и содействию в транспортировке нефти из Казахстана через Каспийское море и территорию Азербайджана на мировые рынки посредством системы Баку–Тбилис–Джейхан» в Астане был подписан меморандум о взаимопонимании по проекту создания «Казахстанской каспийской системы транспортировки нефти», предназначенной для экспорта нефти, добываемой в первую очередь на месторождениях Кашаган и Тенгиз, через Каспийское море на международные рынки³⁰.

Для обеспечения транспортировки нефти из Казахстана будет создан нефтепровод Ескене–Курык. Помимо этого, планируется создать Транскаспийскую систему, которая будет состоять из терминалов на казахском побережье Каспийского моря, танкеров и судов. Также в нее войдут нефтеналивные терминалы на азербайджанском побережье Каспийского моря и соединительные сооружения до трубопровода БТД.

Первоначальная мощность Казахстанской каспийской системы составит 25 млн. тонн нефти в год, в дальнейшем она может быть увеличена до 38 млн. тонн. Ввод системы в эксплуатацию планируется на 2011 г. (к этому времени должна начаться добыча на Кашагане).

Добившись официального одобрения поставок казахстанской нефти в БТД танкерами, Запад продолжает давление на Астану с целью реализации трубопроводных проектов по дну Каспия. США и ЕС обещают взять на себя финансирование транспортных проектов, а Североатлантический альянс готов оказать помощь Казахстану в военной области, о чем заявил в Астане спецпредставитель НАТО по странам Центральной Азии и Кавказу Роберт Симмонс.

Казахстан, который придерживается принципа многовекторности в своей энергетической политике, не заинтересован в перенаправлении основных объемов углеводородов на западное направление. Поэтому не

³⁰ Подписан меморандум о транспортировке нефти через Каспийское море // «Маркетинг и Консалтинг», 29 января 2007 г.

стоит ожидать быстрого положительного ответа от Астаны на требования Запада. Однако с учетом заинтересованности Запада можно предположить, что по мере приближения к дате начала добычи «большой» казахстанской нефти с месторождения Кашаган давление на Назарбаева со стороны США и ЕС будет возрастать.

При таком клубке противоречий, сложившихся в регионе, необходимо отметить то обстоятельство, что после развала СССР на территории Южного Кавказа и Центральной Азии образовалось значительное число межгосударственных блоков. При этом на энергетическом направлении наибольшую активность в последнее время проявляет Организация за демократию и экономическое развитие ГУАМ, в состав которой входят Азербайджанская Республика, Грузия, Республика Молдова и Украина.

Акцент на вопросах энергетики здесь очевиден, поскольку в организацию в качестве полноправного члена входит Азербайджан, геополитическая роль которого в последние годы возрастает. Давление России на соседей – то есть других членов ГУАМ – в энергетической области, а также активизация Запада в отношении диверсификации поставок привели к обсуждению проектов «обхода России» через Азербайджан, Грузию и Турцию на пути нефти и газа в Европейский союз. Источником этого газа и нефти может стать Азербайджан – член организации и Казахстан.

Основным обсуждаемым проектом в рамках ГУАМ является нефтепровод Одесса–Броды и его продолжение до польского порта Гданьск. Между тем, как показывают предыдущие встречи ГУАМ, консенсус в рамках этой организации достигается в основном на уровне политических деклараций. Лидерам ГУАМ не удалось пока решить ни одного конкретного вопроса, будь то выстраивание энергетических коридоров или создание миротворческих сил.

США и их западные союзники не оставляют попыток дальнейшего реформирования политического пространства на южных рубежах России. В этой связи аналитики обратили внимание на состоявшуюся в середине января 2005 г. в Гармиш-Патенкирхене (Германия) конференцию по проблемам безопасности в Центральной и Южной Азии. В ней приняли участие представители министерств обороны, иностранных дел, внутренних дел и пограничных служб всех пяти центрально-азиатских государств, Пакистана и Афганистана, представители США и Германии, Центрального командования США (в зону ответственности которого включена Центральная Азия), а также глава Командования Объединенными силами в Афганистане генерал-лейтенант Д.Барно (США).

В дальнейшем нельзя исключать официального оформления новой региональной межгосударственной организации, объединяющей страны Центральной и Южной Азии.

Таким образом, формирование нового блока, в котором ведущую роль будут играть США, создаст возможность реализации планов по прокладке, минуя Россию, трубопроводов для каспийской нефти и газа в южном направлении, создания транспортных коммуникаций для товаропотоков и выхода центрально-азиатских стран к южным морям, в чем, безусловно, заинтересованы и сами страны Центральной Азии, особенно Туркменистан, Казахстан и Узбекистан.

В итоге, будут сформированы два новых стратегических направления транспортировки каспийских углеводородов, идущие в обход России: западное (нефтепровод Баку–Джейхан и Транскаспийский газопровод), прикрытое ГУАМ, и южное, обеспечение безопасности которого будет возложено на возможное новое региональное объединение стран Центральной и Южной Азии.

При этом растущий вес региона на мировой энергетической карте дает основания ряду государств претендовать на региональное лидерство. Подобное стремление, например, демонстрирует в последнее время Казахстан, презентовавший свой интеграционный проект создания «Унистана» или Союза центрально-азиатских государств.

Идея создания экономического союза среднеазиатских республик не нова. Проект такого объединения появился у президента Казахстана Нурсултана Назарбаева еще 12 лет назад, но тогда эта инициатива не нашла поддержки в соседних странах. В апреле 2007 года Назарбаев снова призвал руководителей Узбекистана, Таджикистана, Туркмении и Киргизии объединить республики в экономический союз для создания «самодостаточного рынка» в регионе, «который может полностью обеспечить себя продовольствием и энергетикой»³¹.

Трубопроводная политика на Каспии и интересы России

Среди стран-конкурентов, активизирующих свою деятельность в Каспийском регионе, России принадлежит особое место. Южный Кавказ и Каспий жизненно важны для нее по совокупности всех факторов – экономических, политических, военно-стратегических, социальных и др. Ошибочная государственная стратегия в отношении Каспия и всего Каспийско-Черноморского региона может привести к необратимым негативным последствиям:

– в геополитическом плане – к утрате важнейших коммуникаций, полному вытеснению России из Каспийско-Черноморского и Центрально-Азиатского регионов, превращению ее в заурядное «северное» государство, сырьевой придаток развитых стран и к окончательному лишению статуса мировой державы;

³¹ Асадова Н. Астана – столица Унистана // «Коммерсантъ-Власть», 27 мая 2007 г.

– в политическом отношении – к потере многовековых надежных союзников в лице государств Южного Кавказа и Центральной Азии, более того, к их возможной политической переориентации в недружественные России режимы;

– в экономическом отношении – к частичной или даже полной потере традиционных рынков Каспийского региона и Кавказа, утрате доходов от транспортировки нефти и газа.

Не менее опасны и возможные негативные для России последствия в социальной и экологической областях. Вероятность такого развития событий усиливается тем, что Россия, как традиционный, исторически сложившийся центр силы в Прикаспии, является основным объектом политического и экономического давления со стороны США и их западных союзников.

Тем не менее, невзирая на очевидные неблагоприятные для России последствия, политика российского руководства в отношении Каспийского региона долгое время была непоследовательной, пассивной, противоречивой во многих своих аспектах, слабо учитывающей складывающиеся реалии. «Вам не нравятся наши расценки на транзит вашего газа? Тогда возите его самолетами!» – по рассказу крупного российского чиновника, такой аргумент премьер Виктор Черномырдин использовал на переговорах с казахстанской делегацией³². Такая вот дипломатия была у российского руководства. Стратегия завлабов и директоров заводов была проста. Непонятно откуда взявшееся и утвердившееся мнение о том, что бывшие советские республики никуда не денутся, обернулось крупными неудачами на Кавказе и, частично, в Центральной Азии.

В целом Россия имела неплохие шансы в борьбе за влияние на Каспии. Предложенный маршрут транспортировки нефти из Баку в Новороссийск, о котором уже говорилось выше, был коротким и экономичным, а казахстанскую нефть можно было с относительно небольшими затратами на строительство перемычек и расширение мощностей направить в систему «Транснефти».

Однако Москва проиграла почти по всем направлениям. Реализация проекта БТД и подключение к нему Казахстана зафиксировали поражение России в «войне маршрутов»: азербайджанскую нефть и частично западноказахстанские нефть и газ решено было транспортировать по трубопроводу через Турцию.

Соперничество за ресурсы Каспия имеет серьезную геополитическую подоплеку, и строительство БТД было направлено именно на снижение энергетической роли России на Южном Кавказе, в Центральной Азии и

³² *Ростовский М.* Муж и жена – одна Астана // «Московский комсомолец», 6 ноября 2006 г.

в СНГ в целом. Запуск трубопроводных систем БДТ и БТЭ в прямом и переносном смысле дал толчок формированию на юге Евразии нового энерготранспортного коридора Восток–Запад.

Формирование нового энерготранспортного коридора значительно меняет расстановку сил в Каспийском регионе. И если российские эксперты комментировали запуск БТД довольно сдержанно, заявляя, что этот проект на 100% политический и поэтому не окажет влияние на российские нефтетранспортные маршруты, то комментарии западных аналитиков выглядят значительно резче. Так, по мнению авторитетного немецкого еженедельника «Die Tageszeitung», новый трубопровод «уменьшает влияние России на государства бассейна Каспийского моря»³³. По мнению издания, «со стратегической точки зрения Соединенные Штаты одним ударом убивают сразу несколько «мух». Во-первых, они помогают соседним государствам бассейна Каспийского моря избавиться от зависимости от России. Во-вторых, сборы за транзит нефти пойдут на пользу союзникам США: Азербайджану, Грузии и Турции».

БТД и БТЭ не только отрезают Россию и Иран от основных потоков углеводородов, но и угрожают функционированию уже действующих маршрутов транспортировки углеводородов Каспия через территорию России. Один из них – Баку–Новороссийск, использовавшийся до последнего времени для транзита азербайджанской нефти – теперь под вопросом.

Благодаря новым трубопроводным маршрутам США получают возможность уменьшить влияние России в регионе и усилить позиции своего союзника – Турции; Европа – диверсифицировать маршруты поставки энергоносителей; Азербайджан и Грузия – ослабить свою зависимость от России и максимизировать доходы от транзита.

Россия потеряла также первенство в разработке углеводородных ресурсов региона. Среди полусотни зарубежных компаний, действующих на Каспии, участие в оффшорных проектах вне российского сектора приняла лишь одна отечественная компания – «ЛУКОЙЛ» (в 2007 г. к ней присоединилась «РуссНефть»). Участие «ЛУКОЙЛа», впрочем, тоже оказалось весьма скромным на фоне западных инвестиций. Особенно неудачным для частного бизнеса был старт каспийской нефтяной гонки в первой половине 1990-х, когда были приватизированы наиболее лакомые куски «углеводородного пирога». Добыча «ЛУКОЙЛа» на Каспии за последние семь лет возросла в три раза, правда, в значительной степени за счет освоения российской части шельфа. Таким образом, к концу 1990-х гг. состоялся фактический выход России из Каспийского региона как в политическом, так и в экономическом плане³⁴.

³³ *Бем Петер*. Для Джеймса Бонда больше нет никаких шансов // «Die Tageszeitung» (Германия), 25 мая 2005 г. (перевод InoСМИ.Ru).

³⁴ *Рубанов И.* Нефть, которую мы теряем // «Эксперт», №41(441), 1 ноября 2004 г.

Курс на ослабление влияния Москвы наглядно демонстрирует череда «революций» в странах СНГ. В указанную тенденцию полностью вписывается активизация с подачи Украины и Грузии усилий по воссозданию блока ГУАМ, имеющего явно антироссийскую направленность. «Резапуск» ГУАМ был «подверстан» под начало функционирования нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан. Без энергетической основы БТД проект ГУАМ рискует вновь выродиться в политическую декларацию.

Для Украины, претендующей на роль идеолога проекта, крайне важно обеспечить себе доступ к альтернативным источникам энергоснабжения, чтобы снизить зависимость от России и получить выход в Европу. В этой связи в рамках ГУАМ, помимо БТД, где возможность прямого участия Киева фактически исключена, Украина как составную часть глобальной системы диверсификации поставок углеводородов лоббирует проект Одесса–Броды–Гданьск.

Тем не менее, в связи с курсом на прагматизацию внешней политики России, взятым В.Путиным, а также со значительным укреплением внутривнутриполитической и внутриэкономической ситуации, со стороны Москвы были предприняты ряд шагов, направленных на возвращение позиций в регионе. Среди них:

- открытие в 2002 г. газопровода «Голубой поток» в Турцию. В ноябре 2005 г. В.Путин предложил увеличить его проектную мощность с 16 до 24 млрд. куб. м в год с целью направить этот газ транзитом через Турцию в Грецию, Южную Италию и Центральную Европу;

- продавливание Москвой инициатив в рамках проекта «Южный поток» (из России – в Болгарию и затем транзитом в страны Южной и Восточной Европы;

- открытие в 2001 г. нефтепровода Тенгиз–Новороссийск (Каспийский трубопроводный консорциум – КТК. 32 млн. тонн нефти с перспективой увеличения до 67 млн. тонн). Этот маршрут уже внес весьма существенный вклад в развитие нефтяного экспорта Казахстана. Более того, близки к реализации планы дальнейшего расширения этого проекта, что позволяет говорить о КТК как об одном из основных и наиболее перспективных маршрутов экспорта казахстанской нефти;

- достижение долгосрочных договоренностей с Туркменией о закупках практически всего объема добываемого там газа;

- реверс нефтепровода Одесса–Броды в феврале 2004 г.;

- продавливание на политическом уровне маршрута Бургас–Александруполис как альтернативного БТД маршрута доступа казахстанской нефти в Европу.

На последнем стоит остановиться особо. Строительство трансбалканского нефтепровода Бургас–Александруполис предложено в 1993 г. греческой стороной для разгрузки проливов Босфор и Дарданеллы. Плани-

руется доставлять российскую нефть из Новороссийска танкерами в морской терминал в Бургасе (грузоподъемность – 150 тыс. тонн). Затем экспортировать ее по трубам в обход турецкого Босфора в греческий Александруполис (150–300 тыс. тонн). Протяженность нефтепровода – около 300 км, пропускная способность может достигать 35–50 млн. тонн в год. 12 апреля 2005 г. представители трех стран – участниц проекта подписали меморандум о строительстве нефтепровода.

Проект Бургас–Александруполис сдвинулся с мертвой точки в сентябре 2006 года, когда В.Путин подписал в Афинах декларацию о сотрудничестве в энергетике с премьером Греции К.Караманлисом и болгарским премьером. Москва заинтересована в реализации данного проекта по следующим причинам.

Во-первых, строительство нефтепровода помогло бы минимизировать зависимость от Турции, контролирующей проливы Босфор и Дарданеллы, а также стать ответом на введение в строй нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан, запуск которого поставил Россию в трудное положение. Все российские нефтеэкспортные потоки замыкаются на турецкие проливы, и в настоящее время альтернативы этому маршруту нет. Между тем наиболее уязвимым местом в российской транспортной политике на турецком направлении является пропускная способность Босфора. Это, с одной стороны, снижает экспортные и транзитные возможности России (в частности, именно неразрешенность вопроса обхода проливов является аргументом для отказа России в увеличении мощности нефтепровода КТК), а с другой – подталкивает Москву к использованию БТД в качестве резервного (а в случае полного перекрытия турецких проливов – основного) маршрута транспортировки нефти на южном направлении.

Во-вторых, ввод в строй нефтепровода Бургас–Александруполис стал бы дополнительным фактором ослабления позиций лоббистов проекта Одесса–Броды (с продолжением на польский Гданьск).

В-третьих, активизация работ по созданию российско-болгаро-греческого нефтепровода может привести к срыву реализации лоббируемого США проекта Самсун–Джейхан. Он предполагает строительство нефтепровода по территории Турции мощностью около 50 млн. тонн в год и длиной 560 км, терминала в порту Самсун и мощностей по хранению нефти в Джейхане.

Российским компаниям удалось добиться ряда уступок от европейских партнеров в отношении таможенных и налоговых преференций, а также формулы расчета доли в капитале консорциума, исходя из общего вклада страны.

Одним из основных международных событий 2007 года является подписание соглашения между правительствами России, Болгарии и Греции о сотрудничестве при сооружении и эксплуатации нефтепрово-

да Бургас–Александруполис с последующей договоренностью между Путиным и Назарбаевым о расширении КТК и транспортировке казахстанской нефти по новому маршруту.

Согласно проекту, нефть с морского терминала в Новороссийске будет перегружаться с танкеров в Бургасе, поступать по трубопроводу в Александруполис, где вновь будет грузиться на танкеры, а затем поставляться в страны Южной и Западной Европы. Тем самым Москва увеличивает объемы транспортируемой нефти и подключает новые страны к участию в реализации своей энергетической стратегии. Маршрут проложен в обход турецких проливов Босфор и Дарданеллы, что позволит разгрузить эту транспортную артерию и снизить стоимость поставок.

Собственником нефтепровода станет международная проектная компания, которую учредят участники проекта. России в ней будет принадлежать доля в 51%, ее закрепят за созданным недавно ООО «Трубопроводный консорциум «Бургас–Александруполис», участниками которого являются «Транснефть», «Роснефть» и «Газпромнефть» (по 33% в консорциуме у каждой). Долей в 24,5% в общем проекте будет владеть болгарская проектная компания «Бургас–Александруполис», аналогичным пакетом – Греция.

Однако, несмотря на уступки, сделанные российской стороне, в реальности и Греция, и Болгария будут придерживаться линии на продолжение стагнации проекта.

Главной причиной этого являются геополитические соображения. США и руководство Евросоюза проводят политику, направленную на недопущение реализации строительства данного нефтепровода, который рассматривается как элемент стратегии энергетической экспансии Москвы. Существует вероятность, что в итоге Греция и Болгария выберут иные маршруты, лоббируемые США. Так, американской стороной в отношении Греции активно велись переговоры о возможности ее подключения к проекту БТД. В отношении Болгарии был также предложен альтернативный вариант нефтепровода Бургас–Влера через Македонию и Албанию.

Лоббирование маршрута Бургас–Александруполис на высшем уровне говорит о том, что речь идет о стремлении России продвинуть свои экономические и геополитические интересы в Южной Европе. Россия и в будущем будет форсировать строительство данного нефтепровода. Однако активизируется и политика Вашингтона в этом направлении. Характерно, что на инициативы Москвы в рамках проекта Бургас–Александруполис практически сразу же был дан симметричный ответ. В частности, 3 апреля 2007 г. министры энергетики Румынии, Сербии, Словении, Италии и Хорватии подписали декларацию о строительстве нефтепровода, который свяжет румынский черноморский порт Констанца

танца с итальянским городом Триест, расположенным на побережье Адриатического моря (Панъевропейский проект). Нефтепровод создается для транспортировки нефти из Каспийского региона в Европу. Планируется, что нефть в трубопровод будет поступать из турецкого порта Джейхан по маршруту БТД танкерами до Констанцы. Далее каспийская нефть пойдет в страны Центральной, Южной и Восточной Европы – в Италию, Австрию, Чехию и Германию. Кроме того, 24 апреля 2007 г. был дан официальный старт строительства трубопровода из черноморского порта Самсун до средиземноморского Джейхана мощностью в 50 млн. тонн.

Уже сейчас очевидно, что Болгария с Грецией не хотят «играть» против интересов США и ЕС в сфере транзита нефти и газа из бывшего СССР и по этой причине будут затягивать строительство³⁵. В этой связи сейчас ключевым для проекта является вопрос о сроках – если обсуждение технических вопросов займет слишком много времени, то его реализация может оказаться под вопросом.

В российской трубопроводной политике на южном направлении выделяется еще один аспект. Проект Бургас–Александруполис в РФ изначально рассматривали в связке с КТК с тем, чтобы болгаро-греческий трубопровод разгружал Босфор и Дарданеллы, а КТК направлял бы нефть, прежде всего каспийскую, в нефтепровод Бургас-Александруполис. Таким образом, Москва хотела контролировать экспортные потоки каспийской нефти. Но был введен в строй БТД, и ситуация изменилась.

Есть и более дальний прицел – противопоставить связку КТК и Бургас–Александруполис проекту Баку–Джейхан. Значит, контроль России над КТК, где у РФ всего 24%, надо каким-то образом усилить. Отсюда и массивные налоговые проверки КТК, и передача российской госдоли в консорциуме компании «Транснефть».

В то же время проект пока далек от реализации. В частности, для России важнейшей задачей является договориться с Казахстаном. Фактически именно решение Казахстана, через какой трубопровод экспортировать свою нефть, является решающим для строительства нефтепровода Бургас–Александруполис.

Казахстанские власти заявляют, что добыча нефти в Казахстане к 2015 г. увеличится вдвое. При этом они проводят сугубо прагматичную политику в отношении маршрутов транспортировки углеводородного сырья, придерживаясь принципа многовекторности маршрутов экспорта и максимальной эффективности использования трубопроводной системы. Последнее подразумевает создание новых и расширение существующих экспортных систем, исходя из доступности к транзитным мощностям и конкурентоспособности тарифа. Имеется в виду и перспективность восточного нап-

³⁵ Пятая труба // «Российская газета», 7 сентября 2006 г.

равления с подключением гигантского рынка Китая и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, испытывающих энергодефицит.

В связи с таким видением Москва согласилась с тем, что мощность КТК будет расширена до 40 млн. тонн нефти в год.

Назарбаев и США давно просят Россию расширить КТК, в противном случае Астана будет вынуждена диверсифицировать поставки и использовать альтернативные трубопроводы – например, Баку–Тбилиси–Джейхан. Для России же ситуация не является однозначной. С одной стороны, Москва сопротивляется расширению КТК, называя данный маршрут убыточным, с другой – стремится ослабить конкуренцию со стороны БТД и других маршрутов, которые значительно снижают влияние России в регионе и ослабляют позиции на нефтяном рынке.

Сейчас торг между Россией и Казахстаном вступил в новую стадию. Дело в том, что Россия заинтересована в «соединении» двух маршрутов: морской части (от Новороссийска, где заканчивается КТК) и трубопровода Бургас–Александруполис. Главной задачей Путина в ходе переговоров с Назарбаевым в мае 2007 г. было добиться согласия Казахстана на наполнение нефтепровода Бургас–Александруполис в обмен на последующее расширение КТК.

Как заявил Назарбаев, на трубопровод Бургас–Александруполис могут пойти дополнительные 17 млн. тонн, при том что КТК будет расширен до 40 млн. тонн. Путин тут же указал, что России надо еще подумать. Никаких конкретных договоренностей о расширении КТК в Астане достигнуто не было³⁶. Готовность России к этому шагу будет напрямую увязана с увеличением тарифов КТК и рентабельностью проекта. Представляется, что такая позиция России является торговой: в действительности речь идет о том, чтобы уговорить Казахстан отсрочить расширение КТК и «привязать» экспорт казахстанской нефти к трубопроводу Бургас–Александруполис. Для Москвы это крайне важно, так как в Турции дан старт строительству конкурирующего трубопровода Самсун–Джейхан.

Отсутствие решения по вопросу расширения КТК является достаточно опасным для России, так как в этом случае Казахстан, который наращивает добычу нефти, может переориентироваться на другие направления экспорта. Осознавая свою мощь как экспортера энергоресурсов, он намерен жестко торговаться с Россией, стремясь закрепить на рынке энергоносителей. Тем не менее, пока преувеличивать проблемы поиска политической формулы расширения КТК не стоит: Казахстан не намерен рисковать стратегическим партнерством с Россией. Судя по всему, Назарбаев понимает, что России придется идти на уступки в вопросе расширения КТК, чтобы не увеличить конкурентоспособность БТД и

³⁶ Путин не решил судьбу КТК // «Ведомости», 10 мая 2007 г.

сохранить благоприятный фундамент для реализации стратегически еще более важных проектов в газовой сфере.

Интригу вокруг маршрутов транспортировки каспийской нефти также обостряет нарастающее давление на страны региона со стороны Евросоюза и прозападных межгосударственных объединений. В октябре 2007 г. в ходе саммита в Вильнюсе Азербайджан, Грузия, Литва, Польша и Украина подписали соглашение о продлении нефтепровода Одесса–Броды. Предполагается, что он будет продолжен до польского Гданьска и литовского Мажейкяя.

Аналитики скептически отнеслись к этим договоренностям. Во-первых, в ходе дискуссии обнаружились серьезные расхождения между сторонами, в том числе в части энергетической составляющей. Во-вторых, сохраняется неопределенность вокруг источников нефти для предполагаемого маршрута. Участники консорциума «Сарматия», созданного для достройки нефтепровода Одесса–Броды до польского Плоцка, рассчитывают в первую очередь на нефть Азербайджана и Казахстана. Однако свободных объемов у Баку и Астаны пока нет.

ЕС заинтересован в диверсификации источников поставки сырья, и не исключено, что под давлением со стороны Брюсселя и Вашингтона проект все же будет реализован. Вместе с тем можно предположить, что по мере продвижения проекта Одесса–Броды–Гданьск российская сторона будет все активнее развивать альтернативные трубопроводные маршруты, в частности Балтийскую трубопроводную систему-2 (БТС-2).

Конкуренция вокруг газопроводов

В Каспийском регионе, обладающем большими запасами природного газа (так, доля трех прикаспийских стран – России, Туркменистана и Ирана – составляет, по некоторым оценкам, до 70% от мировых запасов, хотя большинство этих месторождений достаточно удалены от Каспия), тесное переплетение нефте- и газодобычи и транспортировки нефтегазовых ресурсов проявляется особенно наглядно. Характерным для этого региона является то, что в происходящих здесь геополитических и гео-экономических процессах газовая проблема становится все более значимой, и нельзя исключать, что со временем она станет преобладающей.

Ситуация вокруг маршрутов транспортировки газа из Каспийского региона на мировые газовые рынки складывается непростая. Она особенно обострилась после открытия в Азербайджане значительных запасов газа (месторождение Шах-Дениз), что выводит Азербайджан в ряды основных конкурентов-поставщиков газа в ЕС, к которым относятся Россия, Туркменистан и Иран. Таким образом, страны Южного Кавказа оказались в центре масштабной конкурентной борьбы за перспекти-

вы выхода каспийского и центрально-азиатского газа на рынки Европы. В этой связи целесообразным представляется не вычлнять только те газопроводные проекты, в которых принимают участие государства, территориально относящиеся к Южно-Кавказскому региону, а рассмотреть весь комплекс конкурирующих между собой региональных газовых проектов.

С точки зрения перспектив «Газпрома» на постсоветском пространстве, обращает на себя внимание развитие ситуации вокруг поставок центрально-азиатского газа. Для России, закупающей ежегодно миллиарды кубометров туркменского газа, вопрос о сотрудничестве в сфере энергоресурсов особенно актуален. Стремление европейцев диверсифицировать поставки энергоресурсов, чтобы снизить зависимость от Москвы, набирает обороты. В представленном в начале 2007 г. проекте энергетической стратегии ЕС самым приоритетным инфраструктурным ее элементом был назван Транскаспийский газопровод, который должен соединить газовые месторождения Туркменистана и Казахстана с газопроводом БТЭ и дать гарантии загрузки газопровода Nabucco (из Турции в Австрию через Болгарию, Румынию и Венгрию)³⁷.

Однако до сих пор для заполнения данных трубопроводных маршрутов нет гарантированного источника. Азербайджанское месторождение Шах-Дениз не может обеспечить в долгосрочной перспективе необходимый объем. Пик добычи нефти и газа в Азербайджане придется на 2015–2020 гг., после чего ожидается существенный спад экспорта.

Поэтому европейские эмиссары в настоящее время пытаются развернуть на западное направление потоки туркменского и казахстанского газа, которые сейчас ориентированы на Россию.

Туркменистан, как основная газодобывающая страна в регионе, придерживается многовариантности экспортных газопроводов. Стратегическими направлениями транспортировки газа для него являются: трансазербайджанское (через Каспий, Азербайджан и Грузию в Турцию и далее в Европу), трансиранское (Иран–Турция–Европа), трансатлантическое (через Афганистан в Пакистан и Индию) и трансасиатское (в Китай и Японию). Но пока практически единственным реальным путем транспортировки газа (если не считать сравнительно маломощного газопровода в Северный Иран) для него является российский маршрут. Именно через него туркменский газ поступает в страны СНГ – Россию, Украину и на другие рынки. Однако реализация всех этих маршрутов оказывается довольно непростой.

Для России появление новых маршрутов центрально-азиатских энергоносителей означало бы превращение Казахстана и Туркмении из

³⁷ Борьба за наследие Туркменбаши // «Время новостей», 22 марта 2007 г.

младших партнеров в конкурентов на европейском рынке. Для Москвы не потерять Центральную Азию очень важно как по внешнеполитическим причинам (геополитическое соревнование с США, ЕС и Китаем), так и по внутренним (нефть и газ Центральной Азии дают прибыль и смысл для трубопроводов по территории России). Кроме того, азиатский газ в особенности позволяет покрывать имеющиеся обязательства перед Украиной и другими потребителями.

Россия намерена сохранить монополию на экспорт газа и доминирующие позиции в экспорте нефти. В первом случае важнее заручиться поддержкой Туркмении, которая обсуждает возможность строительства Транскаспийского газопровода в обход России. Во втором случае крайне важна поддержка Казахстана. Усилия США и ЕС концентрируются на подготовке технико-экономических обоснований (ТЭО) и обеспечении политической поддержки проектов транспортировки углеводородов Центрально-Азиатского региона в Европу через Азербайджан и Турцию.

Так, в августе 2007 г. Государственный департамент США выделил грант в размере 1,7 млн. долл. на разработку ТЭО Транскаспийских нефтепровода и газопровода³⁸. В течение всего года Туркменистан посещали представители США. Вашингтон убеждает Ашхабад в целесообразности и технической возможности строительства Транскаспийского газопровода в обход России.

ЕС, в свою очередь, видит в Туркменистане ресурсную базу для трубопроводного проекта Nabucco, неразрывно связанного с Транскаспийским проектом. 30 ноября 2007 г. в Брюсселе прошла встреча официальных лиц Еврокомиссии с представителями Азербайджана, Казахстана, Грузии и Туркмении, в ходе которой был одобрен документ, подтверждающий экономическую обоснованность строительства газотранспортной системы Транскаспий–Nabucco.

Существующие тенденции ослабления позиции России в Центральной Азии и Каспийском регионе вынуждают Россию предпринимать более активные шаги в отношении энергетической политики на южном направлении. Так, пойдя на ряд принципиальных уступок по цене на газ (в течение года Ашхабад дважды инициировал пересмотр ценовых договоренностей, и оба раза «Газпром» соглашался на новые параметры двустороннего сотрудничества), Москва добилась от Туркмении присоединения к проекту строительства Прикаспийского газопровода, считающегося основным конкурентом Транскаспия.

Факт подписания соглашения о строительстве Прикаспийского трубопровода позволяет говорить о том, что позиции Москвы в борьбе за Центральную Азию и ее энергетические ресурсы пока выглядят более предпочтительными. В частности, в ходе визита президента РФ Д.Мед-

³⁸ Мишин В. «Белые пятна» Транскаспия // «Нефть России», 13 ноября 2007 г.

ведова в Туркмению в начале июля 2008 г. со стороны Г.Бердымухаммедова были даны заверения в выполнении всех ранее достигнутых обязательств. В подтверждении этому туркменская сторона заявила об осуществлении значительного объема работ по практической реализации Прикаспийского проекта³⁹.

Однако, как показали переговоры, создание энергетического союза продвигалось весьма проблематично и говорить о том, что в результате Россия гарантировала себе на долгосрочный период монопольное положение в поставках центрально-азиатского газа в Европу, пока преждевременно. Реализация достигнутых между странами договоренностей потребует от России серьезных усилий и по меньшей мере будет стоить ей серьезных уступок.

Основным препятствием к продвижению данного проекта является стремление стран Центральной Азии «затянуть» окончательное решение по трубопроводным маршрутам в ожидании преференций со стороны заинтересованных игроков.

Характерным эпизодом подобной «энергетической дипломатии» стало обозначенное желание центрально-азиатских государств определить новые, более высокие ценовые ориентиры для России. В частности, 11 марта 2008 г. в Москве было озвучено, по сути, картельное решение руководства Казахстана, Туркмении и Узбекистана о продаже «Газпрому» с 2009 года газа по «среднеевропейским» ценам⁴⁰.

Отмечается крайне неустойчивая позиция Туркмении в отношении перспектив газового сотрудничества с заинтересованными игроками. И России, и Евросоюзу со стороны президента Туркмении Г.Бердымухаммедова были даны заверения в поддержке их трубопроводных инициатив. Так, весной текущего года, вернувшись из поездки в Туркмению, еврокомиссар по вопросам внешней политики Бенита Ферреро-Вальднер сказала в интервью *Financial Times*: «Президент... заверил нас, что для Европы будет зарезервировано 10 млрд. кубометров, причем существует возможность дополнительных закупок из новых месторождений». Это не «запредельный объем», заметила она, но все же «очень важный первый шаг»⁴¹.

Кроме того, Ашхабад вынашивает планы строительства газопровода в Китай и Индию, что также было подтверждено на официальном уровне.

В последнее время Россия активно включилась в борьбу за газовые ресурсы Азербайджана. Так, в ходе состоявшегося в июне 2008 года визита А.Миллера в Азербайджан глава «Газпрома» заявил о готовности монополии покупать азербайджанский газ по рыночным ценам и на ос-

³⁹ РИА «Новости», 14 июля 2008 г.

⁴⁰ Азия требует доплатить // «Ведомости», 11 марта 2008 г.

⁴¹ Предложение Туркмении позволит ЕС ослабить зависимость от российского газа // *Financial Times*, 14 апреля 2008 г.

нове долгосрочных контрактов. Как отмечает азербайджанский политолог Т.Атаев, хотя большинство аналитиков в осторожной трактовке заявили об отсутствии положительного ответа официального Баку на предложение А.Миллера, не все так однозначно. Свидетельством этого является заявление главы государственной нефтяной компании Азербайджана (ГНКАР) Ровнага Абдуллаева. Дело даже не в его высказывании о положительной оценке предложения Москвы. Он, в частности, сказал: «У нас сейчас много предложений от разных стран – это Иран, Турция, Израиль, Россия, Европа... Все они предусматривают поставки газа в рамках «Стадии-2» разработки месторождения Шах-Дениз. Мы сейчас изучаем эти предложения и постараемся выбрать самое выгодное с ценовой точки зрения». Характерно, что в тот же день вице-президент ГНКАР по инвестициям и маркетингу Эльшад Насиров сообщил о переговорах с «Транснефтью» по вопросу транспортировки казахстанской или туркменской нефти по нефтепроводу Баку–Новороссийск⁴².

При этом необходимо учитывать, что в переговоры между Москвой и Баку могут вмешаться Соединенные Штаты, которые достаточно плотно контролируют нынешнее азербайджанское руководство и крайне не заинтересованы в развитии его связей с Москвой по энергетической линии.

Ниже следует краткая характеристика основных газопроводных проектов, прямо или косвенно влияющих на энергетическую картину Южного Кавказа.

«Голубой поток»

«Голубой поток» – это газопровод из России в Турцию, проложенный по дну Черного моря. Проектная мощность – 16 млрд. куб. м.

Международно-правовой основой реализации проекта являются соглашение между правительствами России и Турции о сотрудничестве в области энергетики и соглашение о поставках российского природного газа в Турцию через акваторию Черного моря, подписанные в Анкаре в 1997 г. (о поставке в течение 25 лет дополнительно около 16 млрд. куб. м газа). В 1999 г. партнером «Газпрома» по реализации этого проекта стала итальянская компания ENI⁴³.

Владельцем морского участка газопровода является российско-итальянская компания Blue Stream Pipeline Company B.V. (BSPQ, которую на паритетных началах учредили «Газпром» и итальянский концерн ENI, и его отделение, специализирующееся в газовой отрасли – Snam. Владелец и оператор сухопутного участка газопровода является ОАО «Газпром».

⁴² <http://www.islamrf.ru/articles.php?sid=3262>

⁴³ *Санун А. Из турецкого плена // «Нефтегазовая вертикаль», 12 января 2006 г.*

Строительство газопровода завершилось 30 декабря 2002 г., когда был сдан в эксплуатацию пусковой комплекс на российской территории и осуществлена контрольная подача газа на терминал «Дурусун» в Турции.

С самого начала поставок по «Голубому потоку» российская сторона столкнулась с целым рядом сложностей, главная из которых заключалась в том, что Турция оказалась неготовой принять законтрактованные объемы и предпринимала попытки изменить первоначальные условия контракта. В рамках этих попыток Анкара в 2003 г. на несколько месяцев приостанавливала отбор газа из «Голубого потока».

К настоящему времени конфликт с Анкарой урегулирован: Россия согласилась на некоторое снижение цены поставляемого газа и на период до 2010 г. предоставила Турции льготу по условиям «take or pay», снизив объем минимальных поставок. Таким образом, на сегодняшний день «Голубой поток» – самый дорогой и малорентабельный экспортный проект «Газпрома».

В настоящее время по «Голубому потоку» прокачивается только четверть от технически возможного объема, а срок выхода на проектную загрузку отодвинулся до 2010 года. Учитывая, что строительство «Голубого потока», которое обошлось в 3,2 млрд. долл., велось на заемные средства, такое снижение ожидаемых объемов делает рентабельность проекта крайне низкой.

Однако при всех минусах с точки зрения экономики этот проект имеет большое стратегическое значение для России. Построив газопровод по дну Черного моря, Россия решила проблему экспорта газа по территории транзитных государств и опередила ряд конкурирующих с ним на тот момент проектов. В первую очередь «Голубой поток» снизил вероятность строительства Транскаспийского газопровода для экспорта туркменского газа.

Более того, «Газпром» заявлял о возможности введения второй очереди «Голубого потока». На фоне недозагруженной первой очереди такие планы выглядят, мягко говоря, спорными. Но «Газпром» включился в эту игру, и Москва здесь преследует свои цели. Это, во-первых, усиление конкурентоспособности по отношению к другим потенциальным поставщикам газа через Турцию в Европу. А во-вторых, что не менее важно, оказание давления на страны, через которые сейчас идет на экспорт российский газ.

Баку–Тбилиси–Эрзерум

Международный консорциум в составе Statoil, BP, ГНКАР и ряда других компаний по освоению газоконденсатного месторождения Шах-Дениз в Азербайджане реализовал проект доставки природного газа по экспортному газопроводу Баку–Тбилиси–Эрзерум с первоначальной

мощностью 9,5 млрд. куб. м газа в год и возможностью расширения до 20 млрд. куб. м.

Строительство газопровода было санкционировано в феврале 2003 года и началось в мае 2004 г. К осени 2006 г. строительство газопровода было завершено. Начавшаяся в декабре 2006 г. добыча на газовом месторождении Шах-Дениз прервалась из-за технических неполадок в первой добывающей скважине и возобновилась только с вводом второй скважины в феврале 2007 года. В июле 2007 г. начались поставки газа в Турцию.

Новый газопровод становится альтернативным источником природного газа для ряда нынешних и потенциальных покупателей «Газпрома». Таким образом, на постсоветском пространстве, где монополии на экспорт природного газа удерживала Россия, началось формирование «клуба независимых экспортеров».

Первыми покупателями стали Азербайджан, Грузия и Турция. В перспективе БТЭ нацелен на рынки Италии, Греции, Болгарии, Израиля и, возможно, некоторых других европейских стран. В большинстве этих стран азербайджанский газ вступит в конкуренцию с газом российским.

При этом азербайджанский газ имеет одно неоспоримое конкурентное преимущество перед российским – он будет дешевле.

По условиям купли-продажи шах-денизского газа фиксированные цены не могут быть изменены как минимум в течение года с начала экспорта. Впоследствии стороны могут пересматривать стоимость газа, исходя из цен на нефть. Однако если учесть, что расстояние транспортировки по БТЭ меньше по сравнению с российскими поставками, то и в последующем азербайджанский газ останется дешевле газпромовского.

В связи с этим все более настойчивой становится тема транзита импортного газа, в том числе азербайджанского, в Европу – перспектива, которая активно поддерживается ЕС и США.

Наиболее очевидным направлением транзита может стать Греция. В декабре 2003 года BOTAS и греческая компания DEPA подписали соглашение купли-продажи газа, объемы которого должны увеличиться от 750 млн. куб. м в год на первом этапе до 11 млрд. куб. м в 2012 году. В июле 2005 года началось строительство турецко-греческой газовой трубы протяженностью около 300 км.

Турецко-греческий маршрут (Turkey–Greece Interconnection, TGI), введенный в строй в ноябре 2007 г., стал первым этапом проекта строительства газопровода Турция–Греция–Италия. Меморандум о строительстве интерконнектора подписали итальянская Edison-Gas, греческая DEPA и турецкая BOTAS, в настоящее время заканчивается совместная работа по подготовке предварительного ТЭО проекта⁴⁴.

⁴⁴ Аникеев С. Не друг, и не враг // «Эксперт», 2 декабря 2007 г.

Строительство греко-итальянского участка (Interconnection Greece-Italy, IGI) должно начаться в 2008 году и завершиться в 2010 году. А к 2012 году пропускная способность турецко-греко-итальянской трубы должна возрасти до 11,6 млрд. куб. м, из которых 3,6 млрд. будут предназначены для греков, 8 млрд. – для итальянцев.

Выход азербайджанского газа на рынки Европы связывается с реализацией второй фазы проекта освоения Шах-Дениза, в рамках которой добыча должна возрасти до 16 млрд. куб. м в год. Первоначально ВР рассчитывала начать добычу по второй стадии не раньше 2012 года. Баку настаивает на ускорении проекта. Цель понятна – опередить «Газпром».

Специалисты ГНКАР считают, что запасы Шах-Дениза в результате доразведки могут быть увеличены в 1,5–2 раза и достичь 2 трлн. куб. м. Кроме того, резервом для повышения газодобычи Баку считает глубоко расположенные залежи на контрактных площадях блока АЧГ, которые не подпадают под действие «контракта века».

Транскаспийский газопровод

История Транскаспийского проекта начинается с 1997 г., когда США де-факто объявили Черноморско-Каспийский регион зоной своих стратегических интересов. Одним из важнейших элементов стратегии США в этом регионе стало создание новой архитектуры трубопроводов, обходящих территории России и Ирана. С целью противодействия российскому проекту «Голубой поток» правительство США выделило Туркменистану 750 тыс. долл. на подготовку ТЭО альтернативного проекта газопровода и 595 тыс. долл. на консалтинговые услуги.

Проект, рассчитанный на переброску газа из Туркменистана в Турцию, предусматривал строительство газопровода протяженностью 2 тыс. км по дну Каспия (на глубине 200–300 м) до Баку, далее через Азербайджан и Грузию до Эрзерума (Турция). В том числе по территории Туркмении – 715 км, по дну Каспия – 300 км, по Азербайджану – 408 км, Грузии – 200 км, Турции – 320 км. Ежегодно по нему планировалось экспортировать 16 млрд. куб. м газа в Турцию и 14 млрд. куб. м на европейские рынки⁴⁵.

Во время президентства Сапармурата Ниязова Ашхабад, долгое время выступавший противником Транскаспийского трубопровода, все же, наконец, подал сигналы об интересе к данному проекту.

В ноябре 1999 года президентами Туркменистана, Турции, Азербайджана и Грузии было подписано межгосударственное четырехстороннее соглашение о строительстве Транскаспийского газопровода. С участием

⁴⁵ Смирнов С. Транскаспийское сумо // «Нефтегазовая вертикаль», 29 сентября 2006 г.

таких известных компаний, как General Electric, Bechtel и Shell, создается консорциум PSG. Завершить строительство газопровода планировалось в 2002 году. Однако стороны не сумели договориться об условиях строительства. Туркменистан, в частности, настаивал на получении сотен миллионов долларов в качестве предоплаты за реализацию контракта, что не устраивало PSG. Кроме того, Баку не удалось достичь соглашения с Ашхабадом о квотах на прокачку по будущему трубопроводу азербайджанского газа. В итоге все работы по трубопроводу были свернуты.

Рост цен на энергоносители и завершение строительства газопровода БТЭ создали условия для реанимации проекта. В феврале 2006 года Турция и Туркмения вернулись к обсуждению идеи Транскаспийского газопровода, а в марте желание подключиться к этим переговорам выразил Азербайджан. Интерес к проекту проявил и Казахстан.

Смерть Туркменбаши дала Западу новую надежду на реализацию проекта Транскаспийского газопровода⁴⁶. ЕС, США, Китай и Россия активизировали свои действия в надежде привлечь нового президента Гурбангулы Бердымухаммедова на свою сторону. Ряд чиновников ЕС и США посетили Ашхабад после инаугурации Бердымухаммедова, в том числе и Стивен Манн, представитель госсекретаря США по вопросам стран Южной и Центральной Азии, который до 2005 г. заведовал вопросами энергетических ресурсов Каспийского региона.

В 2007 г. США и ЕС явно уделяли усиленное внимание нефти и газу Восточного Каспия, что, в общем-то, вполне логично, так как углеводородное сырье Азербайджана уже пошло в Европу в обход России.

Поэтому вполне логично, что США и ЕС переключили свое внимание на нефть Казахстана и газ Туркменистана. Вашингтон и Брюссель продавливают проекты нефтепровода Актау–Баку мощностью 20–25 млн. тонн нефти в год и газопровода, по которому из Туркменистана в Азербайджан по дну Каспия (с последующей прокачкой через территории Грузии и Турции) планируется транспортировать до 30 млрд. куб. м «голубого топлива» в год.

Пока усилия США и ЕС концентрируются на двух направлениях: подготовке технико-экономических обоснований и обеспечении политической поддержки данным проектам. Для наполнения Транскаспийского газопровода природный газ намечается поставлять из Туркменистана и Казахстана, а правительствам этих республик придется решить очень непростой для них вопрос: стоит ли им идти на конфронтацию с Москвой и ввязываться в эту газовую комбинацию.

Другой проблемой являются газовые ресурсы. Безусловно, газовые запасы Казахстана достаточно обширны. В частности, прогнозируется, что к 2015 году Казахстан будет добывать до 45 млрд. куб. м природно-

⁴⁶ *Завьялов Д.* Газифицированная стратегия // «Нефть России», 4 июля 2007 г.

го газа ежегодно. Что касается Азербайджана, то, по словам министра энергетики и промышленности Н.Алиева, возможности республики таковы, что «до 2015 года мы сможем добыть 20 млрд. куб. м газа»⁴⁷.

Однако предполагается, что основным поставщиком будет Туркмения. Реально оценить потенциал туркменских поставок для планируемого газопровода очень сложно. Аудит, который проводила одна из известных международных компаний, так и не был опубликован. Тем не менее Ашхабад подписал с Россией долгосрочные межправительственные соглашения на 25 лет, согласно которым Туркменистан будет поставлять 80 млрд. куб. м газа ежегодно с 2009 года. Кроме того, в апреле 2007 года Ашхабад подписал рамочные договоренности с Пекином о поставках в Китай 30 млрд. куб. м газа с 2009 года. И это при том, что в республике в 2005 году было добыто лишь 63 млрд. куб. м газа (планировалось 70 млрд. куб. м). Поэтому говорить о стабильных и долгосрочных поставках газа по Транскаспийскому газопроводу можно пока только в теории.

Реанимация проекта Транскаспийского газопровода с намерением его реализации до 2010 года вызывает большие сомнения не только с ресурсной точки зрения. Главными препятствиями являются отсутствие экономического обоснования, отсутствие юридического статуса Каспия, а также сложность прокладки трубы по дну Каспия, по горам и ущельям Кавказа, через районы сейсмической и политической нестабильности.

Проблемой является и финансирование проекта. Создание инфраструктуры, прокладка подводного газопровода и последующее его присоединение к трубопроводу Баку–Тбилиси–Эрзерум обойдется в сумму не менее чем 5 млрд. долл. (10 лет назад проект оценивался вдвое дешевле). Американские Эксимбанк и Корпорация по частным инвестициям за рубежом (ОРИС) заявили о готовности предоставить определенные гарантии работающим в рамках этого проекта инвесторам. Однако сомнительная рентабельность проекта и наличие достаточно сильных конкурирующих проектов резко снижают привлекательность проекта для международных инвесторов.

Кроме того, инициаторами проекта не учитывается ряд факторов. Во-первых, в случае реализации всех перспективных проектов к 2010 году на турецкий рынок может быть поставлено до 95 млрд. куб. м газа. При этом прогнозируется, что к этому времени объем ежегодного потребления газа в Турции не превысит 45 млрд. куб. м, то есть 50 млрд. куб. м придется на транзит. Однако какие-либо технико-экономические оценки способности Турции перекачивать газ в таком объеме по своей внутренней сети (а это более 1000 км) отсутствуют. Очевидно, потребуются ее реконструкция.

⁴⁷ Смирнов С. Указ. соч.

Во-вторых, не учитывается фактор конкуренции на европейском газовом рынке. В частности, «Газпромом» запущен «Голубой поток», проектная мощность которого через несколько лет может быть увеличена с 16 до 24 млрд. куб. м. В это же время в Европу начнут поступать значительные объемы газа из стран Ближнего Востока и Африки, к 2010 году будет построен Северо-Европейский газопровод (проект North Stream). Кроме того, вероятное строительство Прикаспийского трубопровода, о чем президенты России, Туркмении и Казахстана договорились в мае 2007 г., ставит под вопрос возможность создания маршрутов в обход России. Существенно Россия продвинулась и в переговорном процессе в отношении строительства Южно-Европейского газопровода (проект South Stream).

Не стоит забывать и о вероятности террористических атак в отношении транспортной инфраструктуры планирующегося Транскаспийского направления транспортировки газа. Тем более что исламские радикальные группировки не раз заявляли о возможности развязывания экономической войны против США и их союзников.

Одним из основных препятствий прокладки газопровода по дну Каспия является отсутствие единства государств Прикаспийского региона в отношении юридического статуса Каспийского моря.

Конвенция о правовом статусе Каспийского моря до сих пор не подписана. Поэтому взаимоотношения между государствами региона по данному вопросу по-прежнему регулируются советско-иранскими договорами от 1921, 1927 и 1940 гг., в которых ни слова не сказано о возможности или невозможности строительства транскаспийских трубопроводов⁴⁸. Однако поскольку официальной (то есть определенной в результате соответствующей делимитации и закрепленной в двустороннем соглашении) советско-иранской морской границы на Каспии никогда не было, то и после распада СССР акватория моря «де-юре» является, строго говоря, общей. С учетом этого США и ЕС, подталкивая Азербайджан, Казахстан и Туркменистан к реализации транскаспийских проектов, волей-неволей создают в регионе конфликтную ситуацию.

Одним из ключевых событий последнего времени стал состоявшийся 16 октября 2007 г. в Тегеране второй саммит глав пяти прикаспийских государств. Первый саммит прикаспийских государств состоялся в Ашхабаде в 2002 г. Планировалось, что такие встречи станут ежегодными, но этого до сих пор так и не произошло. За это время в Иране, Азербайджане и Туркменистане сменились лидеры, а Москве удалось договориться с Астаной и Баку, что полностью решило вопрос по северной части Каспия. В отношении же южной части Каспийского моря этот вопрос пока решить не удастся ввиду жесткой позиции Тегерана, пытающего-

⁴⁸ Мишин В. «Белые пятна» Транскаспия // «Нефть России», 13 ноября 2007 г.

ся использовать в своих интересах устаревшие советско-иранские договоренности. Помимо этого, Азербайджан, Туркмения и Иран имеют на Каспии ряд спорных территорий.

Итоги второго саммита продемонстрировали, что единой позиции по статусу Каспия нет и сегодня. В ходе встречи в Тегеране главы прикаспийских государств фактически изложили собственное видение проблемы, не предполагающее достижения консенсуса.

На сегодняшний день с определенной условностью можно говорить о формировании трех центров силы, предлагающих свой вариант разграничения сфер влияния. Первый «блок» представлен Россией, Азербайджаном и Казахстаном, которые предлагают раздел ресурсов на дне моря по методу срединной линии до географических границ, оставляя акваторию в общем пользовании. Россия при этом настаивает на недопущении использования отдельными странами дна Каспия для прокладки трубопроводных коммуникаций. Данная позиция, не совпадающая с интересами, в частности, Азербайджана и Казахстана, не позволяет говорить об этом «блоке» как устойчивой структуре.

Второй центр представлен Ираном, руководство которого предлагает либо оставить и дно, и акваторию в общем пользовании, либо разделить все на национальные секторы поровну – по 20%. Третьей позиции придерживается Туркменистан, который признает 12-мильную зону от прибрежной полосы Каспия своей территорией.

Подобная дискуссионность правового статуса Каспия позволяет предположить, что данный вопрос не будет решен в обозримом будущем.

Тем не менее, несмотря на сохраняющуюся актуальность вышеперечисленных препятствий, Запад последовательно наращивает давление на Туркмению с целью добиться ее согласия на транспортировку газа по этому направлению. Заинтересованность США понятна. Помимо нефти, здесь сосредоточено около двух третей мировых запасов газа. Реализация Транскаспийского газопровода сделает США важным игроком на европейском газовом рынке, где американцы пока влияния не имеют. Кроме того, в Вашингтоне этот проект рассматривается как фактор, который будет способствовать отходу Туркменистана и Казахстана от России и ослаблению позиций последней на евразийском пространстве. Поэтому США будут стремиться сделать все возможное для ускорения работ по строительству магистрали и привлечению к нему инвестиций.

Заинтересованность Азербайджана в Транскаспийском проекте также понятна: если территория Азербайджана будет использована как транзитная, то это может принести стране определенную прибыль. Республика могла бы на многие годы вперед не только обеспечить себя голубым топливом, но и в случае нехватки собственного газа использовать

транзитный. Туркменистан все годы независимости пытается вырваться со своими энергоресурсами на европейский континент. Грузия, зависящая от поставок российского газа, стремится уйти от такой ориентации.

У России двойные притязания: она рассчитывает расширить как собственный экспорт природного газа на те же рынки, так и транзит энергоносителей из стран региона через свою территорию. Создание обходящего Россию маршрута экспорта газа приведет к тому, что ей придется платить более высокую цену за среднеазиатские энергоносители. Поэтому Москва будет прилагать все усилия для того, чтобы не допустить перехода Транскаспийского трубопровода из стадии проекта в стадию практического осуществления и самой доминировать в этом регионе.

Как отмечают директор программ Caspian Europe Center в Брюсселе Александрос Питерсен и директор программ ISS Energy в Институте стратегических исследований Манья Видич, о прокладке Транскаспийского газопровода, который доставлял бы топливо с крупных месторождений в Туркмении через Азербайджан для поставок в Евросоюз, поговаривают уже более десяти лет. Но пока все ограничивается разговорами, тогда как Россия и Китай заключают реальные контракты на туркменский газ⁴⁹.

Вместе с тем в Москве, Ашхабаде, Баку, Анкаре и Вашингтоне прекрасно понимают, что маршруты экспорта углеводородов являются эффективными рычагами влияния в регионе. Реализация (вслед за БТД и БТЭ) Транскаспийского газового проекта не только лишит Россию дополнительных тарифных доходов, но и сведет до минимума ее возможность влиять на процессы в Среднеазиатском и Южнокавказском регионах. А это значит, что борьба за Транскаспийскую газовую трубу будет предельно жесткая.

Прикаспийский трубопровод

12 мая 2007 г. в рамках шестидневного турне Владимира Путина по Центральной Азии главы трех государств – России, Туркмении и Казахстана при участии Узбекистана подписали совместную Декларацию о создании Прикаспийского газопровода, а также Декларацию о реконструкции и расширении существующей системы газопроводов «Средняя Азия–Центр» (САЦ).

Сегодня по существующей трубе прокачивается 4,2 млрд. куб. м в год. На первом этапе реконструкции в 2009–2010 годах объемы прокачки могут быть доведены до 10 млрд. куб. м в год. Вторая фаза реализа-

⁴⁹ Каспийский шанс Европы // The Wall Street Journal, 9 апреля 2008 г.

ции проекта по доведению мощности до 30 млрд. куб. м может занять 5–7 лет⁵⁰.

Предполагается, что газопровод пройдет вдоль Каспийского побережья: 360 км по туркменской территории и еще около 150 км по территории Казахстана, чтобы состыковаться с существующей системой САЦ на казахстанско-российской границе. Новый газопровод увеличит существующие мощности по экспорту центрально-азиатского газа в РФ.

Как экономически, так и политически проект Прикаспийского газопровода неожиданно оказался в равной мере выгоден как России, так и Туркмении и Казахстану. Для России его ценность определяется следующими факторами:

- политической изоляцией проекта Транскаспийского газопровода;
- сохранением контроля над экспортом центрально-азиатского газа и его транзитом в страны ЕС и СНГ;
- укреплением позиций российского бизнеса в регионе;
- сохранением тесных политических связей с государственной и экономической элитой Казахстана и Туркмении.

Выгоды центрально-азиатских республик также существенны. Среди них:

- получение нового рычага для экономического давления на Россию;
- предоставление иностранным компаниям со стороны Туркмении гарантий поставок газа с шельфовых месторождений, без которых их дальнейшая разработка бесперспективна;
- быстрое увеличение поставок газа на внешний рынок за счет ввода новых экспортных мощностей;
- укрепление интеграционных процессов в регионе.

Несмотря на оптимистичные оценки результатов встречи и на позитивную динамику двустороннего сотрудничества, подписание трехстороннего соглашения между Россией, Казахстаном и Туркменистаном о строительстве Прикаспийского газопровода состоялось лишь 20 декабря 2007 г., тогда как было запланировано еще на 1 сентября. При этом наблюдатели отмечают некоторые моменты, говорящие о том, что процесс переговоров между сторонами (в том числе по вопросам поставок газа) еще не завершен.

Во-первых, обращает на себя внимание состав участников подписания. Вместо премьер-министров трех стран, как положено по протоколу, подписи под документом поставили министр промышленности и энергетики России В.Христенко, министр индустрии и торговли Казахстана Г.Оразбаков, а также исполнительный директор государственного агентства по управлению и использованию углеводородных ресурсов при президенте Туркменистана Б.Мырадов.

⁵⁰ *Виноградова О.* Много шума... из чего? // «Нефтегазовая вертикаль», 30 июня 2007 г.

Отсутствие в Кремле на церемонии подписания соглашения президента Туркменистана (Путин и Назарбаев связывались с ним по телефону) означает намерение Бердымухаммедова оставить себе пространство для маневра в случае более выгодных предложений западных партнеров.

Во-вторых, для начала практической реализации решения о строительстве Прикаспийского газопровода Москве пришлось пойти на целый ряд уступок. Так, долгое время подписанию документа мешала позиция Казахстана и Туркмении по вопросу отпускных цен на среднеазиатские энергоносители. В результате РФ пришлось согласиться с существенным повышением стоимости газа. Очевидно, что на этом аппетиты государств Центрально-Азиатского региона не исчерпаны.

В-третьих, текст подписанного соглашения не предусматривает жестких гарантий поставок газа в трубопровод. И Туркменистан, и Казахстан, подписав соглашение, взяли на себя обязательства обеспечить в Прикаспийскую трубу «до 10 млрд. кубометров» каждый. Подобная обтекаемая формулировка позволяет сторонам обеспечивать поставки газа не в полном объеме и в очередной раз подтверждает намерение российских партнеров оставить себе пространство для маневра.

Тем не менее форсирование со стороны Москвы подписания данного стратегически важного соглашения, даже без личного участия Бердымухаммедова, крайне важно. Не исключено, что в случае реализации проекта Прикаспийского газопровода перспективы проекта Nabucco, позиции которого пошатнулись после заключения договоренностей по газопроводу South Stream, теперь представляются и вовсе призрачными.

«После перехода на мировую формулу цены, что неизбежно, вопрос ориентации этих потоков на другие страны, а не на Россию, как мне представляется, будет просто сниматься с повестки дня, – заявил помощник президента РФ Сергей Приходько. – Одно дело в этой ситуации совместными усилиями с Россией строить Прикаспийский газопровод, а другое – тянуть абсолютно новую ветку по новым территориям с новыми рисками»⁵¹.

Существует ряд препятствий на пути расширения влияния России в регионе, которые сохраняют свою актуальность. Весьма туманной выглядит позиция Туркменистана, который не отказался от планов участия в диверсификации газового рынка в Европе. Туркмения заинтересована в том, чтобы избавиться от транзитной зависимости от России или, по крайней мере, снизить ее. Очень важным является и наличие фактора американского влияния в регионе.

Не исключено, что центрально-азиатские республики при благоприятных обстоятельствах будут рады воспользоваться возможностью диверсифицировать экспортные маршруты и ослабить свою слишком значительную зависимость от Москвы. В свою очередь, Россия будет вынуждена идти на существенные для себя уступки: прежде всего, это ка-

⁵¹ Мало не покажется // Smart Money, № 24 (114), 7 июля 2008 г.

сается цены на газ и возможностей предоставить азиатским партнерам больше свободы в непосредственной продаже своих энергоресурсов в газовой сфере. Бердымухаммедов, скорее всего, также будет торговаться с Россией о цене покупки газа.

Таким образом, говорить о том, что Россия гарантировала себе на долгосрочный период монопольное положение в поставках евразийского газа в Европу, пока преждевременно. Реализация достигнутых между странами договоренностей потребует от России серьезных усилий и, по меньшей мере, будет стоить ей серьезных уступок.

Газопровод «Набукко»

Проект газопровода «Набукко» (Nabucco) пользуется особой поддержкой со стороны ЕС. Он получил статус «приоритетного» в Трансъевропейской инфраструктурной программе Евросоюза, ставящей своей целью интеграцию транспортных потоков на континенте. Его цель – создание прямого транспортного коридора для энергоресурсов из региона Каспийского моря, Центральной Азии и Ближнего Востока. Сооружение газопровода полностью соответствует намерениям ЕС либерализовать европейский рынок природного газа и нацелено на диверсификацию поставок в Центральную, Восточную и Юго-Восточную Европу, где целый ряд государств, в том числе Румыния и Болгария, сегодня полностью зависят от российского газа. Еврокомиссар по энергетике Андрис Пибалгс подчеркивает, что ЕС будет финансировать Nabucco, рассчитывая, что к 2015 году по нему будет обеспечиваться 10–15% поставок газа в ЕС.

Пять европейских стран 29 июня 2005 г. подписали окончательное соглашение по проекту строительства газопровода «Набукко». Соглашение учредило компанию – Nabucco Gas Pipeline International. Эта структура занимается созданием финансовой модели и планированием проекта.

Консорциум объединил пять компаний-партнеров – турецкую Botas, болгарскую Bulgargaz, румынскую Transgaz, венгерскую MOL и австрийскую OMV Gas. Возглавляет проект OMV. В феврале 2008 г. к консорциуму по строительству газопровода присоединилась немецкая RWE⁵².

В конце 2004 г. был сделан один из первых шагов к практической реализации проекта «Набукко» в Румынии и Венгрии. Румынская компания Transgaz и венгерская MOL RT завершили строительство газопровода, соединившего города Арад (Румыния) и Сегед (Венгрия). Полная стоимость работ на румынской территории оценивается в 25 млн. долл.

⁵² Кутузова М. Угроза Навуходоносора // «Нефть России», 14 октября 2005 г.

Новая ветка связала системы транспортировки природного газа двух стран.

Кроме того, в начале 2005 г. Gasunie – компания, 50% которой принадлежит нидерландскому правительству, – начала переговоры с учредителями проекта «Набукко» по строительству 1400-километрового газопровода, который должен будет связать Австрию и Нидерланды.

До середины 2006 года ориентация на Иран как основного поставщика газа для газопровода была приоритетной. Однако с учетом политических реалий (нагнетание военно-политической ситуации вокруг иранской атомной программы) проект Nabucco претерпел трансформации. В июне 2006 г. пять стран ЕС и представители Еврокомиссии подписали договор, по которому сроки строительства Nabucco будут уменьшены, а базовой страной-поставщиком газа для него на первом этапе будет не Иран, а Туркменистан, Азербайджан и Казахстан. Плановая мощность Nabucco составляет 31 млрд. куб. м в год, и без иранского газа ее достигнуть невозможно. При этом, как отмечают в том числе и западные эксперты, даже выйдя на проектную мощность, Nabucco сможет обеспечить лишь малую долю потребляемого Европой газа (500 млрд. куб. м в год). Основная часть газа будет по-прежнему поступать из России⁵³.

В частности, участники проекта намерены провести переговоры с ВР и другими участниками проекта газопровода Баку–Тбилиси–Эрзерум о перенаправлении в Nabucco до 10 млрд. куб. м газа в год.

Очевидно, что главной целью лоббистов проекта «Набукко» является газ Туркменистана. Об этом, в частности, говорит повышенное внимание, уделяемое в последнее время Туркмении со стороны официальных лиц ЕС. Однако Ашхабад оказался непростым партнером, и пока стороны к каким-то определенным договоренностям не пришли. В 2007 г. Ашхабад сделал выбор в пользу маршрута транспортировки своего газа через территорию России, подписав соглашение по Прикаспийскому газопроводу.

Неопределенность ситуации вокруг Nabucco создают и разногласия партнеров по проекту. В феврале 2008 г. корпорация Gaz de France отозвала заявку на участие в строительстве газопровода.

Из-за комплекса вышеуказанных проблем постоянно сдвигаются сроки строительства газопровода. Последнее изменение по срокам произошло в начале февраля 2008 г., когда консорциум Nabucco – Gas Pipeline International объявил, что проект не заработает раньше 2013 г. Таким образом, одно из главных преимуществ европейского газопровода – более ранние по сравнению с «пророссийским» Прикаспием сроки ввода – оказалось потерянным⁵⁴.

⁵³ Financial Times, 14 апреля 2008 г.

⁵⁴ Венгрия примирила конкурентов // «Независимая газета», 26 февраля 2008 г.

Симптоматично, что среди европейских и американских политических элит появляется все больше лиц, скептически настроенных по отношению к перспективам проектов Транскаспийского газопровода и трубопровода Nabucco. Так, на октябрьском (2007 г.) энергетическом саммите в Вильнюсе заместитель госсекретаря США Мэтью Брайза высказался в том смысле, что добиться поставок газа из Казахстана и Туркмении в Европу не только сложно с политической точки зрения, но и может оказаться неэффективно с точки зрения экономики проекта.

А 29 октября 2007 г. в интервью турецкой газете *Cumhuriyet* глава секретариата Энергетической хартии ЕС Андре Мернье назвал Nabucco «мертворожденным ребенком», констатируя, что проект так и не нашел себе ресурсной базы ни в Иране, ни в Ираке, ни в Туркмении, ни в Казахстане, ни в Азербайджане. «В регионе нет запасов газа, достаточных для реализации проекта... Найти компании, которые будут его инвестировать, крайне трудно», – заявил генсек Энергохартии⁵⁵.

Газопровод Nabucco является важным звеном в энергетической стратегии Запада и, как отмечают эксперты, теперь начинает походить на современную «линию Мажино»⁵⁶. Его строительство решает ряд важных экономических и геополитических задач. Во-первых, он призван диверсифицировать поставки газа в ЕС и тем самым снизить зависимость европейской энергетики от «Газпрома». Во-вторых, данный маршрут лишает Россию конкурентного преимущества в сфере транспортировки центрально-азиатского газа. Последнее обстоятельство может коренным образом изменить расстановку сил в регионе в пользу Запада, а также обеспечить в долгосрочном плане экономическое и военное присутствие ЕС и США в Центральной Азии и Южном Кавказе.

Именно это заставляет сторонников Nabucco оказывать давление на энергетически богатые государства региона с целью переориентации их углеводородных маршрутов на Запад. В частности, в ответ на прозвучавшую летом 2008 г. инициативу России по закупкам азербайджанского газа помощник заместителя госсекретаря США Мэтью Брайза заявил, что, несмотря на стремления «Газпрома», проект Nabucco – наиболее экономически выгодный путь транспортировки каспийского газа в Центральную Европу⁵⁷.

«Южный поток»

23 июня 2007 г. между «Газпромом» и итальянской Eni был подписан меморандум о взаимопонимании по проекту нового газопровода в

⁵⁵ Каспийский газ не идет в трубы // «Коммерсантъ», 30 октября 2007 г.

⁵⁶ *Кайл Уингфилд* (редактор колонки Business Europe). Газопровод Nabucco – это современная «линия Мажино» // *The Wall Street Journal*, 20 марта 2008 г.

⁵⁷ Баку играет на альтернативных трубах // «Независимая газета», 15 июля 2008 г.

Европу – «Южный поток» (South Stream). 22 ноября 2007 г. в Кремле глава «Газпрома» А.Миллер и гендиректор Eni Паоло Скарони подписали «дополнение к меморандуму», предусматривающее регистрацию в январе 2008 г. компании South Stream для разработки ТЭО проекта газопровода.

Газопровод мощностью до 30 млрд. куб. м газа в год, который поначалу предполагалось проложить по дну Черного моря до Турции, пройдет из России в Болгарию по дну Черного моря, а затем разделится на две ветки – через Сербию и Венгрию в Австрию и через Грецию на юг Италии.

Строительство «Южного потока» имеет важную геополитическую и геоэкономическую составляющую. Это – прямой конкурент лоббируемым США проектам выстраивания цепочки газопроводов из Центральной Азии и Каспийского региона в Европу (Транскаспийский газопровод, Баку–Тбилиси–Эрзерум и Nabucco).

Ключевым фактором реализации трубопроводных инициатив станет то, какой из проектов получит режим наибольшего благоприятствования в странах – транзитерах газа. В январе-феврале 2008 г. Сербия, Болгария и Венгрия официально оформили свое участие в строительстве газопровода «Южный поток», что может рассматриваться как существенная победа «Газпрома» на южноевропейском направлении. 29 апреля 2008 года к проекту присоединилась Греция. В присутствии президента России В.Путина и премьер-министра Греции Константиноса Караманлиса было подписано межправительственное соглашение о строительстве участка газопровода через Грецию мощностью 10 млрд. куб. м в год⁵⁸.

Впрочем, до сих пор неясны многие технические детали проекта, поэтому в значительной мере его можно считать политической декларацией, которая, возможно, не скоро станет реальностью. Большинство экспертов полагают, что с учетом важной политической составляющей «Южному потоку» не удастся сорвать постройку Nabucco. Однако странам – участницам этого проекта теперь придется договариваться с Россией, ведь «Южный поток» фактически дублирует Nabucco, в том числе и по мощности.

Энергетика Армении – ведущая роль России

В Армении не обнаружено месторождений нефти или газа. В стране нет магистральных нефтепроводов, нефтепродукты в годовом объеме 2,5 млн. тонн доставляются из России судами до грузинских портов, а затем по железной дороге и автотранспортом, и частично из Ирана.

До недавнего времени газ в Армению доставлялся только из России транзитом через Грузию. Поставки осуществляются армяно-российс-

⁵⁸ Осталось убедить двоих // «Ведомости», 30 апреля 2008 г.

ким ЗАО «АрмРосГазпром», («Газпром» и правительство Армении владеют по 45% акций, 10% принадлежат «Итере»). Однако в марте 2007 г. произошло событие, кардинально меняющее энергетическую карту региона – состоялась церемония открытия газопровода Иран–Армения.

Решение о строительстве газопровода было принято в 2004 году во время визита Мохаммада Хатами (тогда – президента Ирана) в Армению. Протяженность ветки газопровода Мегри–Каджаран составляет 40 км. Это лишь первый шаг в создании крупной газовой магистрали, следующим этапом станет строительство линии Каджаран–Сисиан–Джермук–Арабат протяженностью 197,4 км. Первоначальный объем поставок иранского газа по трубопроводу составит 1,1 млрд. куб. м, а с 2019 года планируется увеличить мощность трубы до 2,3 млрд. куб. м в год⁵⁹.

За полученный газ Армения будет расплачиваться с Ираном электроэнергией из расчета 3 кВт. ч электроэнергии за 1 куб. м газа. Такая схема выгодна Ирану, поскольку в настоящий момент страна не располагает достаточными мощностями для производства электроэнергии собственными силами.

Данное обстоятельство не только способствует росту влияния Ирана на Южном Кавказе, но и находится в русле региональных интересов РФ. Так как с вводом в строй газопровода Ереван стал более независимым в энергетическом плане, и Россия может проводить более жесткую политику в отношении Грузии, которая является страной – транзитером российского газа на территорию Армении.

Для Армении также очень важно ликвидировать зависимость от транзита газа, проходящего через Грузию. С помощью нового трубопровода она как союзник России получает возможность диверсификации импорта газа, снижая свою зависимость от его поставок через территорию Грузии, с которой у России могут возникнуть проблемы в вопросе транзита.

Для «Газпрома» же участие в эксплуатации газопровода Мегри–Каджаран имеет, скорее, политическое, чем коммерческое значение: «Газ-пром» волнуется не конкуренция Ирана в самой Армении (емкость рынка здесь не так уж велика), а возможные намерения Ирана протянуть трубу в Грузию с перспективой прорыва в Европу. Получив газопровод Иран–Армения, «Газпром» будет контролировать поставки иранского газа⁶⁰. Сейчас Иран экспортирует газ в Турцию, но потенциально может стать серьезным конкурентом для российского газа в Европе. Один из возможных маршрутов транспортировки иранского газа в Европу – через Армению, Грузию и Украину. Именно поэтому российская сторона активно настаивала на контроле над иранско-армянским газопроводом.

⁵⁹ Иранский газ идет в Армению // «РБК daily», 20 марта 2007 г.

⁶⁰ «Газпром» прописался в Армении // «Ведомости», 7 апреля 2006 г.

С 2006 г. цена на поставки газа в Армению установлена на уровне 110 долл. за 1 тыс. куб. м. Поначалу перспективу повышения цены в Армении восприняли болезненно. Однако компромиссное решение было найдено сравнительно быстро. Уступив «Газпрому» часть своей энергетики, Армения получила взамен мораторий на повышение цен до 1 января 2009 г.

В подписанном в апреле 2007 г. «Газпромом» с правительством Армении соглашении сроком на 25 лет указывается, что «АрмРосГазпром» купит у правительства Армении участок газопровода Иран – Армения протяженностью 40 км, а также станет заказчиком строительства второго участка газопровода. В результате допэмиссий акций доля «Газпрома» в «АрмРосГазпроме» вырастет с 45 до 75%⁶¹.

Кроме того, концерн выкупит у республики пятый энергоблок Разданской ТЭС (четыре блока находятся в управлении у структур РАО «ЕЭС России») за 248,8 млн. долл. и вложит в его достройку еще 140 млн. долл. Деньги от продажи электроэнергетических мощностей республика использует на субсидирование внутреннего потребления.

Принимая во внимание заявления «Газпрома» об увеличении своей доли в «АрмРосГазпроме», энергетический сектор республики практически полностью попадает под российский контроль.

С 2009 года Армения будет получать от России газ по цене 165 долл. за 1 тыс. куб. м, причем новая цена останется неизменной до 2012 г. Несмотря на повышение, цена на газ для Армении фактически остается вдвое дешевле среднеевропейского уровня⁶².

Повышение роли стран – транзитеров углеводородов

Грузия

Грузия в «большой игре», развернувшейся вокруг запасов углеводородного сырья Каспийского региона и маршрутов их транспортировки на потребительские рынки, старается играть самую активную роль. Руководство этой страны для преодоления тяжелейшего экономического и социального кризиса видит едва ли не единственный путь – использование своего геополитически выгодного территориального расположения и коммуникационных возможностей. Речь идет не только о прокладке трубопроводов Каспий–Запад, но и о других транспортных маршрутах, реализующих идею реанимации «Великого шелкового пути», соединяющего Запад и Восток в обход России.

Через территорию Грузии проходят такие стратегически важные нефтегазовые транспортные коммуникации, как нефтепроводы Ба-

⁶¹ Армения–Россия: газовая атака // www.newsru.com, 6 апреля 2006 г.

⁶² Один на три года // «РБК daily», 29 апреля 2008 г.

ку–Тбилиси–Джейхан и Баку–Супса, газопровод Баку–Тбилиси–Эрзерум.

Как отмечает редактор по Кавказу в Institute for War and Peace Reporting Томас Де Ваал, «нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан придал региону геополитическое значение и превратил его в важный транзитный коридор энергоносителей прикаспийского бассейна»⁶³.

Многочисленные внутренние конфликты (по их числу Грузия лидирует среди стран постсоветского пространства) значительно затрудняют реализацию амбициозных коммуникационных планов Грузии. Тем не менее при поддержке ряда стран Запада Грузии удалось запустить маршрут транспортировки «ранней» каспийской нефти Баку–Супса. Самую активную позицию заняло руководство страны и в отношении других западных маршрутов – основного экспортного трубопровода Баку–Джейхан, а также газопровода Баку–Эрзерум.

В связи с насущными внутренними трудностями руководство страны большие надежды возлагает на финансовые поступления от каспийских нефтегазовых проектов. Власти считают, что их реализация поможет не только существенным образом изменить экономическое положение страны, но и придаст ей еще больший геополитический вес как узловой транзитной стране. Однако в реализации широко рекламируемого властями Тбилиси курса на подчинение хозяйства страны задачам обслуживания транзитных грузопотоков и новых маршрутов нефте- и газопроводов пока остается больше политики, чем непосредственной экономической отдачи.

Промышленные запасы нефти в Грузии ничтожно малы. По данным АО «Грузнефть», они составляют 12 млн. тонн. Потенциальные запасы оцениваются в 580 млн. тонн нефти и 125 млрд. куб. м газа. Разведку и добычу нефти в Грузии ведут предприятия «Грузнефти», Frontera (США), CanArgo (Канада). При этом объемы добычи нефти сокращаются, газа – незначительно растут. Вместе с тем собственный газ имеет ничтожное значение в газовом балансе республики, который в основном формируется импортом газа. Потребность Грузии в газе в настоящее время оценивается в 3 млрд. куб. м, в 2010 году – 4–5 млрд. куб. м⁶⁴.

Таким образом, все расчеты на «светлое будущее» Грузии строятся, в сущности, на ее выгодном геополитическом и геостратегическом положении как основного узла коммуникаций на глобальной транспортной магистрали между Западом и Востоком (идущей, что немаловажно для Запада, в обход России) и как важнейшего на Южном Кавказе стратегического плацдарма, имеющего к тому же выход к Мировому океану.

⁶³ Томас Де Ваал. Что стряслось с Грузией? // The Wall Street Journal, 20 ноября 2007 г.

⁶⁴ Какая зависимость лучше? // «Нефтегазовая вертикаль», 6 апреля 2006 г.

Фактически для Грузии получение денег за транзит «большой» каспийской нефти и газа является едва ли единственной надеждой выбраться из перманентного кризиса и поддержать угасающую экономику. Поэтому политическое руководство страны активно борется за то, чтобы транспортировка как можно большего объема нефти с каспийских месторождений осуществлялась по ее территории.

Тбилиси всегда использовал усиление транзитно-сервисной функции страны как важный рычаг давления на своих партнеров с целью получения дополнительных политических и экономических преференций. Начало этому процессу положил еще Шеварднадзе, который уже после начала строительства поднял стоимость транзита по территории Грузии, и проект БТД оказался под угрозой срыва, после чего Азербайджану пришлось уступить свою долю прибыли за транспорт. Эту политику продолжил и М.Саакашвили.

Грузинские преференции в прохождении по ее территории трубопровода Баку–Джейхан заключаются в доходах от транзитных тарифов (первые пять лет эксплуатации БТД – 0,12 долл. за баррель, последующие 11 лет – 0,14 долл.). Кроме того, Тбилиси в 2001 г., пользуясь фактической безальтернативностью маршрута БТД, вынудил Баку отказаться в пользу Грузии от своей доли транзитных тарифов, полагавшихся за прокачку нефти в Джейхан. В результате, несмотря на сделанное в сентябре 2001 г. в Баку тогдашним президентом Грузии Эдуардом Шеварднадзе лукавое заявление, что, дескать, от перетягивания нефтяных тарифов «Грузия выиграла, а Азербайджан ничего не потерял», Азербайджан де-факто лишился значительных финансовых средств, которые мог бы получить за 25 лет за транзит нефти АЧГ⁶⁵. В частности, доход государственного бюджета Грузии от транзита нефти по трубопроводу БТД только в 2007 г. составил 25,4 млн. долл.

В отношении поставок газа Грузия, как транзитная страна, бесплатно получит 5% газа, прокачиваемого по газопроводу Баку–Тбилиси–Эрзерум. Кроме того, Грузия имеет право купить некоторые объемы по льготной цене. Однако, самое главное, неясно, на какие именно объемы дешевого газа может рассчитывать Тбилиси. В течение первого года объемы азербайджанского газа для Грузии составят соответственно 250 млн. куб. м и 50 млн. куб. м. Но Грузия сделала заявку на приобретение дополнительных 1–2 млрд. куб. м в год. К этому ее подталкивает стремление отказаться от поставок газа из России.

До 2003 г. основным поставщиком газа в Грузию была компания «Итера». С ноября 2003 г. газовая промышленность Грузии фактически была полностью переориентирована на работу с «Газпромом». Таким

⁶⁵ Газовые головоломки Южного Кавказа // «Нефть России», 25 ноября 2005 г.

образом, «Газпром» в Грузии решил сразу несколько задач: наступление на позиции «Итеры», установление контроля над грузинским рынком газа (что является политически важным фактором, учитывая непростые отношения Москвы и Тбилиси), а также усиления влияния на всем Южно-Кавказском регионе.

Между ОАО «Газпром» и Грузией было подписано соглашение о стратегическом сотрудничестве в газовой отрасли на 25 лет. «Газпром», начавший с 2006 года массированный перевод своих «ближних» клиентов на европейские цены, предложил Грузии сохранить переходный период с закреплением на 10 лет цены 110 долл. за 1 тыс. куб. м при условии согласия грузинской стороны создать с участием «Газпрома» совместное предприятие – Управление газотранспортной системой Грузии.

Сближение Грузии и России вызвало беспрецедентно жесткую реакцию со стороны США и компании ВР, которые лоббировали интересы международного консорциума, разрабатывающего азербайджанское месторождение Шах-Дениз (проект Баку–Тбилиси–Эрзерум) и были заинтересованы в участии Грузии в этом проекте. Против сотрудничества Грузии с «Газпромом» сразу же выступил посол США в Грузии Ричард Майлз. Давление на Грузию продолжилось и в дальнейшем. Тем самым США давали понять, что они не признают за Россией никаких «особых интересов» в грузинской экономике и готовы к осложнениям в российско-американских отношениях в связи с возможным срывом газовой сделки Москвы и Тбилиси. В итоге соглашение между Москвой и Тбилиси по управлению газотранспортной системой Грузии было фактически сорвано.

В конце 2006 г. на фоне политического конфликта «Газпром» резко увеличил цену на газ для Грузии – до 235 долл. за 1 тыс. куб. м. На эти условия Тбилиси не соглашался несколько месяцев, так как рассчитывал заменить российский газ на газ из Ирана и с азербайджанского месторождения Шах-Дениз.

В декабре 2006 г. Грузия и Турция подписали протокол о поставках в 2007 г. в Грузию из турецкой квоты с Шах-Дениза 800 млн. куб. м газа. Из них 250 млн. куб. м Азербайджан обещал поставить по льготной цене, еще 50 млн. куб. м Грузия должна была получить в виде оплаты за транзит газа по своему участку трубопровода Баку–Тбилиси–Эрзерум⁶⁶.

После того как «Газпром» объявил о росте цены на российский газ для Грузии, Тбилиси начал переговоры о возможности альтернативных поставок из Азербайджана и Ирана. Но вскоре энергетический диалог Тбилиси и Тегерана прекратился. Официальные представители грузинских властей этот факт никак не комментировали. По мнению боль-

⁶⁶ Грузия ищет замену «Газпрому» // «Ведомости», 10 января 2007 г.

шинства экспертов, одной из причин отказа от иранского газа послужила позиция Соединенных Штатов. С января 2007 г. начались поставки газа в Грузию с месторождения Шах-Дениз.

Сейчас Грузия импортирует 1 млрд. куб. м российского газа в год по цене 235 долл. за 1 тыс. куб. м. В то время как Баку в 2007 году поставлял Тбилиси в среднем 1 млн. куб. м в сутки по цене 120 долл. за 1 тыс. куб. м по существующему с советских времен старому газопроводу. Помимо этих поставок, Грузия также получает около 800 млн. куб. м газа с проекта «Шах-Дениз» по недавно вступившему в строй газопроводу Баку–Тбилиси–Эрзерум. Из них 250 млн. куб. м в год она получает в качестве платы за транзит через свою территорию газа в Турцию и еще 550 млн. куб. м дополнительно покупает у акционеров проекта «Шах-Дениз»⁶⁷.

В перспективе Тбилиси рассчитывает полностью отказаться от услуг России и удовлетворить свои нужды за счет поставок из Азербайджана, Центральной Азии и Ирана. Именно по этой причине Грузия заинтересована в реализации европейского энергетического проекта Nabucco, разрабатываемого для транспортировки газа из прикаспийских стран в Европу в обход России, предполагаемый маршрут которого захватывает и территорию Грузии.

Грузия с учетом транзитной составляющей также становится одним из энергетических игроков на Южном Кавказе. При этом официальный Тбилиси делает реальные шаги по интеграции в Каспийском и Кавказском регионе – в первую очередь с Азербайджаном и Турцией.

Отмечается нарастающее сближение государств Южного Кавказа в политической, экономической, транспортной, энергетической и военной сферах.

Так, азербайджанская ГНКАР в декабре 2006 г. приобрела Кулевский терминал в Грузии мощностью 10 млн. тонн нефти и нефтепродуктов в год на первом этапе и более 20 млн. тонн – на втором. Терминал был торжественно введен в строй в июне 2008 г. Это рассматривается как стратегическое достижение, так как открывает Азербайджану прямой доступ к Черному морю.

Кроме того, в 2007 г. президенты И.Алиев, М.Саакашвили и турецкий премьер Реджеп Эрдоган одобрили Меморандум между Азербайджаном, Грузией и Турцией о взаимопонимании и сотрудничестве в сфере энергетики, а также подписали Соглашение о новой железнодорожной линии Карс–Тбилиси–Баку⁶⁸. Энергетический меморандум в первую очередь касается экспорта с азербайджанского сектора Каспия нефти и газа по трубопроводам Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД) и Ба-

⁶⁷ Газовый ультиматум Азербайджана // «Независимая газета», 14 февраля 2008 г.

⁶⁸ Соглашение о железнодорожном соединении Кавказа и Европы // «Эхо» (Баку), 7 февраля 2007 г.

ку–Тбилиси–Эрзерум (БТЭ). Кроме того, И.Алиев помог решить Грузии энергетические проблемы, начав поставки в эту страну природного газа. То обстоятельство, что Азербайджан, который испытывает проблемы с обеспечением газом, намерен увеличивать поставки газа в Грузию, говорит о чрезвычайной важности для Баку стратегического сближения с Тбилиси как с основным транзитером азербайджанских углеводородов.

Пока же азербайджанским газом Тбилиси закроет в лучшем случае две трети внутреннего спроса. Газовая зависимость страны от России, таким образом, перестанет быть тотальной, но останется. В любом случае для России снижение доли «Газпрома» на грузинском рынке или даже полная потеря этого рынка, конечно, не критичны. Гораздо важнее защитить свои позиции в Европе и сохранить контроль над транзитом газа из Центральной Азии.

Кроме того, возможности Тбилиси в полной мере разыграть «энергетическую карту» серьезно ограничены в силу сохраняющейся военно-политической напряженности в стране. В частности, в ходе боевых действий в августе 2008 г. в Грузии серьезно пострадала портовая инфраструктура (нефтяные терминалы в Батуми, Кулеви и Поты) и железнодорожные подходы к портам. Были приостановлены поставки по трубопроводам Баку–Тбилиси–Джейхан и Баку–Тбилиси–Эрзерум. И, несмотря на то, что сами трубопроводы не пострадали, экономике и энерготранспортной инфраструктуре Грузии был нанесен существенный урон, а ее международный имидж как гаранта поставок углеводородов в Европу серьезно подорван.

Турция

Турция, пытающаяся стать лидером всего тюркского мира, основные усилия по его реализации сосредоточила именно на странах Каспийского региона – бывших республиках СССР. За последние годы она стала здесь одним из влиятельных региональных лидеров. Однако в последнее время темпы роста ее влияния в регионе заметно замедлились. Своей главной цели – полностью заполнить геополитический вакуум, образовавшийся в регионе после распада СССР, – Турция достичь не сумела. Отчасти это вызвано ее ограниченными экономическими возможностями, что породило разочарование среди стран Центральной Азии и Южного Кавказа, ожидавших от Турции существенной экономической и финансовой помощи. Другая, не менее весомая причина, – усиление активности других региональных центров силы.

Сильную конкуренцию встречает и другой амбициозный стратегический проект Турции – стать главным «энергетическим мостом» меж-

ду Европой и Азией. И это несмотря на значительную поддержку таких планов со стороны ее главного стратегического союзника – Соединенных Штатов, которые, в частности, усиленно лоббировали выгодные для Турции маршруты транспортировки энергоносителей Каспийского региона на Запад.

В последнее время значение Турецкой Республики как государства, обладающего особым политическим и географическим положением, неуклонно возрастает и приносит Анкаре неоспоримые экономические преимущества.

Безостановочный ближневосточный конфликт, который приобретает качественно новые и опасные характеристики, затрагивает Турцию как страну с мусульманским населением. Однако включенность республики в прозападные политические, военные и экономические альянсы стали для нее, как государства светского, достаточно надежной гарантией от прямых или опосредованных ущербов. Более того, Турция стала извлекать из этого очевидные экономические выгоды.

Блокирование вступления Турции в ЕС подтолкнуло Анкару к решительным действиям по получению реальных рычагов давления на Европу. Главным таким рычагом для нее стали альтернативные российским маршруты транзита энергоносителей с Востока на Запад. Они связаны как с эксплуатацией Босфора, так и с новыми железнодорожными и трубопроводными магистралями при обязательном участии в них турецкой стороны.

После 1991 г. Казахстан, Туркмения и Азербайджан, располагающие серьезными запасами углеводородов, заявили о себе в качестве крупнейших производителей энергоресурсов в мире. Но они не обладали транспортной самостоятельностью. С одной стороны, их ограничивали крайне рискованные с точки зрения организации транзита Афганистан и Иран, которые имеют выход на не менее проблематичные маршруты Персидского залива. С другой – заблокированный из-за политических разногласий между Баку, Ереваном и Анкарой железнодорожный путь по Кавказу в обход России.

При этом стабильно действующим и гарантированно безопасным был только российский путь, использующий трубопроводный и железнодорожный транспорт с выходом на порты Черного и Балтийского морей. Нестабильность, которую привнес и на этот маршрут чеченский конфликт, была снята с помощью строительства обводной ветки северного экспортного российского трубопровода.

В условиях, когда Россия стала интенсивно расширять свои экспортные и транзитные мощности, Турция оказалась единственной страной, которая смогла на практике предложить альтернативу «русскому транзиту» в области экспорта энергоносителей из Казахстана, Туркмении и Азербайджана и, что не менее важно, в обход Ирана.

Турецкие возможности полностью соответствовали и новым интересам США. Уже тогда проблема транзита каспийской нефти была сформулирована во внешнеполитической доктрине Вашингтона как приоритетная.

После нескольких лет строительства 13 июля 2006 г. в Турции состоялась церемония открытия нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД). Следует отметить, что этот проект относился к числу весьма рискованных из-за того, что в нем верховенствовала политическая, а не экономическая целесообразность. Только благодаря настойчивости руководства США, Турции, Азербайджана и Грузии он был завершен. Но оказалось, что проект оправдывает себя и в экономическом смысле. Это произошло после резкого скачка цен на нефть в 2003 г. и стабильного роста спроса на энергоносители в США, Китае и Индии. Кроме того, удалось заручиться поддержкой Казахстана в вопросе наполнения трубопровода.

Одновременно с этим Турция уже неоднократно показывала, что, получив в свои руки альтернативу российским маршрутам, она может более уверенно чувствовать себя в вопросе регулирования прохода судов через Босфор, что затрагивает главным образом российские интересы. Так, постоянно увеличиваются тарифы за прохождение танкеров через Босфор и Дарданеллы, для них вводятся все новые ограничения, причем транзитный потенциал проливов действительно почти исчерпан.

Военно-политическая ситуация на Ближнем Востоке также способствует тому, что турецкое направление теперь может рассматриваться как альтернатива морскому (через Персидский залив) и сухопутному (через территорию Сирии) путям возможной доставки в Средиземноморье энергоносителей, добытых в Ираке и Иране.

Благодаря турецким усилиям оказался в принципе решенным важнейший с военной точки зрения вопрос о бесперебойном снабжении энергоносителями двух главных союзников США в регионе – Израиля и, собственно, Турции.

Сегодня и Европа, и США признали, насколько важна для них «транзитная» активность Турции, которая предлагает уменьшение зависимости от российской газотранспортной системы. Летом 2007 г. был введен в строй газопровод Баку–Тбилиси–Эрзерум. В перспективе – возможный запуск Транскаспийского газопровода из Центральной Азии в Турцию и газопровода Nabucco из Турции в Европу. Однако пока что все это не более чем потенциальные возможности, которые Турции еще предстоит развить и закрепить.

Что касается «Голубого потока», то и здесь Турция оказалась неизбежным посредником в транзите российского газа не только в Европу, но и на юг в направлении Израиля. Тем более что стоимость прокачки

газа по «турецкому маршруту» декларируется как более дешевая по сравнению с «российской» (цифры колеблются от 18 до 38%). Между тем события, последовавшие за введением в строй «Голубого потока», свидетельствуют, что стратегический газовый альянс между Россией и Турцией, скорее всего, не состоится. Кроме того, проект прокладки «Южного потока» по дну Черного моря отодвигает на неопределенный срок идею строительства дополнительной нитки «Голубого потока», по которой в Турцию мог бы поставляться газ для последующего транзита на Балканы и в Италию.

Выбор Болгарии в качестве страны, куда будет поставляться по подводному трубопроводу российский газ, может существенно ослабить позиции Турции, которая рассчитывала играть роль основного транзитера российских, каспийских и центрально-азиатских углеводородов в Европу. Данный шаг также является важным элементом региональной политики России. Переориентируя трубопровод в сторону Болгарии и тем самым ставя под вопрос реализацию ряда проектов, предполагающих рост влияния Турции как транзитера углеводородов, Москва, с одной стороны, снижает влияние одного из крупнейших союзников США в Черноморско-Каспийском регионе, а, с другой – уменьшает зависимость Европы от одного центра распределения значительных объемов газа, что формально лежит в русле политики Евросоюза по диверсификации поставок.

После заявления «Газпрома» о переориентации нового газопровода «Южный поток» с турецкого на болгарское направление, Турция, теряющая в таком случае перспективы сохранения статуса крупнейшего распределительного центра на пути каспийских и центрально-азиатских углеводородов в Европу, активизировала свои действия по поиску альтернативных источников газа. В июле 2007 г. она объявила о подписании принципиального соглашения о закупке 30 млрд. кубометров иранского газа в год, а представитель турецкой госкомпании Botas сообщил, что идут переговоры с Туркменией и Казахстаном о загрузке нового трубопровода из Ирана. Здесь, возможно, речь идет о попытке реанимировать проект по строительству газопровода Туркмения–Иран–Турция. О его прокладке три страны при посредничестве Shell договорились еще в 1997 г., но проект был блокирован американо-иранским конфликтом. Вашингтон и сейчас заявил свою принципиальную позицию по недопущению инвестиций в инфраструктуру в Иране. Поэтому эксперты в целом скептически оценивают данную инициативу Анкары.

В последнее время Турция продолжает активный поиск газа для последующей реализации в Европе. 18 ноября 2007 г. в селе Мерич Эдирнинского района Турции (на границе с Грецией) состоялась торжественная церемония, посвященная открытию транзитного газопровода, по кото-

рому в Европу будет поступать природный газ с азербайджанского месторождения Шах-Дениз. Таким образом, реализован первый этап доставки азербайджанского газа в страны Южной Европы.

На первом этапе по новому маршруту будет транспортироваться 250 млн. куб. м газа с азербайджанского месторождения Шах-Дениз. Газ, покупаемый у Азербайджана по цене 120 долл. за 1 тыс. куб. м, Турция будет продавать Греции по 149 долл. Тем самым Анкара, которая до сих пор импортировала газ для собственных нужд, получила возможность зарабатывать на транзите.

До конца 2012 года по дну Адриатического моря планируется проложить еще один трубопровод, который соединит Грецию и Италию. В итоге появится возможность транспортировать добываемый в Каспийском регионе природный газ в Центральную Европу, в том числе во Францию.

Как отмечают эксперты, основные надежды Турция по-прежнему связывает с проектами БТД и БТЭ и российским «Голубым потоком»⁶⁹. В современных условиях ей будет нелегко отыскать других поставщиков нефти и газа, хотя в очередь на поставки уже выстроились несколько добывающих стран: Азербайджан, Иран, Ирак, Казахстан, Туркмения и даже Египет. Однако неизвестно, может ли Баку обеспечить достаточные объемы газа – по крайней мере, в ближайшей и среднесрочной перспективе. Надежды на иракскую нефть также могут не оправдаться. Сегодня из Киркука в Джейхан ежемесячно поступает совсем мало нефти – хватает только на один танкер. Турецкие официальные лица полагают, что наладить более стабильные поставки удастся разве что через несколько лет – мешает небезопасная обстановка в Ираке.

Более того, Россия уже заключила сделки на транзит казахских и туркменских энергоносителей, а значит, для планируемого газопровода, который пересечет Каспий и закончится в Турции, газа будет меньше.

* * *

Прошедшие после распада СССР годы наглядно показали, насколько велики ставки в каспийских нефтяных и газовых суперпроектах.

Россия, во многом деятельностью прежней администрации, стоявшей у власти в стране до 2000 года, оказалась в тяжелой ситуации. Политическая динамика этих лет свидетельствует о снижении роли РФ не только в глобальных мировых процессах, но и в региональных проблемах, непосредственно касающихся ближайших соседей по СНГ.

Реализация маршрутов по транспортировке энергоресурсов Каспия на Запад, минуя Россию, создает принципиально новую ситуацию в ре-

⁶⁹ *Кайл Уингфилд* (редактор колонки Business Europe). Игры с нефтепроводом // The Wall Street Journal, 9 августа 2007 г.

гионе и обостряет здесь энергетическую конфронтацию, а следовательно – и политический климат, причем не в пользу России.

Страны региона притягивают все большее количество игроков, заинтересованных в поставках углеводородов. Несмотря на то, что региональные государства пытаются проводить сбалансированную политику, в том числе в плане диверсификации поставок углеводородов, США и ЕС продолжают оставаться наиболее влиятельными игроками на Каспии. Основу политики этих игроков в регионе составляет проект создания энерготранспортного коридора Каспий–Запад в обход России и Ирана.

Несмотря на попытки России удержать страны Южного Кавказа в орбите своих интересов, сохраняется тенденция потери влияния Москвы на политические и экономические процессы в регионе. Важную роль в этом играет стремление государств региона обеспечить себе поддержку Запада в обмен на долгосрочные энергетические поставки.

Вместе с тем факт подписания соглашения о строительстве Прикаспийского газопровода позволяет говорить о том, что, несмотря на значительное ослабление своего влияния в этом регионе, у России все же остаются возможности для того, чтобы в перспективе сохранить и даже усилить здесь свою роль. К таким возможностям также можно было бы отнести:

- во-первых, имеющиеся до сих пор позиции как страны – транзитера каспийских углеводородов;

- во-вторых, опережающие темпы ввода в строй новых трубопроводных и транспортных магистралей, непосредственно связывающих Каспийский регион с Западом (нефтепроводная система Бургас–Александрополис), реконструкции и расширения возможности существующих (Баку–Новороссийск, САЦ, Прикаспийский газопровод). Свою роль в обеспечении интересов Российской Федерации, связанных с Каспийским регионом, могут и должны сыграть и другие российские проекты (газопровод «Голубой поток», «Южный поток» и другие);

- в-третьих, наличие в странах Южного Кавказа и Центральной Азии довольно значительной части русского и русскоязычного населения, которое также является надежным связующим звеном в межгосударственных отношениях;

- в-четвертых, союзнические обязательства, заключенные между Россией и другими каспийскими государствами СНГ, в том числе коллективные договоры – СНГ, ДКБ, ЕвразЭС, ШОС, в которых Россия играет весьма заметную роль;

- в-пятых, последние события в Грузии отчетливо демонстрируют уязвимость большинства энерготранспортных проектов, проходящих в обход России через государства, нестабильные в политическом отношении. В современных условиях Россия фактически является единствен-

ным реальным гарантом бесперебойных поставок углеводородов (в том числе каспийских) в Европу.

Как отмечает Збигнев Бжезинский, «...Россия все более превращается в ревизионистское государство и все более открыто пытается, как минимум, частично восполнить геополитические утраты, которые она понесла в начале 1990-х годов. Среди приоритетов Кремля большое место занимает необходимость отрезать США доступ к каспийской и центрально-азиатской нефти»⁷⁰.

Насколько Россия сумеет использовать свои пока еще немалые козыри в «большой игре» вокруг Каспия и его углеводородных ресурсов – это вопрос политической воли и решимости.

Россия имеет шансы сохранить контроль над транзитными путями Каспийского и Центрально-Азиатского регионов лишь в том случае, если ее транзитная монополия будет основываться на учете долгосрочных интересов партнеров. Прежде всего, поставщиков, отношения с которыми представляют собой уникальный геостратегический ресурс России. Имея надежные «тылы» в государствах Южного Кавказа и Средней Азии, Россия сможет уверенно чувствовать себя в «энергодIALOGE» с Евросоюзом. Эти тылы необходимо укрепить в первую очередь. Тех действий, которые предприняты в этом направлении в последнее время, явно недостаточно.

Представляется, что новая методология отношений со стратегическими поставщиками должна базироваться на принципах, во-первых, создания сети новых транспортных коммуникаций по линии Восток–Запад в противовес существующим маршрутам и, во-вторых, в переходе от отношений «геополитического типа», предполагающих использование сохраняющегося энергетического рычага, к партнерским отношениям экономической конкуренции.

⁷⁰ *Бжезинский З.* Партнер в том, что касается Ирана? // The Washington Post, 30 ноября 2007 г.

Вагиф Гусейнов, Алексей Денисов, Александр Романов

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Проблемы обеспечения региональной безопасности

Мировое значение изучаемого региона человечество оценило еще во II веке до н.э., когда по предгорьям Южного и Северного Кавказа был проложен караванный путь из Китая на Ближний и Средний Восток и через Северное Причерноморье – в Южную и Центральную Европу, получивший название Великого шелкового пути. Уже в новое время открытие в Прикаспии нефтяных месторождений существенно обострило интерес к Южному Кавказу со стороны западноевропейских государств. Сначала Великобритания, а затем и гитлеровская Германия пытались удовлетворить его с позиции силы, однако безуспешно – государства Южного Кавказа остались с Россией. Так, например, хорошо известно, что одна из самых ярких страниц Великой Отечественной войны – Сталинградская битва – связана с попыткой немецких войск прорваться к Баку. Значение бакинской нефти для судеб войны было велико и до сих пор остается не оценено. Исследования азербайджанских ученых вскрыли и другой факт – намерения Сталина взорвать бакинские промыслы и всю нефтепереработку в случае прорыва немцев.

Баку, как нефтяной центр, длительное время занимал в СССР особое место и представлял особый интерес для крупных международных игроков. Изменения геополитического порядка произошли в регионе лишь после распада СССР, в результате которого обрели независимость Азербайджан, Армения и Грузия¹.

Эта подвижка поставила длинный ряд вопросов не только перед новыми самостоятельными участниками мирового политического процесса, приступившими к государственному строительству, но и перед международным сообществом. Один из этих вопросов связан с проблемой региональной безопасности Южного Кавказа². Дополнительную акту-

¹ Мишин В. Бакинская «кровь» индустриализации // «Нефть России», № 11, ноябрь 2007 г.

² Крылов А. Кавказский фактор // «Столетие», 28 мая 2008 г.

альность данная проблема приобрела в связи с событиями лета 2008 года, когда режим Саакашвили организовал военное вторжение в Южную Осетию.

Приступая к ее рассмотрению, целесообразно учитывать геополитическое положение Южного Кавказа. С появлением на месте российско-советского Южного Кавказа этого небольшого региона с населением менее 15 млн. человек крупнейшие мировые игроки, в первую очередь – США и ЕС, получили возможность доступа к энергетическим ресурсам Каспия, на которые приходится около 10% мировых запасов нефти и газа, а также удобный геополитический плацдарм на границах России и Ирана. При этом надо учитывать, что нефтегазовые запасы самого Южного Кавказа довольно скромные. Согласно экспертным оценкам, на долю Азербайджана (единственная в регионе страна, обладающая нефтегазовыми запасами) приходится всего 0,6% от доказанных мировых запасов нефти (1 млрд. тонн, или 7 млрд. баррелей) и 0,8% от доказанных мировых запасов газа (1,37 трлн. куб. м).

В связи с этим для США и ЕС Южный Кавказ представляет интерес не как поставщик энергоносителей, а как район транзита, позволяющий обеспечить поступление на мировые рынки углеводородов из Центральной Азии в обход России и Ирана. Однако налаживание энерготранзита предполагает создание инфраструктуры, нормальное функционирование которой возможно только при стабильном характере отношений между транзитными государствами. Между тем еще на рубеже 1980–1990-х гг. существовавшие в регионе межэтнические противоречия, от урегулирования которых устранился союзный центр, вылились в крупномасштабные войны. В начале 90-х годов прошлого сто-

Военный баланс на Южном Кавказе

Данные	Азербайджан	Армения	НКР	Грузия	Абхазия	Южная Осетия
Военный бюджет	\$588 млн. (+ \$3,96 млн. ВВП)	\$165 млн. (+ \$3,46 млн. ВВП)	Нет данных	~\$218 млн. (+ \$1,88 млн. ВВП)	Нет данных	Нет данных
Вооруженные силы	66,740	48,160	~18,000 (15,000+)*	11,320	~5,000** (4,000+)	~2,000
Танки	220	110	70+ (45–50)	86	50+ (25–30)	~10
Бронированные боевые машины	468	140	100+ (~80)	91	80+ (~50)	~30 (~20)
Артиллерия	270	229	100+ (80+)	109	80+ (не менее 60)	~25 (~15)
Самолеты	47	16	–	7	–	–
Вертолеты	~35	~34	–	17	–	–
Боевые корабли (сторожевые, береговые +миноносцы)	11	–	–	~19	–	–
Боевые корабли-амфибии /Amphibious	5	–	–	4	–	–

* В скобках приведена статистика из публикаций в СМИ.

** Согласно данным The International Institute For Strategic Studies. «The Military balance-2006», общая численность вооруженных сил Абхазии составляет +1500 человек.

В качестве основного источника использована статистика, предоставленная The International Institute For Strategic Studies. «The Military balance-2006», The International Institute For Strategic Studies. «The Military Balance 2003/2004» и информация из публикаций в СМИ.

летия эти конфликты перешли в латентную стадию. Однако даже начавшиеся переговоры по поиску их решения под эгидой ООН и других международных организаций мало способствовали сближению позиций конфликтующих сторон. Более того, многие наблюдатели прогнозируют обострение проблемы непризнанных государств. Этому, по их мнению, способствует позиция США и ведущих стран ЕС по вопросу признания Косова³.

Пытаясь участвовать в решении проблемы региональной безопасности на Южном Кавказе, США действуют по простой схеме, главным пунктом которой является установление контроля над политическими процессами в Азербайджане, Армении и Грузии.

Логика такого подхода вполне понятна – постоянный «присмотр» за странами региона исключит даже самую возможность конфликтов между ними⁴.

Повседневным инструментом для деятельности США в этом направлении является блок НАТО, представителям которого удалось не только установить тесные связи с руководством республик Южного Кавказа, но и во многом взять под контроль их военную политику. Безусловно, в настоящее время это является важным фактором сохранения приемлемого уровня региональной безопасности на Южном Кавказе. Однако обратной стороной такого подхода является то, что государства региона все более укрепляют свои отношения с Североатлантическим альянсом⁵.

Азербайджан

В Азербайджане с 1997 года военные училища готовят кадры по программе НАТО. В 2007 году в стране начался процесс по приведению вооруженных сил в полное соответствие со стандартами этого блока.

Ежегодно, начиная с 2003 года, в Азербайджане проходит «неделя НАТО». Это мероприятие имеет целью укрепление связей между Азербайджаном и альянсом в рамках программы партнерства, а также более широкое ознакомление общественности республики с деятельностью Североатлантической организации. Например, в 2007 году в рамках «недели» состоялась сессия Международной школы НАТО на тему «Энергетическая безопасность и охрана важных инфраструктурных объектов». Эксперты альянса прочли лекции, посвященные вопросам

³ Коэн Д. – руководитель программы Кавказа в лондонском НПО Conciliation Resources (Ресурсы примирения) // Евросоюз и Южный Кавказ: дилеммы соседей, ВВС, 13 июля 2004 г.

⁴ Язькова А. Южный Кавказ и Россия: уравнение со многими неизвестными // «Вестник Европы», №19–20, 2007 г.

⁵ Рондели А. Южный Кавказ и Россия // «Вестник Европы», №7–8, 2002 г.

обеспечения безопасности нефте- и газопроводов, а также платформ для добычи энергоресурсов на Каспийском море и предотвращения угроз терактов на этих объектах. Существующие для энергетической инфраструктуры угрозы и риски были рассмотрены и на коллоквиуме Евроатлантического совета по партнерству. На нем обсуждались также региональные и международные аспекты безопасности, технологические новинки в обеспечении безопасности. В ходе «недели» в Гяндже, втором по значимости городе на западе республики, открылся Евроатлантический информационный центр, подобный тому, который годом раньше был открыт в Баку.

В октябре 2007 года на 53-й сессии Парламентской Ассамблеи НАТО, прошедшей в Исландии, был одобрен специальный доклад, подготовленный Азербайджаном и посвященный отношениям этой страны и НАТО. В данном докладе нашли отражение вопросы, охватывающие реформы, проводимые в Азербайджане в военной, политической, экономической и социальной сферах. По завершению ассамблеи ее президент Ж.Лелон выразил удовлетворение идущими в Азербайджане реформами и подчеркнул, что преобразования имеют большое значение с точки зрения формирования правового государства и интеграции Баку в Евроатлантическое пространство.

Положительно оценены в НАТО также итоги выполнения Азербайджаном первого двухлетнего плана по сотрудничеству с этой организацией. В настоящее время в стране реализуется аналогичный план, рассчитанный до 2009 года.

Во второй половине 2007 года Азербайджан посетили ряд высокопоставленных чиновников США и НАТО. Наряду с констатацией того факта, что военное сотрудничество Азербайджана с альянсом развивается успешно, они высказали пожелание, чтобы Баку занял более определенную позицию по таким принципиальным вопросам, как отношения с Россией, Ираном, Грузией и НАТО. По их мнению, для этого целесообразно вместе с Грузией составить единый «антироссийский идеологический фронт» на Южном Кавказе, официально заявить о своем стремлении войти в НАТО и не стесняться военного присутствия США на своей территории.

Первые два предложения Баку были отклонены. Однако что касается военного присутствия, то его масштабы достаточно велики⁶.

Число военнослужащих США, постоянно пребывающих на территории Азербайджана, по некоторым данным, превышает 2 тыс. человек. На границе с Ираном (г. Астара) и Россией (г. Хызы) в 2006 году были построены две радарные установки. Американские военные завершили модернизацию и полностью подготовили к эксплуатации, по одним дан-

⁶ Мамедов С. НАТО осваивает Южный Кавказ // «Независимая газета», 20 октября 2006 г.

ным, семь, по другим – девять аэродромов. При этом, согласно официальным заявлениям, военная группировка предназначена для охраны нефтепроводов и мониторинга ситуации на Каспийском море. Однако понятно, что для этой цели нужны легкие мобильные подразделения, а не радары и девять аэродромов.

И все же, несмотря на однозначную позицию страны в отношении участия в «антироссийском идеологическом фронте», определенные колебания по вопросу присоединения Азербайджана к НАТО во властных кругах страны присутствуют. Об этом, в частности, свидетельствует позиция Баку по отношению к РЛС в Габале. Как следует из заявления высокопоставленного представителя МИД Азербайджана, «если Азербайджан и Россия в 2012 году не продлят срок действия соглашения об аренде станции, тогда могут быть рассмотрены различные варианты. Например, РЛС может эксплуатироваться в трехстороннем формате. Третьей страной могут быть и США, и Турция. Может быть даже четверка», – сказал чиновник, отметив, правда, что «все это является пищей для размышлений». Вместе с тем он опроверг распространенную турецкими СМИ информацию о намерении Вашингтона разместить в Азербайджане и Турции системы противоракетной обороны (ПРО), сказав, что такого предложения не существует⁷.

Надо подчеркнуть, что и НАТО свои заявления о неуклонно проходящем сближении с Азербайджаном отнюдь не всегда подтверждает конкретными делами, стремясь в сотрудничестве к получению односторонних преимуществ. Иначе трудно объяснить отказ альянса на просьбу о содействии в обеспечении безопасности основного экспортного трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД). Между тем в Азербайджане известно о существовании плана НАТО по созданию мобильных сил для обеспечения безопасности магистрали. С целью подготовки к его осуществлению военные представители НАТО в течение нескольких лет подряд совершали челночные визиты в регион и пытались убедить руководство входящих в него стран в необходимости охраны нефтепровода мобильными силами НАТО.

Активную работу по созданию в Азербайджане сил специального назначения под названием «Каспийский страж» США начали несколько лет тому назад. Эта концепция возникла в 2003 году в Пентагоне. Она предполагает формирование сети подразделений специального назначения и полицейских сил в прикаспийских странах, которые могли бы быстро реагировать на возникновение чрезвычайных ситуаций, включая угрозы нападения террористов на нефтяные объекты, в том числе трубопроводы. Фактически «Каспийский страж» должен стать передовым постом европейского командования США со штаб-квартирой в

⁷ Бабаева У. Статус Габалинской РЛС снова под вопросом // «Независимая газета», 11 марта 2002 г.

Штутгарте, в зону ответственности которого входит и Каспийский регион. Командный центр «Каспийского стража», оснащенный новейшим радаром, предполагалось разместить в Баку. По информации экспертов, правительство США планирует израсходовать на создание и деятельность «Каспийского стража» в ближайшие 10 лет примерно 100 млн. долл.⁸

Однако часть наблюдателей решение США не удивляет. Они утверждают, что «НАТО и США раньше предлагали, чтобы только они, и никто иной, обеспечивали безопасность нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан по всему маршруту следования. Но азербайджанские власти заявили, что сами обладают достаточным потенциалом для этого. То есть позиции НАТО и Азербайджана в этом вопросе различны»; добавляя, что причину отказа азербайджанских властей от этого предложения НАТО следует искать в давлении со стороны России и Ирана, где осознают, что в случае, если Азербайджан согласится с условиями НАТО, на территории государства будет создан командно-контрольный пункт Североатлантического блока.

При рассмотрении проблемы участия США и НАТО в обеспечении региональной безопасности Южного Кавказа необходимо принимать во внимание активность в этом процессе Турции.

Как уже говорилось выше, Турция со времен распада Советского Союза пыталась сформировать под своим лидерством организацию, которая включала бы тюркские государства Южного Кавказа и Центральной Азии. В русле реализации этой идеи в ноябре 2007 года в Баку прошел 11-й съезд организации «Дружбы, братства и сотрудничества тюркоязычных стран и общин». Это был первый съезд указанной организации (действует с 1993 г.), проведенный за пределами Турции.

Выступая на этом съезде, премьер-министр Турции Реджеп Эрдоган выдвинул инициативу о создании политического союза тюркоязычных государств для координации усилий на важных внешнеполитических направлениях. Турция считает, что такими важными направлениями могут быть Ирак и израильско-палестинская проблема. По мнению турецкого премьера, отсутствие координации внешнеполитических действий тюркоязычных государств, которых объединяют общие историко-культурные ценности и гуманитарные связи, приводит к определенным издержкам⁹.

Представители стран, участвовавших в конгрессе, приняли предложение Эрдогана об институционализации ежегодно проходящих саммитов глав тюркоязычных государств и создали постоянный секретари-

⁸ Мамедов С., Гордиенко А. У «Каспийского стража» появился хозяин // «Независимая газета», 27 мая 2005 г.

⁹ Ованисян Л. Сафрастьян: согласование политики Турции на Южном Кавказе с ЕС – в интересах Армении // «Кавказский узел», 10 июня 2008 г.

ат. Предполагается, что на основе этого секретариата могут быть созданы полноценные структуры неформального объединения.

Турецкие власти предложили также создать по образцу Европарламента 50-местный парламент тюркоязычных государств (также в Стамбуле). Предполагается, что число мест для каждой страны будет выделяться пропорционально численности ее населения. По планам, в парламенте будут действовать три комиссии – по внешним сношениям, по социально-экономическим отношениям и по разрешению разногласий. Кроме того, на съезде обсуждались вопрос учреждения олимпийских игр тюркоязычных государств, а также создание единой телерадиовещательной компании. Турция также предложила утвердить турецкий язык в качестве рабочего языка тюркоязычных организаций¹⁰.

Ранее идея о создании некоего политического союза предлагалась турецкими властями в сентябре 2006 г. на 10-м съезде этой же организации в Анталье. Считается, что создание политического союза тюркоязычных государств является внешнеполитической мечтой Р.-Т. Эрдогана. Турция планирует также до создания нового объединения выступить в качестве посредника в деле решения имеющихся противоречий между возможными членами этого объединения, в частности, по пограничным проблемам между Азербайджаном и Туркменистаном (на Каспийском море), Кыргызстаном и Узбекистаном. При этом предполагается, что Турция и планируемый союз должны обеспечивать поддержку Азербайджану и Туркменистану в их возможных спорах по Каспию с Россией и Ираном. Хотя, по мнению Турции, в основе этого проекта будет лежать не экономическое сотрудничество, экономика может стать важным фактором функционирования союза. Правящие круги довольно прохладно относятся в последние годы ко всякого рода общетюркским инициативам, а к общеисламским у них давние, вполне понятные, опасения. Азербайджанская правящая элита, олигархат слишком связан своими интересами с Западом, активность последнего такова, что в Баку просто руки не доходят до тюркских инициатив, тем более исходящих от Эрдогана, отношения с которым не идут ни в какое сравнение с некогда братской дружбой Демиреля и Г.Алиева.

В то же время необходимо принимать во внимание, что действия Турции в регионе далеко не самостоятельны и в высокой степени зависят от стратегической линии ее главного партнера – США, а ущемление интересов Анкары в вопросе членства в ЕС усиливает влияние на нее Вашингтона.

В этой связи особый интерес представляют американские инициативы по налаживанию стратегического партнерства между США, Турцией и Азербайджаном. По заявлениям заокеанских политиков, «Соединенные Штаты не рассматривают страны Южного Кавказа и Централь-

¹⁰ Маркедонов С. Южный Кавказ: многоугольник интересов // АПН, 23 мая 2005 г.

ной Азии утилитарно. Напротив, мы убеждены, что успехи Азербайджана как свободной страны, поддерживающей мир на своей территории и в регионе, отвечает нашим долгосрочным интересам».

Они формулируют тезисы, призванные проиллюстрировать смысл стратегического партнерства между Турцией, Азербайджаном и США:

- Во-первых, при успехе демократии и строительстве современных государственных институтов Азербайджан со временем может стать более сильной страной и более важным стратегическим партнером.

- Второй тезис касается энергетического партнерства между Турцией, Азербайджаном и США: американские представители надеются, что благодаря этому партнерству Азербайджан сможет найти ресурсы для укрепления своего государства, мира и безопасности в регионе.

- Третий пункт относится к тому воздействию, которое стратегическое сотрудничество между США, Турцией и Азербайджаном окажет на регион, простирающийся от Черного моря до Китая.

В реализации поставленных задач Турция принимает самое живое участие. Достаточно заметить, что весь процесс перестройки азербайджанской армии в соответствии со стандартами НАТО проходит под патронажем представителей вооруженных сил этой страны.

И все же есть смысл с некоторой долей сомнения отнести к строительству собственных вооруженных сил в Азербайджане. Разумеется, по сравнению с 90-ми годами страна сделала огромный шаг вперед. Но местные военные эксперты не склонны преувеличивать значение преимуществ в технике и экипировке, которых удалось добиться за счет нефтедолларов. Парад в июне 2008 года на главной площади Баку – Азадлых подтвердил, что в подготовке военных специалистов, например, военных летчиков, сделан большой шаг вперед. Но азербайджанская армия давно не проводила войсковых учений, информация, поступающая по разным каналам о боеготовности воинских подразделений, говорит о ее плачевном состоянии. Солдат может отслужить два года в армии и ни разу не держать в руках автомат. Командиры заняты вымогательством, процветает коррупция¹¹.

В то же время надо учитывать и то, что постепенно командное пространство заполняется офицерами новой турецко-натовской формации. В ближайшие годы они встанут на место генералов советской военной школы. Установленное участие офицеров в движении ваххабитов – серьезный фактор, если учесть, что большинство учащихся военных школ являются выходцами из глубинки, беднейших слоев населения, беженцев – социальной прослойки, наиболее подверженной религиозным и иным веяниям. Эти обстоятельства могут уже в ближайшем будущем изменить роль и место армии в политической системе страны.

¹¹ Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. – М.: 2004.

Армения

Как заявлял новый президент Армении еще в свою бытность премьером Серж Саркисян, «отношения Армения–НАТО формируются исходя из естественного развития региональных процессов и потребностей безопасности, необходимости нейтрализации вызовов и угроз, вставших перед нашим государством. Сегодня вопрос членства в НАТО не значит-ся во внешнеполитической повестке Армении, между тем наше государство, прагматично оценивая ситуацию безопасности в регионе, не выступает с несвоевременными заявлениями, а шаг за шагом развивает взаимоотношения с Североатлантическим альянсом. В этом ключе отношения Армения–НАТО играют свою важную роль в системе безопасности Армении. В конечном счете, наше государство следует курсу европейского развития, а НАТО – лидирующий институт обеспечения европейской безопасности».

Скажем откровенно: мы ознакомились со всеми или почти со всеми заявлениями руководителей стран Южного Кавказа по проблеме НАТО, но такого лукавства не встречали ни в одном из них. Что до практических шагов по сближению Армении с НАТО, то они имеют следующие реальные очертания.

13 февраля 2004 года армянский миротворческий взвод в составе греческого подразделения был командирован в Косово; 8 сентября была произведена ротация личного состава взвода.

В рамках Процесса пересмотра и анализа (PARP – ППиА) Документы оценки и цели партнерства Армении были разработаны и утверждены в Брюсселе в формате 19+1 в ходе совещаний по безопасности Армения–НАТО. В итоге согласованы 23 цели партнерства.

В 2004 году Армения выразила готовность к присоединению к Индивидуальному плану действий по партнерству (IPAP – ИПДП).

По программе «Партнерство ради мира» (PfP – ПрМ) только в 2004 году представители Министерства обороны Армении приняли участие примерно в 40 мероприятиях ПрМ, в том числе в 5 учениях, а в 2005 году – в 50 мероприятиях (8 учений)¹².

Как полагают в НАТО, идея Программы индивидуального партнерства НАТО–Армения (IPAP) состоит в том, чтобы, с одной стороны, проводить политику НАТО в регионе, с другой помочь стране в демократических и военных реформах. В политическом плане – это становление демократического гражданского общества, установление верховенства закона, реформы в области государственного управления. С военной точки зрения – реформирование армии для приближения ее к международным стандартам, обеспечение системы безопасности.

¹² *Топчян К.* НАТО приходит в Армению // ВВС, 16 июня 2003 г.

В НАТО отмечают, что Армения достигла реальных успехов в плане реализации ИРАР. В целом руководство альянса удовлетворено уже достигнутыми результатами, о чем свидетельствуют промежуточные доклады экспертов НАТО, посещающих страну с визитами.

Важным рубежом в сотрудничестве между Арменией и НАТО стало открытие в Ереване Информационного центра альянса. Подчеркнув важность открытия Центра с точки зрения информирования армянской общественности о деятельности и роли НАТО, представитель альянса отметил, что Центр призван организовывать диспуты и дискуссии по вопросам безопасности, современных вызовов, которым надо противостоять совместными усилиями. Открытие Центра является составной частью Программы действий персонального партнерства (ИРАР) Армения–НАТО. В докладе группы оценки НАТО, находившейся с визитом в Армении, отмечается, что Армения добилась положительных результатов в плане реализации ИРАР.

Речь идет об исключительно важном процессе переосмысления военно-политических ориентаций, которыми живет регион. Армения не может остаться от них в стороне в силу объективных факторов – многообразных зависимостей от Запада и в целом наметившегося крена в политике Грузии и Азербайджана в данном аспекте. В случае серьезного поворота в позициях ее соседей, Армении ничего не останется делать, как последовать за ними, ибо дальнейшее сближение и вступление в НАТО кардинально изменит соотношение сил. И главное в такой ситуации – одиозность, с точки зрения ограничения интеграционных проектов региона проводимой Арменией политики, станет не просто выпирать, она больно будет бить по интересам и России, и Запада, и тех же США, со всеми отсюда вытекающими для нее последствиями.

Грузия

О Грузии здесь уже было сказано немало. С формальной стороны эта страна, объявив о стремлении вступить в НАТО в 2001 году, согласно существующей практике, прошла первый этап необходимой программы по приближению к стандартам альянса «Индивидуальный план действия по дальнейшей интеграции в альянс» и в 2007 году перешла на этап «Интенсивного диалога».

По существу, сегодня вооруженные силы Грузии (до недавнего времени их считали самыми боеспособными в регионе) уже находятся под полным контролем НАТО. С января 2008 года грузинская армия полностью перешла на западное вооружение. Об этом объявил Саакашвили на церемонии презентации нового вооружения, которая прошла в расположении Горийской военной базы. Он лично вручил военным американскую автоматическую винтовку М-4 взамен автомата Калашникова. Как отметил Саакашви-

ли, грузинская армия первая среди стран бывшего Союза осуществляет полное перевооружение в подобном масштабе и с такой скоростью¹³.

Дрейф в сторону НАТО грузинскому руководству существенно облегчают прозападные настроения обработанной официальной государственной пропагандой грузинской общественности. В этой связи достаточно вспомнить результаты соответствующего референдума, на котором 72% жителей республики высказались в пользу членства их страны в альянсе. До поры к этим результатам привлекается мало внимания, но в нужный момент они, как выразился эксперт, выскочат «подобно чертику из табакерки», с тем чтобы стать опорой пронатовских усилий Саакашвили. Отдельные специалисты даже высказывают мнение, что вся история с досрочными выборами в Грузии имела подоплекой как раз проведение этого референдума¹⁴.

13 марта 2007 года стало важной вехой в современной истории Грузии. В этот день Парламент страны принял Декларацию о полном и срочном вступлении Грузии в Североатлантический альянс 160 голосами «за», то есть единогласно.

Война в Южной Осетии, которую грузинская пропаганда представила как агрессию Москвы против незащищенного Тбилиси, пожалуй, может еще сильнее укрепить пронатовский настрой грузинской общественности. Не исключено, что в ближнесрочной перспективе Саакашвили попытается добиться принятия Грузии в НАТО, без учета имеющихся у республики нерешенных территориальных вопросов. Основным аргументом грузинского лидера в данном случае будет необходимость защиты страны от агрессивных посягательств «северного соседа».

Южный Кавказ и Европейский союз

По мнению многих экспертов, вектор движения стран региона в сторону НАТО имеет подчиненное значение, поскольку вступлением в альянс представители элиты Азербайджана, Армении и Грузии стремятся приблизить достижение конечной цели – членства в ЕС. Они справедливо полагают, что вхождение в эту организацию окажет решающее значение, в частности, для установления наиболее высокого уровня региональной безопасности, поскольку в этом случае ответственность за благоприятный исход ныне «замороженных конфликтов» на Южном Кавказе ляжет на плечи ЕС¹⁵.

¹³ Крылов А. Южный Кавказ: военный плацдарм вместо капиталистического рая // «Новая политика», 4 апреля 2007 г.

¹⁴ Верли Р. Кавказу не нужна Грузия – член НАТО // «Le Temps» (Швейцария), 8 января 2008 г.

¹⁵ де Хаас М. Современная геостратегия Запада на Южном Кавказе // «Независимое военное обозрение», 9 февраля 2007 г.

Однако это понимают и в Европе, поэтому вхождение Азербайджана, Армении и Грузии в ЕС сегодня рассматривается только в отдаленной перспективе. Тем не менее это не мешает диалогу между европейскими представителями и лидерами стран Южного Кавказа, который становится все интенсивнее.

Причины повышенного интереса ЕС к Южному Кавказу обрисовали представители внешнеполитической «тройки» ЕС – министр иностранных дел Швеции Анна Линдт и член Европейской комиссии по внешним связям Кристофер Паттен в связи с их поездкой на Южный Кавказ: «В Каспийском море столько же нефти, сколько и в Северном. Здесь и в Средней Азии есть огромные запасы газа – и это хорошие новости для стран Европы, испытывающих энергетический голод. Кавказский коридор является самым коротким путем из Южной Европы в Среднюю Азию и далее; отсюда и то значение, которое Европейский союз с самого начала придает помощи Южному Кавказу в реализации его потенциала в области транзита товаров и энергии из Каспийского региона и Средней Азии».

За последнее десятилетие Евросоюз внес определенный вклад в разработку проектов, направленных на развитие регионального сотрудничества стран Южного Кавказа. В рамках программы технического содействия ТАСИС разрабатывались схемы транспортного коридора ТРАСЕКА, осуществлялись проекты гуманитарной помощи беженцам – жертвам политико-этнических конфликтов, проводится совместная с правительством Армении работа по закрытию атомной электростанции в Медзаморе. За все эти годы только на предоставление грантов Евросоюзом было выделено около 1 млрд. евро.

Наибольшую активность в продвижении своих интересов в страны Южного Кавказа проявляют Великобритания, Германия и Франция. В июле 1998 г. Великобритания подписала с Азербайджаном совместную Декларацию о дружбе и партнерстве. В Азербайджане действует около 100 британских компаний, что превышает численность американских, а сумма капиталовложений в региональные проекты составляет более 1,5 млрд. долл. Долевое участие британских компаний в строительстве основного экспортного трубопровода Баку–Джейхан превысило 25%, в то время как доля американского капитала значительно скромнее – 7,48%.

Германия, установившая деловые отношения с Грузией, распространила их также и на Азербайджан. Сегодня речь, в частности, идет об участии германских концернов и банков в реализации ряда проектов в нефтяной сфере, модернизации бакинского аэропорта, восстановлении производственных площадей автомобильного завода в Гяндже, оставшегося после распада СССР без финансовой поддержки.

Экономические позиции Франции традиционно сильны в Армении, и это сказалось также и на установлении достаточно прочных политичес-

ких отношений. Примером тому стала поддержка, оказанная Армении французским парламентом, принявшим в марте 2001 г. специальную резолюцию об осуждении геноцида армян в Османской Турции в 1915 году. В последнее время получили активное развитие контакты французского капитала и с Азербайджаном – в разработке нефтяных месторождений, а также в реконструкции и строительстве ряда крупных предприятий.

В 2000 г. Центр европейских политических исследований (ЦЕПИ) выступил с инициативой разработки Пакта стабильности для Кавказа, сделав акцент на выявлении специфической ситуации в Кавказском регионе. В этом документе на первый план помещена проблематика политико-этнических конфликтов (Абхазия, Нагорный Карабах, Южная Осетия). Однако предлагаемые в проекте варианты их разрешения схематичны и не учитывают в должной мере специфики этих конфликтов. Проявляя сходство по генезису и характеру, они, тем не менее, принципиально различны между собой, как неоднозначны и пути их решения¹⁶.

Так, для Грузии приемлемо только федеративное решение абхазского конфликта с предоставлением Абхазии самых широких экономических и политических прав, для чего необходимо внесение в Конституцию положения о федеративном устройстве государства. Однако такое решение не только отрицается руководством Абхазии, но может вызвать осложнения в других районах Грузии (Аджарии, Джавахетии). На различных этапах обсуждения грузинскими политологами этой сложнейшей проблемы предлагалось также договориться об «отложенном статусе» Абхазии и уделить приоритетное внимание развитию экономических и транспортных связей с ней. Это могло бы способствовать постепенному восстановлению подорванного взаимного доверия сторон и, что не менее важно, поэтапному возвращению в Абхазию беженцев, численность которых превышает 250 тыс. человек, и началу ее экономического возрождения. Первоочередной задачей могло бы в этом случае стать восстановление проходящей через Абхазию железнодорожной линии, жизненно важной для России, Грузии и Армении.

Что же касается путей решения нагорно-карабахского конфликта, затрагивающего интересы Азербайджана и Армении, то в главном вопросе о статусе Нагорно-Карабахской области в проекте ЦЕПИ предложен целый ряд решений – от предоставления НКАО статуса субъекта с высокой степенью автономии в составе Азербайджана до создания конфедерации НКАО с Азербайджаном, либо кондоминиума Армении и Азербайджана. Предложение о создании «общего государства» при условии сохранения территориальной целостности Азербайджана было обсужде-

¹⁶ Эмерсон М. Подходы к стабилизации на Кавказе // Центр европейских политических исследований.

но в ходе состоявшегося в Париже еще в начале марта 2001 г. очередного раунда переговоров между президентами Армении и Азербайджана с участием президента Франции и сопредседателей Минской группы от России и США, но очевидного успеха они не принесли.

Авторами проекта ЦЕПИ была также предпринята попытка найти решение («равновесие между решениями») для Южного Кавказа и более широкого регионального порядка с учетом интересов России. Но это намерение в значительной мере осталось декларативным, особенно на фоне выдвинутого ими же предложения об образовании Южно-Кавказского Сообщества (ЮКС) без участия России. Становится очевидным, что и эксперты Евросоюза не принимают в расчет наличие объективных органических связей государств Южного Кавказа и России.

В настоящее время ЕС считает необходимым усиление мер по восстановлению доверия между сторонами в регионе. Так, именно при активном содействии Франции был выработан план мирного урегулирования вооруженного конфликта вокруг Южной Осетии летом 2008 года. Кроме того, ЕС принял активное участие в миротворческой операции в Южной Осетии, заменив своими полицейскими российских миротворцев в зоне конфликта и т.д. (*Подробнее роль ЕС в урегулировании грузино-осетинского конфликта будет рассмотрена в соответствующей главе.*)

Отдельно следует сказать, что начиная с 1997 года Евросоюз потратил 25 млн. евро на проекты в Абхазии и 10 млн. евро – в Южной Осетии. В первую очередь это проекты восстановления инфраструктуры, например, в рамках программы ОБСЕ по Южной Осетии, в которой Евросоюз – крупнейший донор. В Абхазии это проект восстановления ГЭС на реке Ингури. С открытием офисов представительств Евросоюза в Абхазии и Южной Осетии у ЕС появится возможность более или менее постоянного присутствия в регионе.

Южный Кавказ и Россия

Нет нужды говорить о том, что страны Южного Кавказа и Россию связывают тысячи зримых и незримых нитей. Весь вопрос состоит в способности России выработать и предложить Азербайджану и Армении такой план сохранения братских отношений, который свел бы «на нет» все усилия заинтересованных в углублении раскола между ними. Что касается Грузии, то развязанная летом 2008 года режимом Саакашвили агрессия против Южной Осетии и последовавшая за ней война между Грузией и Россией, по всей видимости, надолго разъединили два некогда братских народа.

В настоящее время Россию больше всего беспокоят дрейф стран Южного Кавказа в сторону Запада. Москва уверена, что после вступления Азербайджана и Грузии в Североатлантический альянс и Евросоюз у

них останутся проблемы, несущие угрозу безопасности: слабая, коррумпированная власть; наркомания; открытые для международных террористов границы; нестабильные регионы с долговременными конфликтами, а на руках населения много легкого стрелкового оружия. Кроме того, и Тбилиси, и Баку, как уже говорилось выше, станут заложниками ситуации в случае силового решения Вашингтоном иранской проблемы по иракской схеме.

Главное же состоит в том, что при таком сценарии Россия лишится региона для сбыта своих товаров, против которых в странах ЕС устанавливаются экономические ограничения. Примером тому может служить вступление стран Балтии в ЕС, которое нанесло многомиллионные убытки российской экономике.

Конечно, Россия и сегодня, и в перспективе будет преследовать и защищать собственные интересы на Южном Кавказе. Однако безусловно и то, что российские интересы на Южном Кавказе противоречат коренным интересам правящих элит Азербайджана и Грузии. Исключение составляет Армения, которой Россия на протяжении нескольких веков отдает предпочтение. Яркий пример – позиция Москвы по Нагорному Карабаху, который силой был отторгнут от Азербайджана, в том числе и с военной помощью России.

Пока же этим странам приходится лавировать на сложном и опасном политическом поле, конфигурацию которого составили не они.

Во-первых, они столкнулись с реальностью, когда вовлеченность Вашингтона в дела бывших республик СССР постепенно стала беспрецедентной для самой же Америки¹⁷.

Во-вторых, в России и среди населения, и среди политиков окончательно сложился консенсус по поводу необходимости консолидации ближнего зарубежья и включения его в сферу исключительных интересов России.

Обе эти позиции являются сутью военно-политических доктрин России и США. Свое выражение они находят в практической политике, направленной на обеспечение национальной безопасности двух стран. Эти позиции настолько разнятся, что требуют немедленного разрешения либо силовым путем, либо в форме интенсивного сотрудничества двух сторон.

Пока же необходимо констатировать, что ни США, ни Россия так и не смогли продвинуться вперед в деле выработки единой, понятной и приемлемой для всех сторон совместной политики на постсоветском пространстве. И Южный Кавказ, так же как и остальные территории бывшего СССР, оказался в сложном положении.

¹⁷ Язькова А. Лекция в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.ру», 19 октября 2006 г.

В формировании такой обстановки сыграло важную роль и то, что Россия в силу исторически сложившихся обстоятельств является одной из основных «кладовых» полезных ископаемых в мире. Для Запада имеет принципиальное значение хотя бы частичное снижение зависимости от России в этой сфере. Позиция Белого дома по этому поводу исключает восстановление российского контроля над нефтедобывающим регионом Каспия. В свое время тогдашний министр обороны США У.Коэн подтвердил такой подход: «Запад глубоко заинтересован в том, чтобы кавказские и центрально-азиатские государства укрепили свою независимость и оставались открытыми для Запада. Иначе Москва захватит монопольный контроль над жизненно важными энергетическими ресурсами, тем самым усиливая западную зависимость от России».

Но даже понимая это, представляется, что акцент на экономические интересы, которые преследует на Южном Кавказе Запад, в целом сегодня не должен оставаться основным.

Вся политика Запада, и, прежде всего, США, в настоящий момент выстроена на установление силового контроля над тем или иным регионом мира. А Южный Кавказ и Каспий по своему ключевому характеру могут сравниться только с Персидским заливом или Израилем. Иначе говоря, присутствие Запада на Южном Кавказе будет осуществляться и впредь – даже в случае потери экономической целесообразности в таком присутствии.

Согласно подписанной 16 марта 2006 года президентом США Д.Бушем «Стратегии национальной безопасности», новая линия противостояния между Западом и Россией (взамен обозначенного Черчиллем «железного занавеса») теперь проходит по Украине, Молдавии, Белоруссии, Грузии и Азербайджану.

Но, со своей стороны, Россия, судя по всему, все еще не в состоянии предложить свое активное присутствие в военной политике государств постсоветского пространства. Достаточных для этого средств пока нет в бюджете РФ, так же как и ясного видения перспективы. Россия до сих пор продолжает осмысливать ситуацию. Но можно не сомневаться, что этот период пройдет¹⁸.

Перспективы разрешения «замороженных» конфликтов в регионе

«Горячими точками» Южного Кавказа, в весьма значительной степени определяющими уровень региональной безопасности, являются Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах.

Каждый из этих конфликтов имеет свои причины. Но ведущая и общая причина тупика лежит в главном принципе, заложенном в процес-

¹⁸ Фуллер Э. Россия и Южный Кавказ // «In The National Interest» (США), 3 июня 2004 г.

сы урегулирования, – «праве на самоопределение народов в рамках территориальной целостности государства».

В современных условиях «право на самоопределение народов», узаконенное резолюцией ООН 14 декабря 1960 года в процессе развала колониального мироустройства, входит в противоречие с «территориальной целостностью государств», зафиксированной на международном уровне в последний раз 1 августа 1975 года в хельсинкском Заключительном акте ОБСЕ.

Военная авантюра Саакашвили в Южной Осетии, предпринятая им летом 2008 года, подтолкнула Россию к признанию государственной независимости отколовшихся от Грузии этнических анклавов. Однако о полноценном международном признании суверенитета Абхазии и Южной Осетии говорить пока преждевременно. Для подавляющего большинства стран мира они продолжают оставаться «мятежными», сепаратистскими территориями Грузии.

* * *

США, страны НАТО, ЕС и в целом Европа для Южного Кавказа являются «внешними» игроками, в то время как Россия – игроком «внутренним». В то же время активность Запада на южнокавказском направлении выше, чем активность России.

Отсутствие широкого взгляда на возможности и глубину сотрудничества с новыми государствами делает позицию России уязвимой в этом регионе мира и открывает Западу множество возможностей заявлять, что именно он должен занять опустевшее место Советского Союза. По мнению Запада, Россия не в состоянии нести ответственность за обстановку на Южном Кавказе, а потому считается, что без западной опеки Закавказье не сможет стабильно развиваться. На Южном Кавказе США и их союзники предлагают новым государствам такие комбинации политической и военной кооперации, которые значительно шире того, что подразумевает сегодня Россия.

На более отдаленную перспективу Южный Кавказ для Запада – еще и плацдарм для противостояния на иранском направлении.

Если двусторонние отношения стран Южного Кавказа с США в целом понятны и прогнозируемы, то все, что касается Новой Европы, выглядит иначе.

Во-первых, Европа сама еще находится в стадии формирования как единый организм. И политический, и военный, и экономический.

Во-вторых, только сейчас – по прошествии полутора десятков лет формальной независимости – начинается период, когда страны Южного Кавказа в состоянии по-настоящему приступить к формулированию положений своих политико-военных устремлений.

В-третьих, страны Южного Кавказа тяготеют к Европе, и расширение объединенной Европы благодаря им в перспективе возможно.

В-четвертых, Россия продолжает набирать экономический вес. Ее претензии на возвращение в неформальный клуб мировых лидеров стали вполне реальными.

Иначе говоря, основные события в регионе еще впереди. А ситуация на Южном Кавказе начинает напоминать период передела мира почти двухвековой давности. С той лишь разницей, что в нынешнее время геополитическая реальность заставляет участников процесса выходить за региональные рамки.

Еще одной особенностью ситуации является то, что и Европа как единая сила, и отдельные члены ЕС, и США не знают кавказских проблем и не имеют опыта их решения. Западное влияние в регионе обусловлено соблюдением западных же интересов, без учета глубинных стремлений южнокавказских народов.

Россия столетиями осваивала кавказский мир методом проб и ошибок. Этническая, религиозная и культурная разноликость выдвигала на первый план проблему взаимной адаптации, а не разделения региона на сферы влияния, как это всегда пытались сделать «внешние силы» (раньше Иран и Турция, затем Великобритания, а сегодня США и НАТО). В недавнем прошлом совместными усилиями Азербайджану, Армении, Грузии и России удалось найти способ управления многочисленными местными противоречиями. Спустя десятилетия Россию в регионе признали в качестве державы, способной принести порядок и благосостояние, но события последних 20 лет перечеркнули многовековой опыт.

Исторически сложилось так, что гарантом стабильности и грамотным арбитром здесь может выступать только сильная Россия. Этот свой статус она сумела подтвердить (не на словах, а в кои-то века – на деле) в августе 2008 года, огородив югоосетин от геноцида со стороны Грузии.

Возможна ли альтернатива этому? Возможна, если сами государства Южного Кавказа найдут в себе силы создать некий союз, самодостаточный в политическом отношении.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на кажущуюся сегодня невозможность подобного союза, уже появляются провозвестники развития именно этого направления.

Например, ежемесячный аналитический журнал «Южный Кавказ», который организован журналистами трех республик на паритетных началах, уже имеет некоторый круг единомышленников в странах региона.

Кроме того, существует «Фонд Евразия» – американская некоммерческая благотворительная организация, использующая средства, предоставляемые Агентством США по международному развитию (USAID), которая в том числе стимулирует и это направление возможного регионального развития.

Уместно напомнить и о позиции патриотических слоев (далеко не пророссийских) во всех трех республиках, которые высказываются в том плане, что сила трех стран должна базироваться на Кавказе, а не на дружбе с Западом.

В случае если такое новообразование не состоится, то и Азербайджан, и Армения, и Грузия обречены на постоянное лавирование между интересами многочисленных друзей и врагов и, что самое важное, на отвлечение значительных материальных ресурсов на решение политических и военных проблем. Мира в таком случае на Кавказе не дождутся еще долго. А военно-политические альянсы окажутся не стабилизирующим, а разлагающим фактором.

Наблюдение за процессом становления государств Южного Кавказа в качестве самостоятельных субъектов мирового сообщества крайне интересно со всех точек зрения. Однако при этом нельзя не заметить, что определенная группа исследователей, в том числе и тех, которые живут и работают в государствах Южного Кавказа, солидную часть своей творческой энергии направляют на изучение проблем региона в целом. Наверное, это объясняется тем, что прогрессивно мыслящие представители правящих и политических кругов Азербайджана, Армении и Грузии согласны с истиной, которая находится на виду, – совместные усилия по упрочению позиций региона Южного Кавказа на мировой арене принесут их странам больше пользы, чем разрозненные действия в этом же направлении.

Такой подход заставляет по-иному взглянуть и на проблему региональной безопасности Южного Кавказа, дает возможность осуществить попытку определить главное направление усилий Азербайджана, Армении и Грузии, направленных на то, чтобы регион обрел политическую стабильность, а из взаимоотношений входящих в него государств исчезло недоверие.

Некоторые аспекты военно-стратегической ситуации на Южном Кавказе

Сегодняшний Южный Кавказ – это трансформирующийся регион, регион, находящийся в поиске своей идентичности (национально-государственной, геополитической, социокультурной). Южный Кавказ до сих пор сохраняет очень высокий деструктивный потенциал из-за наличия ряда «замороженных конфликтов», т.е. отделившихся и фактически суверенных государств (получивших теперь официальное признание со стороны России). Деструктивный потенциал связан и с двумя другими факторами, о которых уже сегодня нельзя сказать, что они пребывают в латентном состоянии. Первый фактор – это развитые сепаратистские тенденции в среде таких крупных меньшинств, как армяне, та-

лыши, лезгины, аварцы, особняком стоит вопрос с курдами (Азербайджан); обособившиеся в Джавахети армяне, азербайджанцы и турки-месхетинцы в Грузии.

Второй фактор – территориальные претензии, которые не снимает Армения к Азербайджану и Грузии, Грузия – к Азербайджану. Эти процессы самым причудливым образом инфильтрируются на территорию России – в Дагестан и далее. Если сюда добавить и проблему Южного Азербайджана, которая может обостриться при военной интервенции США или в силу внутривнутриполитических вспышек недовольства, то мы получаем клубок проблем, по своему разрушительному потенциалу не меньший, чем так называемые «замороженные конфликты». И это нельзя не учитывать.

Несмотря на различную степень реализации сепаратистских устремлений, решение их возможно при одних и тех же условиях: повышения благосостояния всего населения, фактической демократизации общественной жизни, нейтрализации идейно-политического воздействия извне. Южнокавказским государствам давно пора приступить к разработке принципов мирного сосуществования, сердцевиной которого явился бы пакт о снятии территориальных претензий.

Недавняя вспышка грузинского возмущения по поводу древнего храма на приграничной азербайджанской территории напомнила о том, что этим государствам следовало бы упорядочить перечень спорных историко-культурных вопросов и сесть за их рассмотрение. Однако похоже, что нынешние руководители склонны решать эти проблемы, как и их предшественники, – договариваясь на личной основе президентов, загонять болезнь вглубь.

Из четырех таких ныне существующих непризнанных государств постсоветского пространства три расположены в этом регионе. До сегодняшнего дня Азербайджан и Грузия оказались не в состоянии решить проблемы целостности своих территорий. Напомним, что грузинская юрисдикция де-факто не распространяется на большую часть территорий Абхазии и Южной Осетии и, по существу, на Джавахети, а Азербайджан утратил контроль над бывшей Нагорно-Карабахской автономной областью (НКАО), а также семью районами, находящимися за пределами «мятежной автономии».

Основная проблема политических элит стран Южного Кавказа – Грузии, Азербайджана и Армении – отсутствие новых подходов к решению «замороженных» межнациональных конфликтов. Азербайджан уже при старшем Алиеве передоверил решение проблемы на международных посредников и ныне уповает на реанимацию силы и действенности международного права. Все ожидания и надежды Грузии сводятся к возможности замены российского присутствия. В последнее время усилились такие настроения и в Баку. Здесь уповают на то, что другие игроки –

США, НАТО или Европейский союз с ОБСЕ – сумеют решить внутренние проблемы обоих государств. Фактически вся геополитическая фантазия лидеров новых независимых государств ограничилась игрой на противоречиях «великих держав» в регионе. И если Азербайджан и, в некоторой степени, Армения сумели выстроить диверсифицированные отношения со всеми участниками «Большой игры», то Грузия однозначно сделала ставку только на США (и в меньшей степени на ЕС)¹⁹.

По всей видимости, именно всеобъемлющая американская поддержка создала у грузинского руководства иллюзию возможности силового решения территориальных проблем. Упование на силу своего заокеанского союзника сыграло с режимом Саакашвили злую шутку в августе 2008 года.

В этой связи закавказский вектор является одним из «горячих» направлений российской внешней политики, которое особо выделяется динамизмом, сложностью и остротой решаемых проблем, имеющих геостратегическое измерение.

Сегодня в борьбе за сферы влияния на Южном Кавказе активно участвуют различные игроки, намерения которых отнюдь не совпадают с исторически сложившимися геополитическими интересами России. Так, США теперь считают этот регион зоной своих стратегических интересов, что неоднократно подчеркивалось в ходе многочисленных встреч Дж. Буша с президентами Грузии, Азербайджана и Армении. Евросоюз также заинтересован в своих аспектах влияния на Южном Кавказе, которое богато ресурсами и географически расположено на пути коммуникаций из Азии в Европу. Турция с целью расширения ареала своего влияния желает получить рычаги воздействия на страны Южного Кавказа, максимально используя свое транзитное географическое положение. Иран, располагающий серьезными запасами углеводородов на Каспии, стремится через Южный Кавказ выйти на европейский рынок энергетических ресурсов.

Между тем ИРИ уже нашла деятельного партнера в своих геополитических замыслах – Армению. Как бы ни складывались ее отношения с политическим руководством, влияние иранцев сохраняется в широком социально-конфессиональном массиве – от Астары до Дербента. В некотором роде отношения ИРИ и Армении к сопредельным территориям совпадают – и та, и другая считает их своими историческими владениями. Хатами даже на переговорах с Г.Алиевым в полусхутоватой форме заметил ему, что то, что он называет Каспийским морем, в Иране всегда называлось Мазандарнским озером. Так что при определенном смягчении американской позиции или соответствующих изменениях в политике ИРИ муллократия (или те, кто придут им на смену) найдет немало союзников и способов для реализации такого рода планов.

¹⁹ Усейнов А. Южный Кавказ в поисках собственной системы безопасности // «Независимая газета», 26 мая 2003 г.

Политика западных государств на Южном Кавказе направлена на вытеснение России из этого важного региона. Особенно наглядно это проявляется в борьбе за доступ к добыче каспийской нефти и контроле над маршрутами ее транспортировки. Положение осложняется тем, что руководители южнокавказских государств, хотя и в разной степени, стратегически ориентированы на США и НАТО, надеясь с помощью более богатых стран решить свои проблемы обеспечения безопасности и получения экономической помощи.

Все эти обстоятельства ведут к снижению возможностей для влияния России в политической, экономической и военной сфере при одновременном усилении уровня присутствия на Южном Кавказе США, стран НАТО и ЕС, Турции и Ирана. Долгосрочное воздействие этих факторов на эволюцию обстановки в странах Южного Кавказа требует от России серьезного переосмысления своей стратегии в отношении южнокавказского сегмента постсоветского пространства. «Уход» России из этого региона чреват для нее серьезными осложнениями в будущем. Однако события лета 2008 года, в которых Россия заняла самую активную позицию, огородив Южную Осетию от фактического геноцида со стороны Грузии, вселяют надежду, что на Кавказе для нас еще не все потеряно и что Россия не сдаст, что называется, запросто эти рубежи.

В настоящий момент необходимо закрепить достигнутое и приступить к выработке новой стратегии, в основу которой следует положить принцип рассмотрения Южного и Северного Кавказа как единого целого. Такой подход позволит сконцентрировать усилия на решении крупных трансграничных проектов, имеющих общий характер и ключевое значение для кавказских государств и все более возрастающее – для России. К ним, например, относятся международные проекты добычи и транспортировки энергоресурсов шельфа Каспия, строительства евроазиатских транспортных коридоров «Север–Юг» и TRASECA. Их реализация способна существенно изменить геополитическую ситуацию в регионе, превратив его в коммуникационный узел глобального значения²⁰.

Вызовы и угрозы безопасности на Южном Кавказе.

Интересы «больших» игроков

В настоящий момент Вашингтон весьма заинтересован в том, чтобы вытеснить Россию и Иран с Кавказа и из Каспийского региона. По утверждению Ариэля Коэна из американского фонда «Heritage foundation», «сегодня Каспийское море – один последних фронтов в энергетической войне». Американским и британским концернам удалось не только до-

²⁰ Рондели А. Южный Кавказ и Россия // «Вестник Европы», № 7–8, 2002 г.

биться крайне выгодных для себя условий добычи нефти в Азербайджане, но и с помощью нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан организовать ее перекачку на западные рынки. В настоящее время США и ЕС зондируют возможность транспортировки нефти из западного района Каспийского моря, а также туркменского газа через Транскаспийский трубопровод.

Ситуация на Южном Кавказе осложняется соседством с нестабильным Ближним Востоком. Не секрет, что США рассматривают страны бывшего советского Закавказья как один из ключевых факторов в процессе «демократизации» стран Большого Ближнего Востока и Центральной Азии. Географическое положение сделало регион заложником глобальных геополитических процессов. Степень заинтересованности США в Южном Кавказе с момента распада СССР постоянно увеличивалась, и государства региона превратились в постоянный объект американской политики.

Действительно, задача закрепиться на Южном Кавказе (в том числе и у северных границ Ирана) имеет для США стратегический характер. С позиций стран Южного Кавказа США могут вести разведку как России (с южного направления), так и стран Персидского залива. Кроме того, с точки зрения военной логистики, Южный Кавказ является важным транзитным пунктом в переброске войск и вооружений из Западной Европы в Афганистан и страны Персидского залива²¹.

Согласованная стратегическая линия США и ЕС в Прикаспийском регионе нацелена на решение нескольких задач.

Во-первых, Вашингтон заинтересован в снижении влияния Москвы на реализацию американских и европейских энергетических проектов на Каспии.

Во-вторых, террористическая опасность для трубопроводов. Сейчас США обосновывают усиление своего влияния желанием обезопасить транспортный коридор нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан. Спецпредставитель генсека НАТО по Средней Азии и Кавказу Р.Симмонс недвусмысленно заявил, что «вопрос защиты энергетической инфраструктуры, принадлежащей как членам НАТО, так и их партнерам, является одним из важных. Это конечно же включает и защиту этого нефтепровода».

В-третьих, сама иранская проблема служит в качестве весомого повода для усиления американского военного присутствия на Каспии. Однако тут есть важный нюанс – объектом терактов со стороны Ирана нефтепроводы могут стать в случае развязывания США военных действий против него. С учетом вовлеченности ИРИ во всемирную террористическую организацию эти планы угрожают сделать Азербайджан и Грузию

²¹ *Рашковский Е.* «Кавказский меловой круг»: трагические судьбы региона. – Pro et contra. Т. 7. № 3. 2002.

жертвами большой игры Запада за энергетическую безопасность, последствия которой для них будут разрушительными, ибо теоретически неисключаемые иранские удары по американским объектам на территориях сопредельных стран могут спровоцировать войну всех против всех.

Именно территория Южного Кавказа может стать одним из плацдармов для новой войны против Ирана. В рамках антииранской кампании и развертывания тыловых баз на этой территории американцы резко ускорили подготовку военной инфраструктуры. Объемы военно-экономической помощи Грузии со стороны США в 2007 году составили около 70 млн. долл.».

Кроме того, существует программа НАТО долгосрочной военной поддержки всех трубопроводов в направлении Каспий – Турция – Балканы. На бывших советских военных базах в Азербайджане создана группировка сил, предназначенная для «миссий стратегического назначения» в Грузии, главная ее функция – «защита» азербайджанско-грузинского участка БТД²².

С точки зрения стран Запада для успешного функционирования новых энергетических коридоров необходимо:

- обеспечить стабильный характер отношений между транзитными государствами, что невозможно будет сделать в случае возобновления широкомасштабных военных действий в зонах вышеупомянутых конфликтов, пребывающих ныне в «законсервированном» состоянии;
- не допустить обострения внутривосточной ситуации и возможной дестабилизации внутри транзитных государств;

Интересы стран региона

Грузия

Грузия является опорной страной США в этом регионе. Грузинские военнослужащие участвуют в операции в Ираке. В 2007 году грузинским руководством принято решение об увеличении численности воинских формирований в Ираке до 2000 человек. Принято также решение направить свои воинские подразделения в Афганистан. Среди населения ведется активная пропаганда о необходимости присутствия страны в Североатлантическом блоке. И это приносит соответствующие плоды. Напомним, что на референдуме о вступлении Грузии в НАТО, который прошел совместно с президентскими выборами в январе 2008 года, подавляющее большинство населения одобрило этот шаг.

Инициировав референдум по НАТО, М.Саакашвили фактически сыграл в беспроигрышную лотерею. При наличии массы разногласий в гру-

²² Постсоветский Южный Кавказ: традиционализм плюс модернизация // Исследовательский центр Charta Caucasica. 9 августа 2007 г.

зинском обществе оно абсолютно едино по территориальному вопросу. Мнение о том, что отколовшиеся от Грузии этнические анклавны должны в конечном итоге быть включены в состав государства, непререкаемо. Вооруженный конфликт с Россией укрепил в республике националистические настроения, а также уверенность в том, что только Запад может стать для Грузии защитником от посягательств «агрессивного северного соседа».

В этой связи членство в НАТО рассматривается Тбилиси теперь как гарантия невозвращения под российский контроль, а также как своеобразный билет в европейское измерение. Все усилия Тбилиси рассчитаны на то, чтобы в ближайшее время получить согласие руководства НАТО на присоединение Грузии к Плану действий по вступлению в этот блок. При этом в Грузии считают, что Брюссель в контексте последних событий на Южном Кавказе может сделать исключение и принять ее в НАТО с неурегулированными территориальными конфликтами, что противоречит основным положениям Договора от 1949 г. В принципе решение о возможности приема Грузии в НАТО принято, речь идет только о сроках его реализации²³.

В 2003 году между США и Грузией было заключено соглашение о сотрудничестве в военной области. Оно предусматривает, что на территории Грузии американским военным предоставляются беспрецедентные права и привилегии, включая беспаспортный и безвизовый режим пребывания, освобождение от всех видов налогов и сборов, свободное ношение оружия, полный дипломатический иммунитет для всех военнослужащих и т.д. В соответствии с данным соглашением переброска любой американской военной техники на грузинскую территорию должна осуществляться по первому требованию командования вооруженных сил США, которое пользуется полной свободой в ее дальнейшей передислокации. США получили право размещать в Грузии оружие любого вида, что серьезно нарушает баланс сил в регионе и создает угрозу международной безопасности²⁴.

Примечательно, что выделяемые иностранными кредиторами и спонсорами деньги в основном вкладываются не в экономику или социальные проекты, а на невиданную для маленькой Грузии масштабную милитаризацию. Саакашвили провел радикальную реформу военной организации государства, перевел войска на контрактную службу. По новой программе краткосрочных сборов уже подготовлено 70 тыс. резервистов-добровольцев, планируется довести их число до 200 тыс. Закуплены современные гаубицы, приспособленные для высокоточной

²³ *Симонян Ю.* Грузия прячется под зонтик НАТО // «Независимая газета», 9 июня 2007 г.

²⁴ *Маркедонов С.* Россия – Грузия – США: неравобедренный треугольник // «Россия в глобальной политике», № 4, 2008 г.

стрельбы с помощью системы GPS, и израильские беспилотные летательные аппараты для корректировки огня.

В результате за годы правления М.Саакашвили военный бюджет Грузии вырос в 10 раз. А в 2006 году Грузия стала абсолютным лидером среди стран СНГ, увеличив свой военный бюджет сразу в пять раз (с 77 до 341 млн. долл.). При этом доля военных расходов составила 4,9% от ВВП страны и снижение оборонного бюджета в ближайшие годы не предусмотрено.

По всей видимости, после вооруженного конфликта вокруг Южной Осетии летом 2008 года все надежды на трансформацию Тбилиси в союзника России на Южном Кавказе были утрачены. В ближайшей перспективе рассчитывать на изменение нынешнего курса Тбилиси не приходится, так как умеренные (а тем более – пророссийские) силы в грузинской политической элите практически отсутствуют. От Грузии России, по большому счету, надо было лишь ее согласие сохранить статус-кво в регионе и внешнеполитическое поведение, по крайней мере, не хуже, чем у Баку. *(Подробнее грузино-осетинский конфликт и его последствия будут рассмотрены в соответствующей главе.)*

Азербайджан

Азербайджан рассматривается США как резервный и очень перспективный источник углеводородного сырья (нефти), как стратегический союзник в регионе и т.п. Бывший советник по вопросам безопасности в Белом доме Збигнев Бжезинский заявил: «Важно не попасть в зависимость от горстки государств, которые могут быть заинтересованы в использовании контроля за поставками (энергоресурсов) в политических целях. Поэтому ясно, что Азербайджан имеет для США важное значение».

Азербайджан же, в целях укрепления своих позиций по отношению к России и Ирану, нуждается в западных союзниках. Но, несмотря на заигрывание с США по многим вопросам международной политики, он занимает, скорее, сдержанную позицию, например по конфликту между США и Ираном по ядерному досье. Азербайджан, как представляется, не станет принимать участие в каких-либо коалициях, если ситуация вокруг ИРИ выйдет из-под контроля.

Об этом свидетельствуют результаты челночной дипломатии, особенно активизировавшейся в 2006–2007 гг. Так, накануне визита И.Алиева в США (апрель 2006 г.) иранский министр обороны Мустафа Мухаммед Наджар посетил Баку с трехдневным визитом, в рамках которого он встретился с азербайджанским руководителем. В начале мая 2006 года, то есть сразу после поездки Алиева в США, в Баку отправился иранский президент Махмуд Ахмадинежад для участия в саммите Организации

экономического сотрудничества и развития. Затем последовали регулярные визиты сотрудников иранских министерств и ведомств, в том числе министерства иностранных дел. Их задача состояла в том, чтобы прозондировать позицию Азербайджана по иранскому ядерному вопросу и предупредить о последствиях создания в Азербайджане военных баз США.

В ходе этих встреч Алиев заверил иранскую сторону в том, что размещение американских войск в его стране невозможно. Тем не менее некоторые эксперты предполагают, что в неофициальном порядке Алиев дал согласие на использование своей страны американцами.

Политические наблюдатели объясняют сдержанность Азербайджана тем, что участие в американском альянсе против Ирана может поставить Азербайджан в трудное положение: «За дислокацией американских подразделений на азербайджанской территории автоматически последует перенацеливание иранских ракет средней дальности, а также ВВС против Баку и других стратегических объектов страны»²⁵.

Основным военно-стратегическим партнером Азербайджана является Турция. Первостепенное значение имеет воспитание военнослужащих в духе пантюркизма. Весьма существенной является помощь Турции в подготовке специалистов и в поставках различных видов вооружения и военной техники. По оценкам экспертов военной разведки США и ведущих американских аналитиков, благодаря помощи турецких специалистов и инструкторов по западной методике подготовлены тысячи азербайджанских офицеров, некоторые из которых якобы имеют опыт боевых действий в составе турецких спецподразделений против курдских отрядов на юго-востоке Турции.

Одновременно азербайджанское руководство расширяет сотрудничество с НАТО. С 1 января 2007 года штабная работа в войсках ведется на основе документов Североатлантического альянса. По его программам обучается офицерский состав ВС. Достаточно сказать, что в настоящее время около 70% офицеров высшего и среднего звена Минобороны и Генерального штаба прошли подготовку в военно-учебных заведениях США и Турции. На 2008 г. спланировано оказание помощи в обучении офицеров азербайджанской армии в западных военных ВУЗах на сумму, превышающую 28 млн. долл.

Улучшению качества офицерского состава азербайджанской армии весьма способствовало также активное участие страны в различных программах с НАТО.

Предоставляемая Вашингтоном после событий 11 сентября 2001 г. военная помощь Азербайджану направлена не только на материально-техническое содействие министерству обороны этой страны, но и, в рам-

²⁵ Материалы конференции «США и Азербайджан: энергетика и региональная безопасность». Джорджтаунский университет (Вашингтон), 2008 г.

ках «борьбы с международным терроризмом», в значительной мере также предусматривает техническое оснащение частей азербайджанских внутренних войск, пограничных и таможенных органов, в том числе для усиления контроля над морскими рубежами этой страны на Каспии.

В военно-стратегическом плане у России имеется ряд разногласий с Азербайджаном, главное среди которых – вопрос о статусе Каспийского моря. Помимо вопросов раздела ресурсов, Москву не устраивает требование Азербайджана на свободный транзитный судоходный проход через российские реки для тех прибрежных стран, которые не имеют выхода к Мировому океану. Не в интересах России и стремление Азербайджана к демилитаризации Каспия. В контексте усиления американского присутствия в регионе, в том числе военного, оно особенно затрагивает интересы безопасности России.

И все же в целом усилия по демилитаризации Каспия в интересах всех прикаспийских стран, в том числе и России, значение военно-морских баз на Каспии возросло после того, как Россия потеряла виды на Черном море. Дальнейшая милитаризация уникального водоема чревата серьезнейшими, во многих отношениях невосполнимыми, потерями энергетического и экологического порядка. Понятно, что на данном этапе воздействовать на позицию США будет трудно, но поставить серьезные ограничения на рост вооруженных плавательных средств в возможностях практической политики и ее инструмента – переговоров. Сделав шаг в этом направлении, Россия может подтвердить отсутствие у нее экспансионистских намерений, о чем поговаривают в столицах Южного Кавказа.

Из-за этого уже более двух лет практически на месте топчутся переговоры о создании оперативной военно-морской группировки «Касфор», в которой приняли бы участие подразделения военно-морских сил всех прикаспийских государств. Тем временем прибрежные страны активно наращивают здесь свою военную мощь – за последние 10 лет количество военных кораблей на Каспии увеличилось почти вдвое, усиленно укрепляется и береговая инфраструктура²⁶.

Что касается российского военного присутствия, то следует отметить наличие объекта СПРН РЛС «Дарьял» (Габалинская РЛС), присутствие которой определено Соглашением о статусе, принципах и условиях ее использования (от 25 января 2002 г.). Срок действия – 10 лет с последующим продлением на 3 года.

Станция предназначена для сбора, обработки и выдачи информации в общей системе предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства. Потеря станции может привести к неконт-

²⁶ Материалы конференции «США и Азербайджан: энергетика и региональная безопасность». Джорджтаунский университет (Вашингтон), 2008 г.

ролируемости ударов БРПЛ с акваторий Индийского океана и Аравийского моря.

В целом следует заметить, что руководство Азербайджана ведет достаточно гибкую политику: оно проявляет равное отношение к наиболее важным для нее политическим игрокам – США, России и Ирану.

Армения

Сегодня Армения из-за конфликта в Карабахе отрезана от Азербайджана сплошной линией фронта, а от Турции, поддерживающей Азербайджан, – непроницаемой границей (с Турцией у Армении почти нет ни воздушного, ни сухопутного сообщения). Относительная прозрачность границы с Грузией мало что дает Еревану в условиях противостояния Грузии и России.

И все же большинство военных грузов поступает в Армению по грузинской железной дороге. Причем Баку никак не может повлиять на близкого своего партнера – ни при Шеварднадзе, ни при Саакашвили. Армяне пользуются в Грузии большими возможностями и благорасположением. Их влияние в парламенте значительно сильнее азербайджанского, они занимают ключевые посты в государственных организациях, среди грузинского истеблишмента высок процент деятелей армянского происхождения. Известно: публикации на эту тему включают самого Саакашвили, покойного Жвания, Бурджанадзе и ряд других заметных фигур – список достаточно длинен. И это в какой-то степени отражает сложное этническое переплетение связей этих двух народов.

Появились сообщения о заселении армянскими беженцами Батуми, они всегда составляли значительный процент населения Сухуми. Далее «армянский пояс» простирается в Гагры, Сочи, Краснодар. Не надо обладать большим воображением, чтобы представить это заселение, опирающееся на фактически автономный Джавахети, в качестве постепенного выхода к международным морским путям, к Черному морю, откуда рукой подать к Каспийскому и выходу в Мировой океан, являющегося давней стратегической целью Армении. Этот один фактор достаточен, чтобы серьезно повлиять на решение армянских политиков заменить партнерство с Россией на широкие возможности, которые могут открыться в этом военно-стратегическом плане в совместном проживании в НАТО и ЕС.

Тем более что Грузия с Азербайджаном все более настойчиво обозначают в качестве цели евроатлантическое направление. Баку и Тбилиси строят общую железную дорогу, которая только лишней раз подчеркнет неизбежность потерь от проводимой Арменией политики. Превращение Армении в транспортный аппендикс, соединенный с внешним миром только высокогорным шоссе в Иран, – такова цель экономичес-

кой блокады, к которой многие подталкивают И.Алиева в Баку. Неуступчивость Армении делает такого рода планы отнюдь не отдаленной перспективой²⁷.

Помимо тесных экономических связей, Армения является для России надежным военным партнером на Южном Кавказе. Успешно развивается российско-армянское военно-техническое сотрудничество. Армения единственная из стран этого региона является членом ОДКБ – военно-политического блока на постсоветском пространстве. В Армении развернута самая крупная российская военная группировка в данном регионе. Она включает российскую военную базу в г. Гюмри, на вооружении которой находятся танки, БМП, самолеты, зенитно-ракетные комплексы и другая боевая техника.

Вместе с тем Ереван не хочет полностью полагаться только на Москву. Медленно, но эффективно развиваются двусторонние армяно-иранские отношения. Их резкая интенсификация привела к тому, что иранское направление стало вполне конкурентоспособным с грузинским, бывшим единственным окном для Армении на мировой рынок для экспортно-импортных операций республики. Тегеран на льготных, очень выгодных условиях готов предоставить Еревану свои порты на Каспийском море и в Персидском заливе, предлагая к тому же еще и облегченные таможенные правила на ирано-армянской границе.

В 2007 году Армения и Иран заключили уникальный для армянской стороны договор в транспортной сфере. Они подписали меморандум о грузоперевозках, благодаря которому армянские перевозчики грузов получили возможность в упрощенном режиме оформлять грузы, которые отныне смогут доставлять до иранских портов Энзели на Каспии, Бендер-Аббас на берегу Персидского залива и других иранских приграничных пунктов. Для Армении это соглашение важно не только с точки зрения преодоления транспортной блокады. В нынешних условиях она получает кратчайшие выходы на Россию и Центральную Азию – через Каспийское море, а через Персидский залив – в Мировой океан. Транзит грузов через Иран снижает тариф грузоперевозок почти на 60% в сравнении с транспортировкой через грузинские порты Батуми и Потти. Кроме того, Иран и Армения ведут переговоры о прямом железнодорожном сообщении. Договор не только выгоден чисто экономически для Еревана и Тегерана, но и вносит определенные коррективы в транспортную политику всего региона.

Интересы России заключаются в том, чтобы Армения оставалась стабильным, динамично развивающимся государством с ответственным правительством, ориентированным на конструктивные отношения с нашей страной. Но было бы очень самонадеянно считать, что Армения бу-

²⁷ Бараташвили Г. Грузия – Армения: вопросов больше, чем ответов // «Наследие», 23 октября 2001 г.

дет «лежать у России в кармане». Для этого нет никаких гарантий. Более того, политическая история Армении изобилует множеством политических разворотов, в том числе и антироссийских, достаточно вспомнить – Армения первой на Кавказе подняла флаг независимости и выхода из состава СССР, инициировав, таким образом, цепную реакцию, и прошла весь этот путь до конца. Армянская дипломатия имеет богатейший опыт поиска сильных опекунов, союзников, ныне она для этого располагает такими возможностями в мировых столицах, что трудно представить, как можно ими не воспользоваться при благоприятных обстоятельствах. А обстоятельства на Южном Кавказе находятся в большей динамике, чем где бы то ни было.

* * *

Влияние России и соответственно отношение к ней в странах Южного Кавказа различно: в Грузии – полное неприятие российской политики в регионе, в Азербайджане к России относятся достаточно нейтрально и прагматично, Армения – практически полностью находится в зависимости от военно-политического курса Москвы.

В последние годы западные страны, и особенно США, активизировали свою деятельность по вовлечению южнокавказских государств в орбиту своей политики. Возможное развертывание на территории одной из стран региона военной базы НАТО позволит этому блоку контролировать российский юг, а также государства Ближнего Востока, Средней и Центральной Азии (вероятнее всего, такая база может в скором времени появиться на территории Грузии).

Впервые за последние более чем 200 лет Россия начала терять свое влияние на Южном Кавказе, который ей достался ценой невероятных политических, дипломатических и военных усилий, а также ценой немалых жертв.

О военно-политическом сотрудничестве стран Южного Кавказа с НАТО и странами Запада

Международное военно-политическое сотрудничество стран Южного Кавказа стало развиваться одновременно с получением этими странами независимости в 1991 году.

Стремление Азербайджана, Армении и Грузии к развитию новых двусторонних и многосторонних политических отношений и военных контактов было вызвано несколькими причинами. Во-первых, ослаблением России, которая уже не могла предложить гарантий военно-политической защиты этих стран в том формате, в котором они существовали в период Советского Союза. Во-вторых, опасением того, что новое непредсказуемое

российское руководство не только не сможет предложить достойный вариант совместного развития стран Южного Кавказа и России, но, более того, скорее навредит любому положительному процессу. И, в-третьих, стремлением утвердиться в своей абсолютной независимости от России.

Фактически все эти причины лежали в плоскости экономических надежд трех стран. А их военно-политическая готовность к сотрудничеству была тем единственным аргументом, который мог подстегнуть Запад к немедленному и активному развитию двусторонних и многосторонних отношений со странами Южного Кавказа²⁸.

Со стороны Запада интерес к странам Южного Кавказа имел совершенно иные, не экономические основания. С его точки зрения, все три государства не отличаются развитой промышленностью, какой-то особенной квалификацией рабочей силы и располагают лишь некоторыми возможностями в экономической области. Главным для Запада оказалось важное стратегическое положение Южного Кавказа в современной конфигурации политических и военных процессов мирового масштаба.

Азербайджан – единственная страна Южного Кавказа, которая обладает серьезным экономическим потенциалом, и прежде всего месторождениями углеводородов. Однако в сравнении с расположенными по соседству странами Персидского залива – Саудовской Аравией, Ираком и Ираном – и, естественно, Россией, сырьевые возможности Азербайджана не являются выдающимися.

Экономическая привлекательность Грузии ограничивается ее возможностями как морской державы, а Армения не имеет даже этого.

Расположение стран Южного Кавказа говорит об их ключевом транзитном положении в регионе. Однако транспортная сеть здесь не развита до такой степени, чтобы выступать в качестве весомого экономического обоснования сотрудничества с Западом. Более того, уже к моменту получения независимости Азербайджан, Армения и Грузия по различным причинам испытывали серьезные затруднения даже в общении между собой и своим традиционным транспортным партнером – Россией²⁹.

Таким образом, страны Южного Кавказа оказались в положении, когда вопросы возможного военно-политического сотрудничества оказались для Запада чуть ли не единственно интересными.

Встречный интерес со стороны Запада основывался на географическом положении южнокавказских республик и исторической заинтересованности в доминировании на кавказском направлении. Этот интерес подогревался еще и близостью к основному нефтегазовому району мира, а также светскостью и включенностью в «европейский» образ жизни

²⁸ Карцев В. Южный Кавказ: процесс пошел? // «Республика Абхазия», 22 декабря 2003 г.

²⁹ Горупай О. Южный Кавказ: на перекрестке интересов // «Красная звезда», 18 октября 2006 г.

всех трех стран. Важнейшим аргументом «заинтересованности» стала для Запада и перспектива максимально сузить сферу регионального политического, военного и экономического влияния России.

Исторически отношения стран Южного Кавказа с НАТО начались с подписания в 1994 году рамочного документа о сотрудничестве с НАТО – программы «Партнерство во имя мира», а также индивидуальных программ партнерства.

Что касается США, то Вашингтон к моменту признания новых независимых государств не имел никакой специальной «кавказской политики». Только в 1997 году при администрации Клинтона после объявления трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан стратегически важным объектом произошли кардинальные изменения. Тогда же были подсчитаны реальные сырьевые возможности Азербайджана.

Следующий этап изменений в политической линии США в регионе пришелся на период после 11 сентября 2001 года, когда США начали рассматривать Кавказ как один из стратегических районов для организации борьбы с терроризмом.

Однако уже тогда возникло и ранжирование стран Южного Кавказа. С точки зрения Запада, безусловным лидером среди трех стран стал Азербайджан – наиболее развитый в экономическом отношении, наиболее самодостаточный с финансовой точки зрения, имеющий наиболее глубокую историю экономического сотрудничества с Западом, что автоматически делало его потенциально наиболее привлекательным региональным партнером для Запада.

Армения оказалась в положении государства, зажатого богатыми и сильными традиционными противниками – Азербайджаном и Турцией. С этими двумя соседями у Еревана никогда не было нормальных отношений. Полную изоляцию после 1991 года нарушала лишь возможность общения с миром через Иран и Грузию. При этом Иран всегда был (а особенно в 1990-е годы) страной с огромными проблемами, а Грузия была слаба во всех отношениях. При таких обстоятельствах Россия оставалась для Армении единственным государством, на поддержку со стороны которого Ереван при определенных условиях мог рассчитывать.

Что касается армянского лобби на Западе, то его возможности были и остаются все же небезграничными, хотя после 1991 года диаспора стала элементом обеспечения длительного периода относительно спокойного существования страны.

Среди трех кавказских государств Грузия была (и осталась) наиболее слабым звеном, страной с наименьшими шансами на равноправие в переговорах с Западом. Она не имела ни экономических возможностей Азербайджана, ни политических возможностей Армении³⁰.

³⁰ *де Хаас М.* Современная геостратегия Запада на Южном Кавказе // «Независимая газета», 9 февраля 2007 г.

В результате – наиболее перспективные и емкие экономические проекты за период 1991–2007 годов осуществлялись с помощью Азербайджана; проекты политические, военные и пропагандистские «достались» Грузии; а Армения, учитывая ее относительную «пророссийскую» ориентацию, оказалась в роли государства, военно-политический интерес к которому занял нишу «сотрудничества в будущем».

Азербайджан

Все руководители уже суверенного Азербайджана по-разному воспринимали перспективу развития военно-политических союзов для своей страны. Так, Аяз Муталибов выступал за теснейшее сотрудничество с Россией. Абульфаз Эльчибей категорически отвергал любое сотрудничество с Россией и полностью ориентировался на Турцию. При всех издержках правления клана Алиевых шаги по военно-политическому сотрудничеству страны с Западом в этот период всегда были весьма осторожными, хотя эта осторожность и была вызвана соблюдением, прежде всего, своих личных интересов. Тем не менее для России сдержанность и неторопливость Азербайджана в этих вопросах имела большое значение и, конечно, была более приемлема, чем политика Эльчибея.

Однако начиная с Эльчибея военное сотрудничество Азербайджана с Турцией из года в год набирало обороты. Сдерживающим фактором на первых порах была позиция самой Турции, которая, являясь членом НАТО, все же не стремилась любыми средствами решить вопросы на южнокавказском направлении. Более того, Турция намеренно демонстрировала свое осторожное отношение ко всем шагам, которые могли бы быть истолкованы как антироссийские. Надо сказать, что эта позиция в целом была приемлема и для Азербайджана. Он получал, с одной стороны, твердую поддержку Турции, а с другой – сдержанные, но приемлемые отношения с Ираном и Россией.

Активное присутствие Великобритании в Азербайджане было обеспечено как историческими обстоятельствами, так и текущими нефтяными интересами британцев. Установил новую веху в деле строительства отношений с Великобританией именно Гейдар Алиев, который предпринял для этого немало шагов. С 1993 года Великобритания стала спонсором больших гуманитарных программ в республике и защищала ее интересы на международной арене. В феврале 1994 года в Лондоне было подписано 8 двусторонних документов принципиального характера, в том числе по нефтяным проектам и Нагорному Карабаху. Лондон стоял у истоков стратегического спора о статусе Каспийского моря, к которому он не имел и не имеет никакого отношения.

На том историческом этапе инкорпорированность Запада во внутренние дела Азербайджана была настолько высока, что, например, попыт-

ка государственного переворота (октябрь 1994 года), предпринятая ОПОНОм (отряд полиции особого назначения), завершилась после переговоров заговорщиков с послом США в Азербайджане Ричардом Козларичем. Считается, что он пресек ее, и официальный Вашингтон никогда не отказывался от подобной трактовки вышеозначенных событий.

В октябре 1992 года конгресс США принял 907-ю статью к Акту о поддержке свободы, которая запрещала оказывать любую помощь азербайджанскому правительству до тех пор, пока в республике нарушаются гражданские права, то есть продолжается блокада Армении и проводятся боевые действия против Нагорного Карабаха.

Несколько лет спустя администрация США смогла внести в этот законодательный акт некоторое изменение, которое давало послабление для предоставления гуманитарной помощи. Затем (после событий 11 сентября 2001 года) США стали оказывать Азербайджану прямую военную поддержку «в рамках борьбы с терроризмом».

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что Азербайджан свои основные интересы связывает с Каспийским регионом, а не с Кавказом. Для Азербайджана работа на этом политическом направлении представляется много важнее всех остальных (тоже серьезных) проблем. Поэтому соперничество США и России за военное доминирование на Каспии сегодня выражается во взаимоисключающих планах создания многонациональных сил по поддержанию стабильности (Россия) и каспийских военно-полицейских сил (США).

До сего дня роль США в формировании политики Азербайджана на основных направлениях исключительно высока и продолжает укрепляться. Причем в самом Азербайджане оценивают вклад Алиевых в этот процесс с единственной точки зрения – США стали принимать Азербайджан таким, как он есть, то есть со всем его авторитаризмом, наследственностью, коррупцией и антидемократизмом. Естественно, что на таких условиях дрейф Алиевых в сторону США будет продолжаться и впредь, в том числе в форме новых соглашений³¹.

При этом руководство Азербайджана понимает, что, подписываясь под новыми коммуникационными проектами стоимостью в миллиарды долларов, Баку втягивается и в процесс последующего обеспечения их бесперебойного функционирования. Иначе говоря, теперь Азербайджан должен автоматически мириться с необходимостью обеспечения безопасности коммуникаций и соответствующим образом вести свою политическую линию, соглашаясь с появлением на своей территории и военных баз, и военных соединений иностранных государств или военных блоков.

Период становления самостоятельных международных контактов и достижение политических договоренностей, которые затем легли в ос-

³¹ Азербайджан – транзитный пункт в маршруте наркотиков из Афганистана и Средней Азии в Западную Европу // Доклад Госдепа США. 2 марта 2007 г.

нову развития военно-политического сотрудничества Азербайджана со странами Запада, совпал со сложным периодом развития Российской Федерации. Сегодня отчетливо видно, что политика России на азербайджанском направлении в тот период была несбалансированной и хаотичной, изобиловала грубыми приемами и просчетами, была неадекватна реальной расстановке сил. Многие специалисты сходятся во мнении, что Россия сама своими действиями во многом подтолкнула руководство Азербайджана к дистанцированию от РФ. Но вместе с тем эксперты признают и тот факт, что все эти действия были направлены на отстаивание собственных российских интересов в регионе.

Примечательной особенностью политики азербайджанского руководства стало его стремление консолидировать возможности азербайджанской диаспоры и развернуть их «лицом к стране», то есть заставить работать на благо Азербайджана. Сегодня эта линия фактически стала одним из важных направлений внешнеполитических усилий Баку. Уже прошли первый и второй всемирные съезды азербайджанцев. Ведется активная организационная работа среди соотечественников, проживающих в России, Грузии и Иране. В США, например, создана USAN (U.S. Azeris Network), структура, которая позиционирует себя в качестве лоббиста интересов американско-азербайджанского сообщества. Естественным в американских условиях оказалось то, что первая акция новой организации была посвящена «поминовению трагедии Черного января» (так называют события 20 января 1990 года в Баку). Некоторые специалисты называют эту организацию не иначе как «американский инструмент внешней политики официального Баку». И это представляется отчасти верным определением.

На самом деле современный этнический лоббизм – это, в том числе, инструмент для проведения политики страны пребывания на исторической родине. Поддерживая лоббистские структуры за рубежом, официальный Баку втягивается, как и в данном случае, в определенную зависимость от тех же США³².

Но с точки зрения руководства Азербайджана, активизация диаспоры оказалась крайне своевременной. Так, в Баку сейчас с большой настороженностью относятся к предвыборным заявлениям кандидатов в президенты США, которые затрагивают направленность регионального военно-политического сотрудничества. Речь идет, например, о таком высказывании Барака Обамы: «...если я стану президентом, то американская помощь в борьбе против терроризма и экстремистов нашему верному партнеру Армении будет продолжена. Для укрепления безопасности Армении я сам буду следить за поиском путей устранения турецко-азербайджанской блокады и постараюсь найти приемлемое для всех сторон

³² *Миркадыров Р.* США сделают все, чтобы защитить Азербайджан // «За рубежом», 9 апреля 2007 г.

разрешение в Нагорном Карабахе, которое будет основываться на принципах демократии и самоопределения...».

Сложные политические маневры не сказываются на интенсивном практическом военном обмене между Азербайджаном и странами НАТО. В качестве примера можно упомянуть мероприятия, в которых приняли участие азербайджанские военные представители только на протяжении февраля-марта 2008 года.

Так, в соответствии с планами двустороннего военного сотрудничества между Азербайджаном и:

- Турцией с 25 по 29 февраля 2008 года в Анкаре состоялась рабочая встреча по сотрудничеству в области картографии;
- США с 26 по 28 февраля в Бахрейне и в Сан-Антонио состоялся симпозиум по охране морской инфраструктуры и капитанские курсы соответственно;
- Германией с 25 февраля по 14 марта в Гамбурге были проведены курсы военных наблюдателей ООН;
- Латвией с 25 февраля по 28 марта в Лиепае прошли курсы корабельных водолазов;
- Великобританией с 25 февраля по 4 апреля в Вышкове (Чехия) прошли курсы подготовки инструкторов по операциям по поддержанию мира.

В рамках индивидуальной программы НАТО «Партнерство во имя мира» специально для Азербайджана:

- с 25 по 29 февраля в Брунсуме (Нидерланды) прошли курсы планирования мероприятий по концепции возможностей по проведению операций;
- в Крестони (Греция) с 25 февраля по 7 марта прошли курсы «Многонациональные операции по поддержанию мира»;
- с 25 февраля по 17 марта в Ниинисало (Финляндия) – курсы штабных офицеров;
- 27–28 февраля в Хельсинки (Финляндия) – конференция по планированию учений «Кооператив Марлин-2008».

Параллельно с интеграцией по линии военного сотрудничества Азербайджан наращивает свои внутренние военные возможности, приводя в качестве довода единственный аргумент – противостояние с Арменией. Хотя для специалистов очевидно, что и эти объяснения не являются до конца полными. Так, бюджет Минобороны республики в 2007 году был увеличен до 900 млн. долл. США. Комментируя этот шаг, И.Алиев заявил, что «...экономическое развитие нашей страны, рост бюджета позволят приравнять военный бюджет Азербайджана ко всему бюджету Армении и превзойти его...».

Особая роль в деле вовлечения Азербайджана в военное сотрудничество с Западом отведена Турции.

В этой области Турция представляет не только себя, но, прежде всего, североатлантический блок и действует при прямом одобрении Вашингтона. Турецкие военные специалисты уже более 10 лет принимают участие в разработке и реализации планов строительства вооруженных сил Азербайджана. Военные аналитики даже склоняются к мысли, что созданный под патронажем НАТО турецко-азербайджанский военный блок уже стал реальностью³³.

В основе азербайджано-турецкого сотрудничества лежит двусторонний договор, подписанный в 1996 году, а также ряд последовавших за этим соглашений и договоренностей (в том числе и на высшем уровне).

Взаимодействие двух стран началось и активно продвигалось по традиционным направлениям: в области подготовки кадров, поставок оружия и боеприпасов. В период острой фазы карабахского конфликта в Азербайджане был создан аппарат из турецких военных советников и инструкторов, осуществлялись прямые поставки вооружения. По этому поводу американский конгрессмен Фрэнк Паллоун свидетельствовал в конгрессе США, что «...оружие, которым Азербайджан обстреливает оборонительные позиции Нагорного Карабаха, является НАТОвским, американского производства, переданным Азербайджану Турцией».

К этому же периоду восходит и становление турецкой системы обучения азербайджанских военнослужащих. Развитие двустороннего сотрудничества и впредь пойдет не только по пути проведения учений или подготовки специалистов, но и организации совместного производства отдельных видов военной техники и вооружений.

Также необходимо обратить внимание на то, что именно в ходе развития двусторонних военных связей Турция впервые высказала идею создания специальных миротворческих сил для Кавказского региона.

Армения

Благодаря избранной политической позиции Армения получила возможность длительное время наблюдать за результатами военно-политического (и экономического) сотрудничества своих соседей со странами Запада. Однако отложенный на потом «спрос» на военно-политическое вовлечение Армении в орбиту западных планов к 2005 году был исчерпан, и затем наступила пора западной активности на армянском направлении.

Это в полной мере проиллюстрировано событиями февраля-марта 2008 года, которые ожидали все, кто интересуется обстановкой на Южном Кавказе. Речь идет о попытке с помощью американского армянского лобби вернуть к власти Тер-Петросяна с тем, чтобы затем путем серии уступок в пользу Азербайджана решить проблему Карабаха.

³³ Царегородцева И. Войска США все ближе // ИА «РБК», 5 марта 2008 г.

После того как этот вариант не удался и Тер-Петросян проиграл выборы, случился вооруженный конфликт на границе Нагорного Карабаха, который азербайджанское руководство использовало в качестве предлога для серии жестких заявлений и военных угроз. Собственно, такого рода политика сегодня является «визитной карточкой» Запада на всем Южном Кавказе³⁴.

Следует подчеркнуть, что режим, который сейчас установлен в Армении, не в полной мере удовлетворяет Вашингтон, прежде всего, своей пророссийской ориентацией. При любом удобном случае администрация США это подчеркивает, подавая дипломатические сигналы. Так, длительное время армянские руководители не были в Белом доме, а Буш, например, даже ни разу не пригласил к себе представителей влиятельнейшей в США армянской диаспоры (особенно сильной во Флориде, Пенсильвании и Огайо). В то же время Буш нашел возможность сказать о 150-летней демократической традиции Турции, повторив слово в слово высказывание заместителя министра обороны США семилетней давности.

Это, конечно, не бог весть какие свидетельства, но для Армении они имеют огромное значение (так же, как и для Азербайджана).

Все время пребывания Буша в Белом доме регулярно появлялись признаки того, что Вашингтон более склонен к сотрудничеству с Баку, чем с Ереваном. Что касается Чейни, то его и вовсе записали в лоббисты одновременно Турции и Азербайджана.

В последнее время армянское лобби в США поддерживает Демократическую партию и опирается на конгресс США, часто не находя общего языка с Белым домом. Так происходило на прошлых выборах президента, когда голоса американских армян достались Джону Керри, а сейчас их симпатии находятся на стороне Барака Обамы.

Сотрудничество Армении с Россией и Ираном является объективным фактором, который не может быть изменен даже в случае прихода к власти в Армении проамерикански настроенного лидера. Обстановка складывается так, что иначе Армения окажется физически изолированной от внешнего мира. Действующие до сего дня армяно-грузинские договоренности в случае отказа Еревана от обязательств по отношению к России и Ирану выльются в жесткую регламентацию контактов с внешним миром. Вместе с тем есть мнение, что хотя разворот в сторону США на какое время может принести тот или иной ущерб, Вашингтон и Запад в целом найдут способы вывода перспективного союзника из изоляции.

Эту объективную реальность понимают даже сугубо националистические армянские организации как внутри страны, так и за ее предела-

³⁴ Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. – М., 2004.

ми, не говоря уже о госдепартаменте США. Однако соблазн подмять под себя весь Южный Кавказ, вместе с Арменией, кажется, в последнее время стал перевешивать все иные доводы. Здесь расчет прост – если Армении не вовлечь в разнообразные западные проекты, то она неизбежно станет последовательно осуществлять проекты Север–Юг, что крайне нежелательно для США. Но если полностью подчинить Грузию интересам США и НАТО, то целесообразность российского присутствия в Армении фактически исчезнет, а российская военная база в Гюмри окажется небоеспособной по причине коммуникационной изолированности.

Но и идеологические причины играют большую роль в нынешней политике Запада на Южном Кавказе. Так, в период нахождения в Вашингтоне администрации Буша-младшего там стали рассматривать «демократизацию режимов» исключительно с позиции обеспечения своей национальной безопасности, возведя эту позицию в ранг символа веры всей американской нации. Более того, в полной безопасности США будут себя чувствовать только тогда, когда в мире недемократических режимов станет меньше, чем демократических. Пока же пропорции, по мнению Буша, обратные³⁵.

В самой же Армении наиболее популярна идея интеграции в ЕС и только затем в ту военно-политическую структуру, которая будет признана объединенной Европой в качестве основной. Таким образом, например, вступление в НАТО, предупреждающее вступление в ЕС, оценивается как шаг преждевременный и недальновидный. Армянские политики именно с таких позиций оценивают стремление Саакашвили вступить в НАТО.

В Армении видят определенный выход из создавшегося тупика в отношениях между Анкарой, Баку и Ереваном именно через вступление в ЕС, когда наднациональные структуры, исходя из экономической целесообразности, направят отношения трех стран в конструктивное русло. В принципе, Армения готова была бы согласиться с такого рода «диктатом сверху».

А пока, используя, как и остальные страны Южного Кавказа, ИРАР (Individual Partnership Action Plan – План действий индивидуального партнерства), Армения старается перенять форму и содержание натовского военного механизма (через военно-политические контакты со структурами Североатлантического блока и создание при помощи США и Греции отдельной миротворческой бригады).

Кроме того, в сфере обеспечения безопасности Армения стремится к кооперации со структурами ЕС в области кризис-менеджмента, политического планирования, совместных оценок угроз и рисков, к сотрудничеству между аналитическими и исследовательскими организациями в сфере стратегических исследований и проблем региональной безопас-

³⁵ *Топчян К.* НАТО приходит в Армению // ВВС, 16 июня 2003 г.

ности. А в рамках ENP (European Neighborhood Policy – Политика европейского соседства) или «нового соседства», Армения даже подписала соответствующее соглашение.

Происходит интеграция и со структурами ОБСЕ, которая имеет вполне практическое выражение – Минскую группу по мирному урегулированию карабахского конфликта.

Однако при всем при этом Армения умудряется поддерживать вполне конструктивные отношения с Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран. Здесь проявляется особенность армянского политического процесса, когда принятие и осуществление решений в сфере безопасности страны является не декларативно-пропагандистским, как это сейчас принято на постсоветском пространстве, а сопровождается в каждом конкретном случае отдельным, всесторонне взвешенным политическим решением. В Армении это называют политикой комплиментаризма.

Наиболее ярко комплиментаризм проявился в военно-политической области. Так, Армения, несмотря на последовательную линию на сближение с ЕС, является единственной страной Южного Кавказа, которая имеет внешние гарантии от конкретной страны (России) по обеспечению своей безопасности. При этом она, получая от России вооружение, одновременно получает значительные финансовые средства от США, а также заручилась одобрением своей военной доктрины со стороны НАТО.

Суммы, которые выделяются Вашингтоном для стран Южного Кавказа, по оценкам Исследовательской службы Конгресса США, за период с 1992 по 2002 год составили:

- для Армении – более \$1,337 млрд.;
- для Грузии – почти \$1,122 млрд.;
- для Азербайджан – почти \$337,7 млн. (без учета сумм, предназначенных на осуществление экономических проектов).

Кроме того, США постоянно поддерживают программы помощи Армении и Грузии, которые проводят Всемирный банк и Международный валютный фонд.

Таким образом, главной интригой в определении места Армении в региональной военно-политической системе является понимание причин сосуществования этих противоречивых тенденций. Видимо, они скрыты в том, что Армения, как явление, устраивает всех главных политических игроков. Имеются в виду Россия, США и Европа. И не в результате какого-то трехстороннего сговора, а как противовес экспансии «востока в западном направлении». Это сейчас самая модная геополитическая тема, которая волнует как США, так и европейцев. И потому Россия, поддерживающая Армению, устраивает всех³⁶.

³⁶ Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. – М., 2004.

Однако ни Россия, ни США до сих пор не могут найти решение для проблемы изолированности Армении, которая серьезно мешает осуществлять здесь крупные экономические проекты. С точки зрения США, это особенно важно, так как вслед за экономическим американцы всегда осуществляют и политическое, и военное внедрение.

Грузия

Грузия после распада СССР пошла на максимально возможное сотрудничество с США и НАТО по военно-политическим вопросам. Руководство страны в последние 17 лет полностью соответствовало складывающимся обстоятельствам – в Тбилиси один прозападный политик сменял другого, отличаясь от предшественников только степенью решимости продемонстрировать свою прозападную ориентацию. При этом именно в Грузии данный процесс в наибольшей степени декларативно насыщен, выставлен на показ, приравнен к норме политического поведения. Естественно, что такое бурное проявление прозападных чувств с неизбежностью повлекло за собой и крупные практические шаги в военном сотрудничестве с Западом. Одновременно произошел разрыв всех военных контактов с Россией.

Только в течение 1998 года грузинские военнослужащие приняли участие в 83 мероприятиях под эгидой НАТО. Однако официально в Грузии американские военные советники (для подготовки грузинского спецназа) впервые появились в феврале 2002 года. С этого периода начинается интенсивное практическое сотрудничество США и НАТО с грузинскими спецслужбами и вооруженными силами республики³⁷.

В период с 2002 по 2004 год в рамках программы «Обучи и оснасти» американские военные советники подготовили около 2000 грузинских военнослужащих (четыре батальона «Коммандос», 116-й Сачхерский горно-стрелковый батальон, 111-й Телавский батальон и 113-й Шавнабадский батальон легкой пехоты), а также – отдельную танковую роту.

В период 2005–2007 годов американцами были подготовлены еще около 2000 грузинских военнослужащих для участия в миротворческих операциях.

На конец 2007 года численность военнослужащих Грузии, участвующих в умиротворении Ирака, составила около 2000 человек (дислоцированы в районе ирано-иракской границы и «зеленой зоны» Багдада).

26 января 2008 года Грузия объявила об отказе от автоматов Калашникова в пользу автоматических винтовок М-4 американского производства якобы «из-за плохих ТТД этого оружия».

На самом деле это решение было «продавлено» исключительно из политических соображений и никакого отношения к качеству «калашни-

³⁷ Сулицкая Т. Проблемы безопасности в Азии. – М.: «Европеум-Пресс», 2001.

кова» не имеет. По свидетельству самих американских военных специалистов, «АК-47 обладает потрясающими характеристиками» – дешевой, простотой изготовления и обращения, сверхнадежностью, неприхотливостью в эксплуатации, достаточной точностью огня и высокой скорострельностью (700 выстрелов в минуту). Боеприпасы и комплектующие для этого вида оружия производятся в 19 странах мира. По своей популярности в мире этот автомат уступает первое место только ножу. Именно поэтому количество различных модификаций автомата Калашникова в мире насчитывает сегодня не менее 100 млн. ед. Для сравнения: автоматы семейства Uzi (Израиль) – 1–10 млн. ед.; семейства FN FAL (прототип разработан в Бельгии) – 5–7 млн. ед.; семейства Heckler&Koch (изначально, Германия) – около 7 млн. ед.; семейства M-16 (США) – около 7 млн. ед.

Израильские военные специалисты (во главе с отставным бригадным генералом Гиршем) готовили программу реорганизации грузинской армии. Лоббировал их приглашение министр обороны Давид Кезарашвили, ранее проживавший в Израиле.

Безусловно, политическая подоплека просматривалась и в решении Саакашвили модернизировать имеющуюся в его распоряжении бронетехнику на харьковском заводе им. Малышева, что должно было, по его мнению, подчеркнуть единomyслие в военной политике с новым украинским руководством. С того момента как Украина в 1999 году поставила Грузии ракетный катер «Тбилиси» (советский проект 206МР), она остается важным поставщиком вооружений для Тбилиси³⁸.

В целом же идейным фундаментом грузинского руководства в военно-политической области является постулат о враждебности и коварности российских планов в отношении Грузии. По мнению некоторых экспертов, сдерживать отдельные экстремистские поползновения Саакашвили в военной области России удастся только с помощью договоренностей с США. Американцы идут на это в том числе и потому, что, демонстрируя свою лояльность Вашингтону, Грузия в то же время не может продемонстрировать такую же степень ответственности за свои поступки. А это уже чревато не только экономическими потерями, но и ростом прямых военных расходов для США. Поэтому и требуется постоянная корректировка действий тбилисского руководства. Со своей стороны и НАТО уже длительное время разными способами призывает к проведению взвешенной, но целенаправленной политики. Так, бывший генеральный секретарь НАТО Джордж Робертсон во время визитов постоянно повторял, что «...мы не можем не учитывать фактор России...».

2006 год был для Грузии в военно-политическом смысле годом поворотным. 25 января Саакашвили подписал указ о выходе Грузинской Республики из состава «Совета министров обороны стран СНГ».

³⁸ Гаджиев К. Геополитика Кавказа. – М., 2001.

17–18 февраля 2006 года в Тбилиси под патронатом Евросоюза состоялась Международная конференция по безопасности. Ее особенность заключалась в том, что не только по своему содержанию, но и самим фактом ее проведения в Тбилиси Евросоюз как бы предупреждал Грузию, что евроинтеграция страны возможна лишь при мирном решении существующих этнических конфликтов. Но несмотря на это в сентябре 2006 года НАТО объявила «о начале интенсивного диалога» с Грузией о присоединении к блоку (хотя теоретически это невозможно для страны, находящейся в состоянии «неурегулированного конфликта»). А уже 30 сентября 2006 года на рассмотрение сената США был внесен законопроект в поддержку вступления Грузии в НАТО («Акт 2006 года о консолидации свободы в НАТО», авторы – республиканцы Билл Фрист, Джон Маккейн и Ричард Лугар).

В тексте самого Акта есть такой фрагмент: «...Конгресс США призывает наших союзников в НАТО работать с Соединенными Штатами для реализации той роли, которую НАТО играет в продвижении глобальной безопасности, включая продолжение поддержки расширению и приему в члены достойных государств, в особенности посредством присоединения Грузии к Плану по членству в НАТО, а также через признание прогресса в продвижении Албании, Хорватии, Грузии, Македонии и Украины к выполнению требований и обязательств по членству в НАТО...».

Совокупность произошедших в 2006 году событий говорит о завершении проходившего в течение многих лет процесса полной переориентации Грузии на США как нового стратегического партнера страны в военной и политической областях.

В военно-политических маневрах России и Запада на Южном Кавказе есть существенная разница. Разница между вмешательством в дела далекого от США Южного Кавказа и отстаиванием Россией своих интересов непосредственно на собственных южных границах.

Широко распространено мнение, что США несут всю полноту ответственности за плачевное экономическое и политическое состояние современного грузинского государства. Кроме того, Грузия на протяжении многих десятилетий не имела врагов в прямом значении этого слова. С распадом СССР и появлением его замены в лице США (и Запада в целом) Грузия таких врагов стала обретать с большой скоростью³⁹.

Так же, как и в случае с Азербайджаном, на грузинском направлении активную роль в налаживании военного сотрудничества с НАТО играет Турция⁴⁰.

Как известно, в Анкаре благожелательно восприняли просьбу Тбилиси об оказании помощи в техническом оснащении и подготовке грузинс-

³⁹ Сулицкая Т. Проблемы безопасности в Азии. – М.: «Европеум-Пресс», 2001.

⁴⁰ Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. – М., 2004.

ких пограничников. Анкара, учитывая финансовые трудности Грузии, предоставила для этого безвозмездную помощь.

Базой для развития двусторонних военных контактов стал «Договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве», подписанный двумя странами 30 июля 1992 года.

15 апреля 1998 года в Тбилиси был подписан «Меморандум о взаимопонимании в вопросах военного сотрудничества между Минобороны Грузии и Генштабом ВС Турции». В июне 1998 года Анкара предоставила Грузии целевую помощь в размере 5,5 млн. долл. для ремонта военных объектов, обновления средств связи и коммуникаций и строительства учебного центра Грузинской военной академии.

Примечательно, что и на грузинском направлении турки стали настойчиво проводить мысль о создании регионального (в данном случае черноморского) «миротворческого батальона», который затем можно было бы расширить до корпуса. Причем Украина даже дала согласие на вхождение своих военнослужащих в состав этого подразделения. Еще более примечательно, что материально-техническую помощь в осуществлении этой инициативы согласилась оказать Великобритания⁴¹.

Чуть позже Вашингтон выступил со своей «Новой черноморской стратегией», предполагающей создание «общих правил по проблеме безопасности прибрежных стран». В этой связи США призвали страны Черноморского бассейна к активному участию в программе безопасности «Black Sea Harmony», координируемой Турцией.

Таким образом, по всем этим направлениям Запад проводит на Южном Кавказе свою, чаще всего антироссийскую политику. Хотя, прежде всего, она является политикой прозападной, выгодной западным стратегам и экономистам, а уже только потом антироссийской.

Американский сенатор Сэм Браунбек в интервью газете «Свободная Грузия» (28 марта 1998 года) заявлял, что «...следует в спешном порядке внедряться в регионы, оказавшиеся после распада СССР на историческом перекрестке главных мировых сил...», «...страны Центральной Азии и Закавказья в поисках поддержки смотрят в сторону США, и эту уникальную возможность нельзя упускать, чтобы потом не было поздно. Для реализации этой возможности в первую очередь необходимо инвестировать капиталы в разработку каспийской нефти и транспортировку ее в обход России, а также в глобальный проект евроазиатского транспортного коридора, проходящего через территории Грузии и Азербайджана».

⁴¹ Язькова А. Южный Кавказ и Россия: уравнение со многими неизвестными // «Вестник Европы», №19–20, 2007 г.

Вагиф Гусейнов, Олег Поклоннов, Сергей Демиденко

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Общая характеристика ситуации в регионе

Сегодня Южный Кавказ переживает трудное время. Регион в целом и его проблемы становятся картами, разыгрываемыми как внешними силами, так и противоборствующими национальными группировками. При этом игнорируются интересы народов Кавказа и те последствия, к которым может привести подобная политика. Обстановка здесь осложняется также комплексным воздействием ряда внутренних политических, социально-экономических, этнических и других факторов.

Ситуация, развивающаяся на Кавказе в целом и в отдельных его частях (как в странах Южного Кавказа, так и на российском Северном Кавказе) в последние два десятилетия, представляет собой реальную угрозу для Российской Федерации. Именно в этом регионе страна столкнулась с наиболее серьезными геополитическими вызовами и угрозами, преодоление которых является общероссийской задачей. От решения проблем на Кавказе во многом зависит будущее устройство России и развитие политических процессов во всей стране.

К факторам, негативным образом влияющим на развитие ситуации на Кавказе, обычно относят следующие:

- отсутствие хорошо продуманной федеральной политики России на Южном Кавказе;
- зачастую нестабильная политическая и социально-экономическая ситуация в регионе;
- неконтролируемые процессы миграции и связанная с этим криминализация ряда этнических диаспор;
- коррупция, воровство и разбазаривание государственных средств органами государственной власти;
- эпизодичность принимаемых органами государственной власти и местного самоуправления мер по противодействию экстремизму;
- высокий уровень безработицы и, соответственно, низкий жизненный уровень населения как питательная среда для формирования кризисных межэтнических процессов.

Среди наиболее актуальных проблем Южного Кавказа можно назвать: наличие большого количества беженцев и вынужденных переселенцев, неконтролируемые миграционные процессы, приведшие к обострению межнациональных отношений; ускоренное распространение радикальных идеологий; проблема спорных территорий; деятельность ряда этнонациональных региональных и международных организаций, отрицательно влияющих на формирование общественно-политических настроений народов Кавказа, и т.д.

Рассмотрим основные из них подробнее.

1. Сложнейшая социально-экономическая ситуация. Район, богатейший по своим сельскохозяйственным возможностям, по своему трудовому потенциалу, по туристическим и рекреационным возможностям, по запасам целого ряда полезных ископаемых, да и по своему промышленному потенциалу, был едва ли не полностью разрушен в последние годы после распада СССР.

И это, хотя и в неравной степени, относится ко всем трем государствам Южного Кавказа. Грузия и Армения, в которых в советский период, помимо сельскохозяйственного сектора экономики, была довольно хорошо развита промышленность, в том числе высокотехнологичное производство, после обретения независимости резко снизили уровень промышленного производства. Причин тому было немало – и практически полный разрыв кооперативных связей с другими регионами и республиками бывшего СССР, и потеря источников сырья и рынков сбыта, и неспособность конкурировать с другими странами по качеству своей продукции и отток специалистов, научно-технических, инженерных и высококвалифицированных рабочих кадров. Огромный «вклад» в разрушение промышленного, да и сельскохозяйственного, потенциала сыграли и вспыхнувшие в регионе войны и вооруженные конфликты, ставшие перманентным фактором для Южного Кавказа.

И хотя Азербайджан как нефтедобывающая страна все же оказался в более выгодном положении, деградационные процессы в социально-экономической сфере не обошли и его стороной.

Все это привело к обнищанию практически всех слоев населения, снижению его образовательного уровня, гигантскому росту безработицы.

При этом надо учесть, что на Кавказе очень развит культ семьи. У мужчины – главы семьи, как правило, высоко развито чувство ответственности за ее благополучие. Если нет средств на то, чтобы накормить, одеть родителей, жену, детей, обустроить жилище, обеспечить семье сносный уровень существования, дать образование детям, глава семьи готов на все, вплоть до самопожертвования. Этим умело пользуются эмиссары террористических и экстремистских организаций, но зачастую пренебрегают официальные власти.

2. *Огромные масштабы коррупции*, порожденные историческими факторами, ментальными особенностями кавказских народов, а главное – нынешними условиями жизни региона, когда коррупция стала едва ли не официально признанной особенностью развития рыночных отношений. Коррупцией заражены практически все слои общества.

Сложность борьбы с коррупцией на Кавказе усугубляется большой ролью кланов в жизни общества, национальным «дроблением» кавказских народов и устоявшимися связями внутри отдельных этнических групп и национальностей. Слова Фамусова: «Ну как не порадеть родному человечку?» приобретают здесь, можно сказать, силу неофициального закона. Поэтому бороться с проявлениями коррупции здесь намного сложнее, чем в других регионах. Во всяком случае, некие приказные, силовые, топорные методы здесь не помогут, об этом говорит исторический опыт как Российской империи, так и советского периода.

О том говорил, в частности, вынужденный признать коррумпированность своей власти Г.Алиев в бытность его президентом Азербайджанской Республики. И добавлял, мол, коррупция – международное явление, она имеется всюду, и до конца изжить ее не может никто.

Исторический опыт показывает, что и в советский период в Азербайджане, как и в других южнокавказских республиках СССР, коррупция также имела место. Так, в интервью «Литературной газете» Г.Алиев, бывший в то время первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, говоря о проблеме «восстановления и укрепления законности в республике», отмечал, что «в обстановке злоупотребления служебным положением, коррупции, очковтирательства, в обстановке неуважения к честному труду не могла не снизиться инициатива масс, не могла не воцариться моральная тревога, сменившаяся затем во многих слоях населения состоянием подавленности, равнодушия»¹.

Но, конечно, таких масштабов, как в постсоветское время, коррупция не достигала. Связано это было как с мощной идеологической обработкой, так и с репрессивными мерами, принимаемыми режимом.

Ныне же коррупция в странах Южного Кавказа обрела тотальный характер, приняла форму национального бедствия и является одной из главных причин деградации общества. Другое отличие коррупционности нынешней системы от советского периода заключается в том, что государство фактически не прилагает каких-либо усилий по борьбе с ней. Власти отвернулись от этой проблемы. Так, коррумпированным оказалось и ближайшее окружение Саакашвили, который обещал разоблачить Шеварднадзе и его клан, но так и не сделал ничего для этого.

¹ Пусть справедливость верх берет... // Интервью Г.А.Алиева. «Литературная газета», 18 ноября 1981 г.

Вспомним события осени 2007 г. в Грузии. Ираклий Окруашвили, ближайший сподвижник Саакашвили, с января 2004 года занимавший ряд высших государственных должностей – генпрокурора, министра внутренних дел, министра экономического развития, министра обороны, после его выступления в телефире с обвинениями в адрес высшего руководства страны (он, помимо всего прочего, обвинил президента страны М.Саакашвили в лоббировании интересов своей семьи при заключении крупных финансовых сделок) был тут же арестован и, в свою очередь, обвинен в вымогательстве, отмытии денег, превышении должностных полномочий, служебной халатности. И можно не сомневаться в том, что, дойди дело до суда, недостатка убедительных доказательств в коррупционных связях Окруашвили не было бы.

Ни в одной стране Южного Кавказа за последние почти два десятилетия их существования как суверенных независимых государств так и не было создано надежных механизмов нейтрализации или хотя бы ограничения коррупции, этого общественного порока. Коррупция, подобно джину, выбралась из бутылки в результате слома прежней государственной системы, а наспех сформированная новая система изначально не была заинтересована в создании соответствующих антикоррупционных рычагов, ибо главная цель властей предрежащих заключалась в том, чтобы замкнуть на себя все капиталоемкие, «денежные» отрасли экономики, что и произошло. А для достижения указанной главной цели коррупция им была только на руку.

Поэтому утверждения о том, что силовые методы не дают желаемого эффекта, скорее, от лукавого: они призваны оправдать бездействие властей, затуманить сознание общества, увести в сторону от истинных причин свирепствования небывалой коррупции.

3. Большой проблемой для всего Южного Кавказа является сепаратизм, который, с учетом специфики процессов, начавшихся на Кавказе после распада Советского Союза, порою называют «фактором Чечни». Лидеры Чечни, вставшие на путь сепаратизма, всегда заявляли об объединении кавказских народов. Сегодня можно сказать, что это были не просто лозунги. Эпидемия сепаратизма распространилась практически на все республики Кавказа. Чеченские сепаратисты и боевики, объединившись с экстремистами и радикалами других кавказских национальностей, сыграли заметную роль в развитии обстановки во всем регионе, снабжая местные радикальные группировки людьми, деньгами, оружием, согласовывая с ними планы нападений, вербуя кадры среди населения кавказских республик, обнищавшего и теряющего веру в способность властей наладить жизнь.

4. Усиливающееся расслоение населения кавказских республик: по национальному признаку, по кланам, по имущественному положению, по неофициальному правовому статусу. Практически во всех республи-

ках Южного Кавказа происходит «выдавливание» представителей т.н. нетитульных наций из сфер управления и более или менее значимых отраслей хозяйства и общественной жизни.

Эти процессы начали довольно быстро развиваться еще в последние годы существования советской власти. С тех пор Южный Кавказ пережил этнические чистки. В результате население Армении стало фактически однородным, Азербайджан и Грузия пока сохраняют полиэтничность. Но беда постсоветских демократий в том, что везде и всюду идет формирование этнократий. В Армении она победила окончательно и полностью. В Азербайджане она является идеологией большинства и как-то сдерживается ментальностью алиевского руководства, воспитанной все же на иных традициях, традициях, воспринявших европейские ценности. В Грузии (как и в Армении) очень силен воинствующий национализм, но этноструктура страны иная, создание нескольких автономий – не случайность. Развернуться этнократии так, как она того бы хотела, мешают возникшая связка Баку–Тбилиси, общность интересов правящих элит и осознание грузинским обществом экономической беспомощности собственной страны.

Так что реальное положение в странах Южного Кавказа, при некоторых общих чертах, разное и этого нельзя не замечать, иначе вновь можем прийти к старой практике, в какой-то мере унаследованной от царской эпохи, когда кавказцев называли инородцами, а в последние годы существования СССР прижился термин «лица кавказской национальности», который сегодня в России стал едва ли не официальным.

В последние годы становится все более заметной и еще одна особенность в усилении центробежных устремлений в республиках Южного Кавказа, которая проявляется в дальнейшем этническом расслоении их народов и появлении различных землячеств. Так, в Азербайджане уже поговаривают о карабахской общности, нахичеванской, эриванской, ширванской и др. Это расслоение наблюдается и в структуре национальных кавказских диаспор в других странах. Взрывоопасность тут кроется в усиливающейся борьбе между такими землячествами за лидерство и в факте появления правящей земляческой группировки, чего никогда не было.

Нужно отметить и такую обостряющуюся проблему, как отчуждение беднеющего населения большинства населения от их процветающих национальных элит, расширяющийся разрыв между ними, который в конце концов может привести к социальному взрыву.

Все это неизбежно приводит к обострению социальной обстановки.

Усиливающееся значение Южного Кавказа в военно-стратегическом плане делает его экономическое значение второстепенным. Это особенно относится к Грузии и Армении, хотя и Азербайджан не является исключением. Подобное развитие событий противоречит интересам госу-

дарств региона. Все они жизненно заинтересованы в том, чтобы Южный Кавказ начал играть важную роль как транзитная территория – для каспийских энергоносителей, для товаропотоков Запад – Восток и Север – Юг. Но Армения по ряду причин (в первую очередь в результате насильственного отторжения Нагорного Карабаха от Азербайджана) изначально оказалась исключенной из процесса выстраивания новых энергокоридоров и нового «Великого шелкового пути». В результате пока на роль транзитных государств могут претендовать только Азербайджан и Грузия. (Подробнее энергетические вопросы будут рассмотрены в отдельной главе.)

Перспективы социально-экономического развития региона осложняются тем, что географическое положение сделало Южный Кавказ заложником глобальных геополитических процессов. Степень заинтересованности США в Кавказе с момента распада СССР постоянно увеличивалась, и государства региона превратились в постоянный объект американской политики. После распада СССР кавказская политика Вашингтона была направлена на выдавливание из региона России и Ирана. Разрыв традиционных для региона экономических связей происходил прежде всего по политическим причинам и во многом в результате политики США. Свою роль сыграли и ошибки российской политики ельцинского периода, отягощенной отсутствием ясного видения контуров новой российской государственности, которые объективно были связаны также с горбачевским пониманием государственности.

Успешное развитие Южного Кавказа и превращение его в важный фактор экономического развития всего Каспийско-Черноморского региона возможно лишь в том случае, если этому перестанет препятствовать важное военно-стратегическое положение этого региона. Для этого необходимо, чтобы ситуация на Ближнем Востоке изменилась коренным образом, а также чтобы имеющие свои интересы в регионе мировые и региональные державы отказались от конфронтационной политики и научились учитывать как взаимные интересы, так и интересы народов Южного Кавказа. Крайне важно также, чтобы великие державы пересмотрели свое отношение к конфликтам. Большая ответственность в связи с этим ложится и на национальные элиты, которые должны выступить главными инициаторами проектов мирного и благополучного развития общего кавказского дома и их претворения в реальной политике государств Южного Кавказа.

Кавказский фактор в современной системе международных отношений еще долго будет оставаться на первом плане только в политическом и военно-стратегическом отношении, но лишь второстепенным в отношении экономическом. А это значит, что эпоха будущего капиталистического процветания является для народов региона еще более отдален-

ной перспективой, чем обещанное им в прошлом веке счастливое будущее в коммунистическом раю.

Подводя итог краткому обзору современной ситуации на Южном Кавказе и вокруг него, следует отметить, что исторически Кавказ существовал как регион с подвижными границами, различными государственными, этническими и конфессиональными идентичностями. Одно лишь перечисление существовавших государственных образований Кавказа и проводившихся здесь в различные периоды административно-территориальных преобразований потребовало бы отдельного исследования. При этом полной стабилизации ситуации практически никогда не происходило, включая и советский период.

Официальная государственная и «воображаемая» география представителей тех или иных этнических или конфессиональных групп не совпадали и в период семидесятилетней советской стабилизации. Для армян в понятие «своя земля» входит Западная Армения (часть нынешней территории Турции). Исконно грузинской землей в Тбилиси считают Абхазию и Южную Осетию. Есть свои нюансы и в Азербайджане. Связаны они не только с проблемой восстановления территориальной целостности страны в границах бывшей Азербайджанской ССР. Как известно, почти 20 млн. азербайджанцев проживают в Иранском Азербайджане. Но в Баку, в отличие от соседних южно-кавказских столиц, никогда не поднимали вопрос о воссоединении разделенной нации и тем более не выдвигали каких-либо территориальных притязаний к своему южному соседу.

Как быстро на всем Кавказе наступит стабилизация, зависит от умения главных акторов «Большой игры» в регионе договариваться по ключевым проблемам безопасности. Как представляется, в любом случае достижение этой цели выходит далеко за рамки обозримой перспективы².

Взаимодействие с соседними странами

Отношения между Азербайджаном, Грузией и Турцией

Турция является стратегическим партнером Азербайджана и первой страной, признавшей независимость Азербайджанской Республики (9 ноября 1991 г.). Это государство последовательно оказывает Азербайджану всестороннюю поддержку.

Дипотношения между двумя странами были установлены 2–3 мая 1992 г. в ходе официального визита в Баку правительственной делегации Турции во главе с премьер-министром Сулейманом Демирелем. Позиция Турции по карабахскому конфликту заключается в обеспечении

² Цитирование: интернет-журнал «Новая политика» (www.novopol.ru). Copyright © 1999–2007 «Агентство политических новостей», 2005-05-23, Сергей Маркедонов.

территориальной целостности Азербайджана и освобождении оккупированных территорий.

Азербайджан и Турция располагаются в уникальном геополитическом пространстве. Оба государства являются неотъемлемой частью пути Восток–Запад и Север–Юг. С древних времен до наших дней Азербайджан и Турция играют роль Евразийского моста.

Азербайджан и Турция – государства, населенные в подавляющем большинстве тюрками-мусульманами, имеющими многовековую общую историю. За прошедший период Азербайджан и Турция стали естественными стратегическими партнерами и союзниками.

Начиная с 1990-х гг. позиция Турции в мировой политике изменилась. После Второй мировой войны и до конца «холодной войны» Турция была ключевым пунктом американской политики сдерживания СССР. Но сейчас после развала социалистической системы ее роль для Запада снизилась.

Эту потерю Турция пытается компенсировать, распространив свое влияние в тюркские государства бывшего Советского Союза. Но сегодня Турция географически оторвана от всего тюркского мира. Не считая небольшую границу с Азербайджаном в районе Нахичевани, она не имеет прямого сообщения со своими потенциальными союзниками.

Турция является союзником Азербайджана на международной арене, поскольку сильный и развитый Азербайджан означает увеличение мощи и престижа Турции в мировой политике.

Сегодня от экономического сотрудничества оба государства получают большую выгоду. В Азербайджане и Турции успешно функционируют единые валютные институты. Турецкие инвестиции играют важную роль в экономической жизни Азербайджана. Между государствами достигнута довольно высокая экономическая интеграция. Единственная проблема в этом направлении – отсутствие общей границы между Турцией и основной территорией Азербайджана. Воздушные перевозки делают товары более дорогими и, естественно, менее конкурентоспособными на рынках государств.

Если рассмотреть отношения между Турцией и Азербайджаном через призму геополитических интересов, то роль Запада, включая США, в данном регионе далеко не однозначна. С одной стороны, там понимают выгоду от стратегического партнерства с перспективным Азербайджаном и, в общем, им выгодны дружеские отношения между двумя ориентированными в атлантическом направлении государствами, с другой – их правительства ощущают сильное влияние хорошо организованного армянского лобби, например, в нагорно-карабахском вопросе, находящего поддержку в Москве, Париже, Лондоне и Вашингтоне. Однако дело не только во влиятельном армянском лобби. На Западе рассматривают азербайджано-армянский конфликт сквозь призму извечного хрис-

тиано-мусульманского противостояния, под углом зрения усиления противоборства цивилизаций. На отношение к Азербайджану слишком влияют извечные фобии – таково убеждение азербайджанских аналитиков, дипломатов и политиков.

Азербайджан и Турция имеют общего противника в регионе. Хотя конфликт между Турцией и Арменией не проявляется так отчетливо, как в случае с Азербайджаном, ее существование как таковое является угрозой интересам Турции. Территория Армении, по мнению Анкары, в начале прошлого века была искусственно увеличена и тем самым стала играть роль разъединителя тюркского мира. Перед армянской угрозой возникла необходимость консолидировать силы. Данный фактор сближает оба государства.

Между Анкарой и Баку подписан военный договор, а также два соглашения и семь протоколов о военном сотрудничестве. Среди них: межправительственные соглашения о безвозмездной помощи, азербайджано-турецкое соглашение о сотрудничестве в военной промышленности, совместном производстве, военно-медицинской службе, военном праве и др.

В 2005 г. официальные представители Турции, Азербайджана, а также Грузии, Казахстана и США подписали в Баку Соглашение о строительстве железной дороги Карс (Турция) – Ахалкалаки (Грузия) – Тбилиси – Баку. При этом турецкое руководство выразило убеждение, что новая железная дорога дойдет до Казахстана и Китая.

Учитывая нефтяной фактор, роль Азербайджана в экономике Турции все больше возрастет. США рассматривают Азербайджан как альтернативного поставщика газа и нефти в Европу. «США высоко оценивают геополитический потенциал Азербайджана в стратегически важном районе Кавказа и Центральной Азии, рассматривая его в качестве регионального «опорного элемента», – говорил Збигнев Бжезинский³. По мнению американцев, «азербайджанских топливных ресурсов должно быть достаточно для запуска и, возможно, полной загрузки трубопроводов нового поколения, которые соединят Южную и Центральную Европу с Каспийским морем через Турцию и тем самым предоставят ряду наших европейских союзников реальную альтернативу монополюльной транспортной системе и закрытому инвестиционному климату».

В результате при поддержке США и Турции Азербайджану удалось осуществить строительство нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан и газопровода Баку–Тбилиси–Эрзерум.

С участием Азербайджана, Турции и Грузии в настоящее время создается новая геополитическая ось, вектор которой направлен на Запад. В феврале 2007 г. президенты Михаил Саакашвили, Ильхам Алиев и премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган подписали «Тбилисскую дек-

³ *Лященко А.* Нас обложили базами // «Красная звезда», 15 ноября 2005 г.

ларацию о совместном видении регионального сотрудничества». Кроме того, первые лица Грузии, Азербайджана и Турции подписали Меморандум между Азербайджаном, Грузией и Турцией о взаимопонимании и сотрудничестве в сфере энергетики, а также Соглашение о новой железнодорожной линии Карс–Тбилиси–Баку. Таким образом, можно говорить о том, что на Южном Кавказе формируется новый военно-экономический альянс в составе Грузии, Азербайджана и Турции.

По завершении церемонии подписания этих документов лидеры трех государств выступили с заявлением, в котором подчеркнули стратегическое значение, экономическую выгоду и перспективы дальнейшего сотрудничества. Факт экономического партнерства этих стран в энергетической и транспортной сферах уже закреплен де-юре. Энергетический меморандум в первую очередь касается экспорта с азербайджанского сектора Каспия нефте- и газопродуктов по трубопроводам Баку–Тбилиси–Джейхан и Баку–Тбилиси–Эрзерум. Транспортный же проект – новый в экономических отношениях трех стран. В рамках проекта железной дороги Карс–Тбилиси–Баку планируется построить новый 105-километровый участок трассы, 76 километров которой пройдет по территории Турции, а 29 – по территории Грузии. Строительные работы в Грузии начались во втором квартале 2007 г. На завершение проекта отводится четыре года. По расчетам специалистов, новая магистраль будет иметь пропускную способность до 15 млн. тонн грузов в год. Она не только свяжет Азербайджан и Турцию, но и станет важным звеном транспортного коридора, соединяющего Центральную Азию с Европой.

К данному проекту готова была присоединиться Армения. Тогда бы путь с Востока на Запад через Южный Кавказ был бы для нее более коротким и менее затратным, поскольку в Армении уже имеется железная дорога, соединяющая Ереван с Турцией. Данный проект поддерживали американцы. Однако Баку и Анкара не исходят из того, что экономическое сотрудничество со страной-агрессором, каковой является Армения до освобождения оккупированных территорий и урегулирования карабахского конфликта, явилось бы грубым политическим просчетом. И Белому дому не удастся убедить Анкару и Баку в обратном. Более того, премьер-министр Эрдоган, принимая в Анкаре министра обороны Азербайджана Сафара Абиева, прямо заявил, что «пока не разрешится армяно-азербайджанский конфликт, Турция не откроет границы с Арменией». Разрешения же этого конфликта дипломатическими путями из-за позиции Армении в ближайшее время не предвидится. Так что военно-политический подтекст нового транспортного пути из Турции в Азербайджан через Грузию вполне понятен.

Важно и то, что Баку и Анкара накануне тбилисской встречи лидеров трех стран подписали новое соглашение в области военного сотруд-

ничества. Турция обещала оказать военную помощь Азербайджану, хотя ее размеры не разглашаются. В свете новых реалий эксперты подсчитали, что в случае возобновления военных действий между Азербайджаном и Арменией железная дорога Карс–Тбилиси–Баку должна стать важной тыловой магистралью, снабжающей азербайджанскую армию из Турции. Проблемы же Грузии в том, что именно ей предстоит достраивать участок от Ахалкалаки до границы с Турцией, плюс обеспечивать с точки зрения военной и экономической безопасности участок, проходящий через населенную армянами территорию. В Тбилиси также хорошо понимают, что строительство железной дороги в Турцию снизит транспортную и перевалочную нагрузку на грузинские порты, через которые сейчас осуществляются основные морские перевозки грузов в Европу.

Видимо, поэтому Анкара и Баку пошли на значительные уступки своему грузинскому партнеру. Азербайджан предоставил Грузии на строительство железной дороги льготный (под 1% годовых) долгосрочный кредит в размере 200 млн. долл. Ильхам Алиев также помог решить энергетические проблемы Михаила Саакашвили, начав поставки в Грузию природного газа. Поставки пока идут за счет турецкой квоты с месторождения Шах-Дениз (Азербайджан).

Хотя решение экономических проблем Грузии – это лишь часть помощи, которая будет оказана Анкарой режиму Саакашвили. В военной области также усиливается сотрудничество. В соответствии с опубликованными в Jane's Sentinel Security Assessment, Russia and the CIS данными, начиная с 1998 г. Турция оказала этой южнокавказской республике безвозмездную военную помощь на сумму около 40 млн. долл. Турция помогает соседям модернизировать военные аэродромы и строить военные базы в непосредственной близости от зоны конфликтов с Абхазией и Южной Осетией.

Все эти действия Турции, Грузии и Азербайджана говорят о формировании ими общего военно-экономического пространства, что в итоге может привести к усилению напряженности в регионе и дальнейшей изоляции Армении. Кроме этого, укрепление военной мощи Грузии сопряжено с ее планами военных кампаний против Абхазии и Южной Осетии.

Союзнические отношения Азербайджана и Турции, подкрепленные энерготранспортными и иными проектами, также включают серьезную военную составляющую. Как заявил в свое время посол Турции в Баку Туран Моралы, в случае заключения военного союза между Азербайджаном и Турцией последняя сможет оказать Азербайджану «помощь при возобновлении на карабахском фронте военных действий». Военный союз между странами пока не создан. Но, как можно предположить, все к этому идет.

Отношения между Азербайджаном и Ираном

Для того чтобы лучше понять характер взаимоотношений Азербайджана с Ираном, обратимся к истории.

24 октября 1813 года между Россией и Персией (Ираном) в селении Гюлистан (Карабах) после окончания русско-персидской войны 1804–1813 годов был заключен Гюлистанский мирный договор.

Согласно договору, Персия признавала переход к России Дагестана, Грузии, Мегрелии, Имеретии, Гурии, Абхазии, а также Бакинского, Карабахского, Гянджинского, Ширванского, Шекинского, Дербентского, Губинского и Талышского ханств.

Кроме этого, в соответствии с условиями договора России предоставлялось исключительное право иметь свой военный флот на Каспийском море. Купцы обеих стран получали право свободной торговли.

Однако Персия не смирилась с утратой Закавказья. Подстрекаемая Великобританией, она вскоре развязала новую войну против России, вновь закончившуюся поражением Персии и подписанием Туркманчайского мирного договора.

Гюлистанский договор имел отрицательные последствия для азербайджанского народа – фактически Азербайджан был поделен на две части между Российской империей и Персией.

Однако наряду с этим Гюлистанский договор положил и начало будущему самоопределению нынешнего Азербайджана, который впоследствии сумел на базе той территории, которая вошла в состав Российской империи, претендовать на создание собственной государственности, что и произошло в 1918 году.

Помимо этого, вхождение Северного Азербайджана в состав Российской империи положило начало вхождению страны в систему евразийской, а впоследствии – и европейской цивилизации. Именно поэтому сегодня Азербайджан является членом Совета Европы и стремится к членству в Европейском союзе.

Что же касается воссоединения Северного и Южного Азербайджана, то эта идея имеет право на существование, но в настоящее время азербайджанское государство не претендует на реализацию подобной цели. Однако Баку внимательно следит за развитием ситуации в Южном Азербайджане и его не может не беспокоить тот факт, что Тегеран многие годы открыто проводит политику дискриминации в отношении многомиллионного азербайджанского населения Ирана. В Иране объясняют это необходимостью подавления возможного сепаратизма. После обретения независимости Азербайджаном Тегеран стал воспринимать Баку в качестве реальной угрозы для своей территориальной целостности, опасаясь желания южных и северных азербайджанцев воссоединиться в рамках единого государственного образования. Потому иранские

власти делали и делают все для предотвращения возможности превращения Азербайджана в сильного и влиятельного регионального игрока. Но мировые аналоги в мире говорят о том, что рано или поздно это случится.

На протяжении 2006 г. отношения Азербайджана с Ираном оставались напряженными и нестабильными. Важнейшая причина натянутых отношений лежит в идеологической плоскости. После обретения Азербайджаном независимости вследствие распада Советского Союза стали раздаваться призывы к объединению Северного и Южного Азербайджана, что не могло не вызвать раздражение у Тегерана. Соответственно Иран тоже не пребывал в бездействии: несмотря на все свои призывы к исламской солидарности, Тегеран словом и делом встал на сторону Армении. Одновременно в течение 1990-х годов он последовательно пытался путем экспорта исламской революции создать в Азербайджане религиозное государство по иранскому образцу, однако эта попытка потерпела неудачу.

Еще одним предметом разногласий в двусторонних отношениях является по-прежнему не урегулированный вопрос о статусе Каспийского моря, решение которого неоднократно торпедировалось Ираном, постоянно провоцирующим кризисы и даже создающим военную угрозу.

Иранское руководство беспокоит не столько азербайджанский сепаратизм, сколько то, что США могут воспользоваться азербайджанским фактором для дестабилизации ситуации в ИРИ и свержения муллократии. Причем фактор этот может быть использован двойко: усилением сепаратистского движения и военным подыгрыванием Азербайджана военно-политическим планам США.

В марте 2006 г. в Баку под эгидой азербайджанского правительства состоялся второй всемирный съезд азербайджанцев, на котором выступил президент страны И.Алиев. Проживающие в эмиграции южные азербайджанцы выступали на съезде с призывами к объединению разделенного Азербайджана. Иран отреагировал официальной нотой протеста, подвергнув резкой критике организатора – азербайджанское правительство.

Несмотря на упомянутые конфликты, активно развивалась челночная дипломатия. Так, накануне визита Алиева в США (апрель 2006 г.) иранский министр обороны Мустафа Мухаммед Наджар посетил Баку с трехдневным визитом, в рамках которого он встретился с Алиевым. В начале мая 2006 г., то есть сразу после поездки Алиева в США, в Баку отправился иранский президент Махмуд Ахмадинежад для участия в саммите Организации экономического сотрудничества. Затем последовали регулярные визиты сотрудников иранских министерств и ведомств, в том числе министерства иностранных дел. Их задача состояла в том, чтобы прозондировать позицию Азербайджана по иранскому

ядерному вопросу и предупредить о последствиях создания в Азербайджане военных баз США.

В ходе этих встреч Алиев заверил иранскую сторону в том, что размещение американских войск в его стране невозможно. Тем не менее некоторые эксперты предполагают, что в неофициальном порядке Алиев дал согласие на использование своей страны американцами в качестве плацдарма для возможной военной операции против клерикального режима ИРИ.

В мае 2006 г. после публикации в центральной иранской прессе антиазербайджанских карикатур в Исламской Республике состоялись спонтанные митинги протеста. Эскалация событий зашла настолько далеко, что чиновники персидского происхождения на какое-то время вынуждены были покинуть азербайджанские провинции. На митингах поднимались азербайджанские флаги, выдвигались требования о равноправии всех народов Ирана. Лишь в начале июня иранским властям, призвавшим на помощь армию и полицию, удалось локализовать протесты иранских азербайджанцев. По некоторым данным, в ходе беспорядков от рук иранских сил безопасности погибло до 100 азербайджанцев. Однако и сам клерикальный режим вынужден был пойти на уступки, подвергнув репрессиям руководство издания, где были размещены карикатуры. Иранское правительство возложило ответственность за беспорядки на израильские и американские спецслужбы; Азербайджан хранил молчание.

Другой проблемной областью в двусторонних отношениях является экономическая помощь, оказываемая Ираном Армении.

Уже в середине 1990-х годов Ереван объявил о своем желании получать газ из Ирана. Просьба армянской стороны была удовлетворена в конце декабря 2006 г. К этому времени было завершено финансированное Ираном в полном объеме строительство через ирано-армянскую границу 140-километрового трубопровода, который был введен в эксплуатацию в марте 2007 г. По этому трубопроводу Армения ежегодно получает около 1 млрд. куб. м природного газа, оплачивая его поставку продажей электроэнергии Ирану. В определенной степени это позволило Армении смягчить санкции Азербайджана и Турции, что вызвало у этих государств недовольство и негодование. Подобный шаг иранской стороны лишь способствовал усилению чувства вражды в Азербайджане, посчитавшем призывы Ирана к объединению исламского мира лишь пропагандой и инструментом реализации национальных интересов персидского Ирана.

Тем не менее в 2007 году контакты между Тегераном и Баку на различных уровнях несколько активизировались. Был подписан ряд важных двусторонних соглашений. Азербайджан выразил надежду на достижение прогресса в переговорном процессе с Ираном по определению статуса Каспийского моря.

Отношения Армении с Ираном

Отношения Ирана с Арменией фактически основаны на взаимном положении изоляции. Со стратегической точки зрения, Армения в представлении Ирана – более чем просто соседнее государство, имевшее с ним исторически сложившиеся хорошие отношения или обладающее каким-либо влиянием среди армян, проживающих в Иране. Иран видит Армению в качестве государства-товарища, также изолированного и нуждающегося в преодолении внешнего давления. Достаточно разностороннее ирано-армянское взаимодействие опирается на длительное совместное противостояние с Турцией – в этом плане они естественные союзники. В ходе средневековых войн армяне немало поспособствовали иранцам, примерно так же, как и русским во время русско-турецких войн. Кроме того, Иран рассчитывает на лоббистские возможности армянства, с помощью которого он достигает понимания своих политико-экономических нужд в самых различных столицах. Уже сам факт почти союзнических отношений с Арменией благоприятно работает на международный имидж ИРИ. Это крайне важное обстоятельство, которое старательно умалчивается.

В геополитической перспективе связь Ирана с Арменией видится как тактический противовес власти и влиянию Запада или США. Иран в течение значительного периода после образования новых независимых государств на Южном Кавказе старался противостоять Турции как американскому региональному союзнику. Однако позже, в период ухудшения отношений между США и Турцией, иранская стратегия нацелилась на открытое противостояние Вашингтону. С расширением военной деятельности США в регионе (включая Центральную Азию) после 11 сентября Тегеран ощущает необходимость укреплять связи с Арменией и улучшать отношения с Азербайджаном (Грузия вычеркнута из списка, так как более тесно связана с Западом, а также в силу недостаточности иранского влияния или отсутствия рычагов воздействия на ее политику).

В более широкой перспективе политика Ирана на Южном Кавказе определяется стремлением ИРИ стать участником транспортного коридора «Север–Юг».

Стратегический подход Армении в отношении Ирана связан с политической целесообразностью. Отношения двух стран формируются на основе необходимости выхода из транспортной и экономической изоляции и желанием снизить зависимость от России как главного, или даже единственного, внешнеторгового партнера.

Основные факторы, стимулирующие развитие отношений между Арменией и Ираном, – это геополитика, энергетика и географический тупик.

Безусловно, Иран для Армении – это важное «окно в мир», да еще к тому же с «прицелом» на Ближний Восток, где у Еревана наличествуют

особые интересы и особые позиции. Не говоря уже о том, что, учитывая тот самый «южноазербайджанский фактор», в Иране готовы развивать отношения с кем угодно, лишь бы снизить акции Азербайджана на международной арене.

Иран придает большое значение роли Армении как связующему звену на промежуточной, по отношению к осям Север–Юг и Запад–Восток, оси Иран–Армения–Грузия. Для Ирана выход к Черному морю означает выход в Россию, а также в Европу.

Важным аспектом армяно-иранского сотрудничества является энергетика. Подробнее данная проблема будет рассмотрена несколько ниже, в соответствующих главах.

Армения солидаризируется с Ираном в оценке ситуации, сложившейся вокруг реализации транспортного проекта ТРАСЕКА (коридор, направленный в обход Ирана и Армении, а также «отсекающий» Россию от Южного Кавказа). Тегеран и Ереван сходятся во мнении, что осуществление проекта восстановления «Великого шелкового пути» в части, касающейся Передней Азии, целесообразно проводить силами государств Кавказского и Центрально-азиатского регионов с привлечением всех заинтересованных сторон.

С учетом продолжающейся блокады границ республики Турцией и Азербайджаном Иран остается для Армении ключевым торгово-экономическим партнером и коммуникационным выходом во внешний мир.

В настоящее время Армения и Иран продолжают развивать и углублять взаимовыгодные экономические отношения, которые охватывают такие сферы, как сельскохозяйственная, нефтеперерабатывающая, машиностроительная, фармацевтическая и т.д. В целях координации двустороннего сотрудничества была создана армяно-иранская экономическая комиссия, в центре внимания которой находятся вопросы как двустороннего, так и регионального значения. На сегодняшний день Иран является одним из крупных инвесторов Армении. Объем коммерческих вложений ИРИ в экономику республики составляет 26% от общего объема зарубежных инвестиций.

В заключение можно сказать, что сохранение хороших отношений с Ираном жизненно важно для Армении.

Отношения Армении с Турцией

После распада Советского Союза на Южном Кавказе образовался политический вакуум, и разные страны включились в борьбу за влияние в этом регионе. Армения приняла внешнеполитическую доктрину, исходя из сложившихся геополитических реалий. В ее основу легли два принципа, способных, по мнению армянского руководства, обеспечить безопасность и процветание нового государства. Согласно первому из

них, безопасность страны и ее народа ставилась в зависимость от нормализации отношений с соседними странами, разрешения существующих конфликтов путем переговоров и развития регионального экономического сотрудничества, следствием которых должно было стать формирование системы коллективной безопасности в регионе. Второй принцип составила концепция неприсоединения Армении к каким-либо политическим и военным блокам.

Справедливости ради необходимо сказать, что на первых порах армянское руководство попыталось наладить отношения с Турцией и установить с ней дипломатические отношения. «В среде политического истеблишмента Армении сформировалось мнение, что историческое наследие не может быть преградой для достижения этих целей»⁴. Несмотря на наличие серьезных расхождений, продиктованные логикой внутри- и внешнеполитического развития Армении определенные шаги первого президента Армении Левона Тер-Петросяна получили положительный отклик в Анкаре и были восприняты как готовность Еревана установить с турецкой стороной отношения нового качества.

Кроме того, в условиях конфликта с Азербайджаном решение этой задачи приобретало жизненно важное значение. В свою очередь и Турция была заинтересована в урегулировании армяно-турецких связей. Турция отнюдь не старалась «сжигать мосты» во взаимоотношениях с Арменией, всячески демонстрируя свою готовность наладить добрососедские отношения в случае уступок с армянской стороны. В посвященных Армении публикациях турецкой печати конца 1991 года приводились следующие доводы:

- с учетом напряженных отношений Турции с большинством ее соседей установление добрососедских связей с Арменией позволило бы удержать последнюю от сближения с группой государств, занимающих антитурецкую позицию;

- установление подобных отношений с независимой Арменией способствовало бы ослаблению давления на Турцию со стороны западных государств, послужило бы удобным поводом к снятию с рассмотрения на международном уровне проблемы признания геноцида армян в 1915 году в Османской империи;

- установление дружественных армяно-турецких отношений способствовало бы продвижению экономического и политического влияния Турции на Южном Кавказе, одновременно сведя к минимуму возможности России в этом регионе;

- учитывая географическое положение Армении, она оставалась серьезным препятствием на пути экспансионистских планов Анкары.

⁴ Куртов А., Халмухамедов А. Армения – Турция: противостояние или сотрудничество? // Армения: Проблемы независимого развития, РИСИ, М., 1998.

Однако даже при наличии означенных оснований армяно-турецкие отношения стали развиваться по диаметрально противоположному пути. Одной из первых признав в декабре 1991 года независимость Армении, Турция, тем не менее, одновременно выдвинула три предварительных условия для установления дипломатических отношений: отказ Армении от территориальных претензий к Турции, обвинений в осуществлении геноцида 1915 года и его международного признания, а также от борьбы за Нагорный Карабах. Выдвинув эти условия, Турция фактически утратила возможность урегулировать отношения с Арменией и в какой-то мере ограничила шансы закрепиться на Южном Кавказе. «Секретные операции турецкой стороны по переброске в Азербайджан оружия и обмундирования в 1991–1992 годах в ходе карабахско-азербайджанского конфликта»⁵, а также вероятность прямого военного вмешательства в него Турции и ее присоединение к экономической блокаде Армении, осуществляемой Азербайджаном, окончательно рассеяли надежду урегулировать армяно-турецкий конфликт в обозримой перспективе. «Весной 1992 года, когда на нахичеванском участке ситуация осложнилась, аналитики указывали на вероятность турецкой военной помощи Азербайджану. Именно в это время главнокомандующий сухопутными силами Турции Мухиттин Фисуноглы заявил, что «все необходимые приготовления сделаны и армия ждет приказа из Анкары, для того чтобы выступить»⁶.

Соответственно, руководство Армении постепенно осознавало, что в столь сложных условиях дальнейшее ухудшение армяно-российских отношений не отвечает национальным интересам республики. Дистанцирование от России в этих условиях означало, что страна останется один на один со своими противниками – Турцией и Азербайджаном.

Вот почему в начале 1992 года армянское правительство пересмотрело свою политику в отношении России. Однако для радикальной их нормализации должны были произойти изменения и в позиции Москвы, а она нередко всерьез озадачивала как армянские власти и оппозицию, так и рядовых граждан. Одним из характерных примеров армянской политики РФ того времени стал, в частности, визит государственного секретаря РФ Г.Бурбулиса в Турцию в 1992 году, где он объявил во всеулышание, что турецкое направление в международной доктрине России является приоритетным и что у Москвы нет никаких расхождений с Анкарой по поводу армяно-азербайджанского противостояния.

Ответом на это заявление стали слова, произнесенные тогдашним премьер-министром Армении В.Манукяном в беседе с послом России в Армении В.Ступишиным 24 ноября 1992 года: «Позиция Москвы озадачивает влас-

⁵ *Robin Bhatti and Rachel Bronson. NATO's Mixed Signals in the Caucasus and Central Asia. Survival, Vol. 42, №3, Autumn, 2000.*

⁶ *William Hale. Turkey, The Black Sea and Transcaucasia. London, 1995.*

ти страны. Ощущает ли она свои стратегические интересы на Южном Кавказе? Отказывается ли она от своих позиций в ближнем зарубежье? Получается, что Россия заинтересована в нестабильности, надеясь таким путем удержать и Азербайджан, и Армению. Но это ошибочный расчет. Будет Карабах азербайджанским или нет, Азербайджан все равно уйдет под крылышко Турции. А вот если Карабах останется армянским, сохранится серьезная привязка Армении к союзнику в лице России. Потеря Карабаха неизбежно приведет к смене ее внешнеполитической ориентации».

Необходимо отметить, что в то время Армения была нужна России не меньше, чем Россия Армении, поскольку последняя имела ключевое значение для позиций РФ на Южном Кавказе. Комментируя российскую политику 1990-х гг. в отношении Армении и Южного Кавказа, президент Армении Л.Тер-Петросян отметил: «Создается такое впечатление, что Россия не имеет четко выработанной политики в отношении нашего региона. Есть некоторые люди, которые считают, что безразличие и есть политика России».

Российский вектор во внешнеполитической линии Армении укрепился с началом пересмотра Москвой принципов политики в отношении СНГ и Южного Кавказа. Россия стала демонстрировать прямой интерес к новым независимым государствам и укреплять экономическое влияние в ближнем зарубежье, в том числе на Кавказе и в Центральной Азии.

На фоне широко пропагандирующихся Анкарой неопантюркистских устремлений Москва и Ереван выразили интерес к выработке общих подходов для нейтрализации турецких инициатив на южных рубежах СНГ. Так, в 1993–1996 годах подразделения 3-й полевой армии ВС Турции провели несколько учений на кавказском направлении. В сентябре 1993 года тогдашний премьер-министр Турции Тансу Чиллер пригрозила, что запросит у Великого национального собрания Турции санкции на войну, если Армения атакует Нахичевань. В 1994 году турецкие разведывательные самолеты начали демонстративные облеты границ с Арменией. «Дело в том, что турецкий истеблишмент старается решить имеющие место и ожидаемые в будущем внутренние структурные кризисы за счет активных внешних инициатив. Это особенно четко проявилось в позиции Анкары относительно военных операции в Афганистане: изначальное отрицательное отношение к проведению широкомасштабных операций за короткий период сменилось прямой поддержкой антиталибовской коалиции. Непосредственное военное присутствие в зоне боевых действий говорит о том, что Турция рассчитывает получить «карт-бланш» в проведении своей неоэкспансионистской политики не только в странах Центральной Азии, но и на Южном Кавказе»⁷.

⁷ *Соголовский М.* Турки хотят научить американцев и англичан защищать свободу // «Евразия сегодня», №6, апрель 2002 г.

Эти воинственные шаги Турции стали серьезным стимулом к тесному сотрудничеству между Арменией и Россией, воплотившемуся в договор (от 19–20 августа 1994 года) о совместной охране армяно-турецкой границы, а также о сотрудничестве между пограничными службами Армении и России, в рамках которого на территории Армении была размещена Особая группа российских погранвойск «Армения» Особого Кавказского пограничного округа. Между Москвой и Ереваном 16 марта 1995 года был подписан Договор о дальнейшем пребывании российских военных баз (РВБ) на территории Армении. Этими договорами Россия постепенно укрепила свои позиции на Южном Кавказе, Армения же обрела стратегического партнера, способного обеспечить ее безопасность.

Как это уже неоднократно говорилось выше, между Арменией и Турцией по-прежнему отсутствуют дипломатические отношения, а армяно-турецкая граница закрыта с 1993 года по инициативе Анкары. По данным международных экспертов, в результате блокады со стороны Турции армянской экономике ежегодно наносится ущерб в размере 500 млн. долл.

Имеются данные, согласно которым Турция с товарооборотом 160 млн. долл. является третьим крупным партнером во внешней торговле Армении.

В июне 2002 года турецкие, армянские и азербайджанские СМИ начали сообщать о тайных переговорах между Арменией и Турцией. «В определенных кругах армянского истеблишмента была и до сих пор существует следующая точка зрения: открытие армяно-турецкой границы приведет к нормализации отношений с Турцией, постепенно ослабит восприятие Турции в качестве угрозы безопасности Армении и тем самым снизит уровень зависимости Армении в сферах экономики и безопасности от других государств»⁸. В короткий промежуток времени, сначала в середине мая 2002 года в Рейкьявике, а затем в конце июня 2002 года в Стамбуле, состоялись встречи министров иностранных дел Армении и Турции, Вардана Осканяна и Исмаила Джема. Эти встречи дали повод многим аналитикам и экспертам заговорить о геополитическом прорыве на Кавказе. Однако чуда не произошло – все затихло почти на целый год. Нормализацию отношений и расширение торгового сотрудничества в Турции продавливали бизнес-группы, ставя коммерческий интерес выше национально-политических, как выразился тогдашний азербайджанский президент Г.Алиев. Возмущенный действиями торговых кругов, он вылетел в Анкару, провел несколько встреч с руководством, добился выступления в Великом национальном собрании, ловко используя противоречия в турецком истеблишменте, добился поддерж-

⁸ *Gerard Libaritian. The Challenge of Statehood: Armenian Political Thinking Since the Independence // «Yerevan», 1999 г.*

ки своей позиции. Позже та же участь постигла и неофициальную «свободную зону» в Садахлы, что в Грузии.

О возможностях нормализации армяно-турецких отношений вновь вспомнили в мае 2003 года. А за этот период в регионе произошло многое – смена власти в Турции, война в Ираке и неизбежный, в ее контексте, пересмотр региональных позиций супердержав, напряжение между США и Ираном, грозящее перерасти в конфликт. Все это свидетельствовало о нарушении сложившегося в регионе баланса сил.

Новый импульс армяно-турецким контактам придал тогдашний министр иностранных дел, а ныне президент Турции Абдулла Гюль, выступивший с заявлением о намерении нового турецкого правительства установить отношения с Арменией. Затем состоялась мадридская встреча на уровне глав МИД Осканян–Гюль, по итогам которой глава турецкого внешнеполитического ведомства заявил о желании «с новой энергией» приняться за обсуждение вопроса о примирении. Его армянский коллега Вардан Осканян назвал встречу довольно результативной и добавил: «Я заметил очень серьезные позитивные настроения правительства Турции в вопросе налаживания армяно-турецких отношений. Хоть и малыми шагами, но мы приблизимся к налаживанию отношений».

Таким же беспрецедентным стало и предложение лидера правящей в Турции Партии справедливости и развития (ПСР), премьер-министра Турции Эрдогана о создании смешанной комиссии из армянских и турецких историков по установлению факта геноцида армян в Турции. Армения на протяжении ряда лет уходит от участия в подобной комиссии.

После массовых убийств (депортации) армян в восточной Турции в 1915–1922 годах два народа разделяет пропасть недоверия. Армения утверждает, что в этих событиях, которые, по ее мнению, должны квалифицироваться как геноцид, погибло около полутора миллионов человек. Ереван настаивает на том, что Анкара должна взять на себя ответственность за действия Османской империи. Турецкие историки в ответ говорят, что массовые убийства армян, хотя и действительно имели место, были не столь масштабными и, тем более, не происходили по указанию властей. «Скорее, это была реакция турецких и курдских крестьян на нападения на их деревни со стороны армянских партизан», – считают в Турции. Это замечание принципиального порядка – в международной исторической и публицистической литературе за последние сто, а может и больше, лет утвердилась устойчивая оценка событий 1915 года как геноцид. Однако за последние десятилетия в связи с настойчивыми попытками армян добиться международно-правового признания факта геноцида опубликовано немало исследований, проливающих дополнительный свет на события и позволяющих считать привычные суждения о массовой резне, геноциде значительным преувеличением и искажением действительных фактов, основанных в определенной сте-

пени на армянских фальсификациях. Это мнение получило косвенное подтверждение в отказе Армении открыть исторические архивы, создать смешанную комиссию по беспристрастному изучению данного вопроса. Такая позиция является безусловно обоснованной и встречает все большее понимание среди специалистов и политиков. Отдельно стоит вопрос о возможности признания конгрессом США факта геноцида. Даже если это произойдет, будет ли это иметь серьезные правовые последствия? Ведь никто не наделял конгресс США правом выступать арбитром в сложных исторических вопросах. И чем чаще американские конгрессмены будируют под разными предлогами этот вопрос, тем очевидней, что он стал удобным рычагом давления на Турцию и усиления влияния на Армению и армянство.

Неудивительно, что в конфликте вокруг Нагорного Карабаха между Арменией и Азербайджаном Турция поддерживает этнически близких ей азербайджанцев. Анкара требует вывода армянских войск с оккупированных территорий Азербайджана, занятых в начале 1990-х годов, прежде чем начать какие бы то ни было переговоры с Ереваном.

Разорвав всяческие отношения с Арменией, Турция мало того что потеряла практически все рычаги воздействия на противника, но и заметно снизила свое влияние на Южном Кавказе в целом. Очевидно, Турция не увязывает перспективы своего влияния на Южном Кавказе с эффективностью своей политики в отношениях с Арменией. Большее значение здесь придается таким задачам, как снижение экономического и, в первую очередь, военного влияния России в регионе. Многие эксперты прогнозируют появление турецкого контингента, в том числе в составе сил НАТО, в Грузии сразу вслед за выводом оттуда военных баз России. Вместе с тем основные интересы Турции на Южном Кавказе связаны с энергетическими проектами Баку–Джейхан и Баку–Эрзерум. Проблема же железнодорожного доступа в регион, по идее, должна была быть решена осуществлением проекта строительства ветки Карс–Ахалкалаки, что окончательно вывело бы Армению из коммуникационной игры.

В случае реализации всех этих планов, как полагали в Анкаре, Армении просто некуда было бы деться. Именно план создания безвыходной ситуации для Армении был выбран Анкарой в качестве приоритета, чем и объяснялась категоричность турецкой позиции, планировавшей таким образом добиться выполнения невыполнимых предусловий.

Однако турецкие политики все же не учли всех тенденций, связанных с вторжением в регион новых игроков в лице Европейского союза и США, не просчитали они и какую крепость может приобрести коктейль из политики США в Ираке и позиций стран ЕС по перспективе вступления в эту структуру Турции, если его разбавить «армянским вопросом».

Следует учитывать, что для Турции признание геноцида армян под нажимом США и ЕС может обернуться тяжелыми материальными и моральными последствиями. Сразу вслед за признанием армяне могут поднять и вопрос репараций. Но и армянская сторона отдает себе отчет в том, что последние перипетии вокруг проблемы геноцида и ажиотаж в самой Турции – результат не столько усилий армянской дипломатии и диаспоры, сколько столкновения интересов крупных международных игроков, пытающихся использовать с выгодой для себя практически все мало-мальски весомые факторы, в том числе и фактор армяно-турецкого исторического противоборства. Конечно, было бы ошибочно предполагать, что данный фактор носит самодостаточный характер в плане воздействия на Турцию в вопросах вступления в ЕС или войны в Ираке, однако столь активное его использование может привести к заметным трансформациям регионального плана и серьезным коррективам в позициях Анкары и Еревана.

Однако готов ли сам Ереван к столь интенсивному развитию событий? В Армении успели привыкнуть к длительному тайм-ауту на турецком фланге. Если к позитивным последствиям блокады с некоторой натяжкой, но все же можно отнести стабильное развитие местного бизнеса и неторопливый поиск приемлемой модели экономики, то в явно негативном свете стоит рассматривать объективное и длительное бездействие «турецкой извилины» армянской политической мысли. Вследствие отсутствия информации и четких сценариев политики Армении могут оказаться не в состоянии трезво и резко оценить все за и против возможного открытого политического диалога с Турцией. Именно в этом случае параллельный международный нажим диаспоры может стать для Армении медвежьей услугой.

Как было справедливо отмечено турецким политологом и экспертом по кавказской политике Нилгуном Гюльчаном, «армяне Армении и армяне диаспоры имеют разные, а порой и противоречивые интересы, и единственный путь нормализации отношений между Арменией и Турцией – это нормализация отношений между Арменией и армянской диаспорой»⁹.

Немного скорректировав данное высказывание турецкого эксперта, можно отметить, что речь больше идет о необходимости координации позиций между Арменией и диаспорой на случай резкой смены тактики со стороны официальной Анкары. Поначалу скрытая, а по мере ослабления центральной власти явная борьба за власть стала важнейшей чертой политической борьбы, развернувшейся в суверенизирующемся Азербайджане. Произошел редкий исторический прецедент: элиты, ведущие войну за территориальную целостность страны, вместо консолидации общества на патриотической основе затеяли череду предательств

⁹ ИА «REGNUM», 12 апреля 2005 г.

и откровенную сдачу позиций на фронте, что привело к попыткам вооруженного захвата власти и завершилось госпереворотом, осуществленным Народным фронтом в мае 1992 г. и контрпереворотом летом 1993 года, когда Эльчибей и его окружение передали власть Г.Алиеву.

Это – одна из главных причин военного поражения Азербайджана в войне за Карабах, потери им не только области, но и целого ряда районов вокруг нее.

Мало кто сегодня в Армении может четко обрисовать ситуацию, которая сложится на внутреннем рынке в случае разблокирования армяно-турецкой границы. Аналогично практически ни один политик не в состоянии внятно объяснить, какие изменения грядут, если вдруг США признают геноцид армян или ЕС в одностороннем порядке потребует от Анкары открыть границу. Существует масса сценариев, которые просто не просчитывались в Армении, поскольку вероятность их реализации близка к нулю.

Турецко-армянская стена может не выдержать и рухнуть под нажимом внерегиональных сил, а также факторов международного значения. В этом случае прагматичная формулировка – без предварительных условий – может сыграть с Арменией злую шутку, поскольку открытая партия на армяно-турецком политическом столе может начаться неожиданно и в условиях неравенства сил.

Что касается последних событий, то 19 февраля 2008 г. в Армении прошли президентские выборы, победителем которых стал премьер-министр, лидер Республиканской партии Серж Саркисян. Президент Турции Абдулла Гюль поздравил премьер-министра Армении Сержа Саркисяна с избранием на пост президента Армении и выразил надежду на нормализацию отношений между странами. «Я надеюсь, что Ваша новая позиция будет содействовать созданию необходимых условий для нормализации отношений между народами Турции и Армении, которые в течение веков жили вместе в мире и согласии. Искренне желаю, чтобы атмосфера, основанная на взаимном доверии и сотрудничестве, стала вкладом в установление мира и процветания в регионе», – говорится в поздравительном послании Гюля. Будут ли эти надежды осуществлены и удастся ли на самом деле создать условия для нормализации отношений, покажет время.

Однако уже сейчас можно отметить такие обнадеживающие факты, как недавнее заявление нового президента Армении С.Саркисяна о неисключаемости открытия армяно-турецкой границы, как условия создания совместной комиссии для изучения исторических фактов, и приглашение турецкого президента в Ереван на футбольный матч, что было многими наблюдателями расценено как смягчение позиций нового руководства Армении. Правда, по мнению некоторых турецких аналитиков, создание армяно-турецкой комиссии историков по изучению

факта «геноцида армян» в начале XX века, не представляется возможным. «Создание комиссии невозможно, поскольку в подходе к данному вопросу президента Сержа Саркисяна отмечается, что нужно сначала открыть армяно-турецкую границу, а затем создать комиссию. Турция же не пойдет на открытие границы без уступок со стороны Армении, а значит, и комиссия не будет создана», – отметил директор Института востоковедения НАН Армении Рубен Сафрастян¹⁰.

Своеобразие этого политического шага состояло в том, что приглашение к А.Гюлю поступило в момент, когда ему, как и всей правящей партии, было совсем не до футбольной дипломатии – в Конституционном суде решалась их судьба. Впрочем, тут интерес представляла не столько реакция турецкого руководства, сколько оживление среди американской дипломатии, оптимистично расценившей новые подвижки в армяно-турецких отношениях. Во всяком случае, состоялось открытие авиалинии Ереван–Анталья, и наблюдатели отмечают нелегальную иммиграцию армян в Турцию, с тенденцией к росту.

Азербайджанская Республика

В отличие от большинства республик бывшего СССР, суверенизация Азербайджана происходила в крайне неблагоприятной политической обстановке. Она определялась вооруженной агрессией со стороны Армении, условиями нарастающего политического противостояния местной оппозиции с республиканскими властями, а также противоборством земляческих кланов, оспаривающих власть. Одновременно полным ходом происходили дезинтеграционные процессы в экономике и политике союзного государства. Все это в совокупности обусловило противоречивый, нестабильный, конфликтный характер процессов социально-политической трансформации азербайджанского общества, реформирования института государства и его правовой базы.

Строители независимого, свободного Азербайджана и предположить не могли, насколько реалии расходились с их представлениями о демократии.

Некоторые авторы отмечают, что в 1991 г. Азербайджан не завоевал независимость, а, как и в 1918 году, получил ее «в результате развала Российского государства, в обстановке политического хаоса и экономической разрухи»¹¹. Вроде бы это и верно, если, конечно, руководствоваться исключительно формальной логикой: национально-освободительных войн в Азербайджане не наблюдалось ни в 1918, ни в 1991 годах. Но реальная история сложилась так, что, начиная с 1988 года насе-

¹⁰ Армения Онлайн. 2 июля 2007 г. <http://www.armenia-online.ru/armnews/24497.html>

¹¹ Чернявский С. Азербайджан: выбор курса. – М., 2003. С. 11.

ление Азербайджана столкнулось с жестким, разрушительным и неспровоцированным вызовом и было вынуждено отвечать на него доступным ему путем. Республика, вопреки политике Союзного государства, поднялась на защиту своей территориальной целостности. И это массово-политическое движение народа уже к 1989 году приобрело еще один – новый вектор – борьбы за национальный суверенитет и государственную независимость. А к 1990 году противостояние республики и союзного центра достигло апогея – Азербайджан вышел из-под контроля властей, но оказался во власти политического хаоса и межнационального конфликта. Чтобы вывести республику из критической ситуации, Союзное руководство использовало привычный способ, апробированный, в том числе, в Алма-Ате, Тбилиси и т.д. Карательная акция, осуществленная советскими войсками в январе 1990 года, была, в конечном счете, ничем иным, как безуспешной попыткой подавить движение масс за обретение государственной независимости.

Бакинский январь стал одним из наиболее острых проявлений кризиса советской политической системы СССР, горбачевской политики перестройки и демократизации. Центральные власти оказались не готовы и не способны к новым, действительно демократическим взаимоотношениям с элитой и народами национальных республик. Это был кризис, приведший к такому глубокому разрыву между массами и руководителями, республикой и центральной властью, что его оказалось невозможно преодолеть. Под вопросом оказался не только номенклатурный слой, правящий в республике, но и существующий общественно-политический строй.

И в то же время январь стал олицетворением трагической неоднозначности, противоречивости бурных политических процессов, происходивших в Азербайджане в тот период. Это был одновременно кризис государственного строя, власти и самой оппозиции, а также демократических начал в оппозиционной деятельности Народного фронта. По мере того как в НФА усиливались радикальные настроения, а в его руководстве возрастало влияние национал-экстремистского крыла (выходцев из одного-двух регионов), оппозиция все больше отступала от демократических принципов и идеалов. Это был настоящий кризис демократического движения, все больше подпадавшего под влияние популистских лозунгов, провоцировавших насилие и «снизу», и «сверху». Общий итог карательной акции был таков: Азербайджан навсегда перестал быть советским и коммунистическим. Отныне он обретал свободу выбора. Причем это был кризис, происходивший на фоне геополитического конфликта, острого кризиса армяно-азербайджанских отношений.

Январские события приобрели знаковое значение исторического рубежа, перейдя который люди чувствовали, что к прежним отношениям

возврата уже не может быть. В массовом сознании происходили необратимые сдвиги – движение к независимости приобрело массово-политический характер, и уже в том же 1990 году оно стало вооружаться возрожденной, узаконенной национально-политической атрибутикой первой на мусульманском Востоке светской Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920 гг.).

Январь 1990-го, таким образом, стал грандиозным прологом к бескровному перевороту в марте-мае 1992 года, когда вслед за объявлением государственной независимости республики в 1991 году власть переходит из рук бывшей советской номенклатуры в руки радикальной оппозиции.

Смена режимов произошла с помощью силового давления, но почти бескровно. Было ясно, что народ никогда не поддержит тех, кто посмеет инициировать кровопролитие.

Этот же синдром сыграл свою роль и в событиях 1993 года, когда под народным давлением ушло в отставку правительство НФА. К власти пришел Г.А.Алиев, ранее более 13 лет руководивший Азербайджаном, затем работавший в составе высшего руководства СССР и в 1987 году, незадолго до начала карабахского конфликта, принужденный уйти в отставку со всех руководящих постов. В январские дни 1990-го Г.Алиев выступил в постпредстве Азербайджана в Москве с речью, в которой осудил введение войск в Баку, подверг острой критике руководство республики и Союза ССР. Это выступление положило начало возвращению Г.Алиева в публичную политику и, в конечном счете, вернуло его к власти.

Одна из особенностей послеянварского политического процесса состояла в том, что НФА, являвшийся в тот момент движущей силой протестного движения, в послеянварский период сыграл своеобразную роль в становлении независимого национального государства. Она состояла в том, что молодая, неопытная оппозиция, самонадеянно придя к власти, своей разрушительной некомпетентностью «помогла» старой номенклатуре сплотиться вокруг вернувшегося в Азербайджан Г.Алиева.

Эпоха января 1990 года, таким образом, завершилась летом 1993 года. С этого момента начался новый, возглавляемый Г.Алиевым, решающий этап строительства независимого азербайджанского государства в контексте реалий конца XX века.

Переходный период

Сменивший А.Х.Везирова, вынужденного после январских событий уйти в отставку с поста первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, А.Н.Муталибов в целях консолидации азербайджанского общества взял курс на демократические преобразования в сфере права, «десоветизацию» республики, укрепление ее суверенного статуса.

16 мая Верховный Совет Азербайджана принял Закон «Об изменениях и дополнениях Конституции Азербайджанской ССР, введивший президентскую форму правления». «Эти поправки стали важным шагом в юридическом оформлении независимости Азербайджанской Республики. В соответствии с упомянутыми поправками Азербайджанская ССР провозглашалась суверенным социалистическим государством, которое самостоятельно решает все вопросы, связанные с политическим, экономическим и социально-культурным строительством, ее национально-государственным устройством. Всякое вмешательство в решение вопросов, составляющих «неотъемлемое право Азербайджанской ССР, недопустимо и расценивается как нарушение суверенных прав»¹².

Наряду с этим в поправках к Основному закону территория Азербайджана объявляется неотчуждаемой и неизменяемой без согласия населения, выраженного путем референдума. Существенно была расширена компетенция республики по внешнеполитическим вопросам. В том числе в плане управления вопросами политическими, экономическими, культурными связями с зарубежными странами, об открытии дипломатических представительств и т.д. и т.п.

Вместе с конституционным законом о суверенитете Азербайджанской ССР, принятым Верховным Советом республики еще в 1989 году, новые законодательные акты создавали соответствующую правовую базу движения республики к государственности независимости. Завершающим актом процесса суверенизации, предавшим ей необратимый характер, стали события августа 1991 года, вызванные попыткой государственного переворота СССР.

После провала путча ГКЧП, следуя примеру России, президент Азербайджана А.Н.Муталибов переподчиняет республике находящиеся на ее территории органы государственного управления, предприятия и учреждения различных отраслей народного хозяйства, находившихся ранее в союзном подчинении. К исключительной компетенции Азербайджана теперь стали относиться органы внутренних дел, государственной безопасности, прокуратуры и юстиции, которым предписывалось руководствоваться местными законами и распоряжениями местной власти. Наконец, 30 августа 1991 года Верховный Совет Азербайджана обнародовал специальную «Декларацию о восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики». Хотя еще в переломные перестроечные годы на неофициальном уровне память об Азербайджанской Демократической Республике была восстановлена. Но теперь АДР официально признавалась в качестве законной предшественницы первой республики, заложившей историческую основу современной азербайджанской национальной государственности.

¹² Чернявский С. Указ. соч., с. 26–28.

Следующим, заключительным шагом высшего законодательного органа Азербайджана стало принятие 18 октября 1991 года конституционного акта «О восстановлении независимости Азербайджанской Республики». Таким образом, формирование правовой базы независимости страны было завершено, Азербайджан с этого момента становится равноправным членом мирового сообщества государств. При этом была избрана модель светского государства, основанного на принципах демократии, равенства граждан всех национальностей и конфессий, существующих в республике. Особо декларировались политический плюрализм и либеральная экономика в качестве основы общественного устройства.

Зарубежные недоброжелатели в начале 1990-х годов настойчиво относили Азербайджан к категории так называемых «несостоявшихся государств», неспособных на самостоятельное стабильное существование. Поводом для подобных оценок служило перманентное, деструктивное противостояние власти и оппозиции (НФА), стремившейся взять реванш за поражение в январе 1990 года. Противостояние загоняло власть и оппозицию в тупик, не позволяя решать неотложные задачи защиты границ молодого государства, восстанавливать дееспособность управленческого аппарата.

Развал СССР еще больше осложнил ситуацию вокруг Нагорного Карабаха. Внутренние войска МВД СССР и Вооруженные силы Министерства обороны СССР перестали играть сдерживающую роль по отношению к противоборствующим сторонам. Более того, Армения стала активно вовлекать в боевые действия военнослужащих бывшей Советской армии. Именно с их участием был уничтожен город Ходжалы, расположенный рядом с областным центром бывшей НКАО. Мирные жители Ходжалы стали жертвами массовых убийств, сопровождавшихся насилием и пытками. Население республики, потрясенное трагедией, выражало негодование в многотысячных митингах и демонстрациях. В обстановке острого политического кризиса под давлением оппозиции слабохарактерный А.Муталибов ушел в отставку. В итоге НФА, соблюдая формальные процедуры, становится правящей политической организацией. В мае состоялись досрочные президентские выборы.

Год правления НФА во главе с А.Эльчибеем, по сути дела, выпадает из истории строительства независимого азербайджанского государства. Пришедшие к власти люди не только не обладали опытом государственной деятельности, но в своем большинстве не владели навыками управленческой, аппаратной работы. В духе революционного большевизма они пытались претворить в жизнь программы НФА на уровне митинговых призывов и лозунгов. В стране усиливалась экономическая разруха, стремительно нищало население, политическая ситуация становилась все более неуправляемой.

Пользуясь неуправляемой обстановкой, армянская сторона активизировала наступательные военные действия. 8 мая 1992 года армяне захватывают Шушу, большинство населения которого составляли азербайджанцы. Город занимал стратегическое положение в регионе Нагорного Карабаха. Падение Шуши открыло дорогу на Лачин, чем и воспользовалась армянская сторона. Был создан так называемый «Лачинский коридор», соединивший территории Нагорного Карабаха и Армении. Причем в момент вооруженного захвата Шуши в столице соседнего Ирана Тегеране проходили переговоры между президентом Армении Л.Тер-Петросяном и исполняющим обязанности президента Азербайджана Мамедовым, занимавшим этот пост в промежутке между вынужденным уходом в отставку А.Муталибовым и официальным избранием Эльчибея.

Беспрецедентный случай политического фарисейства – за завесой мирных переговоров армянские войска вели наступательные боевые действия и захватывали азербайджанскую территорию.

По оценкам зарубежных наблюдателей, в период правления НФА в Азербайджане царил хаос. Возникали перебои с продовольствием, в сельской местности фактически царил анархия, вооруженные отряды, выдающие себя за формирования различных партий, терроризировали население¹³. На этом фоне попытки правительства НФА решить карабахскую проблему военным путем, поначалу успешные, затем, в течение зимы-весны 1993 года, обернулись тяжелыми поражениями. Всеобщее недовольство режимом НФА предрешило его падение. Открытые антиправительственные выступления с угрозой перерастания в вооруженный путч вынудили руководство НФА обратиться за поддержкой к Г.А.Алиеву, возглавлявшему Нахичеванскую Автономную Республику. 15 июня 1993 года на экстренном заседании Верховного совета Азербайджанской республики Г.Алиев был избран председателем парламента Азербайджана. В связи с неожиданным бегством Эльчибея из Баку Гейдар Алиев, в соответствии с конституцией страны, взял на себя исполнение обязанностей президента республики. Позднее день избрания Гейдара Алиева спикером ВС АР был объявлен днем национального спасения Азербайджана. Любопытно, что поспешный отъезд Эльчибея произошел после восьмичасового разговора с Гейдаром Алиевым. До сих пор неизвестно, о чем шел разговор между двумя уроженцами Нахчевани – Г.Алиевым и А.Эльчибеем. По имеющейся информации, «ареопаг», состоящий из выходцев из Нахчевани и Армении, накануне этой встречи предпринял беспрецедентный нажим на подавленного неудачами и поражениями Эльчибея, пугая его возвратом коммунистов. Не будем пересказывать

¹³ См. Митяев В. Внутриполитическое развитие независимого Азербайджана в свете его геополитического положения. В кн. Независимый Азербайджан: новые ориентиры // Под редакцией Е.М.Кошкина. Т.1. М., 2000.

слухи и домыслы, родившиеся по этому поводу в окружении Эльчибея. Тем не менее, факт остается фактом – поздно вечером глава республики покинул президентский дворец и отправился к себе на родину в Нахичевань, в село Кяляки. Передача власти в Азербайджане состоялась, несмотря на разницу в идеологиях, в духе клановой солидарности.

С момента возвращения Г.Алиева к власти начинается полномасштабное строительство независимого азербайджанского государства.

По мере стабилизации политической и социально-экономической жизни, в стране укреплялись законность и правопорядок. Вместе с этим росла поддержка населением курса нового руководства на укрепление государства и собственных властных позиций его руководителя. Ценой значительных усилий и немалых потерь (за счет вопросов демократизации страны) в течение первого десятилетия Азербайджанская Республика утвердилась как дееспособное государство, занявшее свое место на геополитической карте мира. Позитивные изменения в положении общества и государства позволили Г.Алиеву получить солидный кредит доверия со стороны международного сообщества, в том числе развитых стран Запада. Азербайджанский нефтяной проект открыл реальные возможности практического решения многих острых проблем экономики, обороноспособности и социальных проблем. Укрепилось внешнеполитическое положение страны.

Плоды независимости

Среди бесспорных обретений постсоветского Азербайджана – практически полная свобода выражения национальной (этнокультурной) самобытности народа во всех сферах духовной и социальной жизни. Была восстановлена свобода вероисповедания, стали возрождаться классические традиции исламской культуры. Многие ранее отчужденные ценности исторического наследия вновь становятся частью духовной культуры. Заметную роль в жизни социума стали играть религиозные институты. Преобразование экономических институтов на рыночной основе сопровождалось соответствующим правовым обеспечением, формированием адекватных политических институтов. Право частной собственности теперь пользуется защитой государства. Вошли в практику (хотя и формально) выборы на альтернативной основе, появилась оппозиционная пресса, сформировавшая определенный плюрализм мнений, выражаемый при помощи СМИ. Появились свободные объединения граждан, многочисленные политические партии, общественные и профессиональные организации.

И в то же время под угрозой оказались такие плоды собственно советского развития, как школьное просвещение, всеобщая грамотность населения, доступное относительно качественное высшее и среднее специальное образование, здравоохранение. Обнаружилась не востребова-

ность профессиональных видов деятельности в сфере научного и художественного творчества. Почти полностью были утрачены достигнутые в советские годы позиции в вопросах социальной справедливости, социальной защищенности широких слоев населения. Нерегулируемая коммерциализация охватила практически все сферы не только социально-экономической, но и духовной жизни республики. Торговля – двигатель прогресса. Но если коммерция не контролируется в интересах поддержания социального баланса в обществе, то она превращается в источник деградации науки, культуры и морали. Свободная стихия рынка становится таким же злом, как и тоталитарный контроль советской командно-административной системы над жизнедеятельностью общества. Рыночная система превращается в фикцию, поскольку за ней скрывается монополия привилегированных группировок.

Люди теперь могли владеть собственностью, даже производственными предприятиями, создавать свое дело, свободно заниматься бизнесом. Большинство действующих предприятий стали частными с упомянутой выше оговоркой. Провозглашено право на забастовки, митинги, акции протеста, ликвидирована политическая цензура и т.д. Однако, как и при советской власти, все эти права и свободы в большей или меньшей степени остаются формальными декларациями. Разумеется, это не случайное совпадение, а закономерная тенденция. Достигнутая республикой государственная самостоятельность не изменила авторитарную природу унаследованных форм и способов государственного строительства и управления. Социальное творчество, пробудившееся было на стыке 1980–1990-х гг., быстро угасло, подмененное привычным набором административно-бюрократических манипуляций «новой-старой» власти, во многом лишь имитирующей правовую регламентацию свободных рыночных отношений.

О некоторых особенностях состояния общества

При всех позитивных тенденциях общественно-политической жизни Азербайджана спустя 17 лет со дня провозглашения независимости остается немало серьезных проблем, от того или иного решения которых зависят принципиальные контуры будущего страны как потенциально свободного общества и состоявшегося, успешного, демократического государства.

Следует заметить, что эта ситуация не является исключительно азербайджанской. Она, как известно, более или менее характерна для большинства бывших республик СССР. Основная причина здесь в том, что экономическая жизнь, предпринимательская деятельность происходят в условиях унаследованной от СССР доминирующей роли государственных структур, ведущей к бесконтрольному произволу чиновничества всех рангов (что, кстати, также является одной из ведущих черт постсоветизма). Почти все контакты населения с органами власти, так или иначе, приобре-

тают неправовой характер. Посредством неправовых практик, собственно говоря, открывается путь решения возникающих проблем, удовлетворения социальных потребностей населения в обход установленных государством законов и правил. По данным известных российских социологов, лишь 1,5% респондентов трудового возраста РФ за 3–4 года (конец 1990-х гг.) не сталкивались с нарушением своих прав. Если в России 98,5% опрошенных постоянно сталкиваются с нарушением своих прав¹⁴, то вряд ли ситуация в Азербайджане отличается от российской в лучшую сторону.

Таким образом, страна пожинает плоды того, что не выполнена одна из важнейших трансформационных задач государства – обучение личности, всех социальных категорий населения пользованию своими конституционными правами. Практическое решение этой задачи – главный инструмент преодоления условий неконтролируемого обществом ограничения прав и свобод граждан. Непрозрачность, неконтролируемость деятельности властных структур, в свою очередь, становится источником процессов их деградации. Причем эти процессы могут происходить и в политической форме. Так, подобная коллизия неожиданно проявилась во властных структурах накануне парламентских выборов 2005 года.

Известные события осени того года явились удручающим свидетельством значительных масштабов коррозии некоторых органов государственного управления, также вызванных, в конечном счете, неправовыми практиками. Обвинения в государственной измене и аресты высокопоставленных чиновников из числа влиятельных фигур президентского окружения высветили целую гамму проблем, прямо связанных с особенностями и пороками социальной организации правящего класса. Упомянутые события, хотя и в неявной форме, проявились как некий политический кризис во властных слоях азербайджанского общества, обнаружив их системную ненадежность и нестабильность функционеров высокого ранга. Преступные действия госчиновников разоблачены, но их анатомия до сих пор не раскрыта, не обнародована. Это, пожалуй, самый веский аргумент в пользу требований общественности создать максимально прозрачную схему деятельности госаппарата.

В азербайджанской прессе преимущественно освещалась внешняя канва событий октября 2005 года. Серьезных аналитических материалов, кажется, не печаталось вовсе. На этом фоне внимание привлекает опубликованная в одной из бакинских газет статья старшего консультанта администрации президента АР Ибрагима Мамедова под заголовком «Последняя фаза переходного периода и ее политические последствия».

Эта публикация может оцениваться как новая попытка теоретической оценки состояния азербайджанского общества в непосредственной связи с упомянутыми предвыборными криминально-политическими событиями

¹⁴ См. *Заславская Т., Шабанова М.* Социальные механизмы трансформации неправовых практик // «Общественные науки и современность», №5, 2001 г.

ми. Если оставить без внимания содержащиеся в упомянутой статье наивные попытки концептуального анализа современного состояния азербайджанского общества, то она в целом любопытна тем, что предлагает рассматривать арест нескольких высокопоставленных, непопулярных в обществе, известных своей нечистоплотностью и близостью к «верхам» фигур как переход азербайджанского общества к новой фазе развития, состоящей в экономической и политической либерализации.

Такое заявление интересно, прежде всего, тем, что ее автор – официальное, должностное лицо. Это обстоятельство дает повод предположить, что подобное толкование событий – своего рода сигнал обществу по поводу либеральных намерений президента Азербайджанской Республики. Впрочем, главное в статье – попытки объяснить суть данного события, которая разъясняется следующим образом: «Смысл переходного периода заключается в трансформации одной системы в качественно другую. В нашем случае мы переходим от социалистической, плановой экономики к капиталистической, рыночной... Улучшая экономические показатели и повышая уровень социального благополучия, правительство столкнулось с острой необходимостью борьбы с коррупцией, монополией. Надо еще отделить государственную службу от бизнеса. Как известно, все эти три проблемы в большей степени являются политическими, нежели экономическими. Они касаются интересов чиновников высшего ранга и их нелегальных политических союзников. Таким образом, с развитием экономики переходного периода возникает и усиливается потребность в реформировании политической системы, системы отношений власти и бизнеса, что подразумевает отделение власти от бизнеса и борьбу с коррупцией».

Несмотря на довольно упрощенную картину, нельзя не согласиться с ее основными моментами, ибо затронуты самые болевые точки. Чтобы страна развивалась, ее надо избавить от коррупции, монополии, сращивания чиновничества с бизнесом. Так как все это проблемы политические, то и самой неотложной задачей становится реформирование политической системы Азербайджана, чтобы не только отделить власть от бизнеса и более успешно бороться с коррупцией, но и вовлечь в политическую жизнь страны все слои населения.

Однако верно указывая на пороки власти, проявляющиеся на пути либерализации экономики и политики, автор видит суть проблемы лишь в конфликте «новых экономических требований... с интересами носителей старого мышления», утверждая, что «попытка политического переворота является именно результатом столкновения новых экономических вызовов со старыми взглядами на управление государством». Расценивая обсуждаемую ситуацию как конфликт «реформаторов» с консерваторами, автор, кажется, пытается придать неприглядной реальности ложно романтизированный вид. Представляется наивным вывод о том, что в результате ареста нескольких чиновников-олигархов

ядро сопротивления консерваторов сломлено и реформы президента, направленные на экономическое развитие страны, получили импульс. И в качестве подтверждения сообщается, что после предотвращения государственного переворота вышло в свет распоряжение президента, направленное на либерализацию предвыборной ситуации путем упрощения избирательных процедур. Исходя из этого, автор делает сенсационный вывод о том, что основное препятствие на пути либерализации экономики и политической жизни страны ликвидировано (!).

Однако реальную ситуацию, вызвавшую упомянутые события, облагородить никак не получается. Так же, как не могут происходить реформы в экономике и политике без ведома и участия самого общества, как нельзя проводить реформы при помощи анонимных, никому не известных реформаторов, на основе неведомых либеральных программ. Если же называть вещи своими именами, то произведенные накануне парламентских выборов 2005 г. аресты обнажили внутренние межгрупповые, межклановые трения, вызвавшие кризис правящего политического класса конфликтом между группами различных финансовых и политических интересов. Следует признать, что это вполне «заурядная» ситуация, которая периодически будет по тем или иным поводам обостряться и сотрясать государственно-административные структуры от одной чистки до следующей. Ибо такова природа класса, состоящего из высокопоставленных чиновников, одновременно являющихся олигархами, бесконтрольно владеющими значительными экономическими, социальными ресурсами, финансовыми потоками и с головой вовлеченными в контролируемые ими неправовые практики.

В противовес приведенным выше суждениям хочу предложить более реалистический взгляд другого автора на сложившуюся в стране систему властных взаимодействий (режимную систему правления, согласно схеме английского ученого Р.Саква): «а) чрезмерно широкие полномочия исполнительной власти, зависимые от нее парламент и судебная система; б) ставка на персонифицированные формы руководства, при которой личность определяет контуры политической системы; в) тесная связь между политической и социально-экономической элитами и т.д.»¹⁵. При такой системе правления в руках «элитных» фигур сосредоточена огромная власть. При этом речь в данном случае идет не о власти президента, а копирующих ее нижестоящих функционеров, действия которых зачастую бесконтрольны, а произвол безграничен.

Такое положение вещей можно объяснить «эмбрионическим состоянием гражданского общества»¹⁶. Однако основная причина определяет

¹⁵ Цитируется по: Гасанов Р. Проблемы демократизации: формирование гражданского общества в Азербайджане / «Известия Национальной академии наук Азербайджана». Серия истории, философии и права. 2005. №5–6. С. 63.

¹⁶ Там же, с. 54, 63.

ся тем общим состоянием общества, которое сложилось на основе ныне исчерпавших себя феноменов постсоветизма, а также некоторых традиционных особенностей менталитета граждан АР, связанных с сакральным отношением к персонифицированным формам государственной власти. Поэтому события, о которых шла речь выше, возможно, следовало бы расценивать как своего рода клинический сигнал, который призывает задуматься над тем, как и куда будет двигаться страна дальше, если продолжится процесс сращивания власти денежного мешка с властью высшей бюрократии страны.

Как известно из опыта многих стран так называемого «третьего мира», это путь, лишающий страну какой бы то ни было положительной исторической перспективы, и уж тем более – реальной самостоятельности государства на внешнеполитическом поле. Вопрос, возможно, как раз в том, какое время отпущено новейшей историей до того момента, когда социально-политическая стагнация приобретет уже необратимый характер.

Думать так заставляет опыт стран, переживших власть авторитарно-тоталитарных режимов и надолго застрявших на перепутье. Найти исчерпывающий ответ, в чем корни и причины очевидного торможения социально-политического развития страны, крайне сложно. Опыт кризисного развития различных стран позволяет выявить факторы, придающие политическим процессам характер острого противостояния, угрожающего целостности нации и государства. Одним из таких факторов, на наш взгляд, является известная архаичность социальной организации общества, доминирование в его социальной структуре социально-территориальных, семейно-клановых объединений и сообществ. «Геолокальная» разобщенность нации, когда преобладание земляческих интересов и клановых предпочтений, закрепленных в субрегиональных идентичностях, над общенациональными приоритетами, общегосударственными интересами и задачами поощряет активное политическое соперничество и противостояние подобных территориально-клановых объединений, поведение которых рано или поздно приобретает опасный, политически амбициозный характер.

В постсоветском Таджикистане, к примеру, существенную роль в многолетней гражданской войне, вспыхнувшей в 1992 году, сыграли противоречия между «центральными» и «периферийными» таджиками. В основе недавних событий в Киргизии, когда очередные парламентские выборы закончились политическим переворотом, лежало противостояние жителей и элит (в местном варианте этого понятия) разных геоэкономических зон, одна из которых занимала привилегированное положение, а другая длительное время находилась к ней в оппозиции и, наконец, добилась реванша. Подобный расклад – свидетельство неразвитости, архаичности социальной структуры данных обществ, отсут-

ствия или слабости тех политических сил, которые по функциональной природе своей призваны играть общенациональную интегрирующую роль, но не способны, не созрели для этой роли.

Приведенные примеры – крайнее выражение подобных тенденций. Мы не проводим прямых аналогий с азербайджанской ситуацией. По сравнению с рядом других постсоветских стран Азербайджан – более развитая в социокультурном отношении страна; азербайджанский этнос характеризуется более современной социальной организацией и достаточно высокой этнополитической интегрированностью. Тем не менее в азербайджанском обществе еще при советской власти социально-территориальные, земляческие, семейно-родственные связи и объединения играли немаловажную роль в повседневной жизни населения, способствуя сохранению национальных традиций и обычаев, специфических форм внутри национального общения. Наряду с другими факторами, они сыграли важную роль в формировании, сохранении и воспроизводстве азербайджанской идентичности в прошлом – в условиях советского общества. Особенно на том этапе, когда рост теневой экономики при советской власти придал традиционным элементам социальной организации в советском Азербайджане значимую роль, обозначая границы влияния различных территориально-клановых группировок в тех или иных сферах жизни республики, особенно в торговле, социальной инфраструктуре, в партийном и государственном аппарате. Но в ходе демонтажа советской системы традиционные формы социальной организации стали быстро замещать отвергнутые советские общественно-политические структуры.

За развал советской системы пришлось расплачиваться архаизацией социальной организации общества. Именно региональные, семейно-клановые структуры «взяли» на себя функцию наиболее доступных, действенных социальных механизмов капитализации экономики, приватизации собственности, государственного-политического контроля за ситуацией в различных регионах, в стране в целом. Именно они, в конечном счете, образовали питательную среду для возрождения традиционалистских форм социального контроля за частным и общественным поведением личности. Они же структурировали социальные условия для укрепления и воспроизводства авторитарной системы власти в стране.

Источником, движущей силой, социальной базой геолокальных, семейно-клановых и прочих подобных компонентов социальной структуры был и остается преимущественно теневой сектор экономики, неправовые социальные отношения. В условиях ничем не ограниченной конкуренции межклановые, межлокальные отношения периодически приобретают конфликтный, социально опасный характер острого противостояния. Разумеется, это не единственный и, может быть, не главный фактор разобщенности нации.

Растущая бедность и глубокая социальная дифференциация населения создают опасный потенциал внутривнутриполитического напряжения. Совпадение и даже сознательное отождествление границ социально-классовых различий и противоположностей с межклановыми, социально-территориальными различиями и привилегиями многократно умножают взрывоопасные социально-экономические и политические противоречия, различия в положении людей в зависимости от их принадлежности к тем или иным социально-территориальным и иным подобным сообществам. Такое положение неизбежно стимулирует возрастание социально-классового по сути, межрегионального по форме политического противостояния в обществе.

В силу сказанного, дальнейшее поступательное движение современного азербайджанского общества и государства все острее ставит вопросы выбора/выработки новой, современной социальной стратегии, цель которой – преобразование социальной структуры азербайджанского общества, усиление в нем общенациональных, интегрирующих начал, создание необходимых общественных предпосылок для комплексных реформ в сфере социальной и политической жизни страны.

Соответственно этому и должна формироваться реформаторская позиция в «верхах» и в обществе, прежде всего, в том пока только формирующемся слое общества, который принято считать средним классом. Ответственность за то, чтобы сложилась такая позиция, несет так называемый правящий политический класс. Если же он не соответствует статусу общенационального выразителя общественных потребностей страны, если его качественный состав и интеллектуальный потенциал не соответствуют объективным потребностям эпохи реформаций и социально-политических преобразований, то на повестке дня – неотложное, основательное обновление этого класса.

Правящий класс – относительно самостоятельный фактор, играющий собственную политическую роль в судьбах страны, независимо от личных способностей и харизмы своего лидера. Причем, если лидер ответственен за состояние и работу «своего» класса в конкурентных условиях Азербайджана, то этот класс, как корпорация нанятых чиновников и допущенных к источникам обогащения «олигархов», не всегда считает себя ответственным за своего лидера.

Общее определение системы власти

Современную постсоветскую политическую систему, сложившуюся в Азербайджане, охарактеризовать непросто, хотя подобная система отнюдь не уникальна. Проблема в отсутствии единого понятийного аппарата.

Сегодняшний Азербайджан не вписывается в привычную для западной и для российской постсоветской политологии «традиционно-совре-

менную» бинарную оппозицию. Однако стоит привести варианты из классических определений, дающих общее представление о сути азербайджанской системы. Социум и политикум постсоветского Азербайджана близок к понятию «расколотое общество» (Александр Ахиезер), может определяться как «многосоставное общество» (Аренд Лейпхарт), удачно подходит определение «конгломератное общество» (ввели в российский политический оборот Алексей Богатуров и Андрей Виноградов).

Для конгломератных обществ характерна устойчивая востребованность всех типов отношений и специализация каждого социального анклава на той или иной функции: общество равномерно воспроизводит типы связей, характерные для всех анклавов, и прагматично пользуется этим многообразием. Иными словами, речь идет о фрагментированном социуме, где частично, и это касается мегаполиса Баку, работают модернизированные социально-экономические и политические отношения, и тогда подходит понятие «модернизированного Востока», частично, если речь идет преимущественно о сельских регионах, социум транслирует традиционные консервативные правила «архаики». Центральная власть ради устойчивости и эффективности своего правления вынуждена умело управлять этими средами, сочетая в своей практике как методы демократии, так и авторитаризм. В определенном смысле вся экономика в целом организована по принципу стяжания ренты со стороны власти, и объектом такого стяжательства выступают не только земля или недра, но и любая форма производства. Отсюда и кажущиеся для непосвященных неожиданными всплески архаики, и неожиданные повороты к рынку, и демократии со столь же неожиданными авторитарными тенденциями и клановостью.

Еще один вариант определения подобной системы привел доктор политических наук Генри Хейл из Университета Джорджа Вашингтона (*Hale H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // World Politics. 2005. Vol. 58. No 1. Oct. P. 133–165*). Он предложил обозначить подобную систему власти (или метод управления) характерным для постсоветского пространства термином «патрональное президентство» (*patronal presidentialism*). Эта система характеризуется тремя необходимыми отличительными элементами.

Во-первых, это президентская власть, которую президент получает в результате регулярных прямых выборов, на которых имеется хоть какая-то возможность голосовать не за действующего президента.

Во-вторых, этот президент располагает очень большими формальными полномочиями по сравнению с другими ветвями власти.

В-третьих, в дополнение к своим формальным полномочиям президент располагает также широким набором неформальных полномочий, основанных на отношениях «патрон – клиент» на стыке государственной власти и экономики.

Иными словами, президент имеет огромную формальную и неформальную власть, но все же должен победить на общенациональных выборах. Патрональное президентство – это просто политический институт и как таковой не представляет собой отдельный тип политического режима, такой, как демократия или автократия. В силу этого он может существовать в самых разных политических условиях – от явно авторитарного правления Каримова в Узбекистане до относительно либеральной политической среды в Грузии при Саакашвили. Понятно, что такой вывод может иметь место и для той системы, что была выстроена в Азербайджане при Гейдаре Алиеве. Суть специфической динамики патронального президентского правления заключается в характере отношений между президентом и элитами, которые порождает такая политическая система: региональные элиты (главы районов или губернаторы, мэры крупных городов); деловые элиты; лидеры этнических кланов, сильных семей (связанные родством, высокопоставленные должностные лица, управляющие силовыми ведомствами, военными, судами, СМИ, экономическими потоками).

Важно, что в осуществлении своей власти президент зависит от элит, так как элиты – это как раз те, кто должен проводить в жизнь президентские решения, исполнять их и/или обеспечивать их исполнение. Поскольку президент в Азербайджане не навязывает свою волю обществу исключительно посредством пропаганды, то элиты (по крайней мере, теоретически) могут принять совместное решение не повиноваться президенту, отказаться выполнять его распоряжения или даже сместить его с поста. Однако при попытке так поступить они столкнутся с огромным препятствием: им необходимо действовать сообща, потому что ни одна элита, действуя самостоятельно, не может надеяться на успех такого предприятия.

Как правило, президент оказывается сильнее подвластных групп элит, поскольку для того, чтобы оставаться у власти, ему не приходится решать проблему коллективного действия. Действительно, сила постсоветского президента именно в том, что патрональное президентство – это институционализированный «фокус», к которому приковано внимание каждой из элит, стремящихся угадать наиболее вероятное направление коллективного действия всех остальных. Именно это и позволяет президенту управлять ими.

В более конкретных терминах то, что президент говорит и делает, определяет ожидания элит в отношении действий других элит; при этом от президента почти всегда ожидают, что он направит коллективное действие элит на поддержку существующего режима. Важной особенностью патронального президентства является то, что воздействие президента на ожидания элит (и, таким образом, влияние на их коллективное действие) оказывается особенно эффективным, когда речь идет о возможных оппозиционных действиях.

В реальности патрональное президентство – это чрезвычайно мощное оружие, которое позволяет его обладателю реализовать в отношении элит принцип «разделяй и властвуй», чтобы не допустить коллективного противодействия режиму со стороны элит и, таким образом, эффективно управлять ими. Используемые при этом средства хорошо знакомы гражданам этих стран: члены региональных элит могут быть уволены, а если они занимают избранную должность, президентские структуры могут оказать поддержку противостоящей им оппозиции или добиться снятия их с дистанции, либо могут быть обвинены в преступлениях и посажены за решетку. Что касается деловых элит, им можно отказать в выдаче необходимых для их бизнеса лицензий, лишить их взаимодействия с бизнес-партнерами, связанными с государством, подвергнуть их предприятия проверкам, которые парализуют их деятельность, или даже закрыть их по представлениям налоговой службы, пожарной или санитарной инспекции. Высокопоставленного чиновника можно сместить с поста или публично скомпрометировать.

Там, где система патронального президентского правления сохранилась, как это произошло в трех странах Южного Кавказа, никакого серьезного демократического прорыва не произошло. Но там, где революция демонтировала систему патронального президентства, как это случилось в Украине, открылся шанс на вполне серьезный поворот к демократии.

Как бы ни называли азербайджанскую систему, можно утверждать о наличии в государственной машине следующих элементов и способов их взаимодействия:

1. За 17 лет с момента независимости сложился вполне устойчивый аппарат власти национального государства.

2. Азербайджанское государство позиционируется как демократическое, потому как риторика «демократии» – единственный способ легитимации власти. Идеология власти держится на следующих столпах. Постулируется: а) все советское было недемократично и неэффективно, Гейдар Алиев, как советский руководитель, сделал все возможное для нивелирования советской системы; б) национальное, «азербайджанское» политическое представление – демократично по сути, и поэтому Азербайджан движется к демократии, однако признается: «у нас свой путь развития демократии», основанный на силовых элементах контроля и мобилизации нации на развитие (инвариант доктрины «суверенной демократии», изложен в книге главы исполнительного аппарата президента АР Рамиза Мехтиева «Определяя стратегию будущего: путь на модернизацию»; в) в качестве необходимого аргумента для блокирования риторики оппозиции официальная доктрина указывает, что система Алиева есть разумное противопоставление «хаосу» 1990-х гг., «борьба с распадом».

3. Приверженность власти рыночным ценностям в экономике и светскому политическому и бытовому мироустройству, открытость глобальным инвестициям. Отчасти является аргументом в защиту от критики со стороны западного сообщества из-за дефицита «либеральной демократии» и бездействия функций защиты «прав человека».

Можно сказать, что облик азербайджанской власти определяется личностными характеристиками тех людей, которые стоят у руля на вершине иерархии. При этом важен не столько уровень их интеллекта и управленческого профессионализма-интуиции, сколько то, как они распоряжаются этой властью в такого рода конгломератном обществе. Проще говоря: умело или нет проходит процесс авторитарной модернизации страны.

Внешняя политика Азербайджана (западный вектор)

Азербайджан находится в большом и быстро меняющемся мире. За два десятилетия полностью изменился геополитический расклад сил на мировой арене, и страна оказалась участником кризисного процесса формирования новой мировой системы.

Появление независимого Азербайджана само по себе следствие таких изменений, а после известных событий 11 сентября правила и международные процедуры, доставшиеся от предыдущего исторического периода, изменились еще раз. В то же время необходимость создания новой системы международных организаций, где новые страны получили бы возможность усиливать свой голос на международной арене, и нового международного права эффективно, а не декларативно защищающего от опасностей, в том числе сепаратизма и иных методов подрыва суверенности, не только слабо осознается политической элитой большинства стран, но и встречает сильное сопротивление со стороны старых элит.

Резко усилились элементы импровизации в политике ведущих мировых держав. Мир живет сегодня в эпоху политического экспромта, который практически повсеместно заменил государственную внешнеполитическую стратегию. Значительно усилилась хаотичность, непредсказуемость развития превысила безопасные пределы. Единственная сверхдержава – Соединенные Штаты – оказалась недостаточно подготовленной к своей солирующей роли, к неразделенной ответственности в глобальных масштабах и стала в значительной степени сводить свое объективное лидерство к вульгарному доминированию. В результате глобальной игры США, позитивный образ американского либерализма, образ американской мечты стали быстро терять свое значение в качестве привлекательной модели общественного развития, практически потеряв свое значение на Востоке, зато успешно сформировался образ мирового жандарма, которого уважают, потому что боятся.

На роль глобальных моделей стали претендовать всякого рода деструктивные движения и силы – от экстремального ислама до этнического и государственного национализма. Как следствие, политика больших стран, включая США и Россию, стала в значительной степени реактивной, напоминая цепную реакцию, что резко снизило возможности сотрудничества на постсоветском пространстве.

Глобальные процессы стали играть несравнимо большую роль, чем раньше, именно они сегодня определяют параметры регионального развития, региональной безопасности и стабильности. Но парадокс в том, что механизмы глобализации позволяют регионам, региональным кризисам становиться глобально значимыми, регионы все больше диктуют свойства и направления глобального процесса, окрашивают глобализм в свой национальный цвет. Национальные элиты большинства государств стараются вырваться за рамки своих регионов. При этом страны, делающие политическую и экономическую ставку на регионализм, пытающиеся сознательно «закрыться», также уже не могут остаться на обочине мировой политики.

В регионе сформировались, как минимум, две стратегии поведения. Грузинская – предполагающая максимально возможный уход из-под геополитического влияния РФ на Запад. Азербайджанская – предпочитающая политику гибких альянсов, «качелей»: сбалансированное развитие отношений как с Западом, так и с РФ, возможность осторожных компромиссов с различными интересами мировых держав.

Армянская политика в чем-то стремится следовать похожей тактике Баку. Однако объективная географическая «закрытость» страны, помноженная на этнонациональные претензии к соседям, не позволяют Армении играть в региональную диверсификацию. Скорее, можно говорить о многовекторности по отношению к Москве, Вашингтону и европейским столицам.

Ставка, сделанная азербайджанским руководством, на стратегию «выхода в большой мир» (используя для этого как собственные капиталы, извлекаемые из системы экспорта углеводородов, так и международный интерес), работает. В то время как развитие Армении ограничено пределами региона и может поддерживаться лишь за счет мощной диаспоры и лоббирования отдельных решений глобальных игроков. Добавим, что «пока работает», ибо отвечает сегодняшним реалиям дня. Имеет ли эта позиция перспективу? Сомнительно.

Роль нефтяной стратегии в политике Азербайджана

Понятно, что обладание сырьевыми запасами дает колоссальные преимущества. Весь вопрос – как грамотно развернуть и реализовать это преимущество, обходя многочисленные опасности, сопутствующие этому преимуществу.

Быть нефтеэкспортирующей страной сегодня не менее сложно, чем десятилетия назад, борьба за ресурсы перешла на более сложный уровень: мировой энергетический рынок, разгоряченный сегодня беспрецедентно высокими ценами на энергоносители, является мощным фактором взлома региональной стабильности. Замысел азербайджанского руководства состоял в возможности играть на интересе к Каспию, как к последней и более стабильной, нежели Ближний Восток, ресурсной базе на планете. Был создан интерес к региону, который помог создать пул мировых компаний (во главе с BP и Statoil), после ряда политических согласований был сформирован маршрут транспортировки нефти и газа, который выводил бы углеводородные ресурсы Каспия на рынок юго-восточной Европы, минуя Черное море, то есть открыл бы более широкий доступ к этим ресурсам.

Параллельно естественным образом решается вопрос инфраструктурного развития региона – в трубопроводном коридоре возникает транспортный вектор, строятся железнодорожная магистраль (Баку–Тбилиси–Ахалкалаки–Карс) и автодороги, возникают точки локального экономического роста. Одновременно решается вопрос создания оси безопасности региона. На перспективу энергетическая стратегия задумывалась как способ косвенного экономического давления на Армению с целью компромисса по карабахскому вопросу. Как результирующая – возрастает региональная значимость именно такого стабильного Азербайджана (привлекательного для Запада), создающего мост между Черноморским и Каспийским регионами.

Укрепление общей безопасности вдоль маршрута содействует увеличению транзитного товаропотока на параллельных коммуникациях, что, в свою очередь, вызывает прирост дополнительных капиталов в нефтегазовые отрасли, делает экономику страны более привлекательной, отсюда увеличиваются шансы, возникают условия для позитивного решения карабахского конфликта, которое может состояться уже на качественно новой экономической основе и при новом соотношении сил основных игроков региона.

Роль США в проекте Баку–Джейхан очевидна, но не стоит думать, что Азербайджан пал «жертвой» западных сырьевых гигантов или утратил суверенитет, превратившись в американский протекторат. Это не так. Не имея желаний прямо противопоставлять Россию и США в регионе, Азербайджан был вынужден обратиться к западным компаниям из-за дефицита в 1990-х гг. российских экономических инициатив, направленных в пользу качественного роста региона. Что же требовалось и требуется на Южном Кавказе? Повторим еще раз – эффективное государство (способное выполнять все возрастающие социальные обязательства), демократические реформы и геополитическая безопасность (ликвидация сепаратистских очагов, стабильность власти). Таковы базовые

цели, для реализации которых требуется, в том числе, приток достаточных капиталов. Не имея высокоразвитого производства, получить их можно от продажи сырья, умелого вложения вырученных средств в инфраструктуру с одновременной политикой сохранения высоких прибылей в Нефтяном фонде государства (ГНФАР). Часть денег Нефтяного фонда расходуется на инфраструктурные проекты, строительство коммуникаций и помощь карабахским беженцам. За счет ГНФАР правительство Азербайджана предоставило Грузии 200 млн. долл. кредита на 25 лет по годовой ставке 1% на проведение работ на грузинском участке железной дороги Баку–Тбилиси–Карс.

СПРАВКА

Государственный нефтяной фонд Азербайджана (ГНФАР) учрежден в 1999 году. По состоянию на 1 октября 2007 года активы фонда составили 2,166 млрд. долл. В течение первого квартала 2008 года активы фонда выросли на 35% и составили 3,335 млрд. долл. Согласно прогнозу на конец 2008 года, они достигнут 11–12 млрд. долл. Основу доходов составляют поступления от продажи нефти, реализации соглашений на разработку нефтегазовых ресурсов и от бонусов. Общие валютные резервы Национального банка Азербайджана к осени 2008 года достигнут 10 млрд. долл.

Благодаря первым нефтяным контрактам, заключенным с западными компаниями, была создана новая законодательная основа, инвесторы поверили в надежность своих вложений. Всего было заключено 23 нефтяных контракта по стандартам «Соглашение о разделе продукции» (СРП). Одни из них успешные, другие – нет. Такие проекты связаны с огромными рисками в области финансов, геологии, экономики. Нефтяная разведка вещь весьма дорогостоящая, стоимость одной плавучей платформы может превысить 100 млн. долл. Но в результате Азербайджан получил новую развитую инфраструктуру добычи. К примеру, одна из плавучих буровых, собранная на бакинской верфи, может действовать в любой, даже самой глубокой точке на Каспии (1200 м), а глубина проходки может достигать 10 км.

С 1995 года в Азербайджан было инвестировано 42,5 млрд. долл., 70% которых составили иностранные инвестиции. В 2007 году в экономику страны было вложено порядка 8 млрд. долл. По размеру инвестиций на душу населения Азербайджан лидирует среди стран СНГ.

Первые трубопроводы появились в Азербайджане в самом начале XX века (Баку–Поти). Теперь, когда оценки нефтяных запасов превысили показатели советского периода и вдобавок к этому развивается газовый рынок, ограничиться одним трубопроводом невозможно. Выход на глубоководный турецкий порт Джейхан, где могут загружаться танкеры дедевейтом свыше 100 тыс. тонн, соответственно ослабляет транспортно-экологическую нагрузку на черноморские проливы, но не закрывает для Азербайджана уже имеющиеся черноморские маршруты через Новороссийск и грузинские порты. Достижение в ближайшие три года пика добычи на казахских месторождениях Каспия не оставит без внимания все эти маршруты доставки каспийской нефти на западные рынки. Сей-

час Украина активно вовлекает Азербайджан в свой нефтепровод Одесса–Броды. Баку пока выдерживает дистанцию, при этом не отвергая саму возможность такой транспортировки. Осенью в ГНКАР ожидают от украинской стороны ТЭО этого маршрута после серии пробных прокачек летом этого года. В то же время понятно, что основной поток каспийской нефти в ближайшие годы распределится между трубами КТК, Баку–Джейхан, и ж/д перевозками.

Поначалу идея проложить нефтепровод в направлении Средиземного моря была встречена достаточно прохладно. Москва демонстрировала «ревность» в связи с желанием Баку увести азербайджанскую нефть в сторону. В Баку долго обсуждали различные схемы данного маршрута: вопрос – как провести нитку маршрута, увязанную со всеми вытекающими геополитическими и финансовыми сложностями (проблема военного конфликта с Арменией, финансовые условия транзита нефти через Грузию, условия и стоимость проводки трубы по высокогорьям Турции). Кроме того, стоял вопрос эффективного заполнения трубы. По предварительным оценкам, извлекаемые запасы по трем месторождениям, вошедшим в так называемый азербайджанский «Контракт века», определялись на минимальном уровне в 511 млн. тонн, это означало, что в пик добычи необходимо будет прокачивать на экспорт от 35 до 50 млн. тонн нефти ежегодно. Ни один из существовавших к тому времени трубопроводов обеспечить транспортировку такого объема нефти был не в состоянии. Поэтому с самого начала строительство основного экспортного нефтепровода и срок его сдачи в эксплуатацию увязывались с программой разработки «Азери–Чираг–Гюнешли». Было изучено 11 вариантов экспорта из Азербайджана. Исходя из всех соображений, был выбран ныне существующий маршрут через Грузию.

До сих пор возникают отдельные публикации (их несравненно меньше начала 2000-х гг.), утверждающие, что БТД обречен на нерентабельность, поскольку не наберется того объема нефти, который необходим для его заполнения. Если на стадии предварительных исследований, как уже отмечено выше, объем добычи определялся в 511 млн. тонн извлекаемых запасов в течение срока контракта, то сейчас речь идет о 730–900 млн. тонн и примерно 170 млн. тонн выходят за пределы срока разработки. На пике эксплуатации в 2009–2010 гг. будет добываться 50 млн. тонн нефти в год.

Естественно, если бы цена на нефть упала сейчас на уровень 20 долл. за баррель, проект потерпел бы крах. Но сейчас нет сценарных прогнозов, которые давали бы за нефть в обозримом будущем менее 50 долл., а это – уровень окупаемости трубопровода.

СПРАВКА

На 9 января 2008 года с Джейханского терминала 343 танкерами было отправлено в различные страны мира более 335 млн. баррелей азербайджанской нефти.

В ходе строительства определенные проблемы возникли при прохождении грузинского ущелья Боржоми. Обеспокоенность экологов, опасющихся разлива нефти, конечно, можно понять: в конце концов, все, что строится человеческими руками, не вечно. Но отсюда вовсе не следует вывод о безусловной экологической опасности этого сооружения. Оператор проекта компания «Бритиш Петролеум» максимально предусмотрела возможные опасности и создала многоуровневую систему экологической защиты. От внешних повреждений (врезок и диверсий) охранять обязуются национальные силы Турции, Азербайджана и Грузии, каждый на своем участке трубопровода. Правительства трех стран в меру своих полномочий и возможностей должны обеспечить безопасность и охрану нефтепровода на своей территории, подписано многостороннее соглашение, проводятся учения, в которых закладываются множество различных вариантов и комбинаций рисков. Периодически обсуждается возможность охраны трубопровода подразделениями НАТО, однако в реальности речь идет не о подразделениях, а об инструкторах, которые будут готовить национальные силы плюс техническое обеспечение (средства связи и контроль с воздуха и из космоса).

К 2020 году участники «Контракта века» окупят проект, и большая часть прибыли пойдет государству. Официальные расчеты Баку таковы: если в течение 20 лет стоимость нефти останется в коридоре 40–50 долл. за баррель, Азербайджан получает 140 млрд. долл. совокупной прибыли. Это – пороговый барьер, ниже которого прибыль не опустится в любом случае. В эту сумму входит только добыча нефти на «Азери-Чираг-Гюнешли» вместе с газом с месторождения «Шах Дениз». На данный момент затраты на «Контракт века» составили 6,1 млрд. долл., всего же на разработку всех месторождений уйдет 15 млрд. долл. В эти расходы не включены трубопроводы. В контрактах СПП прописано приоритетное возмещение инвестиций и капитальных затрат консорциума западных компаний. Однако, судя по сегодняшним ценам на нефть, в течение 5–7 лет они погасят все свои расходы и выплатят часть прибыли Баку. Сейчас пропорции выплаты доходов таковы: 70% получает консорциум компаний, 30% ГНКАР, в последующие годы, по мере возмещения затрат, пропорции изменятся – 20% на 80%.

Одним из факторов создания независимой нефтяной политики Азербайджана явилось отсутствие в начальный период независимости совместного с Россией высокотехнологичного оборудования, способного добывать нефть с больших глубин и одновременно обеспечить сохранность уникальной экологии Каспийского моря. Кроме того, углеводородные ресурсы Каспия стали фактором борьбы частных и транснациональных компаний за наследство бывшего общесоюзного стратегического запаса. Отзвуки этой борьбы слышны до сих пор в неурегулированном статусе водоема и дна между Азербайджаном, Туркменией и Ира-

ном. Что касается политики международных нефтяных компаний, то они стремятся, в первую очередь, зарезервировать за собой месторождения на перспективу (опасаются кризиса истощения мировых запасов), т.е. Каспий используют как определенный страховой фонд.

Не надо забывать и того, что основные нефтяные гиганты, по существу, вернулись в тот регион, где они являлись полноправными хозяевами до Октябрьской революции 1917 г., а российские компании на Каспии, наоборот, привыкли работать в пространстве незначительной конкуренции.

Современные западные ТНК располагают значительными технологическим и управленческим потенциалами. Они способны вести эффективную разработку месторождений нефти и газа с наименьшими финансовыми затратами и сравнительно меньшим экологическим ущербом. Кроме того, они обладают большим опытом «нефтяной дипломатии». Для международной стратегии американских и британских компаний характерен напористый, а иногда даже агрессивный подход в стремлении получить юридически закрепленный доступ к наиболее перспективным месторождениям.

Обычно, если американская компания «застолбила» права на месторождения углеводородов, она действует предельно жестко, исходя, прежде всего, из корпоративных интересов, которые, как правило, совпадают с национальными интересами США и получают соответствующую внешнеполитическую и дипломатическую поддержку со стороны государства. Сильными чертами «дипломатии» западных компаний является тщательная юридическая проработка документов с учетом всех местных особенностей и стандартов международного публичного и частного права. В Азербайджане «British Petroleum» и норвежская «Statoil» пользуются большим авторитетом в правительственных кругах.

Азербайджан избрал наиболее удобную тактику сочетания дипломатических и экономико-партнерских отношений с западными инвесторами. За Баку не было замечено желаний вступить в «тяжбу» с кем-либо, действовать путем шантажа либо других некорректных действий, как, например, пересмотр ранее подписанных контрактов, хотя Азербайджан также стремится извлекать максимум прибыли от сотрудничества с компаниями – участниками «Контракта века». При определении ориентира в нефтяной дипломатии приоритет отдавался принципам «открытых дверей» и «сбалансированной политике». Хорошо продуманная Алиевым-старшим и грамотно реализуемая Ильхамом Алиевым нефтяная стратегия привела к появлению «биржи нефтяных контрактов», на которой иностранные компании ведут друг с другом борьбу за каждый процент долевого участия в каждом из перспективных проектов.

Дав согласие западным корпорациям участвовать в разработке новых нефтяных месторождений на Каспии, руководство Азербайджана ба-

лансировало и маневрировало между интересами ведущих нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих стран мира. Разумеется, возможность этого «маневра» не безгранична. Особенно в условиях, когда доходы от экспорта нефти являются самым главным источником поступления в госбюджет.

Что касается интересов российских компаний, то в одном из интервью Вагит Алекперов (президент «ЛУКОЙЛа») упомянул о возможном варианте экспорта своей нефти через Баку–Джейхан. «ЛУКОЙЛ» открыл крупные месторождения углеводородов в российской части Каспия на границе с Азербайджаном (бурение, проведенное на структурах «Хвалынская», «170 км», «Широтная», «Сарматская», «Ракушечная» и «Южно-Ракушечное», позволило оценить запасы (на конец 2006 года) по категориям «доказанные», «вероятные» и «возможные» в 1,87 млрд. барр. нефти и более 17 трлн. куб. футов газа).

В соответствии с полученными данными, к 2022 году добыча нефти в этом районе у «ЛУКОЙЛа» превысит 20 млн. тонн в год и будет оставаться на этом уровне в течение последующих 10 лет. Максимальный уровень добычи газа будет достигнут в 2023–2026 гг. и составит более 18 млрд. куб. м. Одним из вариантов транспортировки нефти с этих месторождений рассматривается нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан, однако окончательный выбор маршрутов транспортировки будет сделан после детального технико-экономического обоснования и проведения переговоров с руководством российской «Транснефти» и Каспийского трубопроводного консорциума (КТК). Однако сам по себе факт обсуждения возможности «возвращения» «ЛУКОЙЛа» в Азербайджан говорит о возможности нового этапа нефтяного сотрудничества двух стран.

Азербайджан и США

Азербайджано-американские отношения находятся и развиваются в нескольких измерениях. Азербайджан присутствует в контексте российско-американских отношений, а они сегодня находятся на грани ремилитаризации и соревнования в военно-политической сфере. О роли Азербайджана в этом блоке стоит поговорить отдельно.

В целом, соревнование США и РФ на постсоветском пространстве крайне негативно сказывается на общей обстановке в регионе и на внутренних политических процессах в каждой из стран Южного Кавказа. Между собой США и Россия находят общий язык, но их действия на постсоветском пространстве показывают, что державы исповедуют различные взгляды и концепции развития. Отношения РФ и США сегодня глубоко асимметричны, разница их потенциалов слишком велика. Вместе с тем Россия – это страна европейской цивилизации, поэтому роль ее в контексте западного выбора Азербайджана заключается в ком-

пенсации последствий перекосов и порой неоправданного давления, оказываемого на Азербайджан со стороны партнеров на Западе. Ответы РФ на схожие с Азербайджаном вызовы могут быть выгодны Азербайджану – следуя руслом российской политики, можно искать и находить защиту от резких и экстремальных решений Западного мира по отношению к миру Востока.

Самый очевидный пример – компенсация давления на Иран. Очевидно, что Азербайджану невыгодна война в соседнем Иране, где наиболее многочисленная азербайджанская община. Россия, в свою очередь, является наиболее активным сторонником мирного разрешения этого кризиса. На этом примере мы видим второе измерение азербайджано-американских отношений: в более широком контексте. Это можно назвать искусством лавирования небольшой страны, зажатой между противоречивыми устремлениями воинственных держав. Но при этом не забудем и другой фактор отношений Баку и Вашингтона – при всех перекосах американской политики на Большом Ближнем Востоке Азербайджан находит в США ответы на свои чаяния, признание и уважение как независимая страна. Собственная внешнеполитическая линия Баку выглядит вполне самостоятельно в тех рамках свободы, что не пересекают границы американских интересов. Многовекторность Азербайджана позволяет выстраивать равнозначимые отношения с интересующими игроками и находить у них понимание в случае возникновения давления с одной из сторон.

Еще одна проблема, которую следует учитывать, выясняя специфику азербайджано-американских отношений. Даже если бы США были идеальным монополистом на мировую власть, то есть монополистом, которого «все любят», вряд ли другие страны не пытались бы эту монополию подорвать. Учитывая эту многослойность и неоднозначность, какого-либо одностороннего выбора в пользу одной геополитической модели быть не может. Азербайджан выбирает для себя только отдельные элементы, избегая тесных объятий одной сверхдержавы.

Да, однополярный мир несправедлив, но многополярный мир может быть более опасен и неустойчив, однако исторический маятник качнулся именно в сторону множественности. В таких условиях ставка на одного лидера обречена на провал. Поэтому, приступая к описанию конкретики двусторонних отношений, следует сказать, что американский вектор для Азербайджана – один из существенных, но не единственный в ряду многих.

США установили дипломатические отношения с Азербайджаном в начале 1992 года. В тот период неопределенность будущего Азербайджана, возможный уход по «иранскому» пути развития рассматривался в США как серьезная опасность. Именно в тот период в Баку побывал с кратковременным визитом госсекретарь Бейкер, ясно и четко зачитав-

ший азербайджанскому руководству текст с 21 требованием к стране, желающей добиться расположения США. Челюсть у многих тогдашних лидеров отвисла, а один из них пробормотал: «Это – ультиматум...». Дальнейшие контакты показали, что, независимо от того, какая администрация находится в Белом доме, США не намерены отступать от критериев лояльности, установленных для стран, рассчитывающих на их поддержку. Но первый серьезный интерес к Азербайджану со стороны США был проявлен чуть позднее, при администрации Билла Клинтона, в тот период США только знакомились с постсоветским пространством, тогда их интерес больше концентрировался на России.

Со времени возвращения Гейдара Алиева во власть Азербайджан рассматривался Вашингтоном через призму интересов американских нефтяных компаний в качестве поставщика небольших партий нефти. Всерьез отношения начинались после первого официального визита Гейдара Алиева (27 июля – 6 августа 1997 года), в ходе которого азербайджанский лидер посетил Вашингтон, Нью-Йорк, Хьюстон и Чикаго. Буквально в те же дни заместитель госсекретаря Струоб Тэлботт, выступая в университете Джона Гопкинса с речью «Американская политика на Кавказе и в Центральной Азии», обозначил основные вехи американской политики. Считается, что именно в тот момент (то был второй срок президентства Билла Клинтона) конгресс США объявляет Каспийско-Черноморский регион зоной своих национальных интересов. При президенте США был учрежден пост специального советника по вопросам Каспийского региона. Разработкой стратегии в регионе стали заниматься несколько научно-исследовательских центров. В США исходили из того, что нефтяная стратегия – хороший способ расширить спектр механизмов для военного проникновения и политического влияния в регионе.

Приход Дж. Буша-младшего и заявления представителей его администрации показали, что США были намерены более жестко отстаивать и проводить в жизнь свои интересы в мире, в том числе и с помощью вооруженных сил. Вызовы 11 сентября утвердили их в этом выборе.

Так, согласно представлениям главы Госдепартамента США Кондолизы Райс, на вооруженных силах США лежит тройная ответственность. По ее мнению, американская армия – единственная армия в мире, способная предотвратить «большую войну», под которой подразумевается «глобальный конфликт стратегического значения» в таких узловых точках, как Персидский залив с его 40% мировых запасов нефти.

Соответственно, США не могут стоять в стороне от локальных конфликтов, угрожающих превращением в более масштабные войны в «зонах жизненно важных стратегических интересов», а вооруженные силы могут использоваться для того, чтобы помочь предотвращению «локализованного крупномасштабного насилия».

Тем самым подводится база под необходимость военного присутствия и в регионе Южного Кавказа. Не исключается и возможность использования вооруженных формирований в «гуманитарных целях», что предусматривает не прямое вмешательство, а оказание поддержки местным силам при осуществлении защиты территории страны.

Анализ действий администрации США и выступления различных официальных лиц позволяют сделать вывод о том, что стратегия США в Каспийском регионе нацелена на обеспечение здесь лидирующих позиций в начале XXI века.

Чтобы понять расстановку сил и борьбу нескольких стратегий в отношении Азербайджана, стоит взглянуть на ситуацию конца апреля 2006 года, времени первого официального визита Ильхама Алиева в Белый дом.

Америке было необходимо срочно искать новых друзей и союзников в исламском мире. Светский режим прогрессивно настроенного, образованного, энергичного, молодого азербайджанского президента оказался одним из самых логичных выборов, к которому администрация Буша почему-то шла окольным путем и пришла не сразу – сказывалось неприятие фактора «наследственности» азербайджанского режима.

Тот саммит готовился трудно. Каждая сторона в процессе подготовки прошла свою часть непростого пути навстречу партнеру. О возможности такой встречи в Баку и в Вашингтоне заговорили примерно еще в 2004-м, спустя первый год правления молодого Алиева. Но главное другое, к тому времени было написано немало слов о том, что, дескать, откладывание саммита на неопределенный срок объясняется нежеланием американской администрации показывать холодное расположение к нынешнему руководству Азербайджана. Данная критика, в первую очередь, опиралась на поиски «признаков недемократичности» режима Ильхама Алиева, клановости, коррупции, несоответствия Азербайджана стандартам «прав человека».

Чаще всего ссылались на «слабые демократические институты» в стране.

Стоит вспомнить, что в период парламентских выборов октября 2005 года азербайджанская система выдержала испытание на прочность со стороны недовольной группы части политической элиты и группы чиновников. Неизвестно, имелся ли план смещения Алиева, который мог бы быть осуществлен на волне уличных беспорядков. Однако Алиев своевременно купировал кризис, нанеся удар по противникам и нелюбимым.

Вернемся в 2005 год. Вариативность развития американо-азербайджанских отношений и возможность развития их по дестабилизационному пути сохранялись чуть ли не до самых парламентских выборов. Однако в результате «оранжево-ястребиная» точка зрения в американском руководстве не возобладала. Действительно – а в чем логика? И ка-

ковы должны быть критерии «либерализма» для такой сложной и многоплановой страны, как Азербайджан, сочетающей традиционные устои с ясным модернизационным импульсом?

Ясного ответа на эти вопросы в Вашингтоне не дали. Не исключено, что важную роль в этом сыграл российский фактор. В Москве в ходе подготовки и проведения мониторинга парламентских выборов в Азербайджане повели себя более деликатно и искусно, нежели в ходе известных украинских президентских выборов. Россия грамотно обозначила свою поддержку Ильхаму Алиеву, сделав это, однако, так, что ни в коей мере не дала даже малейшего повода говорить о том, что это было сделано за счет ущемления каких-либо суверенных прав независимого Азербайджана.

После успешного проведения тех выборов, показавших в том числе кадровое и идеологическое банкротство азербайджанской оппозиции, ситуация начала существенно меняться. Даже самым отъявленным скептикам (из числа вышеупомянутых высокопоставленных критиков Ильхама Алиева в США) стало совершенно очевидно: нынешний азербайджанский президент не только всецело эффективно владеет ситуацией в стране, не только грамотно ведет ее по пути реально возможного на сегодня пути, но и вообще, по сути, является безальтернативной политической силой в стране.

Существенное влияние на отношения Вашингтона к Баку оказало и то, что к сегодняшнему дню вполне спала радужная пелена относительно реальных механизмов нынешней грузинской власти. «Революция роз» обернулась все теми же, с точки зрения либеральной модели, неприглядными проявлениями, как монополизация власти, давление на оппозицию, контроль над СМИ. Но наиболее серьезное разочарование в том, что грузинский президент не чурается лично преследовать своих оппонентов. Иными словами, сравнения грузинской и азербайджанской модели «демократизации» оказываются не в пользу первой, хотя, откровенно говоря, именно для США Грузия является наиболее важным «форпостом» в регионе.

Азербайджан времен правления Ильхама Алиева оказался для американских стратегов и политологов не так прост, как им казалось с высоты их первоначально упрощенного понимания. Особенно это наглядно видно на фоне того, что происходит в других странах этого расширенного региона. В определенной степени тут можно говорить о том, что азербайджанский президент не только грамотно сыграл эту часть дипломатической партии, но и переиграл партнеров.

Нельзя не отметить, что Азербайджан занимал взвешенную, порой даже выжидательную позицию. Азербайджан просто предлагал различные варианты сотрудничества. Причем всем заинтересованным сторонам, не исключая никого заранее, исходя из каких-то сугубо политических предпочтений.

Скажем прямо, Азербайджан жил без политических указаний Вашингтона много лет, преодолел большие трудности формирования суверенного государства и ни перед кем не обязан ни отчитываться, ни кланяться. Этот курс был выбран страной без каких-либо предварительных консультаций с проповедниками западных ценностей и уж тем более без их на то предварительной санкции. У Вашингтона было немало возможностей проявить свое уважение, как-то поприветствовать самостоятельный азербайджанский выбор, поддержать нового президента Ильхама Алиева. Однако визит не состоялся ни в 2004 году, ни в 2005-м. Тогда уже реальностью стала не только война в недалеком от Азербайджана Ираке, но и стремительное обострение ситуации в самом прикаспийском регионе – вокруг Ирана.

В этом плане позиция Азербайджана на ближайшую перспективу становится для Вашингтона не только принципиально важной, но не менее приоритетной, чем позиция даже такого традиционного союзника Запада в регионе, как Турция. Ситуация вокруг Ирана – без преувеличения оказалась критической для администрации Буша-младшего. В апреле 2006 года, когда нависла опасность войны в Иране, Вашингтон наконец-то приглашает азербайджанского президента как не просто важного союзника, а как возможную свою опору в непростой ситуации. Ситуация на этом направлении с тех пор мало изменилась.

Как и тогда, речь, разумеется, не идет о том, чтобы азербайджанская территория использовалась для развертывания американских военных действий против Ирана. Все гораздо сложнее. Азербайджан, как ближайший сосед Ирана, связанный с ним многовековой историей, а отчасти – и этническим родством (имеется в виду многомиллионная азербайджанская община в Иране), как никто другой, пожалуй, может оказать содействие Вашингтону в различных ситуациях, кажущихся сегодня практически тупиковыми, помочь «не наломать дров», как их наломали, скажем, в Ираке.

Сейчас еще не известно, как разрешится ситуация вокруг иранской ядерной программы, но понятно, что в ближайшей перспективе, накануне президентских выборов в США 2008 года и далее, Азербайджан и Турция – практически единственные в ближайшем окружении от Ирана партнеры для Америки. Этой ценностью размениваться нельзя.

Ситуация с иранским кризисом вполне может быть если не решена, то наверняка стабилизирована внутри треугольника Баку–Тегеран–Вашингтон при посреднической роли России. Намек на такой сценарий уже был в ходе того вашингтонского саммита 2006 года. Ильхам Алиев появился в Вашингтоне почти сразу после китайского лидера Ху Цзиньтао. Тот визит в американской прессе окрестили «настоящим столкновением цивилизаций». Однако, несмотря на несопоставимые с Азербайджаном масштабы Китая, в ходе американо-китайских переговоров

затрагивалась во многом схожая проблематика – сепаратистский остров Тайвань, права человека, тот же иранский вопрос.

Не прошло и недели после Вашингтона, как Ильхам Алиев встретился с иранским президентом Ахмадинежадом в Баку на саммите стран ОЭС. Наблюдатели расценили ту встречу с иранским лидером как возможную попытку диалога Иран – США при посредничестве Баку и Москвы. Формат кажется вполне приемлемым: Ильхам Алиев – человек вполне воспринимаемый в Тегеране, а к Москве Тегеран, естественно, прислушивается.

Азербайджанская политическая элита по своему менталитету – наиболее вестернизированная группа в регионе, при этом знающая традиции – способна содействовать такому нужному для всех диалогу. Пакистан и Турция для этих ролей не вполне подходят по ряду причин. Прежде всего, в силу того, что они уж слишком тесно ассоциируются с НАТО и с США. Кроме того, Пакистану не до подобных диалогов. Турция обременена проблемой курдского сепаратизма, также сильно влияющего на Иран. В Тегеране уважают Путина, неплохо понимают Алиева, значит, отнесутся к их дипломатии с меньшим подозрением, возможно, прислушаются с большим вниманием, нежели к другим.

В определенном смысле Баку стал играть роль эффективного партнера уже в многостороннем диалоге по региональным проблемам с участием и Москвы, и Вашингтона. Вторым эпизодом после иранской дипломатии стала повестка, связанная с глобальной системой ПРО.

Российское предложение США, сделанное президентом Владимиром Путиным летом 2007 года, об использовании Габалинской радиолокационной станции, стало своего рода сенсацией для мира. Если мы посмотрим на это предложение исходя из роста авторитета азербайджанской политики в регионе, то оно вполне закономерно и логично укладывается в политику наведения мостов и возможной челночной дипломатии Баку между конфликтным Ираном и США. Габалинская инициатива подталкивает Баку к тому, что называется капитализацией достигнутых преимуществ выбранного курса многовекторности и осторожно-го лавирования, в чем преуспел Ильхам Алиев. В свое время этот курс помог Гейдару Алиеву вывести Азербайджан из изоляции, заявить о значении страны в регионе и мире. Теперь, когда в США уже окончательно поняли, как им важно учитывать фактор Азербайджана, в Баку могут воспользоваться обозначенной заинтересованностью, донести свои конкретные региональные проблемы до понимания в Вашингтоне и обсуждать возможные совместные шаги.

Азербайджан оказался в центре переплетения интересов целого ряда влиятельных геополитических игроков, и классика международной дипломатии подсказывает, что эту ситуацию просто грех не использо-

вать. К тому же любые формы использования Габалинской РЛС лишь увеличат общую «предсказуемость в регионе».

Свою точку зрения на перспективы использования РЛС летом 2007 года высказал Ильхам Алиев. Отметив, что Габалинская станция может использоваться Россией совместно с США, он особо подчеркнул при этом, что новых военных объектов на территории страны размещаться не должно: «Совместное использование РЛС Россией и Америкой – это решение, которое основано на долгосрочных стратегических интересах. Сотрудничество должно ограничиваться предоставлением полученной с помощью РЛС информации, и необходимости строить новые объекты нет». Алиев также высказался и против размещения на территории Азербайджана чужих воинских контингентов.

Главная суть разногласий Москвы и Вашингтона была в том, что Москва настаивала, что Габалинская РЛС (при условии модернизации и, возможно, дополнении ее некоторыми другими элементами, размещенными уже на российской территории) может служить реальной альтернативой создаваемой США ПРО в Восточной Европе. До последнего времени Москва призывала США хотя бы заморозить размещение элементов ПРО в Восточной Европе – до тех пор, пока не будет выработан компромисс по формату использования Габалы или компромисс иного рода.

В США, напротив, подчеркивая всячески, что РЛС устарела, отмечали, что альтернативой ПРО в Европе она служить не может, так как не может служить радаром для перехвата пущенных в Иране ракет. Иными словами, проект базирования систем ПРО в Чехии и Польше свернут не будет, хотя возможно некоторое торможение в связи с замороженными ассигнованиями на это строительство по линии Конгресса, что, понятно, не является признаком политического компромисса со стороны американского военного руководства.

Вместе с тем американцы не хотят входить в жесткий клинч, США все-таки выразили готовность пригласить российских специалистов для работы на объектах ПРО в Европе. Опять же с российских позиций это просто техническое предложение, выражающее «открытость» намерений, оно не является решением проблемы развертывания ПРО и сопряженной с этим опасности для России.

В самой Европе мнения по поводу американской ПРО разделились. С одной стороны, многие разделяют скептицизм Москвы относительно иранской ракетно-ядерной угрозы, которая не видится угрозой даже завтрашнего дня, а лишь некоего отдаленного будущего. С другой стороны, европейцы не хотят оказаться «на прицеле» у раздраженной размещенными у нее под носом противоракетами Москвы.

В Азербайджане надеются, что в этом спектакле конфликтный потенциал если и не будет равен, то, во всяком случае, не превысит коли-

чества возможностей взаимодействия и вариантов выхода из этой сложной коллизии. В Баку продолжают внимательно следить за развитием ситуации вокруг РЛС. Ведь азербайджанское руководство интересуется не только нынешний сложный переговорный процесс между державами, но и дальнейшая судьба станции. По мнению некоторых военных экспертов, как только Россия под Армавиром введет в эксплуатацию современную радиолокационную станцию системы «Воронеж-дм», то у нее может вообще отпасть необходимость аренды Габалинской РЛС.

Баку готов к такому развитию ситуации, руководство страны прорабатывает различные сценарии эксплуатации или списания станции. Главная идея сводится к тому, что, если Россия откажется от Габалинской РЛС, Азербайджан ничего не потеряет от этого, станция может быть передана в аренду другой стране, которая гарантированно не будет угрожать интересам безопасности соседней России, либо демонтирована, что, скорее всего, закроет сам вопрос использования РЛС «Дарьял» в схеме региональной или глобальной ПРО.

США и Карабах

Нельзя обойти другую ключевую тему сотрудничества Баку и Вашингтона – кризис вокруг Карабаха и оккупированных территорий. Соединенные Штаты пытаются играть роль ключевого посредника в урегулировании конфликта между Арменией и Азербайджаном. Американские дипломаты напрямую не стремятся предстать в роли главных «переговорщиков», но активность и «сенсационность» их заявлений словно подчеркивают, что сохранение нынешней ситуации в регионе – результат упорного труда их внешнеполитического ведомства.

Безусловно, Вашингтон стремится укрепить свои позиции как в Баку, так и в Ереване. Участие в разрешении кавказских конфликтов позволяет более активно воздействовать на выработку внешнеполитических позиций стран региона, пытаясь их корректировать. Но в Армении сложился консенсус во власти и в обществе, который не предполагает быстрого разрешения конфликта, поскольку это вряд ли возможно осуществить без уступок или военного давления. В свою очередь, азербайджанские власти намекают, что терпение не безгранично, общество достаточно консолидировано в отношении конфликта и скорее мобилизуется для силового варианта, нежели будет ждать у моря погоды, следуя по пути народной дипломатии. В 2008 году военные расходы Азербайджана возрастут до 1,3 млрд. долл.

«В условиях, когда оккупационные силы ведут себя на переговорах неискренне, Азербайджан должен укреплять свой военный потенциал.

Никто не может нас вынудить отказаться от этого. Это наше суверенное право. Азербайджан намерен и дальше принимать меры по повышению профессиональной подготовки армии, приобретать вооружения, создавать собственный военно-промышленный комплекс», – заявил Ильхам Алиев в ходе совещания по итогам социально-экономического развития страны.

Вряд ли в этой связи стоит ожидать скорых подвижек в карабахском урегулировании: армянское лобби в Америке достаточно сильно, чтобы можно было быстро преодолеть его сопротивление, даже в интересах объективной выгоды для США более тесного сближения с сегодняшним Азербайджаном, которое произойдет в случае, если американская политика склонит чашу весов в сторону объективного решения конфликта в рамках территориальной целостности Азербайджана и международного права.

Надо заметить существенный момент – карабахская проблема, как это ни парадоксально, пока не является частью противостояния между Россией и США. В этом вопросе в российско-американских отношениях более или менее присутствуют понимание и согласие. У США и России нет конфликта, взаимного выяснения интересов, связанных с этим кризисом, в отличие от Абхазии и Ю.Осетии. Но, откровенно говоря, это не повод к оптимизму, незадействованных политических резервов, способных выработать какие-то общие позиции по этому поводу, практически нет.

Стоит согласиться с политологом Николаем Злобиным, что среди серьезных российских и американских политиков нет людей, которые поддержали бы военную операцию с целью решения этой проблемы. В то же время есть понимание того, что статус-кво имеет свои исторические пределы и проблема нуждается в своем решении. В этом вопросе Россия и США вполне довольны позициями друг друга, с небольшой оговоркой: в Вашингтоне также есть понимание того, что попытка заморозить этот конфликт навечно тем более приведет к дестабилизации ситуации.

Но в этом плане есть одно обстоятельство, омрачающее высказанный оптимизм. Если позиция Госдепартамента в целом нейтральна в отношении сторон конфликта, то в отношении остального американского истеблишмента, в особенности конгрессменов и сенаторов, такого не скажешь. США выделяют официальные гранты на развитие НКАО, Конгресс постановил американским компаниям запрет финансирования и участия в железнодорожном коридоре Карс–Тбилиси–Баку, наконец, недвусмысленно прозвучал факт обсуждения в Конгрессе резолюции, признающей геноцид армян 1915–1923 гг. в Османской Турции. При этом в Конгрессе существует специальная рабочая группа по Азербайджану, насчитывающая 22 конгрессмена.

СПРАВКА

11 октября 2007 года Комиссия по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США приняла резолюцию, признающую геноцид армян 1915–1923 гг. в Османской Турции. Спустя несколько дней более 20 конгрессменов отозвали свои подписи под документом в связи с настойчивым давлением со стороны Белого дома. Против резолюции высказалась Госсекретарь Кондолиза Райс и министр обороны Роберт Гейтс, которые напомнили о значимости хороших отношений с Турцией – главным военном союзнике Вашингтона в регионе.

Серьезным фактором раздражения явился факт подписания президентом Бушем закона против финансирования железнодорожного коридора Карс–Тбилиси–Баку. В Вашингтоне настаивают, что желали бы развивать проекты, которые соединят все страны вдоль коридора Восток–Запад, иными словами, чтобы железная дорога, ведущая из Турции в Баку, проходила через Армению. Естественно, США не могут запретить Азербайджану, Грузии и Турции строить дорогу, но не станут проектом особо поддерживать. Исходя из сказанного, вывод один – решение карабахского конфликта будет непростым и, видимо, долгим и противоречивым.

Международные организации в политике Азербайджана

Мировое сообщество во главе с ООН, построенное на принципах главенства суверенитета государств, зачастую оказывается бессильным в борьбе с теми, кто в это сообщество не входит и чья структура существует совсем в другой системе координат. Из мировой практики уходит противостояние государств и блоков как основы политики. Но система международных отношений, в частности международной и национальной безопасности, продолжает исходить из существования этого противостояния в качестве главной опасности нашего времени. В результате она перестала быть адекватной и отчасти сама стала дестабилизирующим фактором. Хотя многие из международных организаций достались нам в нереформированном виде со времен «холодной войны», но альтернативы им нет, для полноценной политики необходимо наличие большого числа инструментов.

Если в XX веке членство в международных организациях предоставляло возможности лавирования, предохраняло от острых и военных столкновений, то сейчас наличие различных площадок обеспечивает гораздо большую свободу реализации внешнеполитических задач. Но так же, как и раньше, само многообразие не гарантирует успеха.

Азербайджан является активным членом большинства международных организаций – ООН и ее специализированных учреждений (ЮНЕСКО, МОТ, ФАО и др.), ОБСЕ, Совета Европы. Большое внимание уделяется Евросоюзу и НАТО, региональным межгосударственным структурам

(ОЧЭС), а также созданной по инициативе Баку ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова). Как и другие бывшие советские республики (кроме Прибалтики), входит в Содружество Независимых Государств (СНГ).

В Организацию Объединенных Наций Азербайджанская Республика вступила 2 марта 1992 г. В первоначальный период основное направление деятельности азербайджанской дипломатии в ООН заключалось в решении карабахской проблемы, освобождения захваченных территорий, возвращения беженцев и оказания им гуманитарной помощи. В Баку по-прежнему внимательно отслеживают судьбу четырех резолюций Совета Безопасности и шести заявлений председателя СБ ООН по карабахскому конфликту, принятых в 1993 г. в период эскалации вооруженных действий в Карабахе. При этом все прекрасно понимают, что сила резолюций заключается в том, каким образом ее приводят в действия, в том числе силовым методом. Резолюции по Ближнему Востоку тому подтверждение. Эту «подборку» документов азербайджанская сторона рассматривает как международно-правовую основу своих требований о возвращении захваченных агрессором азербайджанских земель.

Хотя все упомянутые резолюции остались лишь на бумаге и так и не были выполнены, азербайджанская сторона считает, что с принятием каждой из них мировым сообществом вырабатывался соответствующий график неотложных мер по нагорно-карабахскому урегулированию. Поэтому все они имеют определенное политическое и международно-правовое значение.

Новым достижением азербайджанской дипломатии явилась резолюция Генассамблеи ООН от марта 2008 года «О положении на оккупированных территориях». За этот документ не проголосовали постоянные члены Совбеза ООН (КНР и Британия воздержались), документ имеет меньшую силу. Но эта резолюция Генассамблеи ООН оказывается успехом «вопреки», достигнутым исключительно своими силами – неплохой пример для воодушевления молодой азербайджанской дипломатии.

По другим вопросам деятельности ООН Азербайджан проявляет меньшую активность, балансируя и блокируясь в выгодном для него направлении. По многим пунктам повестки дня Генеральной Ассамблеи он занимает близкие России, а иногда и одинаковые с ней позиции. Так, Баку не согласен с радикальными идеями реорганизации работы ООН путем перераспределения полномочий между Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности. Выступая за увеличение численности состава Совета Безопасности, Азербайджан поддерживает кандидатуры Германии и Японии на посты его постоянных членов, признавая их роль в финансировании ООН и деятельности по поддержанию мира. Также Баку поддерживает предложение Украины о расширении в Совете Безопасности представительства стран Восточной Европы.

В разоруженческой тематике Баку придает важное значение бессрочному продлению Договора о нераспространении ядерного оружия, завершению переговоров по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, к которому намерен присоединиться. Азербайджан – за повышение эффективности миротворческой деятельности ООН, превентивную дипломатию, упреждающую возникновение трений и конфликтов между странами. Выступая в поддержку разоруженческих процессов, Баку активно сотрудничает с американцами в вопросах контроля за соблюдением режима нераспространения оружия массового уничтожения и создания преград на пути транзита в Иран и другие страны технологий, оборудования и материалов двойного назначения. США приветствуют такую политику, безвозмездно поставляя в Азербайджан специальное оборудование для оснащения таможенных и пограничных постов, а также патрульных катеров.

Неизменной остается позиция Азербайджана по региональным конфликтам. Баку считает, что каждое государство имеет право самостоятельно избирать формы миротворчества на своей территории и заявляет о поддержке любых решений международных организаций, способных привести к их разрешению, но при условии согласия самих государств. Но поддержку ООН миротворческих усилий СНГ для решения конфликтных ситуаций, в частности, в Абхазии, Баку рассматривает как попытку восстановить российское влияние на постсоветском пространстве в пользу сепаратистов и под прикрытием ООН. Расширение мандатов действующих миссий ООН в конфликтных районах, по мнению МИД Азербайджана, может иметь место лишь по просьбе стран, на территориях которых идут конфликты, а не по инициативе СНГ.

Операции по поддержанию мира (ОПМ) принудительного характера и военное эмбарго для решения региональных конфликтов, по мнению Баку, возможны, если другие мирные средства не привели к умиротворению «нарушителя принципов Устава ООН». При этом азербайджанская сторона не скрывает, что видит возможность применения таких мер в будущем по отношению к Армении, которая стремится к политическому усилению достигнутого военного преимущества в Нагорном Карабахе и его последующему присоединению вопреки решениям СБ ООН и ОБСЕ.

Азербайджанцы поддерживают позицию ООН в вопросах борьбы с терроризмом и принимают участие в структурах, созданных для координации усилий государств-членов в этой области. После событий в США 11 сентября 2001 г. Азербайджан присоединился к антитеррористической коалиции и продолжает вносить свой вклад в борьбу с международным терроризмом. Он подписал 11 международно-правовых документов ООН в этой области.

Азербайджан поддержал действия антитеррористической коалиции в Афганистане и Ираке. В заявлении Министерства иностранных дел Азербайджанской Республики о ситуации вокруг Ирака от 21 марта 2003 г. отмечалось: «Азербайджан, выражая глубокое сожаление в связи с отсутствием единства в Совете Безопасности ООН в отношении действий по Ираку, считает, что решительные действия, направленные на соблюдение резолюций Совета Безопасности ООН членами мирового сообщества, укрепят роль и значение ООН в поддержании международного мира и безопасности». Азербайджан является активным участником возглавляемой США международной коалиции по борьбе с терроризмом. Он поддерживает усилия международной коалиции, направленные на скорейшее разрешение иракского кризиса, и настоятельно призывает четко придерживаться положений международного гуманитарного права при проведении военной операции в Ираке, а также выражает готовность принять участие в гуманитарной реабилитации постконфликтного Ирака.

В 2008 году Баку удваивает контингент в Афганистане, доведя его, таким образом, до 45 военнослужащих, к 2009 году планируется увеличение до 120 человек. Азербайджанские военнослужащие, приписанные к турецкому контингенту, занимаются, в основном, охраной гражданских объектов. В Ираке азербайджанцы охраняют плотину.

Дальнейший импульс развития азербайджанская дипломатия на площадке ООН получила после выступления Ильхама Алиева на общих дискуссиях 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2004 года:

«Чтобы успешно справляться со всеми угрозами, ООН должна сама соответствовать новым условиям. Вопрос реформ в ООН, о которых говорится уже долгое время, должен, наконец, найти свое решение. Следует признать, что Совет Безопасности ООН не способен решить проблемы, в частности, проблемы, относящиеся к вооруженным конфликтам. Усовершенствованный Совет Безопасности должен быть более широкого состава, более ответственным и демократичным, его методы работы должны быть более прозрачными, в более оперативной форме отвечать на новые угрозы, риски и опасности XXI века. Главный вопрос заключается в создании действенного механизма осуществления резолюций Совета Безопасности ООН».

В мае 2006 года Азербайджан на три года стал членом Совета ООН по правам человека. На тайном голосовании за членство Азербайджана проголосовали представители 103 стран. Наряду с Азербайджаном, в Совет ООН по правам человека были приняты Бангладеш, Китай, Малайзия, Саудовская Аравия, Россия, Куба, Мексика, Канада, Германия и Швейцария. Кандидатура Азербайджана была выдвинута Восточно-европейской региональной группой стран – членов ООН. Несмотря на

обращение Армении о принятии в члены Совета, она не была включена в список принятых стран.

Масштабное сотрудничество с Всемирным банком началось еще до января 2001 года, но именно в означенный период Азербайджану было предложено провести масштабную реформу государственного финансового сектора и структуры бюджетных расходов, судебно-правовой системы, а также системы государственных закупок. Были предоставлены кредиты (42 млн. долл.) на реконструкцию головного водозаборного сооружения на пограничной с Дагестаном реке Самур и Миль-Муганского коллектора. Профинансирована разработка технико-экономического обоснования еще одного ирригационного проекта, предусматривающего повышение уровня подачи воды, эффективности дренажа и орошения, снижение заболачивания и засоленности почвы в районах орошения (сумма кредита – 18 млн. долл.).

Выделяются кредиты на программу развития сельского хозяйства и разработку государственной стратегии в этой области. При содействии Всемирного банка в Азербайджане ведется дорожное строительство, совершенствуется система здравоохранения.

Среди последних крупнейших проектов Всемирного банка – выделение 250–300 млн. долл. на очистку грунтовых вод, утилизацию бытовых отходов, очистку радиоактивных отходов йодобромного производства и очистку загрязненных нефтью земель Апшерона.

ОБСЕ и ЕС

Большинству стран приходится пересматривать свои национальные приоритеты, искать новые, нетрадиционные способы осуществления интересов на мировой арене. Это относится к Азербайджану и всем постсоветским государствам. Новая геополитическая эпоха отличается и большим, чем предыдущая, динамизмом, быстрым изменением ситуации на мировой арене. Процесс трансформации традиционного государства ускорился, происходят изменения многих его важнейших функций. Изменились, в частности, понятия национальной экономики, информационного пространства, обороны, национальной и личной безопасности, а также методов ее достижения.

Поговорим о фактическом воплощении в актуальной политике «европейского выбора» страны. 20 января 1992 года Азербайджан становится членом Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (до 1 января 1995 г. – Совецание по безопасности и сотрудничеству в Европе). 10 июля того же года он подписал все учредительные документы, но практическая работа азербайджанской дипломатии в этой организации развернулась лишь с осени 1993 года.

Азербайджанская дипломатия уделяет большое внимание работе в ОБСЕ, проявляя особую активность в использовании ее миротворческого компонента. Несмотря на порой жесткую критику от этой организации, азербайджанское руководство дорожит таким важным переговорным инструментом, как Минская группа ОБСЕ. Этот «миротворческий институт» создан в рамках мандата Хельсинкской сессии Совета ОБСЕ от 24 марта 1992 года на подготовку и проведение в Минске Конференции по Нагорному Карабаху. Имелось в виду, что основными задачами Минской группы станут не только проведение переговоров по урегулированию армяно-азербайджанского конфликта, но и подготовка соответствующего компромиссного документа для решения этой проблемы с последующим утверждением мирного соглашения путем созыва Минской конференции ОБСЕ.

Будапештский (5–6 декабря 1994 г.) и Лиссабонский (2–3 декабря 1996 г.) саммиты ОБСЕ оказались для азербайджанской дипломатии наиболее продуктивными.

В Будапеште проблему Нагорного Карабаха впервые внесли в повестку дня как «особый вопрос». В результате обсуждения участники саммита приняли резолюцию «Интенсификация деятельности ОБСЕ в связи с нагорно-карабахским конфликтом», суть которой заключалась в том, что государства-участники подтвердили свои обязательства по соответствующим резолюциям Совета Безопасности ООН, одобрили оказание Советом Безопасности политической поддержки председателю ОБСЕ в решении конфликта мирным путем и призвали конфликтующие стороны вести интенсивные, систематические переговоры, включая прямые контакты. Одновременно они поддержали усилия Минской группы, поручив председателю ОБСЕ «для обеспечения переговорам общей и согласованной основы и полной гармонизации деятельности по переговорам» назначить сопредседателей Минской конференции, которые должны совместно председательствовать на заседаниях Минской группы и регулярно информировать Постоянный совет о достигнутом прогрессе. Деятельность Минской группы ОБСЕ подвергается серьезной критике со стороны азербайджанского общественного мнения, по мнению многих азербайджанцев, эта работа зашла в тупик.

Сразу же после официального объявления о распаде СССР государства – члены Европейского сообщества (с ноября 1993 г. в соответствии с Маастрихтским договором – Европейский союз) признали новые независимые государства, включая Азербайджан. В ответ на это Бакинское руководство заявило о готовности «уважать выдвинутые Евросоюзом критерии». После прекращения огня в Нагорном Карабахе в 1994 году Совет Евросоюза рекомендовал Комиссии ЕС начать с Азербайджаном и Арменией переговоры с перспективой заключения двусторонних соглашений о партнерстве и сотрудничестве.

В проекте «общей позиции» по Южному Кавказу, принятом 12 июня 1995 года Советом ЕС в Люксембурге на уровне министров иностранных дел, подчеркивалось, что государства-члены намерены помочь Азербайджану, Армении и Грузии преодолеть трудный период перехода к демократическому строю, основанному на рыночной экономике. Совет ЕС отмечал также, что государства Южного Кавказа находятся на менее продвинутой (по сравнению с другими странами СНГ) стадии отношений с Евросоюзом, основное внимание которого сосредоточено на Балтии и других государствах европейской части бывшего СССР.

В документе говорилось, что ЕС собирается всемерно поддерживать экономические реформы в южнокавказских республиках (в том числе с использованием возможностей МВФ, ЕБРР и других международных финансовых организаций) и вместе со странами-донорами направлять гуманитарную помощь на Южный Кавказ. Высказывалась готовность содействовать сохранению южнокавказскими республиками национальной независимости, суверенитета и территориальной целостности, предусматривалось поддержание политического диалога с указанными странами, чтобы в тесном сотрудничестве с ними, а также с ООН и ОБСЕ содействовать урегулированию острых региональных конфликтов, особенно в Нагорном Карабахе. Согласно «общей позиции» ЕС намеревался всячески поощрять региональное сотрудничество кавказских государств, предпринимать меры в поддержку проводимых демократических реформ, следить за соблюдением прав человека и развивать активный диалог по самому широкому кругу вопросов, включая обеспечение безопасности и борьбу против организованной преступности.

Поскольку развитие отношений ЕС с государствами Южного Кавказа сдерживалось отсутствием адекватной нормативно-правовой базы (до этого времени отношения с Евросоюзом регулировались Соглашением о торговле и сотрудничестве, подписанным ЕС с Советским Союзом еще в 1989 г.), пришлось разработать «временные» типовые соглашения подобного рода с кавказскими странами, и 22 апреля 1996 года в Люксембурге состоялось подписание двусторонних соглашений о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между ЕС и государствами Южного Кавказа с предварительным сроком на 10 лет.

В рамках СПС, заключенного между Азербайджаном и ЕС, предусматривается дальнейшее развитие политического диалога, торгового обмена между сторонами (включая предоставление статуса наибольшего благоприятствования); определяются основные условия деятельности совместных и иных предприятий на территории партнера (в частности, предполагается оживление частного экономического взаимодействия между хозяйствующими субъектами сторон); регулируются вопросы трансграничных платежей и услуг, инвестирования и движения капиталов, конкуренции, защиты интеллектуальной, промышленной и

торговой собственности. Особо оговариваются условия сотрудничества по предотвращению незаконной деятельности и нелегальной иммиграции. Кроме того, соглашение содержит специальную оговорку, дающую право ЕС в одностороннем порядке прекратить его действие в случае выявления нарушений основных элементов соглашения: принципов демократии, рыночной экономики и соблюдения прав человека.

Для практической реализации СПС создан совместный комитет «Азербайджан – Евросоюз», ежегодно заседающий поочередно в Баку и Брюсселе. На этих встречах оценивается эффективность оказываемой помощи, включая продовольственную и гуманитарную, обсуждаются текущие вопросы сотрудничества. По итогам заседаний Евросоюз принимает решения о выделении необходимой помощи. В соответствии с СПС в Европарламенте создана специальная комиссия по связям с закавказскими республиками из 8 парламентариев. Соответственно в Милли Меджлисе есть группа депутатов по работе с Европарламентом. Следующим этапом отношений стало принятие Азербайджана в члены партнеров ЕС. Формально это никак не меняет статус страны-партнера, но дает дополнительные политические бонусы и кредитные линии.

В 2007 году принято решение о выделении в рамках и на развитие политики соседства 12 млрд. евро. В список Еврокомиссии попали все государства ГУАМ – Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия, а также Армения. Кроме денег, Европейская комиссия пообещала перспективу широкой торгово-экономической интеграции, построенную на принципах свободного передвижения товаров, а также упрощенный режим выдачи виз, систематическое вовлечение стран в совместные программы и более тесное сотрудничество в сферах энергетики и транспорта.

Евросоюз готов поддержать любые усилия сторон в конфликте и международных посредников по содействию приемлемым решениям в целях нормализации политических и экономических отношений, обеспечения гарантий безопасного возвращения беженцев. Что особенно важно и отличает Еврокомиссию от структур СНГ, они готовы оказать помощь в постконфликтном восстановлении и реконструкции, а также в привлечении инвестиций в бывшие конфликтные зоны.

В ноябре 2006 года состоялось знаковое для Азербайджана и весьма ожидаемое в Брюсселе событие – в ходе официального визита Ильхама Алиева в ЕС был подписан Меморандум о взаимопонимании по энергетической сфере (*Memorandum of understanding on strategic partnership in energy field*). Документ имеет рамочный формат и не носит юридического характера (выражает волеизъявление двух сторон). Смысл меморандума в другом, он является следствием начатого пару лет назад энергетического диалога между Азербайджаном и ЕС. Евросоюз обозначил интерес к транскаспийским маршрутам экспорта газа из Центральной

Азии, а также поддержку экспорта в Европу азербайджанского газа. На основе меморандума Европейская комиссия подготовит промежуточный отчет по реализации соглашения, после чего предусмотрен и юридический документ.

Существенную роль в отношении Евросоюза и Азербайджана в паре с Грузией играют программы сотрудничества ТАСИС, ТРАСЕКА и ИНОГЕЙТ. В их ведении – восстановление транспортных, телекоммуникационных и других соответствующих систем сетевой инфраструктуры в регионах, включая железные дороги Баку – Нахичевань, линии, соединяющие север и юг между Россией и Грузией; создание международного транспортного коридора; модернизация и расширение трубопроводной сети.

Техническая помощь Евросоюза Азербайджану осуществляется в рамках программы ТАСИС (TACIS) – «Техническая помощь новым независимым государствам», которая нацелена на развитие процесса рыночных реформ посредством предоставления консультационных услуг, ноу-хау и передачи практического опыта. Программа ТАСИС, поддерживая зарождающиеся в республике структуры частного бизнеса, осуществляется на основе трехгодичных индикативных программ. Всего за период с 1993 года в стране реализовано более 200 проектов. Ежегодно на различные проекты от экологии до инфраструктуры выделяется от 14 до 20 млн. евро. Каждый год в рамках бюджета азербайджанского плана действий ТАСИС задания меняются, но обычно средства выделяются на оказание поддержки институциональным, юридическим и административным реформам, экономическому развитию частного сектора и так называемым «малым проектам».

Наибольшую активность ТАСИС проявляет в области энергетики. Например, в рамках ТАСИС было оказано содействие компании «Азербайджаннефтехиммаш» (производитель нефтяного оборудования) в переводе ее стандартов на уровень API (Американского нефтяного института). Совместно с ЕБРР выполнен проект по разработке технико-экономического обоснования (ТЭО) восстановления подземных газовых хранилищ (Калмас и Карадаг). Специалисты ТАСИС консультируют правительство республики по вопросам координации управления в топливно-энергетическом секторе. Оказывалось содействие в разработке законодательства в области энергетики, в первую очередь той его части, которая затрагивает налогообложение и финансирование нефтяной и газовой отрасли.

По линии ЕС ТАСИС содействует и в рамках программы ИНОГЕЙТ (Interstate Oil and Gas Pipelines Transport to Europe), направленной на обеспечение доступа добываемой в стране нефти на рынки Европы.

Достаточно эффективна помощь ТАСИС в области транспорта. Этот сектор экономики в силу относительной изоляции страны, вызванной

карабахским конфликтом, имеет чрезвычайно важное значение. Участие в разработке программы ТРАСЕКА (Transport Corridor Europe – Caucasus – Asia), направленной на создание высокоэффективной транспортной магистрали «Запад–Восток», является наиболее важной инициативой ТАСИС в этом секторе. Проекты ТАСИС в Азербайджане связаны с реконструкцией Бакинского порта, ликвидацией слабого звена на грузино-азербайджанской границе – строительством нового моста и восстановлением старого Красного моста, арка которого была сложена еще в XII в., а также с решением проблем в области транспортного сообщения, вызванных повышением уровня Каспийского моря. Кроме программы ТРАСЕКА подготовлены проекты по изучению возможностей развития торгового флота Каспийского моря, по анализу общенациональной сети автомобильного и железнодорожного транспорта, а также системы управления воздушным движением.

В январе 2000 года было запущено финансирование (с 2000 по 2006 г.) различных транспортных проектов в странах – участницах соглашения ТРАСЕКА на сумму 3 млрд. 138 млн. евро. Азербайджан принимает активное участие в проекте развития телекоммуникаций, предусматривающем прокладку волоконно-оптического кабеля связи по дну Каспия, на который Европейский союз выделил 15 млн. евро.

Одним из важнейших направлений помощи ЕС Азербайджану является реализация программы реабилитации населенных пунктов, пострадавших от военных действий. Были выделены средства на восстановление электро- и водоснабжения Агдамского района, ирригационных сооружений, на капитальный ремонт 11 школ, их материально-техническое обеспечение и т.д. По линии ЕС заложено 16 городков для беженцев. Как и предыдущие проекты Евросоюза, реализация этой программы осуществляется с использованием местных ресурсов и местной рабочей силы.

Как и ряд других стран ГУАМ-ОДЭР, Азербайджан не скрывает своего стремления в будущем стать полноправным членом Евросоюза, хотя и понимает, что это вопрос отдаленного будущего. Тем более, что пока страна не полностью соответствует известным критериям, наличие которых необходимо для представления своей кандидатуры. Евросоюз в отношении Азербайджана будет действовать небольшими конкретными шагами, концентрируясь отдельно на каждой позиции своих требований к властям по пунктам – соблюдения обязательств в области прав человека, свободы прессы, транспарентного развития административного аппарата.

По всему видно, что к Азербайджану, как и к другим потенциальным членам ЕС, применяют такие критерии «качества», при выполнении которых стране и обществу необходимо приложить огромные усилия, дабы адаптироваться к «нормам и ценностям» ЕС. Особенно сложно эти

нормы выполнить, учитывая особенности армяно-азербайджанского противостояния, да и на примере Турции видно, как трудно идут эти процессы.

Азербайджано-российские отношения

За годы постсоветской независимости в российско-азербайджанских отношениях последовательно сменилось несколько периодов. Можно говорить о двух этапах ельцинской политики. Первый – отношения с лидерами Народного фронта и президентом Абульфазом Эльчибеем. Тогда в контактах превалировала взаимная подозрительность, претензии и упреки (зачастую крайне эмоциональные, но необоснованные). Москва и Баку с трудом приучались жить по-новому. Много было, увы, испорчено субъективными факторами. Второй период – отношения с Гейдаром Алиевым, когда происходило медленное сближение (первые соглашения по Каспию, первые договоренности по Габалинской РЛС, Азербайджан вступает в СНГ), но в целом тональность была прохладной, его можно назвать периодом несбывшихся надежд.

Синусоида развития российско-азербайджанских отношений первых постсоветских лет отмечена резкими скачками. Среди объективных причин торможения – на первом месте проблемы, связанные с нагорно-карабахским конфликтом, далее следуют проблемы, связанные с созданием новой политической элиты, распадом единого хозяйственного механизма, разделом общесоюзного имущества. Среди субъективных – проармянская позиция политических и силовых групп российского руководства, установление Москвой транспортной блокады в ходе первой чеченской кампании, раздражение по поводу прихода в Азербайджан западных нефтегазовых компаний.

С приходом к власти Владимира Путина всплеск российской активности на постсоветском пространстве сближает страны и позволяет выстраивать политику стратегического партнерства. Сейчас мы являемся свидетелями продолжения этой линии. Азербайджан и Россия избавились от многих комплексов и иллюзий, научились новому реализму и прагматизму, преодолели трудности переходного периода собственного развития. Сумели пройти сложный путь от политики эмоций к долгосрочному партнерству. Плотную ткань сегодняшних отношений создают контакты на уровне высшего руководства; контакты бизнес-элит в процессе работы над совместными проектами; отдельно следует отметить взаимодействие на уровне диаспоры.

Можно ли сказать, что российско-азербайджанское стратегическое партнерство на сегодня являет собой законченный, притом идеальный геополитический проект? Наверное, все же точнее будет определить его

как постоянно развивающийся многогранный процесс, требующий регулярной настройки. При этом общий итог этих лет – с позитивным балансом. И учитывая достаточно внушительный объем сложнейших проблем регионального и глобального характера, итоговый баланс отношений внушает оптимизм.

Важный и даже ключевой аспект отношений, при этом тонкий и не всегда публичный – дружеские отношения между президентами, взаимная симпатия. По наличию или отсутствию этого признака можно точнее нарисовать картину отношений между странами. Заметно, как Путин изменил свое отношение к Западу, прежде всего, к США, и Ильхам Алиев хорошо понимает, что имеет дело с самым сильным лидером на постсоветском пространстве, который будет оказывать не меньшее влияние на российскую внешнюю политику за пределами 2008 года. Поэтому Алиев выстраивает свои личные отношения с учетом именно такой стратегической длительности.

Россия для Азербайджана не просто страна, одна из нескольких, из клуба G8. Россия и нечто другое, она становится политическим лидером новой глобальной стратегии, вокруг которой соберутся Индия, Бразилия, Китай и даже некоторые страны Европы. Мир становится сложнее, чем просто деление на запад и восток, юг и север. Многие страны следуют демократии, считая это наилучшей формой правления, но имеют свой взгляд на осуществление этих принципов, они располагают высоко развитым производством, и некоторые вскоре обгонят европейцев и начнут наступать на пятки США. Подключившись к этой группе и учитывая эту стратегию, Азербайджан может получить определенные дивиденды и гарантии поступательного развития.

Россия пока не может претендовать на роль экономического лидера этой волны, но уже стремится возглавить ее политически как держава, достигшая наибольшего веса в системе международных организаций, обладающая глобальным влиянием. Учитывать меняющуюся геополитическую картину Азербайджану крайне важно. Будучи достаточно далеко от Европы в смысле социальных традиций и политической культуры, Азербайджан может активно сотрудничать с обеими группами и выигрывает, не теряя принципиальных наработок с Западом, не вступая в конфликт интересов.

Путин, Медведев и Алиев нашли общий язык и хорошо понимают друг друга, это видно хотя бы по тому, как происходят их встречи, в том числе в широком формате. Очень важны символические знаки: самолеты МЧС России помогали в свое время перевозить Гейдара Алиева из Турции в клинику в США, а затем осуществить последний путь в Баку. В юбилей Ростроповича азербайджанский борт помог музыканту и композитору прилететь в Москву из французской клиники.

Россия и Азербайджан – президентоцентричные страны, видимо – на долгую перспективу. Успешную политику двух стран претворяют в жизнь многочисленные структуры, в том числе частный бизнес, но формируется она президентами, учитывающими представления ближайшего окружения о месте своей страны в мире и собственных национальных интересах.

Российско-азербайджанская политика все больше основывается на конкретных задачах, и они диктуют определенную линию поведения, учитывающую интересы друг друга.

Параметры экономического сотрудничества

Торговля и взаимные инвестиции России и Азербайджана регламентируются большой группой документов, первый из которых (Соглашение между Правительством РФ и Правительством Азербайджанской Республики о свободной торговле) датируется 30 сентября 1992 года. К нему присовокупляли ряд дополнений и протоколов (например, Протокол о поэтапной отмене изъятий из режима свободной торговли от 6 февраля 2004 г). Тем не менее полноценному экономическому сотрудничеству Азербайджана и России не так много лет, во всяком случае, о первом существенном прогрессе можно говорить только после 2000–2001 годов, когда президентами Путиным и Гейдаром Алиевым был заложен новый политический фундамент взаимоотношений. В те же двухтысячные годы на постсоветском пространстве стали обсуждать идею о том, что двустороннее экономическое сотрудничество стоит теперь рассматривать как элемент замещения интеграционного проекта СНГ, который, согласно мнению многих участников объединения, фактически исчерпал себя.

Двустороннюю торговлю в СНГ сейчас надо рассматривать как многоплановое явление, выделим четыре составляющие.

Во-первых, это элемент общего глобального или «открытого рынка», на который вышли страны СНГ. В данном случае на совместные проекты и торговлю влияют процессы, происходящие в мировой экономике, и правила, установленные в таких организациях, как ВТО. Внешний рынок за пределами СНГ выглядит как наиболее привлекательный для всех постсоветских экономик, ориентированных на углеводородный экспорт. Так, оборот России со странами дальнего зарубежья в 2006 году увеличился на 29,9% – до 374,9 млрд. долл., со странами СНГ – на 25%, но его объем составляет всего 64,6 млрд. долл. Коллизия в том, что если для России СНГ просто ближайший региональный рынок, то для небольших стран постсоветского пространства, таких, как Азербайджан, Россия остается главным торговым партнером (прежде всего, в импорте) и главным рынком по многим секторам промышленности.

В этом смысле российский рынок для Южного Кавказа и Центральной Азии является элементом глобального и естественным выходом на рынки Европы.

СПРАВКА

Доли основных партнеров от общего объема импортных сделок Азербайджана: Россия (20,69%), Турция (9,82%), Украина (9%), Германия (8,09%), Великобритания (5,4%).

Доли основных партнеров от общего объема экспортных сделок Азербайджана: Италия (34,49%), Турция (12,3%), Россия (11,34%), Иран (9,97%), Вирджинские острова (6,63%), Грузия (5,58%).

Во-вторых, факт увеличения объема взаимной торговли в абсолютных цифрах – это следствие роста экономического потенциала тех стран, что вступают в такую коммуникацию. В качестве иллюстрации можно привести такой пример – на 2007 год объем российско-азербайджанской торговли практически превысил 1,5 млрд. долл. в год. Даже если просто поддерживать достигнутый уровень, не ставя задачи развития, объем торговли через два года автоматически возрастет почти в два раза – причина тому рост экономики в Азербайджане и России. Благодаря той же тенденции роста, МЭРТ РФ прогнозирует удвоение товарооборота России со странами СНГ (к 2010 году перейдет отметку в 100 млрд. долл. в год).

Третий момент. Характерная черта экономических связей внутри СНГ – они подспудно рассматриваются как возможные кирпичики для будущей интеграции. Причем вопрос вовсе не в политической интерпретации задач совместных проектов. Просто постсоветские рынки, несмотря на разницу масштабов, обладают схожими качествами, структурой и уровнем производства товаров и услуг. Возникает взаимная заинтересованность в развитии торгово-экономических связей между странами-соседями. Товарная номенклатура, продаваемая внутри СНГ, показывает ключевые отрасли этого общего рынка: экспорт сырья – импорт продуктов переработки, химической промышленности, удобрений; экспорт промышленных товаров – импорт электроэнергии, импорт широкого спектра товаров быта и легкой промышленности; экспорт аграрной продукции – импорт продуктов питания и с/х переработки. Комбинации могут меняться в зависимости от индивидуальных условий в той или иной стране, но потоки экспорт-импорт состоят в основном из таких сочетаний.

Вот это как раз и есть те самые «старые связи», доставшиеся в наследство от единой инфраструктуры СССР. В желании сохранить этот фундамент в новых экономических условиях создаются интеграционные проекты типа ЕЭП и ЕврАзЭС, которые, кроме вопросов снятия торговых барьеров, должны заниматься монополиями и искусственными завышениями цен. Перспективы таможенного союза в рамках ЕврАзЭС пока не определены, поэтому Азербайджан выбрал тактику стороннего

наблюдения за этим процессом, однако это не ограничивает поступательное развитие российско-азербайджанских отношений.

По сути, единственной опорой общего рынка СНГ остается режим отсутствия таможенного НДС на товары, произведенные внутри СНГ. Экспорт и транзит углеводородов плюс особый режим благоприятствования национальным производителям, то самое отсутствие НДС на таможенные, позволяет поддерживать высокий уровень торговли между столпами СНГ: Казахстан–РФ – более 13 млрд. долл., Украина–РФ – около 30 млрд. долл., Беларусь–РФ – около 20 млрд. долл. Собственно, в случае российско-азербайджанских отношений особых мер протекционизма и защиты со стороны государства национальных производителей и участников рынка, сверх тех, что уже имеются внутри СНГ, не наблюдается. Вероятно, можно ожидать определенные трения в отношении азербайджанских импортных таможенных пошлин, скажем, на автомобили и другие российские товары, но все эти вопросы обычно решаются в рабочем порядке.

Предприниматели также жалуются на отсутствие соглашений о взаимной защите инвестиций. В результате этого правового пробела российские компании регистрируются в Азербайджане через третьи страны. Например, ADA Group, развивающая в Азербайджане сеть из 50 супермаркетов для среднего класса, действует под австрийским флагом. Проблема в том, что при отсутствии соглашения о защите инвестиций к компаниям из таких стран Азербайджан не применяет либерального режима экспорта капитала. Наблюдаются сложности при перевозке продукции азербайджанскими предпринимателями через азербайджано-российскую границу. Должен быть выстроен новый автомобильный мост через реку Самур и упрощен процесс перехода. Сейчас, в связи с долгими проверками, выстраиваются длинные очереди, имеется ряд других проблем, решение которых не требует политической воли или согласования на высшем уровне. Несмотря на эти препятствия, Россия рассматривает Азербайджан как наиболее перспективный рынок в регионе.

Четвертый момент – миграционные потоки, дающие значительный приток средств в экономику двух стран. Безвизовый режим, установленный в СНГ (для РФ за вычетом Грузии и Туркмении) позволил сохранить главную положительную характеристику бывшего союзного пространства – свободное перемещение людей. Миграция, трудовая и туристическая, создает более глубокие связи между странами, нежели наличие какого-либо дорогостоящего проекта. Но для Азербайджана и других небольших стран СНГ «миграционный маятник» играет значительную экономическую роль. Посмотрим на цифры. По данным ЦБ РФ, в 2006 году объем денежных переводов из РФ в Азербайджан составил 440 млн. долл. По другим данным (Госкомстат Азербайджана), объ-

ем переводов из РФ достигает 720 млн. долл. в год. По оценкам, учитывающим возможность недекларируемого ввоза плюс безналичного перевода валюты, размер внешней «субсидии» со стороны российских азербайджанцев может достигать 2 млрд. долл. Собственно, дело не в объеме этих средств, а в том, что они прямо направлены на бюджет отдельной семьи, увеличивая покупательскую способность населения, улучшая социальную среду. Такие «целевые» инвестиции, вливания в экономику на уровне граждан благоприятствуют мелкому и среднему бизнесу, скрепляют неформальные социальные связи двух стран.

Теперь от общих условий российско-азербайджанской торговли в контексте общего рынка СНГ перейдем к конкретным проектам, существующим в пространстве российско-азербайджанских экономических отношений.

Сектор ресурсов и сырья

Сравнительно крупных вложений в добычу и разработку азербайджанских месторождений российские компании не предпринимают. Но среди тех, кто заинтересован и знает местные условия бизнеса, такие проекты существуют. Активно работает на рынке Азербайджана ОАО «ЛУКОЙЛ», имеющее 10% долю в международном консорциуме по добыче газа с месторождения Шах-Дениз и компании Южно-Кавказского трубопровода Баку–Тбилиси–Эрзерум. В то же время «ЛУКОЙЛ» вышел из проекта освоения морского нефтяного месторождения Азери–Чираг–Гюнешли, оставив за собой одно месторождение на море.

СПРАВКА

«ЛУКОЙЛ» оставил за собой нефтяную структуру «Ялама», которая размещается примерно равными частями в азербайджанском и российском секторах Каспийского моря на расстоянии 30 км от берега. Контракт по типу СРП на разработку месторождения подписан 3 июля 1997 года, ратифицирован в Милли Меджлисе 10 декабря того же года. Участники проекта «ЛУКОЙЛ» (80%) и ГНКАР (20%). Предполагаемый объем инвестиций в проект – 2 млрд. долл. По оценкам «ЛУКОЙЛа», прогнозируемые запасы составляют примерно 800 млн. баррелей нефти и 50 млрд. куб. м газа. По контрактным обязательствам российская компания должна пробурить на структуре «D-222» две разведочные скважины. Первая скважина не дала результатов, вторую разведочную скважину планируется бурить в период с июня по конец 2008 года. Глубина моря в точке бурения составит порядка 700 м, проектная глубина самой скважины – 2650 м.

Компанией «ЛУКОЙЛ» организован торговый дом «ЛУКОЙЛ – Баку», поставляющий нефтепромысловое оборудование и являющийся совместно с ГНКАР учредителем азербайджано-российско-сингапурского судоремонтного и судостроительного предприятия «Каспиан Шипъярд Компани». На начало 2007 года этой российской компании принадлежало 25 АЗС в Азербайджане. Надо добавить, что ОАО «ЛУКОЙЛ» яв-

ляется единственным представителем российского капитала на азербайджанском телекоммуникационном рынке (50% акций оператора фиксированной связи «AzEuroTel»).

В начале ноября 2006 г. ОАО НК «РуссНефть» и ГНКАР подписали Соглашение о разведке, разработке и долевом разделе продукции по блоку нефтяных месторождений Говсаны-Зых. Контракт, заключенный на срок 26 лет, предусматривает долевое участие ГНКАР в размере 25%, «РуссНефти» – 75%. Общий планируемый объем инвестиций в разработку месторождений составляет около 150 млн. долл. Объем извлекаемых запасов нефти на месторождениях оценивается в 12 млн. тонн.

В начале июня 2007 года ОАО НК «РуссНефть» приобрело долю в 37,5% азербайджанской компании Azpetrol в СП AzEN Oil Company B.V., занимающейся долевым распределением добычи с блока сухопутных нефтяных месторождений «Бинагады». В связи с тем, что компания «РуссНефть» меняет собственника, ее азербайджанские проекты пока оказываются в подвешенном состоянии.

Российский капитал пытается выходить на азербайджанский рынок строительного сырья и химии. В конце мая 2007 года в Азербайджане введен в эксплуатацию завод по переработке бентонита, построенный российско-азербайджанским СП «АзРосПромИнвест» (бентонит используется в производстве шинной резины, в качестве добавки для полимерных материалов, в строительной промышленности). Инициатором создания СП с российской стороны выступило НПО «Бентонит», с азербайджанской – предприятие «Дашсалахлы-бентонит». Обе стороны имеют равное долевое участие в СП, уставный фонд которого составляет 12 млн. долл. Планируемый объем производства – 245 тыс. тонн бентонитовой продукции в год. У предприятия пока возникают проблемы с транспортом, ж/д вагонами, вскоре, видимо, будет определена схема бесперебойного вывоза продукции.

Несмотря на отказ от закупок российского газа, объем товарооборота между Россией и Азербайджаном не снизился (стоимость газового контракта составляла около 450 млн. долл. в год). Сотрудничество в области транспортировки нефти и газа в принципе не имеет особых перспектив, если не считать такие экстравагантные предложения, как пуск нефти, добываемой в российском секторе Каспия, через трубопровод Баку–Джейхан. Впрочем, когда-нибудь подобный проект и мог бы осуществиться. Но если исходить из реалий сегодняшнего дня, кроме обозначенного выше участия российских нефтегазовых компаний, новых проектов не предвидится. В таком раскладе есть и плюсы. «Нефть» слишком застит глаза, и без внимания остаются перспективные и активно растущие несырьевые отрасли: рынок рекреационных услуг (строительство гостиниц), банковский сектор, городское строительство, телекоммуникации.

Банковский сектор

В сфере финансирования двусторонних внешнеэкономических операций активно работает Международный банк Азербайджана, открывший в Москве свою дочернюю структуру – Банк «МБА-Москва». Сеть филиалов и офисов МБА-Москва в России насчитывает 10 подразделений: шесть в Москве, три – в Санкт-Петербурге и один – в Екатеринбурге. ОАО «Банк ВТБ» планирует приобретение азербайджанского «АФ-банка», по данным журнала «Банки и бизнес», в 2007 году он занимал 36-е место по размеру активов среди банков Азербайджана. Из крупных российских банков «дочку» в Азербайджане имеет только «Уралсиб» – это банк «Никойл», входящий в топ-десятку по активам.

К сказанному стоит добавить несколько слов по поводу работы банка «МБА-Москва». Факт наличия такого банка, сопровождающего операции по торгово-экономическому сотрудничеству двух стран, говорит о многом – большинство стран Центральной Азии, Грузия и Молдавия вообще не имеют в России своих банков. Банковский сектор Азербайджана не может пока соревноваться в степени своего влияния на экономику страны, как банки Казахстана, Украины и России, но уже в состоянии конкурировать за своего клиента на чужой территории. Международный банк Азербайджана открывает представительства в Люксембурге, Нью-Йорке и Дубаи.

Промышленность и транспорт

В последние годы свою деятельность в Азербайджане расширяют российские компании «КамАЗ» и «ГАЗ». ОАО «КамАЗ» рассматривает возможность организации сборочного производства по выпуску 1,5 тыс. автомобилей в год, азербайджанская сторона, в свою очередь, предлагает создать полную производственную линию. В 2006 году дочернее предприятие ОАО «КамАЗ» – «КамАЗинструментспецмаш» (ЖИСМ) – выполнило государственный заказ на поставку в Азербайджан 45 пожарных машин. Всего у разных производителей в России заказано 400 единиц этой техники различных модификаций, в основном на шасси КамАЗа. Группа «ГАЗ» заключила с Азербайджаном соглашение на поставку в страну в 2007 году 3,5 тыс. легких коммерческих грузовиков «Газель» и «Соболь», легковых автомобилей «Волга». Недавно вновь возобновилось сотрудничество Гянджинского автозавода с Ульяновским автомобильным заводом. В сентябре 2007 года возобновлено сборочное производство автомобилей УАЗ, до конца года в Гяндже намерены выпустить 80 автомобилей УАЗ для свободной продажи. Первый этап сотрудничества предприятий продлился всего год. В августе 2006 года ГянджАз принял решение прекратить сотрудничество с УАЗ в свя-

зи с вводом требования о соответствии стандарту Евро-2 и регулярной поставкой бракованных комплектующих деталей на Гянджинский завод. Сейчас инициатива возобновления сборки принадлежит российской стороне, которая стала поставлять комплектующие для моделей, соответствующих стандарту Евро-2.

Нижегородский завод «Красное Сормово» завершил выполнение крупного заказа Каспийского морского судоходства (КАСПАР) на поставку пяти танкеров. В июле 2007 года на волжской верфи состоялся спуск на воду пятого морского многоцелевого сухогруза «Ахмед Махмудов». Габариты судна позволяют совершать проходы через Волго-Донской и Волго-Балтийский каналы. Сухогруз дедвейтом 6270 тонн ограниченного района плавания предназначен для перевозки всех видов основных грузов, включая 20- и 40-футовые контейнеры международного стандарта высотой до 9 футов, металла, зерна, леса, угля, крупногабаритных и тяжеловесных грузов. «Красное Сормово» ожидает и другие заказы из Азербайджана.

В 2005 году между ОАО «Российские железные дороги» (ОАО «РЖД») и Азербайджанской государственной железной дорогой (АГЖД) были подписаны Соглашение о сотрудничестве в области железнодорожных перевозок и Соглашение по организации перевозок пассажиров и грузов железнодорожным транспортом. В 2006 году АГЖД закупила у ОАО «РЖД» десять локомотивов б/у по цене 230 тыс. долл. каждый. В 2007 году АГЖД планирует приобретение у ОАО «РЖД» еще шести локомотивов.

Возможные перспективы

В перечисленном мы не выделяли отдельно традиционные связи в электроэнергетике и коммуникациях, хотя они составляют платформу любого торгового и промышленного взаимодействия. Перспективным проектом в сфере энергетики является открытие энергокоридора Россия–Азербайджан–Иран. Соглашение об объединении энергосетей Азербайджана, России и Ирана, предполагающее их синхронизацию и параллельную работу, было подписано в декабре 2004 года в Тегеране. Энергокоридор начнет действовать в 2009 году. Предполагается строительство второй 330-киловольтной линии электропередач Дербент–Яшма, что позволит увеличить объемы и надежность энергообмена Азербайджана с Россией. На азербайджано-иранском участке энергокоридора строятся пять подстанций.

Другой перспективный проект – создание сплошного ж/д коридора «Север–Юг» на территории Азербайджана – продвигается достаточно сложно. Сегодня на развитие транспорта в регионе давит политический кризис вокруг Ирана.

Определенные перспективы видны в развитии связей Азербайджана с регионами РФ. Подписано более 30 документов о торгово-экономическом и культурном сотрудничестве, и кроме традиционных связей с «исламскими» и каспийскими регионами (Дагестан, Калмыкия и Татарстан), Азербайджаном интересуются Ставропольский и Краснодарский края, Москва и Санкт-Петербург, Московская, Астраханская, Волгоградская, Самарская, Ростовская, Саратовская, Свердловская, Нижегородская, Ленинградская, Курганская, Кемеровская и Тамбовская области.

Имеются и проблемные проекты. До сих пор остаются неопределенными перспективы инвестиций ОК «РусАл». Алюминиевый гигант предлагает инвестировать 1 млрд. долл. в обмен на заключение эксклюзивного контракта на выкуп всего объема производства ПО «Глинозем» в Гяндже и готов гарантировать поставки бокситов для нового производства. Но проблема в том, что Минэкономразвития АР не готово гарантировать продажу 5 млрд. кВт. ч электроэнергии в течение 10 лет по фиксированным ценам, устраивающим российскую компанию. «РусАл» рассматривает и другой сценарий – создать совместную энерго-металлургическую компанию, которая в перспективе производила бы не менее 300 тыс. тонн алюминия в год, имела бы собственную тепловую электростанцию мощностью 700 МВт электроэнергии. В Баку прицениваются к этому предложению, а заодно рассматривают варианты развития алюминиевого производства в стране от других инвесторов, и в том числе силами национальной экономики. Скорее всего, инвестиции «РусАла» будут сосредоточены в России на строительстве энергометаллургического комплекса в Саратовской области, включающего два энергоблока АЭС.

В 2006 году возобновлена эксплуатация автопаромной линии Баку – порт Оля. Пока эта линия действует нерегулярно. Одна из стратегических задач развития всего каспийского региона и конкретно транспорта на Каспии – реконструкция системы Волго-Донского канала. Ветхость гидротехнических сооружений – одна из причин ограничения пропускной способности этой транспортной системы, в которой весьма заинтересованы азербайджанские компании. Каждый год специальным распоряжением Правительства РФ азербайджанским и другим судам каспийских стран выдается разрешение на выполнение ограниченного количества рейсов по внутренним водным путям России из Азовского моря в Каспийское и обратно.

Российское правительство начинает модернизировать шлюзовую систему. Общий уровень затрат по всем стадиям реконструкции и строительства второй ветки системы может превысить 3 млрд. долл. (для сравнения – принятый проект модернизации Волго-Балтийского канала предполагает суммарное финансирование в объеме 335 млн. долл.). В

послании Федеральному Собранию 2007 года президент Путин предложил каспийским странам создать международный холдинг по реконструкции и развитию канала. В Азербайджане с интересом отнеслись к этому предложению, вскоре можно ожидать начала предварительных переговоров по этой теме.

Параллельно возникло совсем неожиданное предложение – президент Назарбаев, выступая на Петербургском международном экономическом форуме с докладом о ситуации в СНГ, предложил реализовать проект строительства Евразийского канала от Каспия до Черного моря, который будет на 1000 км короче, чем Волго-Донской. Предварительная стоимость строительства оценивается в 15 млрд. евро. Впервые идея возникла еще в 1936 году, тогда отраслевой народный комиссариат подготовил технико-экономическое обоснование этого проекта, который не был осуществлен до конца. Однако в те годы силами заключенных было осуществлено строительство значительной его части. Трасса канала была проложена по Манычской впадине, в ранние геологические времена Каспийское и Азовское моря в этом районе соединялись проливом. В 1936 году был построен Усть-Манычский гидроузел, в 1941 году – Веселовский и Пролетарский гидроузлы, образовавшие одноименные водохранилища. Интересно, что в Казахстане успели продвинуться в этом деле дальше разговоров, национальный научно-технический холдинг «Самгау» и Евразийский банк развития, в сентябре 2007 года подписав соглашение о создании канала «Евразия», начали работу над предварительным технико-экономическим обоснованием канала.

Наконец, один из последних азербайджанских проектов, имеющий непосредственный интерес для России, – строительство АЭС около Баку. Предложение было вынесено на обсуждение 51-й конференции Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), в случае позитивного решения в Баку готовы приступить к строительству с 2009 года. Станцию планируется заложить недалеко от населенного пункта Навои, что примерно в 100 км от Баку в юго-восточном направлении.

Это степная, сейсмически благоприятная зона, именно здесь в советский период предполагалось строительство атомной станции, и, по некоторым данным, этот вопрос тогда был согласован с МАГАТЭ. В настоящее время за счет строительства в стране новых электростанций их совокупная мощность может возрасти примерно на 4,7%. Ожидается, что до 2010 года будет выработано дополнительно 2 тыс. МВт, а до 2015 года – 2750 МВт электроэнергии. Однако этого объема будет недостаточно для удовлетворения потребностей быстро развивающейся экономики страны. На сегодняшний день на нужды внутреннего потребления, включающего выработку электричества, уходит порядка 15 млрд. куб. м газа – с одной стороны, часть этого объема можно отправлять на экспорт, с другой, через 25–30 лет запасы нефти и газа в Азербайджане бу-

дут серьезно сокращены, поэтому имеет значение экономия ресурсов. Кроме того, наличие АЭС даст импульс к развитию высокотехнологичных отраслей производства и появлению в стране нового поколения инженеров. При дальнейшем развитии генерирующих мощностей Азербайджан может стать экспортером электричества в Грузию и Турцию, о возможностях такой программы заявил Ильхам Алиев осенью 2007 года.

В ряду будущих направлений – сотрудничество Азербайджана с российскими инновационными компаниями – развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Сотрудничество в данной тематике выходит за рамки двустороннего, речь идет о глобальных проектах. В 2007 году в Баку впервые состоялась конференция «Информационные науки и материал высокой технологии», организованная Министерством связи и информационных технологий и Национальной академией наук Азербайджана (НАНА). В ходе этого форума, на котором присутствовали два лауреата Нобелевской премии – Айвар Гайевера и Жорес Алферов, – были проведены первые консультации с лабораториями, научными центрами США и Японии по вопросу производства нанотехнологических продуктов.

России могла бы быть интересна кооперация с региональными инновационными зонами Азербайджана, в которых правительство Алиева планирует развивать nano-, био- и информационные технологии. По оценкам министерства связи и информационных технологий Азербайджана, объем информационно-коммуникационного сектора в 2007–2008 годах окажется на уровне 1 млрд. долл., в 2012 году он может достичь 4 млрд. долл., в 2018 – 10–12 млрд. долл. Более того, правительство прорабатывает возможность получения лицензии на место на геостационарной орбите для собственного спутника связи Azersat, параллельно ведется проектирование и технико-экономическое обоснование проекта. Ожидается, что в 2008 году будет сделан выбор из пяти предложений по данному проекту. Спутник может быть запущен в 2010 году. Проекты такого рода обычно обходятся в 100–160 млн. долл. Поддержку Азербайджану по запуску национального спутника оказывает иницированная проживающим в США российским академиком Роальдом Сагдеевым программа «Спутник Шелкового Пути» (Silk Sat). Проект Silk-Sat предполагает создание единой спутниковой системы стран «Великого шелкового пути» с привлечением ресурсов США и России.

Подведем некоторые итоги торгово-экономического сотрудничества.

Для активизации экономических связей между Россией и Азербайджаном, а также в целом внутри СНГ, необходимо приступить к реализации крупных инвестиционных проектов, представляющих взаимный интерес, необходимо продолжать работу по совершенствованию нормативно-правовой базы сотрудничества, дальнейшей либерализации взаимной торговли и формированию элементов единого экономического

пространства. По этому поводу следует заметить: различные политические спекуляции или политические стратегии вокруг экономической интеграции (ЕврАзЭС или ГУАМ) не могут умалить факта – любое торговое сотрудничество само по себе стремится к созданию единого экономического пространства в тех или иных форматах, весь вопрос – как его поддерживают и каковы объективные возможности для такого сотрудничества. Все страны СНГ стремятся к созданию эффективной платежно-расчетной системы, к формированию надежной правовой базы, которая обеспечивала бы условия для добросовестной конкуренции на рынках, отсутствия монополизма и сговора.

Долгосрочная, хорошо просчитанная, прагматичная и прозрачная экономическая политика, нацеленная на выстраивание рыночного пространства внутри СНГ, необходима как России, так и ее партнерам, включая Азербайджан.

Медведев–Алиев

Переход должности президента от Путина к Медведеву, понятно, не мог вызвать никаких осложнений в отношениях с Азербайджаном. Наоборот, спустя несколько дней после инаугурации 7 мая в Москве, в Колонном зале Дома союзов состоялись торжественные мероприятия, приуроченные к 85-летию юбилею памяти Гейдара Алиева, на нем выступил Сергей Нарышкин, глава новой президентской администрации, бывший раньше вице-премьером, руководителем российско-азербайджанской межправительственной комиссии. Он зачитал торжественное послание от Дмитрия Медведева и сообщил, что российский президент наградил главу исполнительного аппарата президента Ильхама Алиева Рамизу Мехтиеву орденом Дружбы.

С азербайджанской стороны «моста» двусторонних отношений достигнутый уровень взаимопонимания вряд ли существенно изменится – состав высшего руководства страны после выборов октября 2008 года наверняка останется прежний, а кадровые перестановки, допустим, в случае с возможной отставкой премьера Раси-заде, иные возможные перемещения в правительстве вряд ли изменят выработанный начиная с 2000 года ритм и стиль отношений с Москвой, который Баку вполне устраивает. Кроме того, Ильхам Алиев лично знает преемника Путина еще в должности главы администрации президента России – летом 2005 года Медведев приезжал в Баку с рабочим визитом, контакты были и раньше, когда Медведев являлся председателем совета директоров «Газпрома».

Отношения находятся в таком русле, где вряд ли возможны какие-либо острые ситуации – они как бы выводятся за рамки. Допустим, всем видны скандалы в медийном пространстве, связанные с резкими выска-

званиями тех или иных российских политиков в отношении Азербайджана или, наоборот, в отношении РФ. Иногда они поднимаются на уровень МИД (тоже самое относится к реакции на преступления скинхедов в отношении азербайджанцев). Но эти конфликтные ситуации и инциденты никогда не подрывали отношений в корне и практически не влияли на экономический блок сотрудничества. Другое дело, что в самой экономике не столь блестящие перспективы, но они связаны с теми реалиями экономик двух стран, которые сложно изменить автоматически.

Если говорить о влиянии карабахского конфликта на двусторонние отношения, то эта тема (участие РФ в МГ ОБСЕ, поддержка Кремлем военного равновесия в пользу Армении и другие аспекты, негативно влияющие на Баку) давно переведена в отдельный блок отношений, который «не довлеет» над той содержательной частью, что имеется в плоскости двусторонней политики и экономики, и это разумно (таким же способом Баку выстраивает отношения с США).

Здесь же следует отметить и такую деталь – вряд ли в течение 2008 года возникнет что-то новое в американской политике в регионе. Старая администрация занята «сбором чемоданов»: кадровый состав выясняет собственные перспективы. А новая всерьез займется ситуацией на постсоветском пространстве только с весны 2009 года. Соответственно в этот период «затишья» России не придется выдвигать каких-либо контр-инициатив в рамках логики «игры с нулевым результатом».

Таким образом, при «раннем» Медведеве, во всяком случае, в перспективе календарного года, вряд ли в российско-азербайджанских отношениях возможны как серьезные осложнения, так и политические прорывы.

*Тандем Путин–Медведев
и новая программа сотрудничества для СНГ*

Третий президент РФ Дмитрий Медведев приходит как продолжатель «дела» Путина, поэтому от него не стоит ждать каких-либо резких колебаний в плане политики со странами СНГ. Революционных изменений не стоит ждать еще и потому, что вся полнота ответственности и реальных рычагов отношений с сопредельными странами пока сохраняется в руках у Путина. Ведь именно на главу правительства и подотчетные министерства приходится львиная доля нагрузки в поддержании двусторонних отношений с сопредельными странами, их реальное содержание, которое президенты визируют. Возглавив правительство, Путин формально остается во главе органа действительной политики, поначалу оставляя Медведеву представительские функции спикера на саммитах и «лица страны» при зарубежных визитах. Таковы сложившиеся реалии. Пока.

Судя по той конструкции, что выстроилась, происходит некоторая диверсификация исполнительной власти: Путин, укрепляя своей фигурой правительство, не перетягивает рычаги правления на себя, оставляя Медведеву большое поле для маневров. В дальнейшем самостоятельность Медведева может еще увеличиться, все ресурсы для этого есть, однако и правительство останется значительным субъектом внешней политики. Также вероятно усиление МИДа, возвращение этому ведомству полноты ответственности, вывод его из «тени» президентской вертикали для большего контроля и управления внешнеполитической деятельностью уже в рамках кабинета министров.

Первое турне по СНГ Дмитрия Медведева (не считая визита в Астану по дороге в Китай) состоялось в июле в Азербайджан. Президент РФ принял приглашение Ильхама Алиева посетить Баку 3–4 июля, оттуда Медведев направился в Туркменистан, где 4–5 июля состоялся его официальный визит, а затем он отправился в гости к Нурсултану Назарбаеву, на празднование 10-летия столицы – города Астаны. 16 сентября 2008 года состоялся визит президента Азербайджана Ильхама Алиева в Москву. В подмосковном замке Майендорф прошли переговоры между ним и его российским коллегой Дмитрием Медведевым. Сентябрьский визит Алиева в определенной мере стал символическим. Это – первая поездка главы Азербайджана в Россию после формально-правового признания Абхазии и Южной Осетии.

Необходимо отметить, что 14 марта 2008 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «О положении на оккупированных территориях Азербайджана», проект которой был внесен представителями Баку. В документе подчеркивается необходимость «полного и безоговорочного вывода всех армянских сил со всех оккупированных территорий Азербайджанской Республики».

При этом необходимо отметить, что 39 стран проголосовали «за», 7 – «против», а 100 – воздержались. Такое большое количество воздержавшихся объясняется тем, что против резолюции выступили три страны-сопредседателя Минской группы ОБСЕ (Россия, США и Франция).

Подобная позиция Минской группы в очередной раз подтвердила сложившуюся в экспертных кругах оценку о нежелании международных посредников способствовать окончательному разрешению армяно-азербайджанского конфликта. Политика «двойных стандартов», проводимая ими, объясняется не только влиянием проармянского лобби, но и сиюминутной политической конъюнктурой. Россия поддерживала Армению в ее конфликте с Азербайджаном до тех пор, пока Ереван не стал более пристально поглядывать на Запад. Не исключено, что если данная тенденция в политике Армении будет с течением времени усиливаться, будут крепнуть и российско-азербайджанские связи.

Возвращаясь к итогам визита президента России Дмитрия Медведева в Азербайджан, отметим, что в его ходе главами двух государств была подписана Декларация о дружбе и стратегическом партнерстве с формулировками, отражающими азербайджанскую позицию по Нагорному Карабаху. В частности, в документе отмечается «важность скорейшего урегулирования нагорно-карабахского конфликта на основе общепризнанных норм и принципов международного права, и, прежде всего, соблюдения и обеспечения суверенитета, территориальной целостности и нерушимости границ государств»¹⁷.

Первый неформальный саммит СНГ, который Дмитрий Медведев принимал в качестве президента в Санкт-Петербурге 6–7 июня, прошел под знаком экономического форума, который, в свою очередь, оказался площадкой дебюта либерального крыла путинской администрации. Не забудем, что в путинском кадровом ядре есть группа как консерваторов, так и либералов. С приходом Медведева сторонники стратегии ограниченного влияния государства ожидали и ожидают импульса к экономическому либерализму. Путин, очевидно, это поддерживает. Вслед за диверсификацией работы правительства и аппарата президента расширится поле возможностей для тех предложений, носителями которых являются министр финансов Алексей Кудрин, помощник президента Аркадий Дворкович, глава Минэкономразвития Эльвира Набиуллина (креатура Германа Грефа, президента Сбербанка, ранее возглавлявшего Министерство экономического развития и торговли РФ), бывшего председателя правления РАО «ЕЭС России» Анатолий Чубайс и, конечно, первый вице-премьер Игорь Шувалов.

Его выступление как раз и анонсировало стратегию долгожданной либерализации. Посмотрим, как он ставит вопрос. Шувалов насчитал в России пять основных проблем: это психология догоняющего (так лидером не стать), энергетическая западня (обилие ресурсов порождает одну из самых высоких в мире энергоемкостей экономики), отстающие навыки (нехватка квалифицированных работников), нездоровый образ жизни и стремление государства к доминированию (которое многие поддерживают). Дальше Шувалов удивил аудиторию, сообщив, что политика государства меняется: оно уйдет из тех отраслей, «где его задачи выполнены», в советах директоров госкомпаний со 100% -ным участием вместо чиновников появятся менеджеры, а стратегических предприятий станет меньше. Новые госкорпорации, оговорился Шувалов, все равно будут появляться – избежать этого «не удастся»; однако они должны работать прозрачно и «по правилам корпоративного управления». Тезисы Шувалова поразили российских предпринимателей своей новизной.

Шувалов послал четкий сигнал – Россия должна притягивать к себе партнеров стандартом и качеством социальной системы, «человечес-

¹⁷ <http://novostey.com/politic/news72417.html>

ким» лицом государства. Его тезисы логично вытекают из программы «четырёх И» Медведева: институты, инфраструктура, инновации, инвестиции. Говоря нормальным языком, это снижение налогового бремени, модернизация технической инфраструктуры, построение мощной финансовой системы, формирование основ инновационной системы и реализация обновленной политики социального развития.

Так как ресурсы для радикально нового этапа отношений с соседями по СНГ должна предложить Россия, а иных предложений, кроме собственного интенсивного внутреннего развития, быть не может, то вывод таков – логика программ двустороннего и многостороннего сотрудничества со странами постсоветского пространства при Медведеве будет строиться на озвученном корпусе инициатив.

Перенос внимания к не нефтяной экономике, назовем ее экономикой инноваций, еще один мост и метод для России, позволяющий «привязать» страны СНГ к своим проектам. Параллельно с ростом возможностей российской экономики будет возрастать роль отношений по другим направлениям межгосударственного взаимодействия. Речь идет об увеличении частных контактов, о туризме, об укреплении и активизации связей среднего бизнеса, в этом же ряду стоит продвижение гуманитарных интересов наших стран на территории друг друга. Надо понять, что в результате диверсификации российской власти, которая состоялась благодаря переходу Путина на должность главы правительства, мы получили как минимум два мощных инструмента для строительства новых этажей нашего общего дома. И это даст свои результаты. Грубо говоря, политику и экономику можно будет разводить по разным блокам. И это в какой-то мере новая реальность. Известные трения с диаметрально интересами бизнеса РФ и стран СНГ новая конструкция российской власти способна переключать на разные векторы. Поэтому вопросы газового сотрудничества (повышение цен, объем закупок и стоимость транзита) уже перестают «напрягать» стороны. Газовый рынок нашел новые правила, стал прогнозируемым и все меньше влияет на политику.

Если программа либерального крыла путинского гнезда осуществится, то Россия способна форсированными темпами превратиться в страну, привлекательную для постсоветского пространства. Политическая привлекательность ЕС заключается, прежде всего, в социальном удобстве жизни и малом давлении государства. Россия может достигнуть схожего результата, работая над решением социальных проблем.

В качестве примера движения к новому горизонту приведем ситуацию в российско-азербайджанских отношениях. Очевидно, что потолок крупных совместных проектов почти достигнут, возможности роста ясны (они касаются, в основном, ж/д транспорта, паромного сообщения, реконструкции канала Волго-Дон). Новых, не озвученных ра-

нее проектов и «открытий» вряд ли можно ожидать (идея транспортировки российской нефти по нефтепроводу Баку–Джейхан и покупка газа ГНКАР «Газпромом» находится в этом же ряду гипотетического). Но есть ресурс, связанный с качеством жизни и институтами власти: сокращение налогового бремени и введение других особых льгот для совместных российско-азербайджанских предприятий или – шире – предприятий российского бизнеса со странами СНГ; второе – повышение качества безопасности жизни и работы в России иностранцев из стран СНГ (в этом ряду контроль над предприятиями, где работают мигранты, контроль над преступностью, контроль за здоровьем и профессиональными качествами въезжающих мигрантов и контроль за соблюдением их прав на медицинское и страховое обслуживание в РФ), третье – расширение общей образовательной базы за счет совместных проектов вузов и создание цепочек новых постиндустриальных производств.

Все вместе и будет еще одним мостом, позволяющим поднять отношения двух стран на следующий уровень.

Попробуем соотнести новые тенденции и акценты российской политики в СНГ, озвученные в последнее время Медведевым и Путиным, с теми ожиданиями и ресурсами, что имеются в блоке российско-азербайджанских отношений.

Экономика

Естественно, что Москва будет продолжать делать ставку на поддержание имеющихся инфраструктурных связей внутри СНГ. Основной механизм этих связей – частно-государственное партнерство плюс общие проекты госмонополистов. Крупных совместных проектов (типа «КТК» или СП «КазРосГаз»), которые развиваются на рынке сырья со странами Центральной Азии, у России с Азербайджаном нет. Однако в этой группе «крупной инфраструктуры» есть несколько незаконченных проектов: объединение электроэнергетической сети; полноценный ввод в строй ж/д коридора «Север–Юг» по территории Азербайджана; не снят с повестки и вопрос инвестиций «РусАла» в азербайджанскую алюминиевую промышленность; в перспективе строительство АЭС; также возможно участие Азербайджана среди других инвесторов в реконструкции системы шлюзов канала «Волго–Дон».

Как видим, есть блок совместных проектов, уже находящихся на определенной стадии реализации, есть и такие, что могут проявиться лишь в перспективе, в случае укрепления позитивных тенденций. Многие темы сотрудничества взаимосвязаны. Например, вопрос строительства нового алюминиевого завода напрямую привязан к стоимости электроэнергии и расширению объемов ее производства в Азербайджане.

не. Естественно, что это упирается в интеграцию энергосетей Южного Кавказа–Ирана–России–Турции, что опять непосредственно связано с увеличением количества электростанций в самом Азербайджане: программа развития энергетики страны, принятая правительством Алиева, предусматривает необходимый рост энерго мощностей, в том числе и для экспорта электроэнергии. Развитие ж/д коммуникаций, кроме собственных сложностей, отягощено вопросами геополитики: на западе страны – карабахский конфликт, на юге – торможение строительства моста через реку Астара увязано с неопределенностью в отношениях Вашингтона и Ирана.

Что касается проектов более далеких перспектив, возможно, попадающих в президентство Медведева, то, кроме упомянутых АЭС и «Волго-Дона», есть вероятность возвращения «Газпрома» в Азербайджан, но уже в качестве покупателя азербайджанского газа (такие переговоры велись между российской компанией и норвежской «Statoil», оператором «Шах-Дениз»), кроме того, Медведевым для всех стран СНГ озвучено предложение о создании совместной нанотехнологической промышленности.

Но какие бы гипотетические перспективы и технические возможности ни имелись, их реальность будет зависеть от атмосферы доброжелательства в политике и наличия реальных плодов взаимовыгодного сотрудничества в экономике.

Пока оттока капиталов из российско-азербайджанских проектов не наблюдается. Бывают нерешенные проблемы в правилах бизнес-игры (например, концерн КамАЗ запросил для себя налоговые и таможенные преференции, а также 75% прибыли, получаемой в рамках совместных проектов, что изначально не могло устроить азербайджанскую сторону). Многие проблемы, особенно для среднего, менее защищенного уровня инвестиций, создает отсутствие «Соглашения о защите и поощрении инвестиций» между Азербайджаном и Россией. Есть примеры, когда российские компании приходят на азербайджанский рынок под «флагами» тех стран, с которыми такие соглашения имеются. Этот вопрос наверняка необходимо будет решить в ближайшей перспективе.

Административная и коррупционная нагрузка на совместные предприятия оценивается по-разному. В разговорах с предпринимателями приходилось сталкиваться с различными оценками – от весьма радужных до пессимистичных. Общий знаменатель таков: уровень коррупции в двух странах весьма близок, а административное давление (объем налоговой отчетности и количество контролирующих органов) в Азербайджане в целом чуть ниже, чем в России. Можно сказать, предприниматели работают в знакомой среде, поэтому, учитывая все эти издержки, мало примеров того, чтобы с азербайджанского рынка уходили российские компании по причине потери коммерческого интереса. Те, кто

внимательно исследует возможности, остаются.

Кировский завод создал СП по сборке экскаваторов и тракторов на базе бывшего Сабирабадского ремонтно-механического завода, который расположен в 180 км от Баку. Возобновилось сотрудничество Гянджин-ского автомобильного завода (ГянджАз) с партнерами из Ульяновска (УАЗ), который после задержки стал поставлять комплектующие для моделей, соответствующих стандарту Евро-2. «Внешторгбанк» (ВТБ-24) до конца февраля заканчивает процедуру приобретения 50% акций азербайджанского банка AF Bank, входящего в рейтинг первой десятки азербайджанских банков. Интересуют даже изношенные старые нефтяные месторождения. Структура экс-главы НК «РуссНефть» Михаила Гучериева – Global Investment Energy – приобрела долю в двух компаниях, которые владеют лицензиями на разработку нефтяных блоков в Азербайджане у канадской Nations Energy Co. Ltd.

Несколько слов о среднем бизнесе, который наиболее приближен к основной массе населения двух стран. Во многом эта зона бизнеса мотивирована национально-этническими предпочтениями, непосредственно связана с азербайджанской диаспорой в российских регионах либо с влиянием диаспоры. Всего в Азербайджане было зафиксировано 308 компаний с российским участием, 160 из которых функционируют со 100%-ным российским капиталом. В 2008 году ожидается увеличение их количества до 400 организаций. Заметную роль в этом играет возможность более быстрой регистрации предприятий в Азербайджане в сравнении с предыдущим периодом. По словам главы торгового представительства России в Азербайджане Юрия Щедрина, «торгпредство рассматривает серьезные предложения по проектам, которые исчисляются десятками, но информация о них пока конфиденциальна».

СПРАВКА

Россия поставляет в Азербайджан более 1500 видов продукции, около 80% приходится на товары машиностроительной, автомобильной, химической промышленности, изделия из металла и лесопромышленности, стройматериалы, продовольственные товары и сельхозсырье. Удельный вес азербайджано-российского товарооборота в общем товарообороте Азербайджана в 2007 году составил 13%, в результате чего Россия стала вторым (после Турции) торговым партнером Азербайджана по объему товарооборота и первым по экспорту.

На уровне среднего бизнеса и потребительского рынка большую долю в объеме товарооборота играют сети торговых домов и покупка в России автотранспорта. Планируется, что общий объем товарооборота в 2008 году будет доведен до 2 млрд. долл., а с учетом общего роста экономик обеих стран к 2010 году, при благоприятных условиях, он может удвоиться.

Безопасность

К общим вопросам двусторонней безопасности относится сотрудничество ведомств спецслужб, которое, судя по косвенным признакам, находится на хорошем рабочем уровне: общие темы – борьба с терроризмом, политическими кризисами, контроль границы и наркотрафика. Вряд ли при Медведеве этот уровень будет снижен. Сотрудничество в российских программах обеспечения безопасности на Каспии во многом будет зависеть от того, насколько они синхронизируются с собственным развитием азербайджанских ВМС: было бы ошибкой считать стремление Баку проводить более активное сотрудничество с евро-атлантическим альянсом, блокирующим развитие других направлений, – прямой зависимости нет.

Однако все вышесказанное приведено лишь в качестве иллюстрации ситуации в блоке безопасности. Скорее всего, заметная активность может ожидать в другой, более «гражданской сфере». В ходе последнего неформального саммита глав СНГ в Москве Медведев предлагает странам СНГ создать фонд оперативной помощи на случай возникновения чрезвычайных ситуаций. Предложение здравое, учитывая общий для всех износ инфраструктуры. Кроме того, структуры МЧС РФ и Азербайджана достаточно тесно сотрудничают между собой и с другими странами, эти ведомства в ряду самых эффективных на пространстве СНГ. Многие главы МЧС СНГ лично знают Сергея Шойгу, который продолжил возглавлять это ведомство и в правительстве премьера Путина.

В начале июня Шойгу посетил с визитом Баку и встретился с президентом Алиевым. Целью визита явился анализ двухлетнего сотрудничества МЧС двух стран и определение задач на будущее. Обсуждали вопросы очистки территорий, загрязненных нефтью, вопрос создания в Азербайджане центра по управлению при чрезвычайных ситуациях, а также вопросы по привлечению авиации для оказания помощи на море и при лесных пожарах. Раньше Азербайджан приобрел самолет-амфибию Бе-200. Он садится на грунт и водную поверхность, тушит лесные и промышленные пожары, оказывает помощь терпящим бедствие на море. Без приземления, на глиссировании, самолет забирает в свои емкости 12 тонн воды за 12–14 секунд.

Несколько замечаний по поводу карабахского урегулирования

В период до 2012 года (первый вероятный срок президентства Медведева) ситуация в конфликте может сдвинуться в сторону вывода азербайджанских районов из-под контроля армянских ВС. Много говорит о том, что в Ереване есть осознание необходимости такого шага. Посредники МГ ОБСЕ практически подготовили почву для этого. Одновремен-

но возникает целый ряд вопросов контроля со стороны посредников: ввод миротворцев, присутствие служб временного посткризисного мониторинга ситуации, работа по разминированию и многое другое. Участие российской стороны в этом процессе наверняка станет одной из новых тем сотрудничества Москвы и Баку. Правда, в свете независимости Косово Азербайджан может отказаться от такого половинчатого решения вопроса – возвращение части оккупированных районов и ввод миротворцев не увеличивает шансы на возвращение Карабаха в фактическую юрисдикцию Баку.

Проблема карабахского урегулирования – то самое звено, взявшись за которое Россия могла бы, по старому образному выражению, вытянуть всю цепочку вопросов, связанных с южнокавказским направлением своей внешней политики, считают умеренные наблюдатели в Баку. России никуда не деться от устойчивого мнения, утвердившегося в массовом сознании, что ее проармянская позиция имела решающее значение в фактической сецессии области. Геополитическая ситуация меняется, меняется роль и значение России в кавказских делах. Ее политика в отношении Нагорного Карабаха как продукта сепаратизма, серьезно влияющая на аналогичные процессы в самой России, нуждается в корректировке. Без этого России не избавиться от имиджа, согласно которому она поддерживает сепаратизм на Южном Кавказе в своих эгоистических интересах и жестоко подавляет свободы меньшинств в рамках своей Федерации. Так считают даже лояльно настроенные к РФ наблюдатели.

Гуманитарное сотрудничество

Основная база для развития этого блока деятельности – азербайджанская диаспора в РФ. Азербайджанская диаспора знакома с Дмитрием Медведевым, он «закрывал» Год Азербайджана в России официальным выступлением в Большом театре. Также существуют и неформальные контакты, которые наверняка будут иметь дальнейшее развитие.

Достаточно острой будет оставаться тема этнически мотивированных нападений фашиствующих группировок молодежи на граждан Азербайджана либо на российских граждан азербайджанской национальности. Понятно, что эта проблема будет вносить негативный диссонанс в позитивные тренды, однако сама эта тема выходит за пределы двусторонних отношений, несомненно, ее постараются не политизировать. Со стороны Москвы главное – демонстрировать успехи в расследовании и предотвращении этих инцидентов.

Теперь ряд проектов, которые наверняка могут получить развитие как в масштабе СНГ, так и по линии российско-азербайджанских гуманитарных отношений.

В качестве новой инициативы Медведева на том же неформальном саммите СНГ сделано предложение создать на пространстве СНГ цифровую базу библиотек, которое Путин дополнил инициативой переводить в большем объеме художественную литературу с языков стран СНГ на русский. Кстати, переводы азербайджанских писателей на русский уже активно осуществляются. Значительная деятельность в этом направлении ведется Фондом Гейдара Алиева, его представительство в Москве возглавляет дочь Ильхама Алиева. Это стыкуется с функциями такого российского Фонда, как «Русский мир», который будет занимать особую роль в продвижении социогуманитарных интересов РФ в СНГ (известно, что деятельность этого Фонда поддерживается супругой премьера Людмилой Путиной).

Такие одинаково направленные инициативы наверняка найдут точки приложения совместных усилий. Может быть организован форум или постоянная конференция дружеских фондов, продвигающих интересы своих культур в России, и российских, продвигающих интересы русской культуры в пространстве русского языка в сопредельных странах. Поддержка русского языка со стороны азербайджанского президента и органов власти общепризнана, эти усилия совпадают с общим позитивным отношением населения к русскому языку в Азербайджане. Также очевидна необходимость комплексных усилий в освоении и неконфликтной интерпретации общего советского исторического наследства – немаловажная часть работы с учетом имеющихся завалов и «темных страниц».

Одним словом, сотрудничество в сфере гуманитарного сотрудничества при президенте Медведеве может приобрести новое звучание.

Диаспора в России

Диаспора азербайджанцев в России – наиболее многочисленная за пределами исторического ареала, то есть, если не считать иранских азербайджанцев, это и политический, и экономический факторы, влияющие как на развитие двусторонних отношений, так и – опосредованно – на динамику внутренних процессов в Азербайджане. Азербайджан уделяет пристальное внимание не только своим диаспорным структурам в РФ, но и процессам, связанным с политикой российской власти по отношению к трудовым мигрантам из ближнего зарубежья России. Трудовая миграция – основная форма горизонтальных связей между нашими странами, ее надо ценить и создавать ей благоприятные условия.

Миграция азербайджанцев в Россию имела место еще в царский период, правда, наибольший размах она приобрела во времена Советского Союза. Можно выделить несколько масштабных волн миграции в советский и постсоветский периоды. Первая – послевоенная, связанная с по-

литикой освоения Сибири и Дальнего Востока. Хронологически период начинается с конца 1940-х – начала 1950-х годов и включает в себя массовое переселение азербайджанских специалистов-нефтяников в регионы Западной и Восточной Сибири в течение последующего времени. Многие известные азербайджанцы (Сабит Оруджев – министр газовой промышленности СССР с 1972 по 1981 год, Фарман Салманов – министр геологии СССР, член-корреспондент РАН) являлись основателями нефтяной отрасли Советского Союза, заложили фундамент нынешней российской нефтегазовой инфраструктуры. Переселение молодых семей азербайджанцев (не только нефтяников) для освоения и обслуживания сырьевых месторождений, начиная с Поволжья до Западной Сибири, было элементом государственной миграционной политики СССР. Пример такого переселения из трудоизбыточного региона в регионы интенсивного развития вспоминают и сегодня, предлагая применять подобный механизм в современной России.

Вторая волна включает десятилетие с конца семидесятых до конца восьмидесятых годов. К ней, имевшей в основе экономический стимул и носившей маятниковый, нерегулируемый характер, относится поток людей, курсировавший по маршруту Баку–Москва и по другим промышленным и культурным центрам. Он состоял в основном из студенческой молодежи, интеллигенции, творческих работников и теневого бизнес-сообщества. В этой группе заметную часть занимал формировавшийся в тот же период слой частных предпринимателей, которым не было легитимного места в системе советской экономики. Однако деятельность так называемых теневиков (владельцев незаконных цеховых производств, оптовых и розничных кооперативных торговцев, а также советских госруководителей, создававших параллельные схемы производства) была необходимым дополнением плановой экономике и естественным фактором существования советского общества.

Еще один момент, который нельзя забывать, рассуждая о незаконной предпринимательской деятельности, – это так называемый «цветочный бизнес». Он стал своего рода продолжением официальной договорной практики между республиками Союза, предполагавшей плановое снабжение плодоовощной продукцией северных регионов СССР. Именно это способствовало заключению кооперативных соглашений, в частности, между совхозами Апшерона и рынками Москвы, куда доставлялась цветочная и плодоовощная продукция. Жители Апшерона фактически наладили индустрию по выращиванию и производству цветов к главным праздникам страны. Первоначально продукция сбывалась совхозам, но, как следует из законов рыночного оборота, пускай и не официального, продавец стремится к меньшему количеству посредников на пути к покупателю, в итоге производители стали торговать на рынках собственными силами (продукцией собственных хозяйств и дружеских семей).

Система рухнула после открытия для России оранжерейного рынка Голландии, однако созданные в то время связи позволили многим переселиться и создать устойчивые торговые цепочки на российских потребительских рынках, хотя уже и не связанные с производителями в Азербайджане (круглогодичная торговля овощами в Москве ведется за счет крупных оптовых поставок из Турции и стран дальнего зарубежья).

Большинство азербайджанцев, из тех, кто не родился в России, но все-таки сумел занять ведущие места в сфере крупного бизнеса, науки и искусства, приехали в Россию именно в советское время. Своего рода элиту диаспоры представляет техническая и творческая интеллигенция: врачи, педагоги, писатели, журналисты, адвокаты, бизнесмены, зачастую занимающие крупные руководящие должности. Азербайджанцы являются руководителями и владельцами таких крупных российских компаний, как «ЛУКОЙЛ», «Нортгаз», «Никойл», группа «АСТ», «Крокус» и других. Достаточно широко представлен азербайджанский капитал в российских банках. Россия была и остается Меккой для энергичных и талантливых азербайджанцев.

В процессе распада СССР на диаспору оказало воздействие сразу несколько факторов – тяжелейший экономический кризис в Азербайджане в начале 1990-х годов, развал интегральных хозяйственных связей с центральными и западными регионами Союза (сокращение рабочих мест), а также потеря Азербайджаном значительной территории, оккупированной армянами (до 20%), – вместе это привело к появлению большого количества беженцев (примерно 782 тыс. человек).

Миграция из Азербайджана приобрела широкомасштабный характер. Поэтому в постсоветский период можно выделить еще одну волну, которую составили две различные группы мигрантов: жители Баку, основную их массу выехало приблизительно до середины 1990-х годов, и экономические мигранты с остальной территории Азербайджана, в основном сельское население, ранее занятое в аграрном производстве. Проблемы, возникающие в процессе адаптации этой последней группы в российском обществе, характерны для большинства стран с миграцией из села в город (в среднем более низкий уровень образованности, чем у жителя города, отсюда низкий социальный статус, затрудняющий удачную интеграцию в крупный российский мегаполис). Кроме того, на сельских мигрантов приходится более серьезная экономическая нагрузка в виде обязательной помощи членам семьи и родственникам.

Азербайджанцы, прибывшие после распада СССР, значительно отличались от тех, кто прибыл во время предыдущих волн. По данным исследовательского проекта «Социально-этническое развитие московского мегаполиса» Института этнологии и антропологии РАН, проведенного при участии Всероссийского Азербайджанского Конгресса, установлено, что почти половина (47%) московских «старожилов» азербайд-

жанцев имеет высшее образование, а среди «новоприбывших» их не больше 25%. Соответственно они занимают разное социальное положение. 48% «новоприбывших» азербайджанцев заняты в торговле и сфере обслуживания (выполняют низкодоходную предпринимательскую работу, работают водителями общественного транспорта, частных такси). Процент азербайджанских деятелей культуры, писателей, художников, ученых и других представителей творческих и интеллектуальных профессий медленно, но неуклонно снижается.

Иммигрантов из южнокавказских государств и мигрантов из российских регионов Северного Кавказа массовое сознание крупных российских городов спланило в негативный стереотип восприятия – «лица кавказской национальности». Расхожее объяснение феномена сводится к тому, что для этих групп действительно характерна относительно сильная сплоченность внутри собственного этнического ядра и низкая социализация в мегаполисе – отсюда конфликтность и недоверие к внешней среде «коренных». Однако потенциал этого напряжения в полиэтнической Москве не столь велик, как это трактуется особенно после французских этнических беспорядков.

Во-первых, иммигранты старше 30 лет и «коренное» население пока относятся к общей культурно-исторической общности («советский человек»), со своей стороны новоприбывшие могут и не знать русский, но они не составляют пока критической массы для изменения ментального типа интегрирующейся группы, ее консолидации в гетто. Во-вторых, социальное расслоение в мегаполисе имеет многоступенчатый уровень, сферы экономической деятельности иммигрантов на данный момент конфликтно не пересекаются с представителями «коренного» населения, а уровень доходов основной массы не позволяет говорить о легком росте и более привилегированном положении по сравнению с традиционными группами старожилов. Кроме того, среди выходцев с Южного Кавказа на самом деле существует множество этнических групп, между которыми имеются не только серьезные культурные отличия, но и напряженные отношения. Так, у азербайджанцев, оказавшихся в России, часто не исчезают межрегиональные и межклановые различия. В данном перечне мы сознательно опускаем проблемные стереотипы и маргинальные реакции, относящиеся к образу «кавказцев» в сознании «коренного» населения, так как это напрямую не касается миграционного портрета самих представителей диаспоры.

В определенной степени такие выводы с корреляцией на местные условия характерны для многих постсоветских столиц. Наблюдения в Баку показывают схожую картину – столица Азербайджана сталкивается с наплывом населения из сельских районов. В 1994 году, в разгар экономического кризиса, минимальная заработная плата составила в Азербайджане 2 тыс. манат (около 2 долл. до деноминации курса), в то вре-

мя как прожиточный минимум составлял 45 тыс. манат (около 45 долл.) на одного человека. Несмотря на улучшение экономической ситуации в Азербайджане с 1996 года, экономическое положение большинства населения оставалось тяжелым. Безработица в 2000 г., по данным Конфедерации профсоюзов Азербайджана, составляла 1,2 млн. человек, по данным международных независимых экспертов, – 3,7 млн. человек (в то время как Госкомстат Азербайджана официально зарегистрировал 41,6 тыс. безработных). На 2006 год, согласно официальной статистике в Азербайджане, 30% населения жило либо «за», либо «у черты» бедности (на 2003 год эта цифра составляла 60%).

Следует учитывать, что большинство азербайджанцев, находящихся сегодня в России, – это временные трудовые мигранты, которые не разрывают связей со своей родной страной. У многих из них семья остается в Азербайджане, и в России они работают фактически «вахтовым методом». Количество азербайджанских мигрантов может значительно изменяться в зависимости от сезона. Благодаря устойчивому экономическому росту в Азербайджане и усложнению правил регистрации мигрантов в России и правил розничной торговли, наметился процесс постепенного возвращения мигрантов на родину.

Важно подчеркнуть: для России миграционный потенциал Азербайджана в целом выбран или зафиксирован на одном уровне маятниковой стабильности (равное количество прибывших и убывших в течение годового цикла).

Точных данных о численности азербайджанцев, проживающих за пределами Азербайджана, нет. По информации азербайджанского Государственного комитета по работе с соотечественниками, проживающими за рубежом, за пределами Азербайджана постоянно проживают около 4 млн. человек (эти данные, очевидно, не учитывают азербайджанцев, проживающих в Иране). В публикациях азербайджанских исследователей возникает цифра в 30 млн. азербайджанцев, проживающих за пределами республики.

Точных данных о численности азербайджанцев, находящихся в России, тоже пока нет, значительная часть азербайджанцев находилась в стране нелегально. Теперь, благодаря усилению контроля на границе, созданию единой базы данных ФМС, статистика сможет зафиксировать более точное число прибывших на заработки в Россию. По предварительным данным переписи 2002 г., в России проживают 621,5 тыс. азербайджанцев, что почти в 2 раза больше, чем в 1989 г. (335,9 тыс.). Однако с учетом временных трудовых мигрантов число азербайджанцев в России оценивается приблизительно в 2 млн. человек.

По данным ГУВД Москвы, азербайджанцы – вторая по численности национальность в Москве (правоохранительные органы исходят из цифры 1,5 млн. азербайджанцев). По данным посольства Азербайджана в

России, в Москве их около 800 тыс. человек. В то же время, по данным переписи 2002 года, статистика в Москве следующая: азербайджанцы – 93 тыс. человек, армяне – 124 тыс., грузины – 54 тыс. человек. Для сравнения: в Санкт-Петербурге, опять же по оценке самой диаспоры, проживает около 280 тысяч азербайджанцев, из них около 70% – постоянно (граждане России). С учетом численности в Москве татар и украинцев, азербайджанцы могут претендовать только на четвертое место среди численности диаспор.

По некоторым данным, ежегодные инвестиции азербайджанцев в экономику России оцениваются в 1,5 млрд. долл. В то же время азербайджанская диаспора ежегодно направляет на родину значительную сумму. Так, до августовского финансового кризиса 1998 г. она составляла 2,5 млрд. долл., почти в 2,5 раза больше объема иностранных инвестиций того периода в Азербайджан. После августовского кризиса эта сумма резко сократилась и составила 780 млн. долл., однако в настоящее время она вернулась к докризисному уровню. Министерство финансов России оценивает объемы переводов денежных средств из России в Азербайджан в 2 млрд. долл. ежегодно. По другим оценкам, ежегодные переводы денег составляют от 2,5 до 4 млрд. долл. Разница в оценках вызвана невозможностью отслеживать отправку наличных денег из России в Азербайджан. Если сравнить эти переводы с суммарными объемами иностранных инвестиций в экономику Азербайджана в 1995–2003 годы, равными 9,6 млрд. долл. (то есть в среднем чуть более 1 млрд. в год), то становится понятным, что переводы денег из России являются важной составляющей азербайджанской экономики. В конце 2004 года опубликовано исследование Международной организации труда (МОТ), в котором на основании статистики МВД РФ утверждалось, что до половины заработанных средств прибывшие в Россию иммигранты (3–5 млн. человек) отправляют на родину. Согласно исследованию средняя сумма ежемесячного трансша одного азербайджанца составляет 133 долл., гражданина Украины и Армении – 130 долл., Молдовы – 110 долл., Грузии – 86 долл., граждан Таджикистана и Узбекистана – 50 долл. Оценки относительно сумм вывозимого капитала также приблизительны, как и оценки уровня коррупции, оборота теневых капиталов и прочих денежных потоков, скрытых от официальной статистики.

Ниже мы приводим характеристику наиболее крупной организации, представляющей азербайджанскую диаспору.

Всероссийский азербайджанский конгресс (ВАК) был создан в марте 2000 года, объединяет в своем составе более 70 общественных азербайджанских организаций, в том числе региональных отделений в 58 субъектах РФ. Президентом ВАК является профессор медицины, хирург Мамед Алиев, член-корреспондент РАМН.

Целями всех общественных организаций диаспоры является сохранение и пропаганда национальных азербайджанских традиций, языка и культуры. В числе первоочередных задач ВАК – создание сильной национальной диаспоры, координация деятельности многочисленных азербайджанских общественных организаций России. Руководство ВАК поддерживает тесные связи с правительством Азербайджана. Конгресс является основной структурой, связывающей государственную власть Баку с российскими азербайджанцами, что накладывает на ВАК дополнительные задачи: контакты с государственными и политическими деятелями России, ответные публикации против антиазербайджанской информации, появляющейся в российских СМИ, проведение PR-кампаний и т.п. Деятельность президента ВАК Мамеда Алиева оценена азербайджанским орденом «Славы».

В октябре 2004 года Второй съезд ВАК открывали в Москве два президента – Ильхам Алиев и Владимир Путин. Говоря о Конгрессе азербайджанцев, Ильхам Алиев подчеркнул, что структура выполняет стратегическую для Азербайджана задачу и все убедились в большом потенциале этой организации. Президент обратился и к новому поколению, к молодежи, которая должна «продолжить личные чувства, симпатию и дружбу наших народов».

Официальные власти Азербайджана понимают необходимость политической и финансовой поддержки своей диаспоры, которая может быть использована для решения внешнеполитических задач, стоящих перед страной. В определенный момент сильная диаспорная структура может выступить весомым фактором влияния, а также неформальным проводником между политическими элитами страны пребывания и исторической родиной.

Для осуществления этой задачи азербайджанские власти постарались консолидировать многочисленные разрозненные диаспорные организации, а для управления и контроля над ними была создана отдельная структура исполнительной власти – Государственный комитет по работе с соотечественниками, проживающими за рубежом. Планируется также создать в Баку Институт диаспоры, в котором бы разрабатывалась концепция организации и управления диаспорой.

Задача эффективного объединения сил азербайджанской диаспоры, в том числе и в России, пока не достигнута (создание организации не является залогом объединения диаспоры). Азербайджанская диаспора в России по-прежнему остается малоорганизованной внизу, на уровне рядовых иммигрантов, и не всегда единой в элите, на уровне руководителей организаций. Помощь Баку зачастую ограничивается косвенной статусной поддержкой, финансовых средств на собственные программы развития диаспорных организаций в азербайджанском бюджете не предусмотрено. С одобрения азербайджанских властей финансовую по-

мощь диаспоре посредством ВАК осуществляет группа крупных предпринимателей (Вагит Алекперов («ЛУКОЙЛ»), Фархад Ахмедов («Нортгаз»), Араз Агаларов («Крокус-сити»), Искендер Халилов (вице-президент «ЛУКОЙЛ Overseas»), Тельман Исмаилов (холдинг «АСТ», ресторан «Прага», «Военторг»), Эльман Байрамов (ЗАО «Мосазервинзавод»). Их усилиями, в том числе, создаются и новые рабочие места для диаспоры. Успешно решаются текущие проблемы конфронтации азербайджанских предпринимателей с силовыми органами, организуется правовая поддержка нелегалам, финансовая – малоимущим.

Но в основном это отдельные эпизоды, отдельные точки роста при отсутствии серьезной и долгосрочной программы развития диаспоры.

Как показывает практика, деятельность азербайджанских организаций не доходит до массы новоприбывших иммигрантов. Проблема в том, что до сих пор не обозначилось желаниа встречного движения от азербайджанских иммигрантов в России к своим организациям и от организаций к самым низам, к улице. В Москве, в местах скопления азербайджанских групп (рынки, уличные павильоны, ларьки у метро), мало кто знает об этих общественных организациях, а тем более, обращается к ним за помощью. Справедливости ради надо заметить, что ВАК организовал специальные консультационные центры и юридические группы в период начала действия новых миграционных правил в РФ. И если в 2004 году при ответе на вопрос «Имеете ли Вы хоть какие-нибудь контакты с диаспорными организациями?» – положительно ответили только 21% азербайджанцев, недавно прибывших из Азербайджана, то теперь эта цифра несколько возросла.

Национально-культурные организации подчас однобоко понимают задачи диаспоры, пытаясь усилить исключительно статусный или элитный уровень своего влияния внутри политической жизни России. Задача важная, но не самоценная, совсем скоро в России пойдут процессы самоидентификации нового поколения (20–25-летних) российских азербайджанцев в России, травмированных этнофобиями. Сможет ли ответить и как ответит на эти вызовы диаспора, покажет ближайшее время.

Наличие значительного количества временных трудовых мигрантов в России оказывает влияние на азербайджанское руководство, и оно не может не учитывать это при определении своей политики в отношении России. В то же время фактор азербайджанской диаспоры в России критически не довлеет на внешнеполитическую ориентацию Баку и, как показывает практика, не является средством дополнительного влияния Москвы на независимое государство. В качестве подтверждения этой нейтральности Россия не стала вводить визовый режим в отношении граждан Азербайджана, как это было сделано в свое время для жителей других государств.

Республика Армения

23 августа 1990 г. на 1-й сессии Верховного Совета Армении была принята декларация «О независимости Армении». В результате была упразднена Армянская Советская Социалистическая Республика и провозглашена независимая Республика Армения. 21 сентября 1991 г. состоялся всенародный референдум о выходе из состава СССР. 94,99% принявших участие в голосовании высказались за полную независимость Армении. 23 сентября 1991 г. Верховный Совет провозгласил Республику Армению независимым, самостоятельным государством.

Была изменена государственная символика – учреждены новые государственные Флаг, Гимн и Герб. В 1991–1992 гг. были реорганизованы институты власти и управления в соответствии с теорией разделения властей, введен институт Президента, предусмотрено создание Конституционного Суда Республики Армения, обновлена избирательная система.

5 июля 1995 г. в результате всенародного референдума была принята новая Конституция Республики Армения – четвертая по счету в ее истории. До этого принимались Конституции Армянской ССР в 1922, 1937 и 1978 гг.

Согласно новому Основному закону, главой армянского государства становится президент. Президент следит за соблюдением Конституции, обеспечивает нормальное функционирование законодательной, исполнительной и судебной властей. Он же является и гарантом независимости, территориальной целостности и безопасности республики. Президент избирается на пятилетний срок.

Правда, по мнению председателя Хельсинкского комитета Армении А.Ишханяна, конституция в Армении не является высшей ценностью, так как до сих пор в стране не сформировалось правовое государство.

Высшим законодательным органом в Армении является однопалатное Национальное Собрание Республики Армения. Национальное Собрание состоит из 131 депутата (75 избраны по мажоритарному, а 56 – по пропорциональному принципу, в 2007 году пропорция изменилась – 41 депутат избран по мажоритарным одномандатным избирательным округам, 90 депутатов – по пропорциональной системе). Национальное Собрание избирается посредством всенародных выборов на пятилетний срок. Последние парламентские выборы состоялись в мае 2007 года.

Исполнительную власть осуществляет правительство Республики Армения.

Президент, на основе консультаций с депутатскими фракциями в Национальном Собрании, назначает премьер-министром лицо, пользующееся доверием большинства депутатов, а если это невозможно, то лицо, пользующееся доверием наибольшего количества депутатов. Президент республики по предложению премьер-министра назначает членов правительства и освобождает их от должности.

С 1990 г. в Армении существует многопартийная система. Крупнейшими партиями страны являются:

- Республиканская партия Армении (РПА). Основана в 1990 г.
- «Оринац еркир» («Страна законности») – либерально-центристское объединение. Создано в 1999 г.
- Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн». Одна из старейших партий Армении, основана в 1890 г. как партия социал-революционного направления, выступавшая также за присоединение исторических районов Армении, ныне находящихся в составе Турции. Находилась у власти в независимой Армении в 1918–1920 гг. В советское время была запрещена, работала в эмиграции. Возобновила свою деятельность на территории Армении после 1990 г. В 1994–1998 гг. преследовалась правительством президента Левона Тер-Петросяна. Выступает за демократический социализм, под националистическими лозунгами. Входит в Социалистический Интернационал.
- Блок «Справедливость» (Ардатюн). Коалиция, образованная в 2003 г. В состав блока вошли: Демократическая партия, Национально-демократический союз, Национально-демократическая партия и Народная партия.
- Партия «Процветающая Армения». Создана в 2004 г., возглавляет бизнесмен Гагик Царукян.
- Партия национального единства. Создана в конце 1990-х гг. бывшим мэром Еревана Арташезом Гегхамяном как организация «Право и единение».

В стране также действуют Объединенная партия труда, Либерально-демократический союз, националистические партии «Могучая отчизна» и «Достоинство, демократия, родина», либерально-демократическая партия «Рамкавар азатакан» (образована в 1917 г., воссоздана в 1991 г.), коммунистическая партия Армении, социал-демократическая партия «Гнчак» («Колокол», старейшая в стране, создана в 1887 г, в 1920–1991 гг. была запрещена), Армянское общенациональное движение (умеренно-консервативная партия, образованная в 1989 г. на базе комитета «Карабах», требовавшего присоединения Нагорного Карабаха к Армении; находилась у власти в 1990–1998 гг.), Всеармянская партия труда, консервативная партия «Республика» и другие.

Армения делится на 11 провинций (марзов): Арагацотн, Арарат, Армавир, Гегаркуник, Котайк, Лори, Ширак, Сюник, Тавуш, Вайоц Дзор и Ереван. Провинции состоят из городских и сельских общин. Губернаторы (марзпеты) назначаются и освобождаются от должности правительством. В общинах осуществляется местное самоуправление. Органы местного самоуправления – совет старейшин общины и руководитель общины (мэр города, сельский староста) – избираются на трехлетний срок. Мэра Еревана по представлению премьер-министра назначает и освобождает от должности президент.

Армения входит в Содружество Независимых Государств, является членом ООН и ее специализированных организаций. Дипломатические отношения с Россией установлены в 1992 г. Первый президент страны Левон Тер-Петросян (1991–1998 гг.) стремился поддерживать тесные связи с Россией, США и Францией (в последних находятся крупные армянские общины). При президенте Кочаряне (1998–2008 гг.) существенно укрепились отношения с Россией, развивались отношения с Ираном. 19 февраля 2008 г. в Армении состоялись президентские выборы. Победу одержал премьер-министр Серж Саркисян.

СПРАВКА

Серж Саркисян родился 30 июня 1954 года в Азербайджане, городе Степанакерт (Нагорно-Карабахская область). В 1975–1979 годах работал токарем на Ереванском электротехническом заводе. В 1972–1974 годах Саркисян служил в Вооруженных силах СССР. После службы в армии поступил на филологический факультет Ереванского госуниверситета, который закончил в 1979 году. С 1979 по 1988 год был заведующим отделом Степанакертского горкома ВЛКСМ, вторым секретарем, первым секретарем, заведующим отделом пропаганды и агитации Степанакертского горкома КПСС, помощником первого секретаря областного комитета КПСС Нагорного Карабаха. С 1989 по 1993 год Саркисян возглавлял комитет сил самообороны Нагорного Карабаха. В 1990 году был избран депутатом Верховного совета Армении, с 1993 по 1995 год был министром обороны Армении. В 1995–1996 годах был начальником управления госбезопасности Армении, затем – министром национальной безопасности. С 1996 по 1999 год занимал пост министра внутренних дел и национальной безопасности. С 1999 года – министр национальной безопасности, секретарь Совета национальной безопасности при президенте Армении, с 2000 года вновь занял должность министра обороны Армении. 4 апреля 2007 года Саркисян был назначен премьер-министром Армении.

Политическая ситуация и экономическая ситуация

В 2007 г. в ходе президентской избирательной кампании в Армении произошло обострение политического противостояния. Ключевым событием, повлиявшим на предвыборную гонку, стало вступление в борьбу за пост главы государства бывшего первого президента Армении Левона Тер-Петросяна, который стал основным конкурентом премьер-министра Сержа Саркисяна. С этого момента политическая ситуация в стране начала приобретать конфликтный характер.

Проправительственные СМИ, как по команде, принялись критиковать первого президента, называя время правления Тер-Петросяна «кошмарными девяностыми», возврата к которым допустить нельзя. В одной из газет его называли «стукачом», норовящим бросить тень на предстоящие выборы, за то, что он обратился к международным организациям с просьбой помочь в мониторинге законности избирательной кампании.

Президент Армении Роберт Кочарян (выходец из Азербайджана, также родом из Степанакерта), поддерживавший кандидатуру Саркисяна, подверг резкой критике намерения Тер-Петросяна развивать торгово-экономические отношения с Турцией и Азербайджаном, которые, по оценке экс-президента, «в нормальных условиях должны были бы стать настоящими партнерами Армении и впятеро увеличить экспорт местной продукции», сбалансировать внешнеторговый оборот. Глава республики также обвинил Тер-Петросяна в готовности сдать Нагорный Карабах Азербайджану и превратить собственную страну в турецкий придаток. Кочарян напомнил, что, будучи президентом, Тер-Петросян по Нагорному Карабаху занимал пораженческую позицию и все переговоры по карабахскому урегулированию вел исключительно в контексте территориальной целостности Азербайджана. Сейчас, по его мнению, все изменилось, и последние восемь лет были потрачены на то, чтобы избавиться от последствий этого процесса и утвердить в Карабахе принцип самоопределения.

Экспертные круги, близкие властям, утверждали, что Армянское общенациональное движение, лидером которого является Тер-Петросян, предлагает Еревану в качестве основных партнеров Азербайджан и Турцию, что для Армении категорически неприемлемо. Народ сам определит место Тер-Петросяна в новейшей истории государства, утверждали эти аналитики.

В свою очередь, экс-президент, лишенный информационных и административных ресурсов, взял на вооружение тактику уличной борьбы, всерьез занялся работой с оппозицией. Ему удалось добиться поддержки не менее двадцати оппозиционных партий и провести ряд крупномасштабных митингов, в которых участвовали, по разным оценкам, от 15 до 25 тысяч человек. Тер-Петросяна поддержали лидер Народной партии Степан Демирчан, а также глава Демпартии Арам Саркисян (сын и брат расстрелянных в октябре 1999 года во время теракта в парламенте Карена Демирчана и Вазгена Саркисяна). Собрав очередной многотысячный митинг, экс-глава государства обвинил власти в политической безграмотности, отсутствии содержания во внешней политике, региональной экономической изоляции.

Внешнеполитическая тема была крайне актуальна на прошедших выборах – сторонники экс-президента Тер-Петросяна были уверены, что радикально исправить положение Армении в регионе способен только Тер-Петросян. Справедливости ради нужно отметить, что все важнейшие договоры России и Армении были подписаны при Тер-Петросяне: самое первое присоединение Армении к СНГ, договоры о коллективной безопасности, о совместной защите границ, о единой системе ПВО, о базе Гюмри, большой договор о дружбе с Россией, о создании «Армросгазпрома» и другие.

19 февраля 2008 года в Армении состоялись президентские выборы. Победу одержал Серж Саркисян, набрав более 52%. Победа на выборах Сержа Саркисяна была прогнозируемой. Точно так же, как и поражение первого президента.

Оппозиция, как и следовало ожидать, не смирилась с результатами, объявленными ЦИКом, в Ереване начались митинги. Все как в «старые демократические времена» – по городу поползли слухи о том, что в Ереван переброшен спецназ из Нагорного Карабаха, что правительственными войсками блокированы подъезды к столице и многое другое. Остро словы на митингах заявляли, что Армения «оккупирована» карабахцами, как бы намекая на то, что Роберт Кочарян и Серж Саркисян – выходцы из Нагорного Карабаха. Центр Еревана превратился в арену уличных боев.

Противостояние власти и оппозиции закончилось трагически. В результате беспорядков, охвативших Ереван 1 и 2 марта, погибли 8 человек, около 130 получили ранения разной степени тяжести. Среди раненых оказались как демонстранты, так и полицейские. У многих из них были огнестрельные и осколочные ранения. В центре армянской столицы толпа разгромила магазины, торговые киоски и офисы некоторых учреждений. По данным МВД, 15 человек из числа организаторов и активных участников акций протеста были арестованы. Правительство ввело в Ереван войска и бронетехнику.

Вслед за этим некоторые аналитики стали усматривать в происходящем зарницы «будущих гроз» в Армении, поскольку агрессивная избирательная кампания, которую проводили все участники выборов, не только «разбудила от спячки» так называемый умеренный электорат, но и привела к поляризации общества. Таким образом, применяемые в Армении новые приемы политтехнологии привели к самым нежелательным результатам – дестабилизации обстановки в стране.

«Капитал Левона Тер-Петросяна был в его публичности. У кандидата от Республиканской партии Сержа Саркисяна публичности было меньше, что, впрочем, не означает, что так оно и будет всегда. Сила республиканцев заключалась в имеющемся административном ресурсе, поскольку РПА – правящая партия», – отмечал руководитель Кавказского института прессы Александр Искандарян¹⁸.

Однако, как полагают многие кавказоведы, в нынешних армянских событиях за публичным политическим камуфляжем просматриваются иные «подводные» течения. Одни считают, что Тер-Петросян, выставив свою кандидатуру на выборах, решил свести личные счеты с Саркисяном, который сыграл ведущую роль в «ползучем перевороте» 1997–1998 годов, в результате которого был отстранен от власти первый президент

¹⁸ *Владимиров С. Серж Саркисян – испытание на прочность // «Российские вести», 5–12 марта 2008 г.*

Армении, а пост президента занял Роберт Кочарян. Другие усматривают в этом попытку Тер-Петросяна потеснить от власти выходцев из Карабаха. Утверждается также, что за его действиями стоят определенные силы армянской диаспоры и Запад, которые уже не первый год пытаются дискредитировать в глазах европейского общественного мнения курс реформ, проводимый Робертом Кочаряном и Сержем Саркисяном.

Но как бы то ни было, Роберту Кочаряну и его команде удалось сделать многое для того, чтобы в Армении не прошел сценарий «цветной революции» снизу. Именно Кочарян провел поправки к конституции страны, которые способствуют евроинтеграции Армении. А в самый пик противостояния между Москвой и Тбилиси Роберт Кочарян, вопреки ожиданиям Кремля, активизировал свои личные контакты с «демократом» Михаилом Саакашвили. Говоря иначе, «карабахцам» во власти в Армении удалось вовремя перехватить политические лозунги оппозиции и, как выразился один из армянских аналитиков, осуществить сверху «цветную революцию» в свою пользу. Вот почему Кочаряну удалось провести на высший пост в государстве своего ближайшего соратника Сержа Саркисяна, обозначив, таким образом, преемственность избранного политического курса.

Пресловутая преемственность курса на Южном Кавказе, в том числе и в Армении, в значительной мере связана с угрозой передела собственности, неизбежной при утрате властных рычагов. Опыт Грузии показал, что только заступничество США и тайные маневры спасли Шеварднадзе от того, что пришлось пережить многим его соратникам. В Армении при смене власти не избежать судебного разбирательства, что чревато скандалами национального масштаба.

Эти события в Армении в очередной раз доказали, что на Южном Кавказе модель политических взаимоотношений между властью и оппозицией остается прежней – в определенном смысле история повторилась. В сентябре 1996 года победитель президентской кампании Левон Тер-Петросян боролся с оппозиционерами, во главе которых тогда стоял Вазген Манукян. Сторонники Манукяна, посчитав результаты выборов сфальсифицированными, организовали массовые акции протеста. Они завершились штурмом здания парламента республики и фактическим введением режима ЧП в Ереване. Теперь оппозиционер Тер-Петросян обвиняет власти в попытке «государственного переворота».

Однако в 1996 году тогдашняя политическая элита Армении не могла не считаться с общественно-политическими настроениями в республике и не отреагировать на «патриотический запрос» населения. 20 марта 1997 года главой правительства Армении был назначен Роберт Кочарян (ставший потом президентом республики). В итоге на выборах 2008 года главный возмутитель спокойствия 1996 года Вазген Манукян набрал всего 2%.

Скорее всего, нынешняя власть, не идя на прямой диалог с оппозицией, все же учтет итоги февраля – начала марта 2008 года и «демократический запрос» избирателей. Приглашение председателя партии «Оринац Еркир» Багдасаряна (занял третье место на выборах президента страны) – уже отражение того, что одной лишь демонстрацией силы власти Армении не ограничатся. Конечно, Тер-Петросяна никто не позовет во власть. Однако многое из того, что говорили он сам и его сторонники, будет учтено впоследствии действующей властью.

Как бы то ни было, сегодня власть в Армении показала, что у нее есть не только силовой ресурс, но и определенный ресурс поддержки населения (без которого эффективность применения силы была бы равна нулю). Однако той же власти была показана «желтая карточка», от которой отмахнуться невозможно. Если власть не попытается в самое ближайшее время перехватить лозунги и требования Тер-Петросяна, то горячий март 2008 года может повториться.

Вместе с тем процессы, происходящие в Армении в период до и после президентских выборов, со всей очевидностью свидетельствуют о том, что эпоха цветных революций, организуемых на постсоветском пространстве, не закончилась.

Выборы – по-прежнему ключевой момент, предельно обостряющий накал борьбы за власть. Грузия и Армения при определении своего внутри- и внешнеполитического курса в той или иной мере следуют рекомендациям Запада, провозглашая своим главным приоритетом «интеграцию в мировое сообщество демократических стран», «принятие европейских ценностей и их трансформацию в стиль жизни» и т. п.

В динамике выборных и поствыборных процессов в Грузии и Армении есть и сходства, и различия. В обеих странах внутривнутриполитическая борьба традиционно отличается остротой и радикализмом. И там, и там имели место массовые митинги оппозиции, недовольной результатами выборов, пресеченные властями. Однако в Грузии акции протеста оппозиции после 5 января не опирались на многолюдные митинги и демонстрации. Грузинские оппозиционеры проводили голодовку в приемной спикера парламента. А в Армении избрали радикальный «оранжевый» сценарий, который в итоге обернулся массовыми беспорядками и гибелью людей (чего не было в Грузии).

Ориентация (на Запад) политических элит Грузии (как правящих, так и оппозиционных) вполне сложилась. Что же касается Армении, то она сохраняет военно-политические связи с Россией. Беспрецедентная по длительности политическая лихорадка в Армении предельно обострила все существующие проблемы и создала хорошие предпосылки для внешнего вмешательства, в том числе и с целью соответствующей «коррекции» российского вектора во внешней политике этой кавказской страны.

Естественно, нельзя отрицать внутренние причины происшедшего – они достаточно глубоки. Успех Тер-Петросяна, собравшего более 350 тысяч голосов исключительно на лозунгах разрушения и уничтожения, свидетельствует о серьезном морально-психологическом кризисе армянского общества. Вряд ли этот кризис можно объяснить исключительно трудностями повседневного существования людей (тем более, что положение дел значительно улучшилось по сравнению с временами правления того же Тер-Петросяна). Дело в том, что армянская государственность находится еще только в стадии формирования. Она представляет собой нечто незрелое. Из всех политических институтов, номинально существующих уже на протяжении более полутора десятка лет, эффективно проявила себя лишь армия (кстати, это прекрасно понимает Тер-Петросян, который в своей предвыборной программе призывал сократить армию до 10–15 тыс. человек и попытался привести раскол в руководство Министерства обороны Армении). В других странах СНГ, и в первую очередь в России, этого нет. Большинство армянских избирателей голосовало за стабильность и поступательное развитие, однако значительная их часть, особенно в столице, проголосовала, скажем, не за Вазгена Манукяна, выдвинувшего лозунг смены политической системы, а за «разрушителя» Тер-Петросяна.

Некоторые авторы отмечают выраженный индивидуализм армянской модели общественной самодеятельности. Налицо также люмпенизация многих социальных слоев в результате «либеральных» реформ. А значит, существуют необходимые внутренние предпосылки для того, чтобы армянское государство продолжали испытывать на прочность – как извне, так и изнутри.

Внешний фактор играет в Армении серьезную дестабилизирующую роль. Можно привести лишь два примера. В американском посольстве организовывались семинары для представителей генпрокуратуры, министерства внутренних дел, судебных инстанций и центральной избирательной комиссии республики, а радио «Свобода» долгое время вещало на частотах Общественного радио Армении. В результате ряда взятых Арменией на себя международных обязательств ключевые внутриполитические вопросы в стране решаются с постоянной оглядкой на Запад (эта ситуация характерна для не вполне самостоятельных стран или стран, где были успешно произведены цветные революции, и здесь Армения мало чем отличается). Речь идет о новой опасности – частичной или полной ликвидации суверенитета Армении.

В первые дни после введения чрезвычайного положения (ЧП) представители как зарубежных наблюдательных миссий, так и отдельных иностранных государств и организаций вели себя довольно сдержанно. Потом давление резко возросло. Отовсюду стали раздаваться советы и рекомендации, некоторые из них носили категорический, почти угро-

жесточий характер. В ход пошли приемы, напоминающие откровенный шантаж. А ведь ни Евросоюз, ни США никаких гарантий стабильности в Армении дать не могут, тогда как использование вооруженных сил при чрезвычайных ситуациях и массовых беспорядках – обычная практика для любой страны. В выдвигаемых к властям требованиях явно прослеживалось стремление получить дополнительные рычаги для управления внутривластными процессами.

Требование радикальных оппозиционеров и их лидера Левона Тер-Петросяна – начать международное расследование действий властей при наведении порядка в Ереване – получило на Западе широкий отклик и нашло поддержку в Вашингтоне и Брюсселе.

12 марта 2008 г. госсекретарь США Кондолиза Райс объявила о поддержке предоставляемой Арменией помощи и о прекращении действия в стране программы «Вызовы тысячелетия». Создавая нужный инфорационально-пропагандистский фон, «Нью-Йорк Таймс» напечатала 7 марта статью под заголовком «Мрачные дни в Армении». Помощник заместителя государственного секретаря Мэтью Брайза пошел дальше и вступил в спор с генеральным прокурором Армении, защищая подстрекателей трагедии 1 марта. Создавалось впечатление, что цели Брайзы были абсолютно идентичны целям подстрекателей. Звучащие при этом лозунги «демократизация политической системы», как минимум, типичны. Махровый авторитаризм отнюдь не является основанием для критики властей Грузии, которую продолжают изображать «локомотивом демократических преобразований на Южном Кавказе».

Вдобавок, в начале сентября 2008 года лидер армянской оппозиции Левон Тер-Петросян провел пресс-конференцию, на которой озвучил новые обвинения в адрес своих оппонентов «при власти». В частности, он заявил, что правоохранительные органы республики незаконно прослушивали телефонные разговоры оппозиционеров, а также предьявил жерналстам справку из Республиканского бюро адресов, датированную 18 февраля 1998 года. В ней сообщалось, что прежний президент Армении Роберт Кочарян на тот момент не был прописан в Ереване и, значит, выдвигал свою кандидатуру на выборы 1998 года по фальсифицированной справке. В заключение Тер-Петросян заявил, что все имеющиеся у него на руках доказательства предьявлять нарушителям будут переданы «международным инстанциям»¹⁹.

Внутривластные кризисы в Армении показали всю слабость политической системы этой страны. Ведь абсолютно ненормально, что руководители суверенного государства обязаны встретиться с каждым бывшим с Запада чиновником и терпеливо объяснить ему, почему они

¹⁹ Дугла Уотергейта, «фальшивая справка о поиске» и противоречивые дуть дуть полицейские: Левон Тер-Петросян о выборах в Армении // ИА «REGNUM», 2 сентября 2008 г. <http://www.regnum.ru/news/1049534.html>

поступают так, а не иначе. Армения находится под лупой «мирового сообщества» и вынуждена делать шаги, подрывающие сами основы национальной государственности. Эта ситуация в очередной раз обнаруживает не только ошибочность направления, именуемого армянскими дипломатами «евроинтеграцией», но и его крайнюю неэффективность с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Взятые Арменией на себя обязательства в конечном итоге работают против Армении.

Из всех основных внешнеполитических партнеров Армении изначально заинтересованы во внутривнутриполитической стабильности в республике и вокруг нее, в первую очередь, Россия и Иран – в силу геополитики региона и намеченных здесь экономических и коммуникационных проектов (вспомним хотя бы о приобретении ОАО «РЖД» Армянских железных дорог). Москва, в отличие от западных столиц, не позволяет себе поучать армянское руководство, диктуя ему, что и как делать у себя дома. Визит премьера Сержа Саркисяна в Россию в контексте возрастающих угроз обоим государствам придал двустороннему сотрудничеству Москвы и Еревана дополнительный импульс.

Важное место занимают личные встречи Сержа Саркисяна с президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым на международных мероприятиях. По мнению аналитиков, контакты такого рода нового лидера Армении с лидером Азербайджана будут продолжаться до осени, до президентских выборов в Азербайджане. Алиев заинтересован в прогрессе в решении карабахской проблемы, что увеличивает его шансы вновь победить на выборах.

Любопытно, что за последние десять лет и Ереван, и Баку научились хорошо манипулировать карабахской проблематикой в интересах своей внутренней политики. Вот почему карабахский клан в Армении будет сохранять шансы оставаться во власти до тех пор, пока не будет найден приемлемый «широкий рецепт урегулирования» для всех конфликтующих сторон. Поэтому попытки армянской оппозиции по-своему разыграть «карабахскую карту», чтобы привлечь на свою сторону, в том числе симпатии Азербайджана, вряд ли приведут к успеху. «За последние 10 лет мы существенно улучшили наши позиции в переговорном процессе, – заявил Кочарян. – Убежден, что новоизбранный президент никогда не пойдет на неожиданный шаг, и его биография, и пройденный путь будут лучшей гарантией тому, чтобы мы были спокойны в этом вопросе».

Но это вовсе не означает, что внешняя политика Армении будет оставаться статичной. Ереван, имея под боком быстро развивающийся Азербайджан, осознает новые реалии и вынужден будет создавать адекватную схему своих взаимоотношений с Россией, с соседними странами на Южном Кавказе, со всем внешним миром. Но как бы то ни было, вначале надо стабилизировать ситуацию в стране после выборов.

Одним из таких шагов стало создание коалиции, состоящей из 4 политических сил – Республиканской партии Армении (РПА), партии «Прцветающая Армения» (БА), «Оринац еркир» (ОЕ) и Армянской Революционной Федерации «Дашнакцутюн» (АРФД). Длительные переговоры о создании четырехсторонней коалиции в конце марта 2008 года пришли к своему логическому концу. Под соответствующим соглашением поставили свои подписи Серж Саркисян, Гагик Царукян, Артур Багдасарян и Армен Рустамян.

Президент Серж Саркисян отметил, что в данном случае речь идет о беспрецедентном шаге. Уникальность его в том, что если раньше коалиции в Армении формировались по части состава правительства, то теперь создана политическая коалиция. И цель этого формата сотрудничества – реализация серьезнейших реформ в стране. «Безусловно, эти реформы будут масштабными и болезненными для многих, – отметил Серж Саркисян. – И для того, чтобы полноценно реализовать эти реформы, нам необходимо серьезное общественное содействие».

По словам члена бюро АРФ «Дашнакцутюн» Армена Рустамяна, прежде всего надо зафиксировать, что подписано соглашение о политическом сотрудничестве. В документе нет пунктов, касающихся распределения конкретных должностей и портфелей. «Важнейшим вопросом мы считаем именно согласование политических задач, – подчеркнул Армен Рустамян. – Это соглашение можно считать созревшим настолько, насколько мы, по крайней мере «Дашнакцутюн», преследуем несколько целей. Но, прежде всего, необходимо оперативно разрядить нынешнюю внутривнутриполитическую напряженность».

Руководитель «БА» Гагик Царукян отметил, что этот документ позволит воплотить в жизнь данные народу обещания. Он позволяет от слов перейти к делу, уверен Царукян.

У этого документа есть несколько особенностей, считает лидер «ОЕ» Артур Багдасарян. Прежде всего, речь идет о том, что подписавшие соглашение политические силы и на парламентских, и на президентских выборах набрали весомое большинство голосов избирателей. Стало быть, созданная коалиция обладает доверием подавляющего большинства населения Армении.

Кроме того, в документе отмечается, что подписавшие его политические силы берут на себя полноценную ответственность за деятельность власти. Наконец, документом предусмотрены широкомасштабные социально-экономические реформы в стране. Как отметил Артур Багдасарян, документ также предусматривает объединение усилий четырех политических сил в вопросе противостояния вызовам не только внутренним, но и внешним.

Четыре из пяти парламентских партий отныне несут на себе политическую ответственность за развитие государства и реализацию второго поколения реформ.

Специфика новой коалиции заключается в решимости РПА, «ОЕ», «БА» и АРФ «Дашнакцутюн» принимать решения на консенсусной основе, действовать, основываясь на принципах взаимного уважения, а также публично и открыто, нивелируя противоречия при помощи переговоров и взаимных уступок. Документы, имеющие концептуальное и стратегическое значение, будут обсуждаться совместно представителями всех коалиционных сил с целью выработки единых решений и подходов.

Ни коалиция 2003 г., ни та, что была сформирована в итоге парламентских выборов 2007 г., не основывались на идее широкомасштабных преобразований в политической и социально-экономической сферах. По словам лидера «ОЕ», реализация этих преобразований в краткосрочной перспективе обеспечит переход Армении в разряд стабильно развивающихся стран. Коалиция 2003 г. де-факто распалась по причине выхода из ее состава «ОЕ». Одновременно Багдасарян сложил с себя полномочия спикера. И «ОЕ», и АРФ «Дашнакцутюн» проводили свои предвыборные кампании 2007 и 2008 годов в качестве оппозиционно настроенных сил и участвовали в президентских выборах со своими кандидатами, каждый из которых объявлял себя альтернативой действующей власти и не жалел усилий для критики ее недостатков.

Новая коалиция – следствие политического компромисса. Если предыдущие коалиции обвиняли в том, что их первоочередной задачей являлся дележ портфелей, то лидеры партий нового коалиционного формата изначально объявили, что приоритетным является не распределение портфелей, а совместные усилия по разрядке и стабилизации внутриполитической обстановки. Новая коалиция уже определила политические приоритеты и первоочередные цели, а именно: стабилизация обстановки внутри страны и ответ на внешнеполитические вызовы.

Программа правительства: цели, задачи и приоритеты

В начале мая 2008 года Национальным Собранием была утверждена правительственная программа страны на 2008–2012 годы. Программа не сильно отличается от представленной около года назад тогдашним премьер-министром Сержем Саркисяном и является ее логическим продолжением после избрания Саркисяна на пост президента Армении.

Как отметил премьер-министр Армении Тигран Саркисян, программа была доработана в связи с осуществленными структурными изменениями в составе правительства. Как считает глава правительства, народ должен поверить, что «данные программы реалистичны, и мы можем совместно их осуществить». Т.Саркисян также отметил необходимость привлечь внимание общественности к тем новшествам, которые заложены в пятилетней программе правительства, и тем приоритетным за-

дачам, которые поднимались президентом и были одобрены парламентом в рамках предыдущей правительственной программы.

«Сформированные в Армении ожидания дают возможность для скачкообразного развития. Для осуществления подобного развития нам необходимо доверие народа», – подчеркнул Саркисян.

В целом, программа правительства разработана с учетом положений Стратегии национальной безопасности Армении и Стратегической программы по преодолению бедности. Она также включает положения предвыборных программ президента страны, а также основные положения программ четырех партий, подписавших Соглашение о политической коалиции.

Согласно документу, государство взяло на себя три основные миссии: обеспечение внутренней и внешней безопасности, обеспечение возможностей самовыражения и безопасной и достойной жизни для каждого члена общества, а также удовлетворение в законном порядке минимально необходимых социальных нужд граждан.

Представляя в парламенте программу правительства на 2008–2012 годы, премьер-министр заявил, что правительство объявляет о старте пяти общенациональных проектов, согласно которым Армения должна стать в регионе превосходящим центром для бизнеса и инвестиций, а также образовательным, здравоохранительным, финансовым центрами, а также центром организованного отдыха.

Правительство Армении считает повышение конкурентоспособности страны залогом ее длительного и стабильного экономического развития.

Поэтому в 2008–2012 годах основными направлениями экономической политики правительства будут расширение производственных возможностей и стимулирование экспорта за счет применения современных технологий, что будет способствовать процессу становления армянских компаний, соответствующих мировым стандартам.

В новой программе правительство поставило перед собой амбициозную цель – сделать Армению превосходящим региональным центром для бизнеса и инвестиций.

Как считает Т.Саркисян, геополитическое положение Армении создает объективные ограничения для ведения бизнеса, в связи с чем появляется необходимость в создании наиболее привлекательных институциональных условий.

«Это означает, что наши авиа- и сухопутные перевозки должны быть более дешевыми, а системы коммуникации по всей территории Армении – более доступными, поэтому нужно устранить все бюрократические препятствия для начала и реализации бизнеса. В частности, сократить число необоснованных требований к реализации предпринимательской деятельности, получению лицензий и разрешений, упростить

систему налоговой отчетности, сократить число проверок, поднять на качественно новую ступень таможенные услуги, окончательно решив проблему административных злоупотреблений, ограничивающих конкуренцию», – сказал Саркисян, добавив, что в итоге налоговое бремя будет облегчено.

В то же время активная экономическая политика продолжает оставаться важнейшим залогом дальнейшего развития страны, где основными приоритетами правительства будут обеспечение высоких темпов макроэкономической стабильности и экономического роста.

«Правительство будет иметь в экономике существенную, но ограниченную роль, создавая благоприятное поле для развития частного сектора. Наша окончательная цель – высокий экономический рост, и макроэкономическая стабильность – средство для достижения этой цели», – сказал премьер-министр.

Наряду с программами экономического и социального блока, правительство Армении намерено также преодолеть пессимистический настрой общества в вопросе борьбы с коррупцией и укоренить нетерпимость в отношении этого явления в обществе.

При этом планируется, что борьба с коррупцией станет для правительства одним из основных компонентов проводимой политики, а основным предусловием для ее эффективности и обеспечения доверия в обществе станет полноценное становление многопартийной системы для обеспечения реальной политической конкуренции.

Согласно программе правительства, в 2008–2012 годах планируется обеспечить 8–10% -ный рост ВВП. Предусматривается также, как минимум, 10% -ный рост ежегодных объемов инвестиций и существенное снижение неравномерного развития регионов.

Проект программы предполагает 10% -ный рост несельскохозяйственной занятости, рост уровня собираемости государственных доходов на уровне 0,3–0,4% -ных пунктов от годового ВВП.

Предусматривается также существенное преодоление бедности, в результате чего будет обеспечен уровень общей бедности ниже 11,2%, а крайней бедности – ниже 1,6% .

«Армения должна стать состоявшимся демократическим государством с эффективной системой управления и обеспечением лучших условий для предпринимательства и инвестиций в свободной конкурентной среде. Программа правительства обеспечит стабильное и последовательное развитие достижений прежних лет и осуществление смелых и реалистичных реформ в политической, экономической, социальной и управленческой системах и, как следствие, гарантирование существенного улучшения жизни граждан Армении», – отмечается в программе.

Залогом реализации программы названа пользующаяся доверием населения и эффективно действующая власть, которая будет основывать

ся на полном взаимопонимании, солидарности и тесном сотрудничестве президента Армении, Национального Собрания и правительства республики, а также привлечение гражданского общества к процессам управления путем активного диалога.

Основной акцент в программе нового правительства ставится на экономический компонент, в частности, сохранение активных темпов экономического роста, стабильную макроэкономическую политику, постоянное наращивание объемов государственного бюджета.

Правительство продолжит такую макроэкономическую политику, которая предполагает низкий уровень инфляции, низкий бюджетный дефицит, режим плавающего курса.

Одним из главных предусловий для успешного развития экономики правительство считает реализацию Центральным банком надежной и прогнозируемой денежно-кредитной политики.

За последние несколько лет рост ВВП в стране выражается двузначным показателем, а бюджет на 2008 год является беспрецедентным по своему объему.

Следует отметить, что если в 2000 году экономический рост в Армении составлял 5,9%, в 2001 году – 9,6%, то начиная с 2002 года он перешел в разряд двузначных показателей, достигнув 13,2%, в 2003 году – 14%, 2004 году – 10,5%, 2005 году – 14%, в 2006 году – 13,4%, а в 2007 году – 13,7%.

В 2008 году рост ВВП запланирован на уровне 10%. По итогам первого квартала 2008 года экономический рост в Армении составил 9% по сравнению с январем-мартом 2007 года. Объем ВВП, произведенный в марте 2008 года, на 20,8% превысил уровень предыдущего месяца.

При этом согласно госбюджету Армении на 2008 год его доходная часть составляет 746 млрд. драмов, расходная часть – 822 млрд. драмов, дефицит – 76 млрд. драмов.

В целом, доходы госбюджета Армении по итогам января-февраля 2008 года выросли по сравнению с январем-февралем 2007 года на 19,2% или на 16 млрд. драмов – до 99,1 млрд. драмов, а расходы увеличились на 57,5% или на 34,3 млрд. драмов, составив 93,9 млрд. драмов.

При этом объем ВВП на душу населения в 2007 году достигал 2844 долл., в то время как в 2000 году он составлял всего 593 долл., в 2001 году – 659,3 долл., в 2002 году – 739,9 долл., в 2003 году – 874,1 долл., в 2004 году – 1112,8 долл., в 2005 году – 1523,7 долл., а в 2006 году – 1989 долл.

Большинство экономистов, аналитиков и политиков называют программу реформ второго поколения достаточно амбициозной.

При этом назначение на пост премьер-министра Армении Тиграна Саркисяна, который на протяжении последних десяти лет возглавлял Центральный банк Армении и зарекомендовал себя как высокий про-

фессионал и отличный менеджер, воспринимается в качестве гаранта реализации данной стратегии.

Как считает армянский содиректор АЕPLAC (Армяно-европейский центр экономической политики и права), эксперт Тигран Джрбашян, «все назначенные в правительство лица являются профессионалами, которые своим предыдущим опытом работы доказали, что они в состоянии осуществить серьезные реформы в различных сферах».

Вместе с тем эксперт связывает большие надежды с реализацией программы правительства.

«Представлена достаточно серьезная и амбициозная программа осуществления реформ с масштабными задачами реформирования. Весь вопрос заключается в том, насколько будет возможно осуществить преобразования при нынешней системе управления. Именно поэтому самыми критическими будут реформы данной системы», – сказал Джрбашян.

Он считает, что для осуществления реформ, в том числе отраслевых и структурных, необходимо иметь соответствующую систему управления, которая позволит их реализовать. Фактически основным вопросом становится реформирование системы управления.

При этом директор АЕPLAC посчитал продуктивным разделение функций министерств, в частности, переименование министерства торговли и экономического развития – в министерство экономики, а министерства финансов и экономики – в Министерство финансов.

Как отметил экономист, ранее в данных министерствах отмечался дубляж некоторых функций, теперь же, судя по новым названиям ведомств, произошло четкое разделение финансов и органов, осуществляющих чисто экономические функции. Теперь необходимо лишь осуществить изменения в соответствующих уставах.

По мнению Джрбашяна, необходимо также конкретизировать вопрос регионального развития, поскольку любая экономическая политика получает свое проявление только в региональной политике.

В то же время эксперт отметил, что новая команда президента Сержа Саркисяна – это не только первые лица, но и люди, которые работают в разных структурах.

В данной связи он отметил, что, поскольку сама система пока не готова всерьез противостоять новым вызовам, основной задачей нового правительства будет реформирование системы управления, в том числе кадровое, техническое и процедурное. Только после этого система будет готова к реализации последующих реформ.

При этом эксперт воздержался от комментариев взятого главой государства курса реформирования и жесткой политики, отметив, что пока рано давать какие-то оценки.

«Осуществленные кадровые решения и содержание правительственной программы говорят о намерении пойти на серьезные шаги. Остается открытым вопрос, будут ли эти шаги продолжением имитации реформ или станут началом серьезных коренных преобразований. Мы это узнаем, как минимум, через 100 дней», – сказал Джрбашян.

При этом эксперт отметил, что если расценивать решение кадровых вопросов, причем не только на уровне министров, и представленную программу, то создается ощущение, что страна входит в серьезный этап реформ.

Со своей стороны директор Института исследований и управления Арменак Дарбинян считает утвержденную президентом правительственную команду довольно сильной в плане наличия в ней специалистов и профессионалов своего дела, в частности, премьер-министра Тиграна Саркисяна, министров финансов и экономики Тиграна Давтяна и Нерсеса Ерицяна. По его словам, это означает, что в дальнейшем, при реализации программ правительства, реформы экономического сектора будут более последовательными и продуктивными.

«Новая команда в состоянии реализовать реформы и структурные изменения, предусмотренные программой правительства, однако сложная общая экономическая ситуация как внутри страны, так и за ее пределами потребует больших усилий и профессионализма», – сказал Дарбинян.

В числе сложностей он отметил рост цен на международных рынках, возможные сокращения притока инвестиций из-за нестабильной внутриполитической ситуации в Армении, возможное сокращение трансфертов как со стороны частного сектора, так и крупных международных корпораций. «Все это будет усложнять общую ситуацию на пути реализации реформ. Однако я думаю, что правительство попытается осуществить конкретные шаги для достижения реальных результатов», – сказал Дарбинян.

Экономист, директор «Кавказские исследовательские ресурсные центры» (CRRC) в Армении Егине Манасян положительно оценивает изменения в составе правительства, отмечая, что назначение профессиональных и принципиальных специалистов внушает ей оптимизм.

Однако другие экономисты не разделяют такой оптимизм. Они отмечают, что национальная валюта – драм – укрепляется не на шутку. По официальным данным, в марте 2008 года в сравнении с декабрем 2007 года, в Армении зафиксирована 4,8%-ная инфляция, а цены на потребительские товары выросли на 1,4%. В годовом разрезе потребительский рынок Армении подорожал на 9,6%, что выше годового уровня инфляции на конец 2007 года на 3 процентных пункта. Согласно госбюджету, инфляция в Армении к концу 2008 года запланирована на уровне 4% ($\pm 1,5\%$). Прогнозы о подорожании услуг и товаров в связи с прекращением субсидирования тарифов на газ дал ранее заместитель председателя постоянной комиссии по экономическим вопросам парла-

мента Армении, член фракции «Прорывающая Армения» Вардан Бостанджян. По его мнению, избежать подорожания не удастся, поскольку те субъекты экономики, которые организуют свое производство на газе, вынуждены будут пойти на увеличение цен.

Таким образом, новому кабинету министров Армении во главе с экс-руководителем ЦБ Тиграном Саркисяном придется, наряду с острыми политическими проблемами, противостоять непростым тенденциям в сфере экономики, спровоцированным как внешними обстоятельствами, так и итогами хозяйственной деятельности прошлых правительств.

Отношения с Россией

Отношения между Арменией и Россией имеют многовековую историю и берут свое начало еще с X–XI веков. Однако мы рассмотрим лишь последний период этих отношений. 15 лет назад, 3 апреля 1992 года, два суверенных государства – Республика Армения и Российская Федерация – установили между собой дипломатические отношения.

Оглядываясь на прошедшие со дня установления дипломатических отношений годы, можно с уверенностью сказать, что у России и Армении накопился немалый опыт взаимовыгодного сотрудничества в сферах экономики, политики и культуры.

«Во времена Бориса Ельцина у России на внешней арене политической линии в общем-то не было. Был набор отмычек, когда на каждое действие с внешней стороны срочно изобреталось противодействие, при конструировании которого не брались во внимание ближайшие (не говоря уж об отдаленных) последствия. В особенности ярко это было видно на примере Кавказского региона. Однако с приходом в Кремль Владимира Путина положение изменилось. Первой страной, на взаимоотношениях с которой прошел проверку новый курс, волею обстоятельств оказалась Армения», – говорил по этому поводу доктор исторических наук профессор В.Д.Кузнецhevский²⁰.

На сегодняшний день Ереван и Москва развивают контакты в рамках ряда международных и региональных организаций. Близость позиций наших государств по актуальным международным проблемам создает основу для взаимовыгодного сотрудничества в рамках ООН, ОБСЕ, СЕ и других организаций.

Армения и Россия активно выступают за совершенствование и реформирование структуры СНГ, а также активно сотрудничают в рамках ОДКБ.

Для Армении торгово-экономическое сотрудничество с Россией является приоритетным направлением внешнеэкономической политики. Здесь необходимо отметить, что экономики обеих стран в последнее время развиваются относительно стабильно. Были достигнуты ощутимые

²⁰ Цит. по: Интернет-портал «Соотечественники». <http://www.russedina.ru/?id=291>

успехи в сфере двустороннего экономического сотрудничества, чему в немалой степени способствует деятельность Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству между Республикой Армения и Российской Федерацией. Она играет ключевую роль в целенаправленной проработке вопросов развития двустороннего взаимодействия в таких областях, как энергетика, транспорт, промышленность, торговля и т.д. «В последнее время мы наблюдаем определенный рост российских инвестиций, они пока небольшие, но перспектива развития очень значительная. Будут приветствоваться также и армянские инвестиции в экономику России, особенно в тех отраслях, в развитии которых заинтересована сама Армения», – отмечал В.В.Путин²¹.

Активно развивается армяно-российское сотрудничество в военной и военно-технической сферах. Это обстоятельство в некоторой степени является фактором, поддерживающим стабильность и безопасность на Южном Кавказе.

Одним из основных компонентов армяно-российского сотрудничества является межпарламентское сотрудничество между Национальным Собранием РА и Федеральным Собранием РФ. Оно особенно активно развивается в последнее время. В частности, первостепенное внимание уделяется экономическому и гуманитарному сотрудничеству двух стран, тем самым дополняя усилия Правительств.

Заключив с 1992 года более 170 договоров и соглашений во всех сферах межгосударственного взаимодействия, Россия и Армения в конце 2002 года подписали наиболее значимое из них – Соглашение о передаче государственного имущества Армении для погашения задолженности перед Россией. Оно касается сравнительно небольшого долга объемом около 100 млн. долл. Само соглашение – прецедент, исключительный по своему содержанию, поскольку между участниками СНГ подобного рода договор был заключен впервые. Это достижение, позволяющее рассматривать новое, более доверительное экономическое партнерство, столь необходимое для всего комплекса межгосударственного сотрудничества между Арменией и Россией.

Москва стала первой зарубежной столицей, которую посетил с визитом недавно избранный президент Армении Серж Саркисян. В Кремле расценили этот визит как органичное продолжение доверительного российско-армянского политического диалога.

Стороны в ходе визита обсудили представляющие взаимный интерес актуальные вопросы международной повестки дня, перспективы дальнейшего углубления взаимодействия в рамках региональных интеграционных объединений, в том числе с учетом предстоящего председательства Армении в ОДКБ, проблематику безопасности на Южном Кавказе.

²¹ Интернет-портал «Материк». <http://www.materik.ru/index.php?section=analytics&bulid=107&bulsectionid=10215>

Одно из центральных мест в переговорах было отведено торгово-экономическим отношениям двух стран. Россия занимает лидирующие позиции среди внешнеэкономических партнеров Армении: в 2006–2007 годах ежегодный рост товарооборота находился на уровне 60 процентов. В этой связи реальной становится задача выхода в ближайшее время на показатель объема торговли в 1 млрд. долларов. В Москве считают, что все более уверенно развивается инвестиционное сотрудничество. Российские инвесторы активно осваивают перспективные секторы армянской экономики: банковский, телекоммуникационный, транспортный, успешно реализуются крупные проекты в топливно-энергетической сфере. В том числе модернизация и завершение строительства Разданской ТЭС, прокладка газопровода, соединяющего Армению с Ираном. Важное значение Москва и Ереван придают дальнейшему расширению взаимодействия в сфере атомной энергетики, включая безопасную эксплуатацию Армянской АЭС, геологоразведку и промышленное освоение урановых месторождений. В Москве также видят положительные сдвиги в решении проблемы внешнего транспортного сообщения Армении.

Важным фактором для обеспечения безопасности обоих государств в условиях сохраняющейся напряженности на Южном Кавказе является российско-армянское взаимодействие в военной и военно-технической областях. Одним из компонентов этого сотрудничества является дислоцированная в Армении российская военная база. Оно также включает и участие России в охране государственных границ Армении с Ираном и Турцией, и подготовку в высших военных учебных заведениях РФ армянских военнослужащих, и поставку военно-технического имущества в Армению на льготных условиях.

Серж Саркисян на встрече с президентом России Дмитрием Медведевым заявил, что Армения готова и дальше развивать отношения с Россией по всем направлениям. Он также выразил надежду, что Россия и Армения продолжат традиционный диалог, направленный на укрепление двусторонних связей.

Описывая историю российско-армянских политических контактов, необходимо иметь в виду, что Ереван хотя и является, наверное, наиболее последовательным союзником РФ на Южном Кавказе, тем не менее все активнее развивает свои контакты с США в частности и Западом в целом. Армения принимает участие в операциях в Ираке и Косово, сотрудничает с НАТО. О внешнеполитических приоритетах Армянской Республики подробнее будет рассказано в следующих главах²².

²² При подготовке данной главы также использовались следующие материалы: Маркедонов С. Армения: между властью и оппозицией; Корбут А. Кавказский треугольник («Военно-промышленный курьер» (Москва)); ИА REGNUM, ИА АРКА («Голос Армении» (Ереван), «ЭХО» (Общественно-политическое обозрение Азербайджана); «Зеркало» (Баку), Агентство международной информации «Новости-Азербайджан».

**Грузия: политическая и экономическая ситуация,
государственная и исполнительная власть,
финансы и инвестиции, отношения с Россией**

Со второй половины 2007 года внимание мирового экспертного сообщества вновь привлекли события в Грузии, где едва не состоялась очередная «цветная» революция. Ситуация в этой кавказской республике претерпела существенные изменения после того, как в 2003 году под напором «демократических» сил пал режим президента Э.Шеварднадзе.

Новый глава Грузии Михаил Саакашвили принял страну, находящуюся на грани экономического краха. Внешний долг Тбилиси превышал 1,5 млрд. долл., более 50% населения жили ниже уровня бедности, росла эмиграция, число внутренних беженцев достигло 300 тыс. человек.

Для начала – несколько слов об экономической привлекательности Грузии для иностранных партнеров. Грузинская Республика – член Всемирной торговой организации. Определенный интерес для мировых рынков могут представлять поставки из Грузии ферромарганцевых сплавов, марганцевых и медных концентратов, труб стальных нефтяного сортамента, легкомоторных самолетов, виноматериалов, чая, цитрусовых, орехов. Вместе с тем экономика страны чрезвычайно зависима от ввоза из-за границы больших объемов энергоресурсов (нефтепродуктов, природного газа, электроэнергии), продовольствия (зерновых, муки, масла) и различных видов промышленной продукции.

Основную долю в структуре экспорта Грузии занимают ферросплавы (12,9%), лом черных металлов (7,8%), медная руда и концентраты (6,4%); в структуре импорта – нефть и нефтепродукты (10,7%), автомобили (7,1%), природный газ (5,6%).

Основными торговыми партнерами Грузии в настоящий момент являются Турция (14% от всего внешнеторгового оборота Грузии), Украина (10,4%), Россия (9,8%). На долю стран СНГ приходится примерно 36% (2,32 млрд. долл. США) всего внешнеторгового оборота Грузии.

Обретение Грузией независимости внесло в экономическое развитие страны соответствующие коррективы. Кризис переходного периода не только в Грузии, но и во всем СНГ, оказался намного длительнее и тяжелее, чем аналогичные события в Центральной Европе. Наиболее тя-

Внешнеторговый оборот Грузии за 2007 год
(млрд. долл. США)

Товарооборот / в % к 2006 г.	Экспорт / в % к 2006 г.	Импорт / в % к 2006 г.	Сальдо 2006 г.	Сальдо 2007 г.
6,46 / 125	1,24 / 142	5,22 / 138	-2,41	-3,98

желые формы кризис принял в тех странах, политическая элита которых не сумела предотвратить внутренние гражданские конфликты²³.

В случае с Грузией – национализм первого независимого президента республики З.Гамсахурдиа породил ответ со стороны этнических меньшинств – абхазов, осетин и т.д. Страна столкнулась с проблемой сепаратизма. В этой связи новому грузинскому руководству было уже не до решения экономических вопросов. Последовал ряд абсурдных решений, наиболее печальным из которых было введение запрета на торговлю с Россией, фактически погубившего грузинскую тяжелую промышленность²⁴.

Войны в Абхазии и Южной Осетии добились грузинскую экономику – в 1991–1994 гг. ВВП Грузии упал на 72% относительно 1990 года. Необходимость обустройства быта нескольких сотен тысяч грузинских беженцев, бежавших из конфликтных зон, спасая свои жизни, обострила не только экономическую проблематику, но и социальную и политическую²⁵.

Главным последствием структурного кризиса грузинской тогда еще квазигосударственности стала потеря огромного числа людских ресурсов – население республики сократилось более чем на 1 млн. человек. Причем страну покинула наиболее активная в экономическом отношении и трудоспособная часть населения²⁶.

После возвращения к власти в 1992 году в новообразовавшейся кавказской республике Эдуарда Шеварднадзе грузинское руководство приступило к реформированию национальной экономики. В тесном сотрудничестве с МВФ были проведены земельная и жилищная реформы, а также проведена приватизация государственного капитала.

Сельское хозяйство по сей день является одной из наиболее крупных отраслей в экономике Грузии. Агропромышленный комплекс обеспечивает занятость половине трудоспособного населения страны. Пригодные для сельского хозяйства площади составляют 16% общей территории республики. Наибольшее хозяйственное значение имеют виноградники, чайные и цитрусовые плантации, в последнее время – зерновые культуры.

В результате земельной реформы, проведенной властями уже на тот момент независимой Грузии, только за один 1992 год в собственность населения были переданы 61% всех пахотных земель и 56% площадей под многолетние насаждения. Частная собственность на землю в Грузии была введена только в конце 1990-х гг.: в 1996 году были приняты зако-

²⁴ Григорьев Л., Салихов М. Конфликт в Осетии и Грузии: война против развития // «Время новостей», №153, 22 августа 2008 г.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

ны о собственности и об аренде земель сельскохозяйственного назначения, а в 1998 году – закон о частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения, имеющиеся в пользовании частных лиц и лиц частного права²⁷.

По оценкам исследователей, реформа сельскохозяйственного сектора в Грузии не привела к искомым результатам – подъему производства продукции, стимулированию свободной конкуренции и главное – не обеспечила эффективность рынка земли в Грузии. Последнее обстоятельство объясняется слабым развитием институциональных механизмов передачи прав собственности на землю. Также следует отметить, что множество новых собственников земли проявили полнейшую незаинтересованность в занятии сельскохозяйственным трудом, что также серьезным образом повлияло на результаты реформирования аграрного сектора²⁸.

Относительно приватизации государственного имущества в Грузии следует сказать, что проводилась она практически по тем же лекалам, что и в России. Ставка была сделана на ваучеризацию, неоправданную ни с экономической, ни с социальной точек зрения. Реформа проходила медленно и со скрипом. В особенности там, где речь шла о приватизации крупных госпредприятий (так, преобразование Грузинской железной дороги в общество с ограниченной ответственностью произошло только после отставки Шеварднадзе), не удалось реформаторам полностью задействовать и вторичный рынок ценных бумаг²⁹. Как и в России, в Грузии основное количество собственности сосредоточилось в руках тех, кто имел прочные позиции «при власти» – комсомольско-партийного руководства и директоров крупных предприятий, что свело на нет социальную составляющую грузинских реформ³⁰.

По мнению исследователей, именно провалы руководства Шеварднадзе в экономической политике, помимо нерешенности территориального вопроса, заложили основу для масштабного внутривластного кризиса в Грузинской Республике, который и привел в 2003 году к «революции роз». Основой кризиса, по мнению Т.Беридзе, Э.Исмаилова и В.Папавы, стал так называемый «бюджетный кризис», когда фактические доходы государства стали значительно отставать от заложенного в проект основного финансового документа республики уровня. Данный процесс, по оценкам исследователей, берет в Грузии начало в 1998 году, когда на экономике государства серьезнейшим образом отразился российский дефолт (параллельно шел процесс девальвации национальной грузинской валюты – лари).

²⁷ Беридзе Т., Исмаилов Э., Папава В. Центральный Кавказ и экономика Грузии. – Баку, 2004. С. 50.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 54–55.

³⁰ Там же. С. 54.

Наглядным примером значительного разрыва в государственном бюджете стал 1999 год, когда доходы страны составили порядка 150 млн. долл. США, то есть всего 30% от запланированных³¹. Составляющих «бюджетного кризиса» было несколько. Но главная из них – это существование на территории государства огромных (по грузинским меркам, конечно) неконтролируемых Тбилиси анклавов – Абхазия, Южная Осетия и Аджария. Через эти территории в страну поступало большое количество контрабандных товаров. Способствовал углублению «бюджетного кризиса» и невнятный налоговый кодекс Грузинской Республики.

Также необходимо сказать и о так называемой «бюджетной войне», которую объявили правительству Шеварднадзе власти Аджарии. Заключалась эта война в том, что Батуми не перечислял в бюджет Грузии часть налоговых доходов, собранных на территории автономии. При этом руководство Аджарии оправдывало свои действия недополучением из центрального бюджета причитающихся автономии трансфертов³².

Все эти факторы в совокупности привели к масштабному финансовому кризису. К 2003 году разрыв между доходами и расходами в бюджете Грузинской Республики составлял почти 90 млн. долл., задолженность по зарплатам и социальным выплатам достигла 120 млн. долл., из которых примерно 70 млн. долл. приходилось на задолженность по пенсиям (при средней пенсии в 7 долл. в месяц). Как результат – уровень бедности в Грузии накануне «революционных событий» был зафиксирован на уровне 52%. В июне 2003 года тогдашний глава Грузии Э.Шеварднадзе своим указом утвердил Программу экономического развития и преодоления бедности в Грузии, рассчитанную на 2003–2015 гг. Однако правительство так и не сумело начать ее реализацию, что донельзя осложнило отношения Тбилиси с МВФ³³.

Во многом именно провалы в социально-экономической политике привели к краху режима Шеварднадзе, который не сумел грамотно осуществить реформирование страны, создал атмосферу тотальной коррупции, в которой погрязли государственная власть и частный бизнес.

Крайне неудачно складывалась и внешнеполитическая конъюнктура. Соединенные Штаты включили Грузию в список государств, руководство которых тормозит важные политические и экономические преобразования, и предупредили, что американская финансовая помощь Тбилиси может быть минимизирована. В то же время из-за попыток сблизиться с Вашингтоном испортились отношения между Грузинской Республикой и Российской Федерацией. Этап серьезного охлаждения

³¹ Беридзе Т., Исмаилов Э., Папава В. Центральный Кавказ и экономика Грузии. – Баку, 2004. С. 161–162.

³² Там же. С. 164.

³³ Там же. С.166.

российско-грузинские контакты пережили в период Первой чеченской войны. В то время российские власти имели подозрения, что базы чеченских сепаратистов располагаются на территории Грузинской Республики, в ущелье Панкиси.

Отставка Э.Шеварднадзе породила в широких слоях грузинской общественности надежду на улучшение ситуации в стране. 4 января 2004 года в Грузии были проведены досрочные президентские выборы, «сокрушительную» победу на которых одержала оппозиция. Лидер партии «Единое национальное движение» Михаил Саакашвили набрал более 96% голосов избирателей, его же основной соперник – Теймураз Шашиашвили – не дотянул и до 2%.

Приход к власти в Грузии проамерикански настроенного М.Саакашвили способствовал мгновенному потеплению в отношениях между Тбилиси и Вашингтоном. Новый президент республики получил «свыше» титул главного демократа всего постсоветского пространства, а также практически неограниченный кредит доверия со стороны США и возможность для осуществления широкого внешнеполитического маневра.

Начал свое правление новый глава республики с попыток укрепить центральную власть, заметно пошатнувшуюся в период «революционных бурь». 28 марта 2004 года были проведены новые парламентские выборы. В результате 135 мест в грузинском парламенте завоевало объединение «Единое национальное движение», 15 мандатов достались «Правой оппозиции» (объединяла блок «Новые правые» и партию «Промышленность спасет Грузию»). Оппозиция в парламент не прошла.

Также Саакашвили принялся активным образом решать абхазский и южноосетинский вопросы. Чрезмерная увлеченность геополитическими проблемами в конечном счете вышла боком самому Саакашвили, который так ничего реального и не предпринял для решения экономических и социальных задач, стоящих перед Грузией. Еще в 2005 году правительство страны (возглавлял его Зураб Жвания, а после его смерти в результате несчастного случая в феврале 2005 года – Зураб Ногаидели) объявило о намерении провести в тесном контакте с МВФ и Всемирным банком новые экономические и социальные реформы.

Однако за время, прошедшее с момента «воцарения» Саакашвили в Тбилиси до новой революционной вспышки осени 2007 года, жизненный уровень простых грузин существенно не увеличился. В стране по-прежнему царят безработица, инфляция, не останавливается рост цен, не утихают разговоры о глубокой коррумпированности государственных органов республики. Вдобавок не совсем ясна истинная наполненность грузинских преобразований, которые при «впечатляющих масштабах» пока не достигли своей главной цели – вывода из кризиса экономики и улучшения качества жизни населения.

Именно борьбу с коррупцией сделал новый глава Грузии одним из приоритетов своего внутривластного курса. По оценкам международных наблюдателей, на этом поприще Саакашвили добился определенных успехов. Так, новому грузинскому руководству удалось снизить размеры хищений в управлении государственными финансами, минимизировать утечку доходов (в частности, был закрыт незаконный Эрзнетский рынок на границе с Южной Осетией), вывели коррупцию из правоохранительных органов. В рейтинге стран по индексу видимой коррупции, составляемому агентством «Транспаренси Интернэшнл», Грузия в 2007 году оказалась на 79-м месте среди 180 обследованных стран. Также Саакашвили сумел добиться надежной работы предприятий в сфере жилищно-коммунального хозяйства, был положен конец перебоям с электроэнергией в столице и на периферии. Начался прирост ВВП.

По мнению экспертов, из всех достижений Саакашвили наибольший социально-политический эффект имели его антикоррупционные акции, особенно те из них, которые осуществлялись в виде экспроприаций. Новым властям удалось изъять из карманов бывших высокопоставленных лиц сумму, достаточную для того, чтобы обеспечить выплату задолженностей по пенсиям и зарплате, пополнить бюджет. Демократическая пресса умалчивала эти, находящиеся за пределами законности действия, но население их встречало с удовлетворением. Причем, не только грузинское. Грузинский опыт подтверждает тезис о том, что современные цветные революции, имея демократическую риторику, опираются на приемы классических революционных диктатур.

Хотя очевидность достижений новой грузинской власти в экономической области мало кто возьмется оспаривать, ряд наблюдателей высказывают серьезные сомнения в истинности «успешных цифр», приводимых Департаментом статистики Грузии³⁴. Так, в частности, обращается внимание на тот факт, что на деле сдерживание инфляции и впечатляющий рост ВВП обернулись скачком цен, что в совокупности с высоким уровнем безработицы и привело к социальному взрыву осенью 2007 года.

То, что, по меньшей мере, 25% грузинского населения остаются за чертой бедности, а 300 тыс. человек являются безработными, вынужден был признать даже премьер-министр Грузии Ладо Гургенидзе. Он также подчеркнул, что огромное количество простых граждан не получили от реформирования государства практически ничего³⁵. О том, насколько тяжело идет реформирование страны при новых властях, говорит тот

³⁴ Грузия: скатывание к авторитаризму? // Доклад Международной кризисной группы. 2007. С.18.

³⁵ Там же.

факт, что Саакашвили пошел на внеочередные президентские выборы в январе 2008 года под лозунгом «Грузия без бедности».

Не все оказалось гладко и на ниве борьбы с хищениями и взятками. Да, полицейские больше не марали рук, но, по данным международных исследовательских центров, проштрафившиеся бизнесмены, подвергшиеся преследованиям в судебном порядке, имели возможность выкупить себе свободу путем перечисления определенной суммы в непрозрачные внебюджетные фонды. Часто в числе тех, кто выкупал свободу, оказывались лица, некогда близкие к президенту Шеварднадзе³⁶.

Не утихают споры и вокруг деятельности Фонда развития вооруженных сил Грузии и Фонда укрепления правопорядка, основанных сразу после «революционных» событий осени 2003 года. В задачу фондов входил сбор средств для укрепления обороноспособности и наращивания потенциала правоохранительных органов Грузинской Республики. По оценкам критиков режима Саакашвили, жертвования в эти фонды со стороны бизнесменов не всегда делались добровольно³⁷.

Опальный министр обороны и бывший соратник грузинского лидера Ираклий Окруашвили во всеуслышание обвинил новое грузинское руководство в повальной коррупции, хотя и не привел никаких доказательств. Однако, по оценкам Международной кризисной группы, даже несмотря на свою бездоказательность, озвученные политиком сведения вошли в резонанс с общественными настроениями. Высшие правительственные чиновники, не смущаясь, выставляют напоказ свои богатства – дома, дорогие иномарки, приобрести которые на зарплату даже госслужащего нереально. Подобное поведение госчиновников вызывало протест со стороны нищего населения, что также стало одним из факторов роста популярности оппозиционных идей у широких слоев городского населения Грузии.

В прессу периодически просачивались сведения относительно связей правительственных чиновников с крупными компаниями, которые на деле принадлежали родственникам власть предержащих. При этом, по сведениям омбудсмена Грузии, «приближенные» к власти бизнесмены фактически за бесплатно получают земельные участки и дорогостоящую государственную собственность, в отношении же их конкурентов применялся пресловутый «административный ресурс»³⁸.

Подытоживая все вышесказанное, можно сделать вывод, что новое грузинское руководство в процессе разрекламированной борьбы с коррупцией не искоренило этого зла полностью. Удар был нанесен по старому чиновничеству – тем, кто находился у власти в период правления

³⁶ Грузия: скатывание к авторитаризму? // Доклад Международной кризисной группы. 2007. С. 19.

³⁷ Там же. С. 20.

³⁸ Там же. С. 20.

Шеварднадзе, и тем, кто был к этой власти близок. «Революция роз» же только сменила декорации. «Старая гвардия» была оттеснена от кормушки, и на смену ей пришли «бархатные революционеры». Они тут же принялись за передел собственности, бодро рапортуя на Запад о борьбе с наследием «прогнившего режима» Шеварднадзе. При этом в реальности все осталось на своих местах, и коррупция осталась одной из основных проблем, которые будут мешать Грузии в долгосрочной перспективе идти по пути экономического прогресса.

В социальной сфере «реформаторские» усилия грузинского руководства до боли напоминают аналогичные действия их российских коллег – либералреформаторов 1990-х гг. И, в частности, те, которые сейчас признаны в нашей стране ошибочными. Так, по словам и.о. государственного министра по реформам Кахи Бендукидзе, наибольших успехов Грузия достигла в реформировании образования и здравоохранения. Коротко – суть реформ, по словам того же Бендукидзе, сводится к открытию большого количества частных школ и университетов, приватизации школьных зданий, с условием использования их исключительно в образовательных целях и т.д.³⁹ Чем открытие большого количества частных учебных заведений обернулось для России, объяснять не надо – падением образовательного уровня молодежи, деградацией большинства учебных пособий, учительского и профессорско-преподавательского состава, девальвацией всей системы среднего и высшего образования. Вдобавок обострились социальные проблемы.

Кто будет обучаться за деньги в частных школах и университетах Грузии при уровне безработицы в стране в 14% и размере пенсий в 18 долларов в месяц, легко можно предположить. А вот какой образовательный уровень реформаторы предложат «некредитоспособным» (а их в любом случае будет подавляющее большинство) гражданам – вопрос другой. И задаваться им начали уже, по всей видимости, не только в среде власть предержащих (о том, как приватизируются здания «под образовательные нужды» и в каких целях они потом используются, россияне также могут рассказать много интересного). Что касается здравоохранения, то пластинка все та же – Бендукидзе говорил о госстраховании и необходимости создания частных больниц и клиник и т.д.

В качестве объяснения медленному продвижению реформ и неэффективной, во всяком случае – пока, социальной политики гражданам Грузии режим Саакашвили предложил два тезиса: первый – во всем виновато тяжкое наследие правления Э.Шеварднадзе, второй – во всем виноваты российские шпионы и диверсанты. Как первый, так и второй тезисы в политической практике новейшего времени не новы. И условия их пропагандистского применения также стандартны. «Образ врага» всегда возникает в наиболее сложные для любой страны моменты, когда не-

³⁹ Инвестор – как стадо джейранов // «Новая газета», №88, 19–21 ноября 2007 г.

обходимо на кого-то свалить всю вину за ошибки и просчеты властей. Не оказалась исключением из правил и власть грузинская. При этом обвинения в адрес России со стороны Тбилиси носят какие-то трагикомичные, гротескные формы, порой балансирующие на грани абсурда. Отдельно следует заметить, что апофеозом антироссийской кампании президента Саакашвили стали события лета 2008 года (нападение Тбилиси на Южную Осетию и последовавшая за ним операция по принуждению Грузии к миру), подробнее речь о которых пойдет ниже.

Как показала практика, не все грузинское население удовлетворилось подобного рода объяснениями политических и экономических провалов режима Саакашвили. Недовольство, особенно в городах, нарастало. В итоге оно прорвалось акциями протеста в грузинской столице в октябре-ноябре 2007 года.

Авторитаризм Саакашвили, его бескомпромиссность в вопросах государственного управления привели к тому, что президент приобрел серьезных оппонентов также и в среде грузинского политического истеблишмента, которые и попытались оседлать волну протестных настроений второй половины 2007 года. Среди этих личностей в первую очередь необходимо назвать Ираклия Окруашвили (ближайшего сподвижника Саакашвили, с января 2004 года занимавшего ряд высших государственных должностей – генпрокурора, министра внутренних дел, министра экономического развития, министра обороны), Бадри Патаркацишвили, Георгия Хаиндраву и других известных политиков времен «революции роз». Как это уже говорилось выше, осенью 2007 года Окруашвили выступил в прямом эфире на канале «Имеди» с разоблачениями в адрес действующего президента республики. В частности, Окруашвили обвинил главу Грузии в получении взяток, подготовке заказных убийств и т.д. В довершение всего экс-министр обороны Грузии заявил о своем переходе в жесткую оппозицию режиму Саакашвили. Ответом президента стал арест Окруашвили и предъявление ему обвинений в вымогательстве, отмывании денег, халатности и т.д. Позже нового оппозиционера выпустили из тюрьмы под залог, и он скрылся за рубежами Грузии.

Эпопея с преследованием Окруашвили совпала по времени с атакой, предпринятой грузинским лидером на местных олигархов. В результате всего этого образовался довольно влиятельный и финансово обеспеченный тандем Патаркацишвили – Окруашвили, который и бросил открытый вызов режиму Саакашвили.

Особенность внутривнутриполитической ситуации в Грузии состоит в том, что состав парламента формировался, как это уже говорилось выше, на «бархатно-революционной» волне и не отражал истинного расклада сил в обществе. В нем «правит бал» подконтрольное Саакашвили «Единое национальное движение». Наиболее активные оппозиционные силы

блокируются фактически за стенами высшего законодательного органа республики. А парламентская оппозиция была (и остается) разобщенной и откровенно слабой. И это не могло не беспокоить президента Грузии, так как на этом жалком фоне особенно наглядно были видны авторитарные нюансы в личности Саакашвили и проводимой им политике, в том числе для Запада, что особенно неприятно для грузинского президента. К тому же Саакашвили опасался (как показали последующие события – вполне справедливо), что отсутствие реальных оппонентов в рамках, что называется, «правового поля» может привести к появлению куда более сильных противников среди грузинской политической элиты. В октябре 2007 года на совещании с представителями парламентского большинства Саакашвили заявил, что стране нужна новая, более серьезная оппозиция, призвал «сделать все для трансформации нынешней оппозиции в конструктивную парламентскую силу». «Мне неприятно, что из-за политической слабости оппозиции на Грузию показывают пальцем», – заявил грузинский президент, явно имея в виду мнение своих западных наставников, неоднократно указывавших на однобокость грузинского парламента.

Однако подобные сетования Саакашвили не привели к реальным политическим сдвигам. Оппоненты режима продолжали набирать силу. Доверие к парламенту и полиции в Грузии снижалось с завидным постоянством, что регулярно демонстрировали опросы общественного мнения. Так, в частности, после эпопеи с арестом и освобождением под залог Ираклия Окруашвили 61,3% участников очередного социологического исследования заявили, что верят в обвинения, прозвучавшие из уст экс-министра обороны в адрес Саакашвили. Не поверили же им всего 10,5%.

Так что вряд ли правы те, кто полагает, что лишь разногласия внутри грузинского истеблишмента привели к «революционным» событиям ноября 2007 года. В их основе лежало глубокое разочарование широких слоев грузинской общественности внутривнутриполитическим курсом, который проводило руководство республики.

В условиях ширящегося массового возмущения Саакашвили попытался сыграть на опережение и инициировал ряд поправок и нововведений в конституцию страны. По его предложению были внесены поправки, касающиеся совмещения парламентских и президентских выборов и переноса парламентских выборов с апреля на осень 2008 года. Далее Саакашвили предложил уменьшить проходной барьер в парламент с 7 до 5% (чтобы в парламент могли попасть мелкие лояльные или умеренно оппозиционные группировки; этот шаг связывали с падением рейтинга «Единого национального движения»), увеличить срок полномочий парламента с 4 до 5 лет, сократить число депутатов в парламенте и ввести ограничения на право его роспуска президентом.

Эти нововведения были восприняты непарламентской оппозицией как попытки ослабить противников режима. Свои претензии к власти оппозиционеры изложили в манифесте. Предлагалось создать независимые суды, пресечь политическое насилие, обеспечить неприкосновенность частной собственности и свободу СМИ. Саакашвили обвинили в узурпации власти, политическом терроре, подавлении прав и свобод, доведении населения до крайней нищеты и т.п.

2 ноября 2007 года в столице Грузии начался бессрочный митинг протеста с требованиями отменить решение о переносе парламентских выборов на осень, освободить политических заключенных, обеспечить свободу СМИ. Бескомпромиссная позиция главы государства, который несколько дней вообще никак не реагировал на протесты митингующих, а затем обличил оппозиционеров как марионеток Кремля, привела к требованию немедленной отставки Саакашвили. 7 ноября мировая общественность узнала о бесславном и шокирующем конце протестных выступлений в Грузии и о введении в стране «чрезвычайного положения».

Президент Михаил Саакашвили вроде бы сумел подавить в зародыше разгорающийся революционный пожар. Но надолго ли – на этот вопрос пока никто не готов ответить однозначно. Жестокий разгон 7 ноября участников мирного митинга протеста в Тбилиси, в ходе которого был применен весь набор далеко не безобидных полицейских средств (от дубинок до слезоточивого газа), еще не скоро будет забыт в Грузии. Тем более, что жертвами «операции» на 96% были недавние сторонники Михаила Саакашвили – ведь именно с таким результатом он победил на президентских выборах 4 января 2004 года.

Грузинский лидер, который был объявлен едва ли не главным демократом всего Южного Кавказа, да и всего постсоветского пространства, решился на неадекватное применение силы в отношении своих граждан, ввел в стране чрезвычайное положение и ужесточил цензуру. После этого в политическом воздухе страны повисло тревожное, предгрозовое молчание. Чтобы упредить опасное для его личной власти развитие событий, Саакашвили 8 ноября заявил о проведении досрочных президентских выборов, назначив их на 5 января 2008 года.

Когда в 2004 году Михаил Саакашвили на «розовой» волне выиграл борьбу за президентский пост, мало кто мог предположить, что по истечении без малого четырех лет он сам окажется в ситуации, подобной той, в которой оказался Эдуард Шеварднадзе. Только действовал в критических обстоятельствах Саакашвили, не в пример своему предшественнику, решительно и жестко. Бесспорно, в этих событиях грузинский лидер проявил себя как достаточно твердый политик, способный без всяких либеральных рефлексий бороться за власть любыми средствами. Только эта самая жестокость, как полагают многие эксперты, сос-

лужила ему и дурную службу, став одной из причин снижения популярности президента Грузии, рассорив его с большей частью местной политической и деловой элиты, а главное – сильно подмочив его репутацию на Западе как «маяка» демократии.

Все эти события развивались под аккомпанемент резко усилившихся антироссийских мотивов в политике Тбилиси. Был отозван посол Грузии в России, высланы три российских дипломата, Россию обвинили в наращивании своих вооруженных сил в Абхазии и Южной Осетии. Колоритный штрих, подчеркивающий фарсовый характер антироссийских потуг грузинских властей: Саакашвили назвал своего главного врага в борьбе за власть Патаркацишвили, еще в июне 2001 г. объявленно-го Генпрокуратурой России в международный розыск и тогда же нашедшего приют под крылышком Саакашвили, «одним из российских олигархов, находящихся в Грузии».

Описанная картина событий в республике будет не совсем полной, если не сказать о роли в ней вашингтонской администрации. Незадолго до начала акций протеста заместитель помощника госсекретаря США Мэтью Брайза заявил, что оппозиция в Грузии «имеет право на открытый протест», тем самым, по сути, дав добро на организацию ею выступлений. Непосредственно перед началом митингов противники Саакашвили имели встречу с американскими дипломатами. У многих создавалось впечатление, что Вашингтон сделал выбор в пользу оппозиционеров, и дни Саакашвили как президента сочтены. Однако, как показало последующее развитие событий, окончательного решения по «грузинскому досье» в Вашингтоне не было принято, оно определилось лишь после бурных акций протеста с требованием отставки Саакашвили. Тот же Брайза в интервью каналу «Имеди» заявил, что «нет разумных оснований для разрушения в Грузии конституционного строя», и назвал требования об отставке Саакашвили «безответственными». Да и как иначе, если президент Буш буквально накануне, выступая на 62-й сессии Генассамблеи ООН, приветствовал Грузию как страну, сделавшую существенные «шаги к свободе». Но спасение Саакашвили было вызвано не только необходимостью спасти лицо американского президента. Вашингтон сделал ставку на Саакашвили ради более важных, геополитических целей по закреплению своего влияния на постсоветском пространстве и в регионе, прилегающему в Большому Ближнему Востоку.

Так что, словесно поддержав оппозиционеров, американцы отнюдь не собирались менять грузинское руководство. Скорее всего, они хотели дать понять Саакашвили, что линия Белого дома в его отношении может в любой момент измениться и американские симпатии могут оказаться на стороне оппозиции. Фактически в лице непарламентской оппозиции Вашингтон приобрел дополнительный рычаг воздействия на грузинский режим. Рычаг тем более необходимый, что непредсказуе-

мый и политически неуравновешенный Саакашвили, от которого, похоже, начинают уставать и его американские покровители, вполне может ввязаться в несанкционированные Вашингтоном авантюры. В этом контексте ноябрьское выступление оппозиции можно рассматривать в качестве одного из этапов «смотра» возможных кандидатур, призванных сменить Саакашвили.

Итак, 5 января 2008 года состоялись внеочередные выборы президента Грузии. Победу на них, причем уже в первом туре, как и ожидалось, одержал М.Саакашвили, который набрал 53,5% голосов избирателей. Его главный конкурент – Леван Гачечиладзе получил 25,6%, Бадри Патаркацишвили – 7,1%, Шалва Нателашвили (Лейбористская партия) – 6,5%, Давид Гамкрелидзе (партия «Новые правые») – 4,2%, Георгий Маисашвили – 0,8%, Ирина Саришвили – менее 0,2%.

Тот факт, что позиции Саакашвили в общегрузинском масштабе все еще достаточно сильны, подтвердили и результаты парламентских выборов, состоявшихся в республике 21 мая. В них принимало участие девять политических партий и три избирательных блока. В высший законодательный орган страны должны были быть избраны 150 депутатов, половина по пропорциональной, половина по мажоритарной системам.

По данным Центризбиркома Грузии, пропрезидентское «Единое национальное движение» набрало почти 60% голосов избирателей. Остальные голоса распределились следующим образом: Объединенная оппозиция получила 16,48%, Христианско-демократическое движение – 8,29%, Лейбористская партия – 6,83%, Республиканская партия – 3,7%, «Правый альянс: Топадзе – промышленники (Единство, НДП)» – 0,88%.

Представители «Объединенной оппозиции» тут же объявили, что, по данным альтернативного подсчета голосов, их блок победил на парламентских выборах, а правящая партия заняла лишь второе место. Однако их «демарш» остался незамеченным ни внутри страны, ни на международной арене.

Ранее были опубликованы результаты exit polls, согласно которым «Единое национальное движение» получило абсолютное большинство голосов – более 63%, а «Объединенная оппозиция» набрала чуть больше 14%.

Двойная победа Саакашвили была обусловлена целым рядом факторов.

Во-первых, грузинская оппозиция при всей своей активности не составляет пока единого организационного монолита, способного выдвинуть из своей среды сильного лидера, который станет реальной альтернативой Саакашвили. Внутри оппозиционных сил сейчас борются несколько группировок, и выдвижение паллиативной фигуры Левана Гачечиладзе в качестве единого кандидата как раз и явилось отражением этой борьбы.

Во-вторых, Саакашвили принял все возможные меры для «зачистки» избирательного поля: оппозиционные СМИ были разгромлены (характерна ситуация, сложившаяся накануне выборов вокруг оппозиционной телекомпании «Имеди», на имущество которой генеральной прокуратурой Грузии был наложен арест), ведущие оппозиционеры нейтрализованы (кто под судом, кто в бегах, кто запуган и затаился) и т.д. Еще больше подорвала влияние оппозиции и смерть одного из ее лидеров Бадри Патаркацишвили. Многие аналитики видели за tandemом этого грузинского олигарха и Окруашвили большое политическое будущее.

В-третьих, как выяснилось, не готовыми к замене Саакашвили на посту президента оказались и в Вашингтоне. Там взят твердый курс на прием Грузии в НАТО, и смена лидера, по всей видимости, может серьезно отсрочить эти планы.

В-четвертых, настроения грузинской общественности также еще не перешли в стадию жесткого неприятия действий властей. Недовольство выражает наиболее активная часть городского населения Грузии, нация же в целом пока не готова указать Саакашвили на дверь. Здесь необходимо учитывать и масштабную работу пропагандистского аппарата президента, и его личную харизму. Надо учитывать и тот факт, что Саакашвили очень активно использует ряд консолидирующих нацию моментов: восстановление территориальной целостности страны, ее вступление в НАТО (и в ЕС, хотя это пока вряд ли возможно), антироссийскую идеологию (которая, к сожалению, уже переходит на очень опасный бытовой уровень).

В-пятых, как полагают некоторые эксперты, грузинский бизнес испугался стихийности и неуправляемости оппозиционных выступлений. Деловые люди Грузии оказались не готовы финансировать силы, приход к власти которых ввергнул бы страну в пучину политической нестабильности.

Относительно роли России в грузинских событиях можно сказать, что она была минимальной и опосредованной. О том, что грузинскую оппозицию «науськали» на Саакашвили из Москвы, говорить не приходится ввиду однозначного антироссийского настроения оппонентов режима (особо популярными среди оппозиции осенью 2007 года были лозунги: «Москва, забери своего прихвостня/агента Саакашвили!», «Ванька, топай из Грузии!» и т.п.). То есть даже в случае смены власти в Тбилиси для России вряд ли что-то изменится существенно.

Кремль часто обвиняют в проведении грубой и непродуманной политики в отношении Грузии. Наверное, определенные основания для таких обвинений есть, хотя истерия, раздуваемая в некоторых западных СМИ относительно «блокады» Грузии, российских «провокаций», «подготовке террористов» для действий на грузинской территории, поддержке «сепаратистских режимов и т.д., носит, как правило, пред-

намеренный и субъективный характер. Но нельзя не замечать и того, что русофобия стала для большей части грузинской политической элиты – как правящей, так и оппозиционной – своего рода векселем, который она стремится предъявить Вашингтону, не имея или не видя других возможностей для цивилизованного вхождения в евроатлантическое сообщество.

Россия заинтересована в поддержании стабильности на Южном Кавказе – это главный лейтмотив ее политики в регионе, и отсюда стремление сдерживать агрессивные намерения Тбилиси в отношении Абхазии и Южной Осетии. Москва конечно же заинтересована в приходе к власти в Грузии более вменяемого политического деятеля, способного вести с Россией полноценный конструктивный диалог. Однако ускорить его приход кремлевские власти не имеют возможности. Не имеют они и желания удерживать под своим крылом Грузию. Но не реагировать на антироссийские выходки провокационного характера, как и финансировать, например, вступление Грузии в НАТО, Россия конечно же не может.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что, по крайней мере, в среднесрочной перспективе ситуация в Грузии будет характеризоваться ее дальнейшим дрейфом в направлении США и Запада. Развязанная Саакашвили в августе 2008 года война против Южной Осетии и вмешательство в нее России только ускорили процесс размежевания некогда братских народов. В этой связи можно прогнозировать, что сближения Москвы и Тбилиси в ближнесрочной перспективе ожидать не стоит. Некоторое потепление возможно лишь с приходом к власти в Тбилиси относительно умеренных политических сил, которых пока на грузинском политическом горизонте, увы, не просматривается.

Торгово-экономическое сотрудничество Грузии и России

Состояние грузинской экономики – некоторые цифры. Грузия располагает широкой гаммой полезных ископаемых, основными из которых являются: высококачественные марганцевые руды (Чиатура), каменный уголь (Ткибули и на территории Абхазии – Ткварчели), медные руды (Маднеули). На территории Грузии зарегистрировано около 2 тыс. источников пресной воды, 22 месторождения минеральных вод, в том числе лечебных: «Боржоми», «Саирме», «Набеглави», «Зваре» и других.

Уникальны по своим характеристикам рекреационные ресурсы страны – горные и морские курорты. В последние годы прилагаются усилия по возрождению курортно-туристического комплекса страны.

В структуре ВВП Грузии основное место занимают услуги (примерно 48%), сельское хозяйство (16,5%), промышленность (26,8%), строительство (9%).

Основные социально-экономические показатели страны

Показатели	
Валовой внутренний продукт, <i>млрд. долл.</i> – 2006 г. – январь-ноябрь 2007 г.	7,76 7,1781
ВВП на душу населения на январь-ноябрь 2007 г., <i>долл.</i>	1633,38
Объем промышленной продукции, <i>млрд. долл.</i> – 2006 г. – январь-ноябрь 2007 г.	2,2 1,9739
Валовая продукция сельского хозяйства, <i>млрд. долл.</i> – 2006 г. – январь-ноябрь 2007 г.	1,3 1,1046
Объем прямых иностранных инвестиций в экономику страны, <i>млрд. долл.</i> – 2006 г. – январь-сентябрь 2007 г.	1,14 1,0546
Валютные резервы Национального банка Грузии на 30.11.2007 г., <i>млрд. долл.</i>	1,355
Инфляция, %: – 2006 г. – 2007 г.	108,8 111,0
Сумма перечисленных денежных средств в грузинские коммерческие банки из-за рубежа, <i>млн. долл.</i> – 2006 г. (в том числе из России) – январь-ноябрь 2007 года (в том числе из России)	545 (364) 768,4 (484,2)
Внешнеторговый оборот за 2006 г., <i>млрд. долл.</i> – экспорт / импорт	4,6743 0,9931/3,6812
Внешнеторговый оборот за 2007 г., <i>млрд. долл.</i> – экспорт / импорт	6,46 1,24/5,22
Внешний государственный долг на ноябрь 2007 г., <i>млрд. долл.</i> – долг перед Россией	1,7962 126,5
Бюджет Грузии, <i>млрд. долл.</i> , 2006 г.: – доходы бюджета – расходы бюджета – дефицит бюджета Бюджет Грузии, <i>млрд. долл.</i> , январь-ноябрь 2007 г.: – доходы бюджета – расходы бюджета – дефицит бюджета	2,1241 2,1512 0,0271 2,6977 2,7278 0,0301
Минимальный размер месячной пенсии по возрасту в 2007 г., <i>лари / долл.</i>	55/33
Среднемесячная номинальная заработная плата в 2007 г., <i>лари / долл.</i>	338,8/202,1
Средневзвешенный курс лари к доллару США: – за 2006г. – за январь-ноябрь 2007 г.	1,7764 1,6767
Курс лари к российскому рублю: – на конец декабря 2006 г. – на конец ноября 2007 г.	0,0650 0,0666

Ведущими отраслями являются: пищевая (производство чая, вин и коньяков, табачных изделий, эфиромасличных культур, овощных и фруктовых консервов, минеральных вод, лесных орехов), электроэнергетика (Тбилисская ГРЭС, гидроэлектростанции на реках Ингури, Риони, Храми, Абаша и других), черная металлургия (металлургический комбинат в Рустави, Зестафонский завод ферросплавов, комбинат Чиатурмарганец), цветная металлургия (Маднеульский комбинат), химическая (производство азотных удобрений, бытовой химии – в Рустави). В январе-ноябре 2007 года по сравнению с аналогичным периодом 2006 года прирост объема промышленной продукции составил 18,5%.

В структуре промышленного производства наибольший удельный вес занимает перерабатывающая промышленность – 69%, на долю производства и распределения электроэнергии, газо- и водоснабжения приходится 24%, на горнорудную промышленность – 7%.

Энергосистема Грузии ежегодно вырабатывает 7–8 млрд. кВт/ч электроэнергии, из которых 70% приходится на гидроэлектростанции. Примерно 80% всей вырабатываемой в Грузии электроэнергии дает «Ингурская ГЭС». Российская электроэнергия импортируется Грузией по ЛЭП-500 «Кавкасиони».

Грузия удовлетворяет около 100% своих потребностей в нефтепродуктах за счет импорта. На 70–80% импорт нефтепродуктов покрывается поставками из Азербайджана.

Потребление природного газа в Грузии, 100% которого страна импортирует, в 2007 году сократилось на 100 млн. куб. м, или на 5,5%, по сравнению с 2006 годом и составило около 1,7 млрд. куб. м. Россия поставила 66% от этого объема. Часть российского газа получена Грузией в счет его транзита через территорию страны в Армению (10% объема транспортировки). Остальной объем топлива грузинские компании закупили у «Газпрома» по цене 235 долл. США за 1 тыс. куб. м.

В 2007 году около 550 млн. куб. м газа поступило в Грузию из Азербайджана. Из этого объема 268,9 млн. куб. м газа по цене 120 долл. за 1 тыс. куб. м Грузия закупала у азербайджанских компаний. Остальной объем поступил по газопроводу Баку–Тбилиси–Эрзерум в рамках предоставленной стране квоте в проекте «Шах-Дениз» по льготной цене 63 долл. за 1 тыс. куб. м.

Транспортная система Грузии включает железные и автомобильные дороги, морские порты, паромные переправы, нефтепровод Баку–Тбилиси–Супса, грузинскую часть магистрального газопровода Владикавказ–Казбеги–Красный мост, пролегающего из России в Грузию до ее границы с Арменией и Азербайджаном, нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан и газопровод Баку (Шах-Дениз)–Тбилиси–Эрзерум; аэропорты.

В общем объеме грузоперевозок наибольший удельный вес приходится на автотранспорт (59%), а в общем объеме грузооборота – на желез-

нодорожный транспорт (немногим более 90%). За 6 месяцев 2007 года по железной дороге перевезено 6,5–6,8 млн. тонн жидких и 5 млн. тонн сухих грузов.

Торгово-экономическое сотрудничество. И для начала вновь немного статистики. Как известно, базовым межправительственным соглашением в области российско-грузинского торгово-экономического сотрудничества является Соглашение о свободной торговле от 3 февраля 1994 года. В соответствии с этим документом экспорт и импорт российских и грузинских товаров не облагается таможенными пошлинами, за исключением небольшого перечня товаров, зафиксированного в соответствующих протоколах (некоторые виды алкогольной продукции, табачные изделия, сахар и т.д.).

На протяжении последних лет экономическое сотрудничество между Россией и Грузией не развивалось. Связано это было с введением Москвой санкций в отношении Тбилиси (Россия ввела запрет на ввоз из Грузии растительной продукции (с 19 декабря 2005 г.), вина и виноматериалов (с 27 марта 2006 г.), минеральной воды (с 7 мая 2006 г.)).

В октябре 2006 года Москва приостановила все виды транспортного сообщения с Грузией, почтовую связь, ввела ограничения на осуществление денежных переводов в Грузию, приостановила выдачу российских виз гражданам Грузии. В мае 2007 года выдача виз была частично возобновлена.

За первое полугодие 2007 года экспорт машин, оборудования и транспортных средств составил 29,5 млн. долл., оставшись на уровне аналогичного периода 2006 года, экспорт продовольственных товаров сократился на 15% – до 88 млн. долл., экспорт продукции химического производства уменьшился на 1,5% – до 19 млн. долл. В последнее время алкогольная продукция из Грузии в Россию не импортировалась. Импорт цитрусовых продуктов также снизился – в начале 2007 года на 47% – до 564 тыс. долл.

Тем не менее поставки в Грузию российских углеводородов ограничены не были и даже увеличивались (не свернула Россия сотрудничество с Грузией в энергетической сфере даже после войны в Южной Осетии). Об этом, в частности, свидетельствуют данные официальной статистики. За то же первое полугодие 2007 года российский экспорт продуктов (топливо, нефть и т.д.) в Грузию увеличился на 34% (104 млн. долл.), газа – на 77% (99 млн. долл.). Кроме того, российский капитал все активнее проникает в энергетический сектор грузинской экономики.

Так, ЗАО «ИНТЕР РАО ЕЭС» в настоящий момент владеет 75% акций тбилисской энергораспределительной компании АО «Тэласи» (крупнейший в республике дистрибьютор электроэнергии), 100% ак-

ций ООО «Мтквари энергетика», 50% акций ООО «Трансэнерджи», а также имеет все права на управление до сентября 2028 года двумя гидроэлектростанциями «Храми ГЭС-1» и «Храми ГЭС-2» (общей мощностью 240 МВт). Кроме того, РАО «ЕЭС» взяло в аренду линию электропередачи «Алаверди», по которой осуществляется передача электроэнергии из Армении в Тбилиси, что позволяет российскому энергохолдингу контролировать 30% генерирующих мощностей и 35% сбыта электроэнергии Грузии.

В 2007 году между ЗАО «ИНТЕР РАО ЕЭС» и правительством Грузии был подписан меморандум. Согласно пунктам данного документа, российская компания построит на реке Храми гидроэлектростанцию мощностью 100 МВт либо каскад ГЭС из трех станций по 35 МВт. Стоимость проекта оценивается экспертами в 120 млн. долл. В том же году ЗАО «ИНТЕР РАО ЕЭС» инвестировало 29 млн. долларов в реабилитацию агрегата №2 электростанции «Храми ГЭС-2», доведя его мощность до 59 МВт.

С марта 1996 года в Грузии активно действует совместная российско-грузинская компания «Объединенная Энергетическая Система «Груз-Росэнерго», акции которой распределены в равных долях между Грузией и РАО «ЕЭС России». Основная сфера деятельности – поставка, распределение и транзит электроэнергии. В собственности предприятия находятся семь линий электропередач общей протяженностью более 800 км.

Компания «Энерджи Инвест», являющаяся инвестиционным проектом российского Внешторгбанка, владеет в Грузии Гардабанской газотурбинной теплоэлектростанцией, а также фирмой «Азот» (Рустави) – одним из крупнейших в СНГ производителей минеральных удобрений. «Энерджи Инвест» инвестировала в реконструкцию и модернизацию «Азота» 20 млн. долл.

АО «Итера – Georgia» (100% «дочернее» предприятие российской компании МГК «Итера») осуществляет газоснабжение 103 предприятий в Грузии, в том числе 38 региональных газораспределительных компаний, в 9 из которых владеет контрольным пакетом акций. В 2007 году компания учредила совместно с АО «Метехская керамика», являющимся крупнейшим в Грузии производителем керамического кирпича, совместное предприятие ООО «Georgia Plastic Pipes». Созданное СП специализируется на производстве полиэтиленовых труб для газопроводов высокого давления, водоснабжения и канализации.

Серьезные позиции на рынке нефтепродуктов Грузии занимает ООО «ЛУКОЙЛ-Джорджия» – на его долю приходится 20–25% розничных продаж дизельного топлива и бензинов различных марок. Компания имеет самую широкую сеть АЗС в стране – около 50 станций, владеет нефтебазой в Тбилиси и контрольным пакетом акций нефтебазы в Мцхетском районе объемом 12 тыс. тонн.

Как мы видим, российские позиции в энергетическом секторе грузинской экономики становятся все более прочными. Данный факт вкуче с увеличением поставок российских углеводородов на грузинский рынок даже в условиях общего охлаждения политических и экономических контактов чрезвычайно примечателен.

Однако не стоит думать, что активность российского бизнеса в Грузии распространяется лишь на энергетическую сферу. Отечественные компании представлены в банковском, добывающем, пищевом и др. секторах экономики Грузинской Республики. Так, например, российский Внешторгбанк является владельцем контрольного пакета акций (53,17%) одного из лидеров банковского сектора Грузинской Республики – «Объединенного банка Грузии» (в настоящее время – «VTB Bank Georgia»). Этот банк имеет 14 филиалов и 13 сервис-центров во всех регионах страны, где работает более 800 сотрудников. Кроме того, он профинансировал закупку у американской корпорации «Pratt and Whitney» двух газовых турбин, которые установлены на Тбилисской ГРЭС. Общий объем финансирования по данному проекту составил 40 млн. долл. В декабре 2007 года принято решение об увеличении уставного капитала «Объединенного банка Грузии» путем эмиссии дополнительных акций на сумму свыше 28 млн. долл.

Российская группа «Промышленные инвесторы» через входящую в ее состав британскую компанию «Stanton Equities Corporation» сумела приобрести без малого 100% акций грузинского горно-обогатительного комбината АО «Маднеули» и 50% акций компании по поиску полезных ископаемых ООО «Trans Georgian Resources», владеющей лицензией на разработку месторождения Сакдриси, на базе которого работает ГОК. Сумма сделки оценивается экспертами примерно в 50 млн. долл. Приобретение данного ГОКа можно считать чрезвычайно выгодным, ведь в собственности комбината находятся золотодобывающее предприятие ООО «Кварцит», ООО «Горнорудная компания Грузии», ООО «Гарди», ООО «БЕЛАЗ-КавказТранс сервис», ООО «Трансвзрывбур», 51% акций ООО «Эколог», а также 50% футбольного клуба ООО «Сиони».

Представлен российский бизнес и на еще пока недостаточно развитом в Грузии рынке предоставления телекоммуникационных услуг. Российское ОАО «ВымпелКом» владеет 51% акций ООО «Мобител». «Мобител» имеет лицензию на оказание услуг сотовой связи в стандарте GSM-1800 сроком до середины 2013 года, а также на использование радиочастотного спектра как для радиолинейной связи в масштабах всей страны, так и для обеспечения широкополосного беспроводного доступа в Интернет в Тбилиси. Сумма сделки, оформленной в 2006 году, оценивается экспертами в 12,6 млн. долл.

В марте 2007 года ОАО «ВымпелКом» в Грузии ввело в эксплуатацию сеть услуг связи на 300 тысяч абонентов с возможностью расширения

этой сети до 1 млн. В декабре 2007 года компания получила лицензию на использование радиочастотного спектра для мобильного коммуникационного обслуживания в диапазоне 880–934 МГц на всей территории Грузии, заплатив за нее на аукционе 17,5 млн. долл. Также с 2006 года «ВымпелКом» внедряет в Грузии систему мобильной телефонной связи «Билайн».

В сфере пищевой промышленности – российская компания «Дионис клуб» приобрела ООО «Тифлисский винный погреб», действующее на базе винного завода «Ахашени». Группа компаний «Русский алкоголь» приобрела ликероводочное производство «Ушба». ЗАО «Микояновский мясокомбинат» и АО «Анагрупп» создали совместное предприятие ООО «Микана» по производству мясной продукции торговой марки «Микоян». На местном рынке работает производящая виноградные соки компания «Грузинские продукты» приобретенная в октябре 2007 года ОАО «Вимм-Билль-Данн-Продукты Питания».

Масштабность вложения российских средств в грузинскую экономику, и в первую очередь в энергетическую ее составляющую, видна была невооруженным глазом. Одно время создавалось впечатление, что Москва преднамеренно подсаживала режим Саакашвили на «энергетическую иглу», чтобы сделать его в перспективе более сговорчивым и более зависимым от России в экономическом плане. Необходимо признать дальновидность подобной стратегии, которая способствует укреплению российского влияния на Южном Кавказе цивилизованным путем – без применения военной силы и прямого политического диктата⁴⁰.

Однако события лета 2008 года, по всей видимости, поставили крест на намерениях отечественного бизнеса как можно более плотно интегрироваться в экономику Грузии. В ближнесрочной перспективе экономические контакты между двумя странами будут развиваться, вероятнее всего, исключительно в энергетической сфере, все же остальные направления сотрудничества будут на длительное время заморожены.

⁴⁰ В данном разделе приведены статистические данные Национального банка Грузии, Министерства финансов Грузии, Минэкономразвития Грузии и ФТС России.

Вагиф Гусейнов, Афранд Дашдамиров, Сергей Демиденко

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Армяно-азербайджанский конфликт (1988–2008 гг.)

Армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха – один из наиболее острых, затяжных и кровопролитных на постсоветском пространстве. Он вызвал насильственные, крупномасштабные демографические, территориальные и этнополитические изменения в восточной части Южного Кавказа. Это было первое в истории СССР открытое вооруженное противостояние двух советских союзных республик. Оно заметно повлияло на этнополитическую ситуацию в СССР в период 1988–1991 гг.

Начавшийся как острое проявление кризиса национальной политики СССР на регионально-периферийном уровне, карабахский конфликт в момент развала советского государства полыхал как полномасштабная межнациональная война, став объектом международной политики и полем энергичного сопряжения внешнеполитических стратегий соседних государств.

Этой постсоветской ситуации предшествовала эпоха перестройки с сопутствовавшей тотальной ревизией советской истории и политики.

Требование о передаче НКАО Армении базировалось на праве нации на самоопределение, односторонне раздутым и вырванным из системы принципов межнациональных международных отношений, включающих и принцип территориальной целостности государств. Кремлевских организаторов ничуть не смущало то непрекращаемое обстоятельство, что армянская нация самоопределилась и имеет государство в лице Армянской ССР и что в Нагорно-Карабахской автономной области армяне составляли менее двух третей населения. Вся пропагандистская риторика сепаратистского движения старательно встраивалась в контексты идеологических процессов перестройки. Критическое осмысление истории СССР использовалось для распространения надуманных утверждений о том, что Сталин в 1921 г. «отдал» Карабах Азербайджану. Носившиеся в воздухе перестройки идеи демонтажа командно-административной системы в СССР переносились на его национально-государствен-

ное устройство и использовались для обоснования пересмотра территориально-правового статуса НКАО. Критика социально-экономических проблем советского общества, в свою очередь, служила благоприятным фоном для раздувания настоящей истерии вокруг социально-экономических и национально-культурных проблем автономной области, которые на самом деле имели место не только в жизни НКАО, но и во всех остальных сельских, особенно в горных районах Азербайджана, да и многих других национальных республик СССР.

И никто не хотел замечать, как за завесой переоценки ценностей советской истории и политики, происходившей в те годы, целенаправленно велась прямая фальсификация истории карабахского вопроса, социально-экономического положения автономной области, состояния межнациональных отношений в регионе, действительного положения армянского населения Нагорного Карабаха. Требования о передаче НКАО Армении мотивировались невыносимыми условиями жизни армянского населения, произволом азербайджанских властей. Хотя на самом деле советский Азербайджан никак не мог проводить в условиях командно-административной системы какую-то особую, самостоятельную национальную политику. Но, несмотря на все противоречия и несообразности армянской пропаганды, ее внешнее сходство с лозунгами перестройки позволяло добиваться главного: перетягивать на свою сторону общественное мнение в СССР, вызывать сочувственное отношение у демократически настроенной части московской интеллигенции. И тем самым оказывать нарастающее давление на руководство СССР. Так создавалась предконфликтная ситуация карабахского конфликта.

Инициированный Арменией карабахский конфликт в его открытой фазе развернулся в форме массовых митингов и демонстраций населения обеих республик и, параллельно с ними, противостояния республиканских и областных институтов Армении и Азербайджана. Дальнейшее развитие конфликта сопровождалось межэтническими столкновениями, насилием, массовыми депортациями. Деструктивные процессы переросли в период распада Союза ССР в полномасштабную войну, прерванную миротворческой инициативой Российской Федерации и других стран СНГ и подписанием конфликтующими сторонами соглашения о перемирии.

В результате сложилась ситуация «ни мира, ни войны», чреватая геополитической неопределенностью и стратегической непредсказуемостью. Находящиеся в состоянии вооруженного противостояния Азербайджан и Армения были приняты в состав Организации Объединенных Наций в качестве суверенных государств. Причем, Азербайджанская Республика была официально признана международным сообществом именно в тех границах, которые до сих продолжают оспариваться вооруженным путем Республикой Армения совместно с режимом НКАО.

Несмотря на многолетние усилия ООН, ЕС и ряда других авторитетных международных организаций, добиться урегулирования карабахского конфликта до сих пор не удается. Тем не менее мирные переговоры между Азербайджанской Республикой и Республикой Арменией продолжаются. Основными посредниками в урегулировании конфликта в качестве сопредседателей Минской группы ОБСЕ выступают Россия, США и Франция.

1. Точкой «официального» отсчета начала карабахского конфликта стало состоявшееся 20 февраля 1988 года решение Нагорно-карабахского областного совета народных депутатов XX созыва о «Ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджанской и Армянской ССР о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР». В поддержку этого решения в Степанакерте и Ереване явились массовые шествия и митинги, организованные инициаторами движения за передачу НКАО Армении.

Разумеется, сессия областного совета НКАО состоялась не вдруг и не спонтанно. Этому предшествовала значительная подготовительная идеологическая, организационно-политическая и пропагандистская работа среди широких слоев населения Армении и Нагорного Карабаха, подготовившая массовые выступления в поддержку требований о передаче НКАО Армении. С этой точки зрения 20 февраля – не более чем дата легализации тех деструктивных процессов в Армении и Нагорном Карабахе, которые, в конечном счете, вывели их на путь вооруженной конфронтации с Азербайджаном. Эта дата обозначила рубеж, с которого началась открытая фаза территориальных, геополитических притязаний Армении. По сути дела, массовые выступления по территориальному вопросу были вызовом конституционному, национально-государственному устройству СССР.

Перед высшим руководством союзного государства встала проблема преодоления политического кризиса между двумя союзными республиками. Однако с самого начала конфликта проявился противоречивый характер политической линии кремлевского руководства в карабахском вопросе: в поисках формулы его разрешения сказались псевдодемократическая риторика по поводу права наций на самоопределение, взятая на вооружение инициаторами конфликта. Более того, в период, предшествовавший публичным событиям вокруг НКАО, в течение 1986–1987 годов потоком шли обращения по территориальному вопросу в ЦК КПСС и Верховный Совет СССР из Армянской ССР и НКАО. Отсутствие однозначной реакции со стороны руководителей высших органов КПСС и СССР на эти обращения уже само по себе поощряло армянскую сторону на публичное выдвижение территориальных требований.

Причем, вопреки объявленной гласности, Москва эту тему официально не обсуждала с руководством Азербайджана. Более того, высшие

органы исполнительной и законодательной власти республики не ставились в известность об обращениях с армянской стороны. Все закулисные контакты союзных властей с будущими лидерами карабахского движения происходили за спиной азербайджанского народа, без учета мнения многонационального населения Азербайджанской Республики, включая мнение абсолютного большинства армянской части населения Азербайджанской Республики.

Для азербайджанского народа, как и для всего населения СССР, территориальные требования, оглушительно прозвучавшие из Еревана и Степанакерта, явились полной неожиданностью. Но для партийного и государственного руководства СССР никакой неожиданности в этом не было. Более того, в кремлевских верхах были хорошо информированы об агрессивных настроениях в Армении, хорошо знали, что там происходит и что готовится. Впрочем, «там» особо и не скрывали своих намерений и планов. Более того, консультируясь в кремлевских кабинетах, инициаторы карабахского движения встраивали в демократическую риторику перестройки радикально-сепаратистские лозунги о передаче НКАО Армении. К середине февраля 1988 года глухое брожение среди армянского населения НКАО достигло некоей критической точки и, как по команде, выплеснулось на улицы Еревана и Степанакерта. Первый публичный митинг, участники которого потребовали присоединить Нагорный Карабах к Армении, состоялся 12 февраля. С этого момента митинги, демонстрации, забастовки с категорическим требованием отделения от Азербайджана с краткими перерывами проходили в Нагорном Карабахе весь последующий период, постепенно втягивая в воронку конфронтации возрастающие массы людей с обеих сторон конфликта.

Некоторые авторы пишут о том, что движение за присоединение Нагорного Карабаха к Армении возникло и продолжается только среди армян, живущих в Карабахе. Попытка представить их в качестве единственной противоборствующей с Азербайджаном стороны продиктована настойчивым стремлением представить конфликт не как армяно-азербайджанский, а как азербайджано-карабахский. Между тем ирредентистский характер общearмянского движения за отторжение Нагорного Карабаха трудно скрыть, если иметь в виду его суть. Она состоит в противоречащих общепринятым нормам международного права не обоснованных территориальных домогательствах к соседней республике. Их суть сводилась лишь к этнической близости армянского населения Нагорного Карабаха к армянскому населению Армении. Что вполне соответствует ирредентистскому принципу – «Армения там, где живут армяне».

Собственно говоря, первые публичные выступления и массовые демонстрации с требованиями о передаче Нагорного Карабаха Армении нача-

лись именно в Ереване в ноябре 1987 года. Это была своего рода репетиция, сигнал к развертыванию будущих массовых антиазербайджанских выступлений в Армении и вслед за ней – в Нагорном Карабахе. Москва эту подготовительную работу намеренно оставила без внимания.

События в Ереване и Степанакерте, открытая антиазербайджанская пропаганда создали крайне напряженную ситуацию в армяно-азербайджанских отношениях по всему периметру непосредственного взаимодействия армянского и азербайджанского населения восточной части Южного Кавказа. Требования о присоединении Нагорного Карабаха к Армении порождали неприязнь, вражду между армянской и азербайджанской общинами в Нагорном Карабахе. В этой обстановке стали происходить межобщинные столкновения, расправы с азербайджанцами. В соседних с НКАО азербайджанонаселенных районах появились первые «внутренние» беженцы-азербайджанцы из Нагорного Карабаха. Еще более драматически складывалась ситуация вокруг азербайджанского населения в самой Армении. С конца 1987 года азербайджанцы в Армении подверглись мощному морально-психологическому давлению, угрозам насилия, имевшим целью выдавить их из мест постоянного жительства. Как неизбежное следствие – первые сотни беженцев-азербайджанцев из Кафанского и Мегринского районов Армении появились уже в конце января 1988 г. В феврале вынужденное перемещение людей из Армении в Азербайджан стало заметно возрастать.

Открытые территориальные притязания были восприняты в Азербайджане как неспровоцированная агрессия соседней республики, как подрыв вековых устоев армяно-азербайджанских отношений. Особенно тревожило угрожающее положение азербайджанцев в Армении и Нагорном Карабахе. Прибывавшие из соседней Армении беженцы рассказывали о творившихся над ними бесчинствах, тяжелой, угнетающей националистической атмосфере, вынуждавшей их оставлять родную землю, могилы предков, веками нажитое.

Это была только начальная стадия межнациональной драмы, которую еще не поздно было остановить, чтобы своевременно предотвратить широкомасштабную гуманитарную катастрофу в целом регионе. Но маховик конфликта для того и раскручивался общественно-политической элитой Армении, одержимой идеей расширения территориального пространства своей республики, чтобы придать движению за Нагорный Карабах необратимый характер. При этом армянская элита получала активную поддержку со стороны зарубежных армянских центров и высокопоставленных выразителей армянских интересов в Москве (помощника М.С.Горбачева Шахназаров, первый заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС Брутенц, заместитель председателя Госплана Ситорян и т.д.). С самого начала публичной фазы массового карабахского движения в Армении оно стало успешно формироваться

как влиятельная политическая сила – Армянское освободительное движение (АОД), ядром которого стал Комитет «Карабах». Среди его лидеров Тер-Петросян – в последующем первый некоммунистический президент Армении, Манукян – будущий первый премьер-министр постсоветской Армении. При фактической поддержке кремлевских «архитекторов перестройки» движение за «воссоединение» приобрело среди армянского населения массовый, публичный характер.

Это движение в течение последующих лет, не ограничиваясь политическими требованиями, взяло на себя организацию вооруженных действий, террористических акций армянских формирований, терроризировавших мирное население приграничных с Арменией районов Азербайджана. Подобные события и действия неизбежно встретили ответные акции и противодействие с азербайджанской стороны. Насилие рождает ответное насилие. И уже через несколько месяцев карабахские события стали приобретать необратимые последствия.

Прямым и наиболее трагическим следствием развязанного армянской стороной конфликта стали межэтнические столкновения, массовые погромы в Армении и Азербайджане, наконец, депортация меньшинств – сначала азербайджанцев из Армении, затем изгнание азербайджанцев из Нагорного Карабаха и в заключение – армян из Баку. В мае 1992 года в НКАО не осталось ни одного азербайджанца. С конца 1991 года конфликт перешел в фазу открытых боевых действий армянских и азербайджанских вооруженных сил, происходивших на территории Азербайджана. Разумеется, и на этой фазе инициатива принадлежала армянской стороне. Перед этим, в течение 1989–1991 годов, вооруженные банды, засылаемые из Армении, осуществляли сопровождавшиеся многочисленными человеческими жертвами террористические акции в соседних с Арменией районах Азербайджана – на транспортных коммуникациях, взрывы в поездах, автобусах, подрыв опор на линиях электропередач и т.д.

Поразительный исторический факт: согласно многим документальным и мемуарным свидетельствам, высшее руководство СССР было в полной мере информировано о событиях и процессах в Армении и НКАО, явно перераставших в открытые, массовые политические выступления с территориальными требованиями, чреватые очевидными тяжелейшими политическими и гуманитарными последствиями. И на фоне несанкционированных массовых выступлений в Армении и НКАО 18 февраля 1988 года, выступая на очередном Пленуме ЦК КПСС, генеральный секретарь Центрального Комитета М.Горбачев рассуждал: «Национальной политикой на современном этапе нам надо заняться очень основательно. По всем линиям – и в теории, и в практике. Это принципиальнейший, жизненный вопрос нашего общества» (газета «Правда», 19 февраля 1988 г.). Именно в эти дни (22–23 февраля) в Баку у здания ЦК

компартии Азербайджана состоялись первые, еще стихийные, ответные многоярусные митинги с требованиями осуждения территориальных домогательств Армении. В их ходе также были высказаны требования к ЦК КПСС призвать к ответу лиц из армянского руководства, ответственных за геноцид азербайджанского народа, за многочисленные факты убийств и изгнание десятков тысяч азербайджанцев с родных земель. Пожар уже начинался, но его еще можно было погасить, однако руководитель огромного многонационального государства только собирался заняться теорией национального вопроса.

Лишь 24 февраля 1988 года в советской прессе была обнародована официальная позиция ЦК КПСС в форме сообщения ТАСС, в котором излагалось соответствующее постановление Политбюро ЦК КПСС в связи с событиями в Ереване и Степанакерте.

С одной стороны, в документе территориальные притязания и сепаратистские требования армянской стороны не были поддержаны центром, и это, казалось, должно было вразумить горячие головы и внести успокоение в обеих республиках. Но осуждение Москвой «безответственных призывов отдельных экстремистски настроенных лиц» вызвало возмущение в Армении, оскорбленной тем, что «патриотический порыв» народа был оценен как экстремизм. В Азербайджане недоумение вызвал призыв к народам двух республик не поддаваться на провокации «националистических элементов» в ситуации, когда в Армении маховик националистических эмоций раскручивался вовсю, а в Азербайджане люди еще только пытались разобраться в том, что происходит у соседей. О беженцах не упоминалось, причастность Армении к событиям НКАО умалчивалась. Фактически это было поощрением.

Содержащиеся в сообщении ТАСС оценки, разумеется, сильно разочаровали общественность Армении, ранее обнадеженную в кремлевских кабинетах. Но и азербайджанская сторона, несмотря на явное и недвусмысленное подтверждение своих конституционных прав, не могла быть вполне удовлетворена, так как в последующих официальных заявлениях содержались туманные рассуждения о том, что спорные вопросы еще ждут своего решения в ходе перестройки. Изрядный элемент двусмысленности в позицию Кремля внесло прозвучавшее в эти же дни обращение М.С.Горбачева к азербайджанскому и армянскому народам. В отличие от четких оценок сообщения ТАСС, в обращении содержались увещевания быть терпимыми и терпеливыми, обещания в скором времени рассмотреть весь комплекс национальных проблем в СССР. Между тем в Баку ожидалось, что Москва подтвердит безусловные права Азербайджана на оспариваемую территорию, даст оценку событиям по их существу. В свою очередь, армянская сторона, хотя и недовольная тем, что их требования не выполняются, воспринимала колебания Кремля как сигнал для усиления давления на центральные органы власти.

Безликое обращение Москвы к конфликтующим сторонам не остудило разгорающиеся страсти. Возросла опасность межобщинных столкновений в Карабахе, где впервые пролилась кровь двух азербайджанцев. Затем последовали трагические события в Сумгаите.

Вспоминает один из авторов книги В.Гусейнов: «Сказать, что обстановка в стране и, особенно, на Южном Кавказе была сложная – значит ничего не сказать. Фактически началась необъявленная Арменией война против Азербайджана. С самого начала двусмысленная позиция, занятая Политбюро ЦК КПСС во главе с М.Горбачевым, вела к разжиганию вражды между армянами и азербайджанцами.

Первые межобщинные столкновения между армянами и азербайджанцами в Карабахе, где были убиты двое азербайджанцев, изгнание азербайджанцев из Армении со своих исконных земель, сознательное игнорирование возникших проблем со стороны союзных органов и ряд других причин, которые подробно освещены в данной главе, и привели к событиям февраля 1988 г.»

Случившееся в Сумгаите зимой 1988 года, хотя и было взято по горячим следам под контроль самых высоких правоохранительных структур СССР, так и осталось во многих отношениях загадкой. Загадкой явилась позиция тогдашнего генсека ЦК КПСС М. Горбачева, загадочной была нерасторопность силовых структур, не говоря уже о странностях поведения многих ответственных лиц из политического руководства Азербайджана. И все же самым непонятным, и так и оставшимся неисследованным до конца фактом стал «армянский след» в событиях. Одним из первых указал на него сразу после наведения порядка в городе знаменитый азербайджанский историк, академик, Герой Советского Союза Зия Буниатов. Напомним, что ученый пользовался огромным авторитетом не только у себя в Азербайджане, не только в широких кругах советской общественности, но и в военной среде. Он имел возможности для проведения собственного расследования. Его свідетельства использует в своей книге «Черный сад» известный английский журналист и специалист по Кавказу Томас де Ваал.

«Сумгаитскую трагедию тщательно подготовили армянские националисты. За несколько часов до ее начала армянские фоторепортеры и съемочные группы телевидения тайно въехали в город и, будучи в состоянии полной готовности, стали дожидаться развития событий. Первое преступление было совершено неким Григоряном, выдававшим себя за азербайджанца, который убил в Сумгаите пятерых армян».

Можно допустить, что в мрачной сутолоке тех дней академик проявил вполне объяснимую односторонность или определенную долю предвзятости. Но в объективности Томаса де Ваала трудно усомниться. Его книга отличается от большинства публицистических исследований – армянских и азербайджанских – как раз умением подняться над слухами, домыслами и предположениями и выслушать беспристрастно обе стороны. Вот выводы, к которым пришел пыливый англичанин относительно участия в кровопролитии армянина Эдуарда Григоряна. «Сумгаитский рабочий Григорян действительно участвовал в ряде массовых актов насилия и групповых изнасилованиях... Григорян был обыкновенным подонком. Уроженец Сумгаита, он после смерти отца-армянина воспитывался матерью-русской. У него было три судимости. Судя по одной версии, во время беспорядков он подстрекал других к бесчинствам, а по другой – Григоряна принудили примкнуть к погромщикам его фабричные приятели-азербайджанцы. В целом Григорян вполне соответствует типу погромщика: бандитского вида парень, непонятно какой национальности и с богатым уголовным прошлым, готовый махать кулаками по любому поводу».

Но вот что интересно. Тогда, следуя по горячим следам, московские следователи тщательно избегали в своих интервью «григорьяновского сюжета». Это, собственно, и стало главной причиной того, что факт причастности армян к провоцированию событий сразу же оброс множеством слухов и домыслов. С юридической точки зрения, участие Григоряна в беспорядках и актах насилия считается документально установленным: его опознали многие жертвы – изнасилованные армянки, оставшиеся в живых жители города. Он был осужден в Москве на двенадцать лет заключения, и на этом след его пропадает в бурных волнах перестройки. След пропал, а вопросы, прозвучавшие в теперь уже далеком 1988 году, как и мифы, рожденные позже, – остались. В частности, такой – зачем следствию надо было скрывать участие в погромах армянина? Некоторые проармянские авторы, не в силах опровергнуть факт особой жестокости, проявленной Григоряном, занялись сочинительством обиды, которую якобы заронил в детской душе будущего насильника его отец-армянин, бросивший семью. Но беспристрастный Томас де Ваал установил точно: отец Эдуарда Григоряна умер...

«Весной 1989 г. меня назначили председателем Комитета Государственной безопасности Азербайджана, – продолжает свои воспоминания В. Гусейнов. – Среди многих вопросов, по-прежнему находящихся в центре внимания, оставались события января-февраля 1988 г. Для меня было особенно важно разобраться как в первопричинах, так и в деталях Сумгаитского дела.

Но, увы! Я столкнулся с неожиданными сложностями.

Все материалы, имеющие отношение к этим событиям, из КГБ Азербайджана были изъяты бригадой Генеральной прокуратуры СССР. В нее входили сотрудники Генпрокуратуры СССР, Азербайджана, МВД и КГБ СССР и республики.

В течение 1989 и 1990 годов, несмотря на мои неоднократные попытки ознакомиться с материалами следствия и документально изучить всю подоплеку событий, мне это сделать не удалось. Не помогли и прямые обращения к руководству КГБ СССР и в Генпрокуратуру. Каждый раз решение вопроса откладывалось по явно надуманным причинам.

«Отфутболивание» продолжалось до августа 1991 г., когда я уволился из органов безопасности, так и не сумев ни на йоту приблизиться к документальным истокам данного дела. Зато появился новый теоретический изыск идеологов Армении о «несовместимости» совместного проживания армян и азербайджанцев. Сумгаитские события служат для них главной идеологической опорой.

Об остальном судить самим читателям, историкам и экспертам, заинтересованным в объективной оценке событий недавнего прошлого».

Происходившие в Баку во второй половине февраля шествия и митинги протеста по поводу «армянских притязаний» перекинулись и в другие регионы республики. В Сумгаите подобные несанкционированные митинги в течение 27–29 февраля переросли в армянские погромы. Город оказался во власти погромщиков. До сих пор нет внятного объяснения тому, почему в Сумгаит были введены войска не 27 или 28, а только 29 февраля. Не дают вразумительного ответа на вопрос, почему власти своевременно не прекратили насилие в городе, и материалы обсуждения событий в Сумгаите в Политбюро ЦК КПСС под председательством М.С.Горбачева.

Трагические события в городе высветили одну из самых драматических сторон карабахского конфликта: Армения и Азербайджан превратились в сообщающиеся сосуды, посредством которых каждое конфликт-

ное действие на одной стороне вызывало еще более острую реакцию на другой. Основную провоцирующую роль в этой замкнутой цепи насилия сыграли сначала беженцы из Армении и НКАО, а вслед за этим – беженцы из Азербайджана, в том числе и Сумгаита. В результате межнациональная ситуация резко обострилась во всем регионе. Глашатаи свободы национального самоопределения отдельно взятой локальной территории не поскупились, щедро расплачиваясь судьбами и жизнями азербайджанцев и армян, в одночасье превратившихся в лишенных крова беженцев, продолжая нагнетать межэтническую конфронтацию, провоцируя азербайджанскую сторону на не менее разрушительные ответные действия.

Оказавшись перед лицом острого этнополитического кризиса армяно-азербайджанских отношений, союзные власти лихорадочно искали выход из создавшегося положения. Впервые кремлевское руководство столкнулось с тем, что перестроечная фразеология о демократии, гласности, свободе самоопределения обернулась против самой же власти и ее политики перестройки.

В этой обстановке 9 марта 1988 года в ЦК КПСС состоялось совещание, на котором было решено разработать программу социально-экономического развития автономной области. И уже 24 марта было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению социально-экономического развития Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР в 1988–1995 годах». На реализацию постановления выделялась огромная по тем временам сумма – 500 млн. руб. Этим решением предусматривалось всестороннее развитие области, обеспечение занятости трудоспособного населения, увеличение объемов жилищного строительства, радикальное улучшение ситуации в социально-культурной сфере с учетом пожеланий и этнокультурных запросов армянского населения. Предусматривалось расширение связей НКАО с Арменией.

Однако развертывание в автономной области соответствующих работ по реализации указанных решений с самого начала натолкнулось на сопротивление областных органов власти, к руководству которыми на смену прежним пришли новые люди, тесно связанные с сепаратистским движением. И в Армении, и в НКАО постановление ЦК КПСС и Совмина СССР было принято в штыки: «Мы требуем политического решения, а не экономических поправок!» – говорилось на митингах в Ереване, а вслед за ним и в Степанакерте.

Здесь не может не обращать на себя внимания удивительная гибкость, которая проявлялась лидерами и идеологами карабахского движения в соответствии с менявшейся ситуацией вокруг армяно-азербайджанского конфликта. В данном случае, как по команде, акцент в пропагандистской риторике сепаратистов сместился с социально-эконо-

мических вопросов в сферу политическую: зазвучали мотивы бесправия армянского населения, утверждения о несправедливостях, чинимых руководителями Азербайджана на всех этапах советской истории. В соответствии с этим усиливаются требования «политического решения карабахской проблемы». Теперь облсовет автономии уже не ходатайствует о переходе в состав Армении, а принимает неправомочное сепаратистское решение о выходе из состава Азербайджана. А в Армении спешат на уровне Верховного Совета удовлетворить это неконституционное решение. Некоторое время спустя становится ясно, что ни в СССР, ни за рубежом включение Нагорного Карабаха в состав Армении не найдет официальной поддержки, т.к. слишком очевидным был аннексионистский характер ее территориальных притязаний. И вновь корректируется тактика сепаратистского движения. Теперь выдвигается требование о переподчинении НКАО союзному центру либо о переходе в состав РСФСР. Еще через некоторое время, в соответствии с меняющейся обстановкой, тактика «обновляется» – Нагорный Карабах объявляется «самостоятельным» политическим образованием, находясь при этом под фактическим контролем Армянской Республики.

Смысл подобных уловок и «новаций» состоял в том, чтобы продемонстрировать готовность армянской стороны к неким компромиссам, поискам «консенсуса». На этом фоне позиция азербайджанской стороны, исходившая из безусловности конституционного принципа территориальной целостности республики, представляла бескомпромиссную и консервативную. Лишь столкнувшись с позднейшими внутренними вызовами сепаратистского характера, политическая элита России стала осознавать всю разрушительную угрозу произвольно трактуемого права наций на самоопределение.

Между тем в течение марта-апреля нарастает напряженность в Нагорном Карабахе. Новые люди, пришедшие к власти в НКАО, вели дело к демонстративному свертыванию хозяйственных, производственных связей с Баку, другими городами и районами Азербайджана, отказывались сотрудничать с вышестоящими инстанциями республики.

Происходило выдавливание азербайджанского населения из НКАО, производились массовые увольнения азербайджанцев, работавших в учреждениях и на предприятиях в Степанакерте, изгнание студентов-азербайджанцев из учебных заведений со смешанным составом учащихся. Так борьба за свободное самоопределение автономной области неизбежно оборачивалась дискриминацией азербайджанского населения, осуществлением этнической чистки НКАО.

Весь этот период массовые митинги и забастовки не прекращались и в Армении. Нарастала первая крупная волна протестного движения в Азербайджане. Начались митинги на центральной столичной площади Баку, носившей имя В.И.Ленина, а затем переименованной народом в

площадь Свободы. Пройдет немного времени, и эта площадь станет подлинным центром политической жизни республики. Жители столицы и других регионов Азербайджана стекались, съезжались сюда, чтобы разобраться в происходящем, послушать молодых, энергичных, смелых ораторов, получить информацию о происходящем, информацию, которой доверяли больше, чем тому, о чем говорилось и о чем умалчивалось официальными газетами и телевидением. Здесь начиналось небывалое – открыто критиковались власти, и не только местные, но и центральные, впервые публично звучали слова «суверенитет», «независимость», «свобода», «национальная солидарность».

К середине лета 1988 г. межнациональная ситуация в регионе вновь стала обостряться: облсовет объявил о своем решении, невзирая ни на что, выйти из состава Азербайджанской ССР и перейти в состав Армянской ССР. В связи с этим Верховный Совет Армении принимает беспрецедентное, антиконституционное, по сути провокационное, решение о включении НКАО в состав Армянской ССР.

Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР незамедлительно принимает постановление об отмене решения сессии Совета народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области от 12 июля 1988 г.:

«Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР отмечает, что, несмотря на принятые Верховным Советом Азербайджанской ССР и его Президиумом на основании статей 78 Конституции СССР и 70 Конституции Азербайджанской ССР решения в отношении неприемлемости и невозможности передачи НКАО из состава Азербайджанской ССР, областной Совет народных депутатов, вопреки тому, что данный вопрос не входит в компетенцию автономной области, а является прерогативой союзной республики в лице ее высших органов государственной власти, 12 июля на своей сессии при отсутствии значительного числа депутатов неправоммерно поставил вопрос о выходе из состава Азербайджанской ССР...

Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР постановляет:

Признать незаконным решение сессии Совета народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области от 12 июля 1988 года об одностороннем выходе НКАО из состава Азербайджанской ССР и отменить его на основании статьи 87 Конституции СССР, статьи 114 Конституции Азербайджанской ССР и статьи 42 «Закона Азербайджанской ССР о Нагорно-Карабахской автономной области.

Председатель Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР С. Татлиев, секретарь Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР Р.Казиева. г. Баку, 12 июля 1988 года»¹.

¹ «Бакинский рабочий», 14 июля 1988 г.

В результате этих событий карабахский кризис вошел в новую фазу – от митингов, забастовок, столкновений и погромов к конфликту официальных органов, политических институтов двух союзных республик. В данном случае – их высших органов государственной власти – Верховных советов. Возникла новая политическая ситуация, которую Верховный Совет СССР был обязан не только оценить, проанализировав действия конфликтующих сторон, субъектов Союза ССР, апеллирующих к центру в поисках справедливости и защиты своих законных (или незаконных) интересов; но и предложить действительно справедливое и строго правовое разрешение конфликта.

18 июля в Кремле состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР. Был рассмотрен вопрос о решениях Верховных Советов Армянской ССР и Азербайджанской ССР о Нагорном Карабахе. Заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР А.А.Громыко: «Вопрос этот для нас не новый... Однако обстановка вокруг Нагорного Карабаха продолжает накаляться. Своего рода рубежом, обозначившим позиции Азербайджана и Армении, стали состоявшиеся недавно сессии высших органов власти этих республик. Верховный Совет Армянской ССР на сессии 15 июня 1988 года принял известное всем нам решение по Нагорному Карабаху. Верховный Совет Азербайджанской ССР 17 июня рассмотрел этот вопрос, признал это решение неприемлемым. Такая ситуация требует от нас глубокого понимания всей сложности положения, умения возвыситься над эмоциями и разного рода обидами во имя высших интересов советского народа».

Однако представители Армении не сумели «возвыситься над эмоциями». В их выступлениях уже не поднимался тезис о бесправном положении армян в НКАО, об их тяжелом социально-экономическом положении. Акцент был сделан на предыстории карабахского вопроса, допущенном якобы по вине Сталина «неправильном» его решении в пользу Азербайджана. Руководители Азербайджана пытались сосредоточить внимание членов Президиума на нынешней кризисной ситуации в НКАО и вокруг нее. Основным событием заседания было выступление М.С.Горбачева, осадившего «горячо» выступавших представителей Армении и определившего меры, которые должны были вывести регион конфликта из кризисной ситуации. Президиум ВС СССР решил «направить в Нагорный Карабах своих представителей, которые будут действовать в тесном сотрудничестве с представителями Азербайджанской ССР и Армянской ССР по обеспечению безусловного выполнения принятых решений...». Суть этих решений сводилась к тому, чтобы временно вывести НКАО из подчинения вышестоящих органов государственной власти и управления Азербайджана, с тем чтобы под руководством полномочного представителя союзного центра вывести автономную область из кризисного состояния, как покажет время и дальнейшие события, это была мина замедленного действия.

Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 18 июля 1988 года, подтвердившее безусловное сохранение статуса Нагорно-Карабахской автономной области в составе Азербайджанской ССР, было встречено в Баку со сдержанным одобрением, с известной надеждой на нормализацию политической ситуации в регионе.

25 июля ЦК КПСС и Президиум ВС СССР приняли постановление «О практических мерах по реализации постановления Президиума Верховного Совета СССР по вопросу о Нагорном Карабахе». В соответствии с этим решением в сентябре в Нагорном Карабахе был создан и приступил, наконец, к выполнению непривычных функций штаб под руководством представителя ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР А.И. Вольского. Однако, как показали события осени 1988 года, надежды, вызванные решениями, оказались необоснованными. Подтверждение конституционного статуса НКАО в упомянутом решении ПВС СССР сопровождалось двусмысленными оговорками, которые позволяли армянской стороне конфликта относиться к пребыванию Нагорного Карабаха в составе Азербайджана как к досадной формальности, не считаясь с которой, можно с удвоенной энергией добиваться фактического переподчинения области властям Армянской ССР.

2. Депортация азербайджанского населения Армении. Декабрь 1988 года в многовековой истории армяно-азербайджанских отношений занял особое место как заключительное звено полного и теперь окончательного изгнания азербайджанского этноса из Армении. Начинаясь в феврале с массовых выступлений в Армении и Нагорном Карабахе под лозунгами их «воссоединения», 1988 год завершался тотальной этнической чисткой населения этой республики. Более 170 тыс. азербайджанцев и курдов-мусульман были вынуждены бежать в Азербайджан. Этому предшествовали массовые погромы в Гукарском, Горисском, Степанованском, Калининском, Варденисском и ряде других районов Армении, где имели место беспорядки, поджоги жилищ, насилие, кровопролитие, десятки убитых. Грубые нарушения прав азербайджанцев, сопровождавшиеся угрозами насилия, запугиванием населения, происходили также в Иджеванском, Ехонадзорском, Красносельском, Араратском, Масисском, Амасийском и Ноемберянском районах. Во всех упомянутых районах действовали вооруженные люди, объединенные в так называемые «группы самообороны». По многочисленным свидетельствам очевидцев, от еще большего кровопролития их спасло разрушительное землетрясение, произошедшее в этот период в Армении, и введение в этой связи военными властями комендантского часа в ряде ее районов.

...Спасаясь от преследователей, гонимые страхом, плохо одетые от морозов тысячи мужчин, женщин, стариков с детьми на руках пробирались сквозь снежные сугробы, через горные перевалы, замерзая, поги-

бая, теперь уже от холода. С этого момента в Армении больше не осталось азербайджанцев. За этим трагическим финалом – длинная цепь исторических событий, начинавшихся более ста лет назад.

Убедительным документальным подтверждением тому служит беспристрастная официальная статистика. На рубеже XIX–XX веков на территории только Эриванской губернии, созданной царскими властями на землях Эриванского ханства, большая часть которой впоследствии составила Армянскую ССР, проживало 407,4 тыс. человек, в том числе более 250 тыс. азербайджанцев. В самой же Эривани азербайджанцы составляли почти половину (49,2%) общего числа горожан.

В последующем число азербайджанцев на нынешней территории Армении значительно выросло и составило к 1918 году 575 тыс. человек, т.е. более одной трети общей численности населения. Однако в результате целенаправленной политики местных властей из более чем полумиллионного азербайджанского населения половина была уничтожена или изгнана из родных очагов.

Особенно ожесточенный характер выдавливания азербайджанцев принял после прихода к власти в Армении националистической партии «Дашнакцутюн», развязавшей войну против Азербайджана и Грузии с целью территориальных приобретений.

Последняя по времени волна изгнания азербайджанцев из Армении до 1988 года произошла после окончания Великой Отечественной войны – в 1948–1951 гг. – под предлогом высвобождения земель для репатриированных армян из-за рубежа, осуществленная по указанию Сталина. В тот период из Армении было депортировано свыше 100 тыс. азербайджанцев, многие из которых погибли, не выдержав тяжких испытаний. И, наконец, в наше время, в 1988 году, поощряемые республиканскими и местными властями под давлением банды экстремистов, азербайджанцы были изгнаны из их исторических земель. Все это при молчаливой поддержке Москвы, десятилетиями пропагандировавшей ценности пролетарского и социалистического интернационализма.

Кремлевское руководство фактически обошло факт полной депортации азербайджанцев из Армении. Несмотря на грозные требования и предупреждения из Москвы, армянские власти ничего не сделали, чтобы защитить, сохранить азербайджанцев на их земле. В Азербайджане, тем не менее, все еще удавалось не допускать массового оттока армян. Но вместе с тем в свете новой этнодемографической ситуации в Армении усилился отток армян и из Азербайджана. К началу 1989 года азербайджанским властям еще хватало авторитета и сил контролировать этнополитическую ситуацию в республике.

Как свидетельствуют документы, правоохранительные органы были еще в состоянии пресекать проявления спровоцированной извне армянофобии, противостоять стихии межнациональной конфронтации. Но их возможности и способности были слишком ограничены. Противостоять дестабилизирующим, конфликтогенным факторам, спровоцированным событиями в НКАО и Армении, становилось все сложнее, а доверие населения к властям убывало с катастрофической скоростью. С этого момента беженцы становятся неустрашимым фактором растущего политического кризиса в республике, одним из активных элементов деструктивных процессов.

Итоги первого года армяно-азербайджанского конфликта показали, что, независимо от намерений советского руководства, двусмысленный характер его политических и организационных решений не мог прекратить ожесточенную полемику между конфликтующими. Уже к концу 1988 г. стало очевидным, что линия на уравнивание сторон конфликта, проводившаяся ЦК КПСС в карабахском вопросе, не только не дала положительных результатов, но и обернулась серьезными политическими просчетами, прямым следствием которых явилась гуманитарная катастрофа – исход азербайджанцев из Армении. Вторым итогом первого года конфликта сводился к тому, что автономную область полностью вывели из-под контроля Баку. Лишь силовые структуры, подчинявшиеся непосредственно Москве, еще как-то контролировали ситуацию в ограниченном сегменте противодействия насилию, главным образом, в условиях «особого положения» и комендантского часа. Наблюдательная комиссия ВС СССР во главе с представителем ЦК КПСС А.Вольским, созданная согласно решению Президиума Верховного Совета СССР, фактически исполняла волю армянского лобби, засевшего в Москве.

Несмотря на экстраординарные меры, предпринимавшиеся союзными властями в течение минувшего года, включая миллионные финансовые вливания в бюджет НКАО, назначение неформальных лидеров сепаратистского движения на руководящие должности в партийных и советских органах автономии, а также введение комендантского часа и использование подразделений Внутренних войск МВД СССР во время межобщинных столкновений, нормализовать положение в регионе не удалось. Не прекращались забастовки, шествия и митинги в Степанакерте, местные органы власти демонстративно саботировали исполнение решений ЦК КПСС и СМ СССР, в том числе и те, что были связаны с реализацией социально-экономической программы, принятой Кремлем для НКАО. Более того, межобщинные столкновения обнажили тенденцию целенаправленного изгнания из области всего азербайджанского населения. В этих целях провоцировались бесконечные стычки и столкновения между армянским большинством и азербайджанским меньшинством Нагорного Карабаха. Ситуация становилась все более неуправляемой. Соответственно, в Азербайджане вновь стало расти беспокойство.

В этой обстановке Кремль принимает решение о введении в НКАО «особой формы управления» – советского аналога прямого президентского правления. Подобная мера была беспрецедентной в истории СССР. Предполагалось, что временное упразднение областных органов управления, полностью вышедших из-под контроля республиканских и центральных властей, отстранение от руководящих должностей активистов сепаратистского движения, введение жесткой цензуры, сосредоточение всей полноты власти в руках Комитета особого управления

(КОУ), напрямую подчиненного Москве, позволит, наконец, восстановить контроль за ситуацией в регионе, прекратить публичную национал-сепаратистскую пропаганду в местных СМИ, «разобраться» с инфраструктурой лидирующей в области сепаратистской организации «Крунк». Ожидалось, что благодаря подобным мерам область вернется к мирной жизни и мирным взаимоотношениям с азербайджанцами, откроются реальные возможности постепенной нормализации межнациональных отношений, восстановлению связей НКАО с Азербайджаном на основе реализации программы ускоренного социально-экономического развития автономной области. Во всяком случае, подобная картина рисовалась под влиянием разработчиков проекта умиротворения НКАО со «Старой площади», а консультантами проекта были ближайшие соратники Горбачева – Шахназаров, Брутенц, Ситарян и другие идеологи армянства в России.

Указ предусматривал временное введение в автономной области особой формы управления при сохранении статуса Нагорного Карабаха в составе Азербайджанской ССР. В соответствии с этим был образован Комитет особого управления Нагорно-Карабахской автономной областью под руководством А.И.Вольского. Были приостановлены полномочия Совета народных депутатов автономной области и его исполнительного комитета впредь до проведения выборов нового состава Совета.

Установлено, что Комитет подчиняется непосредственно высшим органам государственной власти и управления Союза ССР, председатель Комитета наделяется правами и обязанностями председателя исполнительного комитета областного Совета. На период действия Указа расположенные на территории Нагорного Карабаха предприятия, учреждения и организации союзного и республиканского подчинения, другие структурные подразделения подчинялись Комитету...²

Дальнейшие события показали, что активисты движения армян Нагорного Карабаха «Крунк» успешно саботировали любые попытки восстановить связи автономии с азербайджанскими хозяйственными и административными структурами. Несмотря на «особый» комендантский режим, продолжались митинги и забастовки, провоцировались межэтнические столкновения. По сути дела, замещение управленческих функций Азербайджанской ССР Комитетом особого управления не нормализовало ситуацию в регионе. Более того, сторонники соединения НКАО с Арменией укрепили свои позиции, расширили хозяйственно-экономические связи между ними. Несмотря на режим особой формы управления, на территории НКАО все чаще стали появляться вооруженные группы из Армении. По мере роста численности боевиков усиливалось силовое давление на азербайджанское население автономной области, блокировались азербайджанские села, их жители подверга-

² См. «Бакинский рабочий», 15 января 1989 г.

лись неприкрытым угрозам и террору. Началась волна бегства азербайджанцев из Нагорного Карабаха. Собственно, именно для этого и создавалась комиссия во главе с А.Вольским.

Летняя кампания 1989 г. армяно-азербайджанского конфликтного взаимодействия наглядно показала всю контрпродуктивность стратегии и тактики Кремля в карабахском вопросе. Миссия КОУ практически провалилась, а точнее, по замыслу авторов, был блестяще выполнен этап изгнания азербайджанцев со своей территории под видом законности и начиналась новая фаза геноцида азербайджанского народа под руководством Кремля. Практически она свелась к малоэффективным пожарно-охранительным мероприятиям. Более того, в Азербайджане сложилось убеждение в том, что возглавляемый Вольским Комитет пытается нормализовать ситуацию в Нагорном Карабахе путем попустительства притязаниям Армении и действиям организаторов сепаратистского движения по полному овладению политической ситуацией в области. Эта тенденция стала преобладающей благодаря наступательной тактике армянской стороны, чему способствовала и компромиссная позиция Азербайджана, вынужденного уступить давлению Политбюро ЦК КПСС и согласиться на то, чтобы были приостановлены его управленческие функции на территории областной автономии, что было грубым просчетом азербайджанского руководства. По логике данных обстоятельств центр должен был таким же образом добиться невмешательства Армении в процессы НКАО. Но это даже не обсуждалось. Напротив, воспользовавшись самоустранением азербайджанских властей, Армения усилила свое политическое присутствие в Нагорном Карабахе.

В области продолжала проливаться кровь, росла межэтническая конфронтация, росла вероятность еще более трагических событий. Одновременно с этим участились нападения боевиков на приграничные с Арменией азербайджанские села с применением оружия и взрывчатых веществ.

В книге бывшего министра внутренних дел СССР В.Бакатина сообщается о том, что на территории Азербайджана «действовали группы террористов Армении». *«Это была неприкрытая провокация. В жертву приносились армяне, проживавшие в Азербайджане. Ответ не ставил себя долго ждать»*³.

Это были первые сигналы надвигающейся новой беды – крупномасштабной военной агрессии Армении, боевые формирования которой засылались в Азербайджан в течение 1989 года.

Вооруженная форма давления на Азербайджан, достигшая республику врасплох, достигла пика на рубеже 1990–1991 годов. Далее, вслед за развалом СССР, бандитские вылазки армянских боевиков трансформировались в «обычную» войну с использованием (с переменным исхо-

³ Бакатин В. Дорога в прошедшем времени. – М., 1999. С. 166.

дом) бесхозных подразделений бывшей Советской Армии обеими сторонами конфликта. Как и во всех других случаях карабахского конфликта, союзные органы стали принимать меры противодействия вооружению населения лишь после того, как вооруженные группы появились и с азербайджанской стороны.

Действия армянских боевиков наводили ужас на мирное сельское население. Каждое новое сообщение о нападениях на поезда, идущие из Нахичевана через территорию Мегринского (Армения) района, о провозе в НКАО из Армении под видом стройматериалов взрывчатки, оружия, о блокировании боевиками дорог азербайджанонаселенных районов в Нагорном Карабахе, вызывало все новые волны массовых протестных выступлений в Баку и других городах республики. В этих выступлениях остро проявлялись одновременно и антиармянские, и антиправительственные настроения населения, а также крайнее недовольство руководством республики. В определенной мере середина августа становилась поворотным моментом, когда сама кризисная ситуация вынуждала и как бы узаконивала обращение людей на местах к оружию сначала в целях самообороны от нападений армянских террористов, а позднее – в целях оказания давления на местные органы власти.

Нарастание политической напряженности, новые вспышки насилия, возникновение неуправляемых ситуаций в НКАО и других регионах республики – все это люди прямо связывали с бездействием союзного центра, Комитета особого управления в НКАО, республиканских властей.

На этом фоне был осуществлен очередной акт «событий в Нагорном Карабахе». В условиях режима особой формы управления лидеры сепаратистского движения организовали и беспрепятственно провели так называемый «съезд полномочных представителей населения НКАО», заявивший о своем отказе признавать статус Нагорного Карабаха как автономной области в составе Азербайджанской ССР. Было объявлено, что единственной народной властью в НКАО является созданный съездом Национальный совет.

Объявив Нагорный Карабах «независимой союзной территорией», лидеры «Крунка» как бы «снимали» вопрос о передаче НКАО в состав Армении. Тем самым якобы не нарушался принцип территориальной целостности Азербайджанской ССР, ее границы не изменялись в чью-либо пользу, лишь смещалась вертикаль управленческой системы в сторону вышестоящих органов союзного центра.

Нельзя не отдать должное тактической гибкости кремлевских разработчиков. Но и тогда было ясно, что это отвлекающий маневр, за которым происходило организационно-политическое укрепление власти сепаратистского движения на территории НК при возрастающем присутствии Армении. Акция была незаконна, но имела значительный пропагандистский эффект, рассчитанный на антиазербайджанскую политическую мобилизацию армянского населения, укрепление ирредентист-

тских настроений в Армянской Республике. Это вело конфликтную ситуацию к еще большему ужесточению, провоцировало дальнейшее обострение армяно-азербайджанского противостояния, ставило азербайджанскую часть населения Нагорного Карабаха в еще более изолированное, тяжелое положение.

Провал политики центрального руководства в карабахском вопросе и усиление присутствия Армении в НКАО вызвали новую, столь мощную протестную ситуацию в Азербайджане, что в Кремле более не могли не считаться с требованиями молодой азербайджанской оппозиции, которая пользовалась всенародной поддержкой.

Самым веским аргументом НФА в этом противостоянии становится блокада всех экономических и транспортных связей с Арменией. Она оказалась наиболее действенным способом давления не только на Армению, но и на союзный центр. К концу ноября забастовкой в Азербайджане были охвачены почти все сферы производства, парализован железнодорожный транспорт, приостановлена транспортировка грузов в Иран и в обратном направлении. В этих обстоятельствах стало ухудшаться социально-экономическое положение населения Азербайджана. Тем не менее давление забастовочного движения во главе с Народным фронтом, особенно блокада железной дороги, возымело желаемое оппозицией действие.

Верховный Совет СССР рассмотрел ситуацию в НКАО с учетом позиции, занятой Верховным Советом Азербайджанской ССР и принятого на его внеочередной сессии решения об упразднении Комитета особого управления НКАО. Постановление «О Мерах по нормализации обстановки в НКАО», принятое Верховным Советом СССР говорит само за себя:

«1. Принять к сведению заявление Председателя Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР о том, что органами власти и управления республики будут приняты решительные и безотлагательные меры по снятию блокады с железных и автомобильных дорог на территории Азербайджанской ССР и обеспечена бесперебойная перевозка грузов...

2. Создать на паритетных началах с НКАО республиканский оргкомитет и восстановить деятельность Совета народных депутатов НКАО 20-го созыва и его исполнительного комитета...

При восстановлении органов государственной власти и управления автономной области соблюдать представительство армянской и азербайджанской части населения пропорционально их численности.

3. Рекомендовать Верховному Совету Азербайджанской ССР в кратчайший срок принять законодательные меры, обеспечивающие повышение статуса реальной автономии, действенные гарантии армянского населения Нагорно-Карабахской автономной области, соблюдение законности, защиты жизни и безопасности граждан, конституционное решение всех возникающих проблем...

5. До нормализации общественно-политической ситуации, в целях защиты и гарантии безопасности населения сохранить в Нагорно-Карабахской автономной области соответствующий контингент Внутренних войск МВД СССР с подчинением его союзной Контрольно-наблюдательной комиссии.

6. Президиуму Верховного Совета Азербайджанской ССР, Совету Министров республики и исполнительному комитету областного Совета народных депутатов НКАО принять необходимые меры с целью недопущения изменения демографической ситуации в области, нарушающего сложившийся национальный состав. Для решения всего комплекса проблем беженцев образовать специальную комиссию...»⁴

В соответствии с вышеприведенным постановлением органам государственной власти и управления Азербайджана возвращалось право исполнять свои функции на территории НКАО. Хотя в создавшихся условиях это право носило больше формальный, чем реальный характер, оно было подтверждением того, что НКАО сохраняется в составе Азербайджана. Но теперь, в конце 1989 года, союзный центр был уже неспособен реализовать какое-либо конструктивное решение ни в Армении, ни в Азербайджане, ни в Нагорном Карабахе – в силу сложившейся в регионе неуправляемой обстановки.

Армянская сторона требовала упразднения КОУ, чтобы была восстановлена деятельность местных органов власти НКАО в их подконтрольном сепаратистам состоянии. Азербайджанская сторона также требовала упразднения КОУ, но с целью безоговорочного восстановления юрисдикции Азербайджана в НКАО без всяких сопутствующих условий. Решением ВС СССР КОУ упразднялся, а восстановление конституционных органов власти и управления в НКАО возлагалось на Азербайджан. При этом «возвращение» Нагорного Карабаха под политико-правовой контроль Азербайджана оговаривалось рядом условий, вызвавших отрицательную реакцию в Азербайджане. Главным условием Москвы было снятие блокады с железных и автомобильных дорог, обеспечение бесперебойной перевозки грузов в Армению и Иран. Ответственность за восстановление движения грузопотока взяло на себя руководство республики, не согласовав эту позицию с НФА, который отказывался прекратить блокаду.

Армения полностью отвергла решения Москвы, сделав ответный шаг. 1 декабря на сессии Верховного Совета Армянской ССР совместно с Национальным советом НКАО было принято решение «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха». В этом документе постановление ВС СССР от 28 ноября было расценено «как насильственное возвращение Нагорного Карабаха под власть Азербайджанской ССР» и объявлено о его недействительности. Вслед за этим началось демонстративное переподчинение организаций и учреждений автономной области

⁴ «Бакинский рабочий», 29 ноября 1989 г.

министерствам и ведомствам Армянской ССР. В Степанакерте и ряде сельских райкомов партии прошли пленумы, принявшие решения о выходе партийных организаций НКАО из состава Компартии Азербайджана. Впервые структура региональных партийных организаций стала перестраиваться по национальному признаку. Тем самым интернационализм, умерший в феврале 1988 года, был похоронен в ноябре-декабре 1989 года. Эти и другие подобные действия долго не получали оценки ни в Верховном Совете СССР, ни со стороны Политбюро ЦК КПСС по одной простой причине – Горбачев, Яковлев и другие уже тогда начали демонтаж СССР, начав с развала КПСС.

Постановление ВС СССР от 28 ноября руководством Народного фронта Азербайджана было воспринято отрицательно. Вызывали возражения такие предписания, как повышение статуса автономии Нагорного Карабаха, и при этом не говорилось об открытой милитаризации межнационального конфликта со стороны Армении. Особенно болезненную реакцию вызывало требование не допускать изменений демографической ситуации в области. Эта позиция постановления расценивалась как ограничение суверенитета республики, как запрет на естественный прирост азербайджанского населения Нагорного Карабаха, а также размещение в его соответствующих районах беженцев из Армении. Лидеры НФА потребовали от Верховного Совета Азербайджана приостановки действия тех пунктов постановления ВС СССР, которые вызывали в республике возражения, заявив, что забастовки и блокада будут продолжены. Тем самым, по существу, срывалась реализация всех решений по НКАО. Азербайджан же терял возможность наконец перехватить политическую инициативу, приступив к восстановлению связей республики с НКАО, вступив в непосредственный диалог с армянским населением области, минуя лидеров сепаратистского движения.

Однако НФА отвергал возможность политического маневрирования, использования тех тактических преимуществ, которые открылись в связи с постановлением ВС СССР по НКАО. Возникла парадоксальная ситуация, когда у республики появилась возможность самостоятельно осуществлять позитивные процессы через мирный диалог с населением НКАО, опираясь на поддержку силовых структур союзного центра. Но воспользоваться этим республика была не в состоянии из-за острого внутривнутриполитического кризиса, парализовавшего всю вертикаль исполнительной власти АР.

Работа созданного Президиумом ВС Азербайджана Республиканского оргкомитета НКАО была сорвана в наиболее благоприятный политический момент. Оказались замороженными планы обезвреживания армянских вооруженных групп в НКАО, разблокирования азербайджанских сел, создания необходимых условий для возвращения азербайджанских беженцев. В итоге организаторы сепаратистского движения полу-

чили возможность оправиться от шока, полученного от нового решения Верховного Совета СССР, перегруппироваться, подготовиться к противодействию миротворческим усилиям Республиканского оргкомитета.

Продолжающаяся Народным фронтом Азербайджана блокада железных дорог хотя и оказывала чувствительное давление на армянскую сторону конфликта, не спасала мирное азербайджанское население от атак боевиков из Армении. На этом фоне стремительно нарастал острый политический кризис во взаимоотношениях союзного центра с Азербайджанской Республикой. Азербайджан практически со второй половины декабря и вплоть до 20-х чисел января оказался во власти Народного фронта, что на практике означало погружение республики в состояние общественно-политического хаоса.

3. Взаимоотношения Армении с центральной государственной властью изначально выстраивались на основе сочетания «кнута» и «пряника», где «пряник», как правило, преобладал. Первые публичные акции по выдвиганию территориальных требований в 1988 году сопровождались перестроечной риторикой, лозунгами типа «Ленин–партия–Горбачев». Однако по мере того, как ожидаемое (обещанное?) проармянское решение территориального спора затягивалось, основной вектор развития, политических процессов в Армении стал приобретать явно антисоветский характер. Начиная со второй половины 1988 года (после известного решения Президиума Верховного Совета СССР) и в течение 1989 года республика практически вышла из-под политического и идеологического контроля ЦК КПСС. Политическую ситуацию в Армянской Республике теперь контролировало Армянское общенациональное движение при активном участии армянских зарубежных центров.

Аннексионистские решения и агрессивные действия Армении по отношению к Азербайджану, происходившие в течение 1989 – начале 1990 года – прямой результат возраставшей политической активности и влияния Армянского общенационального движения (АОД), других неформальных объединений и организаций, возникших на волне движения за присоединение Нагорного Карабаха. Под лозунгами этого движения в массовое сознание армян настойчиво внедрялась идея неизбежности решения карабахской проблемы вооруженным путем.

Все это время в Армении шла активная работа по созданию неформальных военизированных объединений, полулегальных вооруженных групп, с участием которых готовились и осуществлялись многочисленные террористические акции на территории Азербайджана. Многие промышленные предприятия и кооперативы в Армении занимались полулегальным производством различных видов огнестрельного оружия, вплоть до минометов, взрывных устройств и т.п. С ведома официально-

го руководства советской Армении многие учреждения и предприятия снабжали незаконные военизированные формирования военным снаряжением, средствами связи, транспортом, в том числе вертолетным. Заготовлялось топливо и продовольствие для так называемых «групп самообороны», которые систематически засылались на территорию Азербайджана. Создавались опорные базы террористической деятельности в армянских селах НКАО, некоторых приграничных сельских населенных пунктах Азербайджана за пределами НКАО. Судя по всему, политическая ситуация, в которой действовали оппозиционные республиканским властям Армении политические силы, определялась фактическим согласием между ними не только по карабахскому вопросу, но, возможно, и по вопросам политического будущего Армении. Во всяком случае, приход АОД к власти происходил совершенно мирным путем. Официальное руководство Армении шло навстречу требованиям оппозиции во всем, что касалось армяно-азербайджанского конфликта, проводя согласованную линию на противостояние с Азербайджаном.

Весь декабрь 1989 г. проходил в обстановке роста террористических акций армянских боевиков, их нападений на мирные азербайджанские села. В ежедневных сводках МВД республики сообщалось о ранениях и даже гибели жителей приграничных с Арменией сел, об эпизодах «каменной войны» на горных дорогах Карабаха, вооруженных атаках на азербайджанонаселенные пункты с вертолетов, прилетавших из Армении.

В этой обстановке общественность Азербайджана все более настойчиво поднимает вопрос об организованном противодействии вооруженным нападениям с армянской стороны, о пресечении террористических актов. На многочисленных митингах в Баку они звучали в качестве одного из главных требований к руководству республики.

В начале января 1990 г. было обнародовано заявление лидеров АОД о том, что Армянское общенациональное движение не признает правительство Армянской ССР, создает комитет национальной обороны и требует от всех органов власти республики подчинения. В Азербайджане это заявление было воспринято как реальный вызов, означающий усиление вооруженного давления на азербайджанское население, активизацию террористических акций в городах, селах и на дорогах республики. На фоне беспомощного поведения официального руководства Азербайджана эта ситуация способствовала усилению влияния радикального крыла НФА, давая ему в руки мощные эмоционально-пропагандистские аргументы этнополитической мобилизации населения Азербайджана.

Речь шла о защите границ республики, о безопасности жителей приграничных населенных пунктов, о судьбе азербайджанского населения Нагорного Карабаха, оказавшегося в окружении агрессивного больши-

нства. Адекватно этому усиливались антиармянские проявления. Масовые выступления оппозиции все чаще выплескивались за пределы правопорядка, что во многом объяснялось внутренними изменениями в самом НФА. Из его руководства практически полностью вытесняются демократически настроенные интеллектуалы, инициировавшие создание НФА. Пока в республике удавалось как-то поддерживать элементарный правопорядок собственными силами, армяне продолжали жить в Баку и других районах Азербайджана, несмотря на то, что азербайджанцы были полностью изгнаны из Армении и продолжали выдавливаться из НКАО. Но атмосфера острого армяно-азербайджанского противостояния неизбежно стимулировала рост антиармянских настроений и действий. В результате началась массовая вынужденная миграция армянского населения из республики.

Осень 1989-го окончательно развеяла остатки иллюзий населения Азербайджана относительно готовности центра обеспечить конституционный порядок в регионе. В свою очередь, республиканская власть предстала перед местным обществом обезличенной. К тому же она оказалась неспособной открыто занять решительную патриотическую позицию, которая могла бы в какой-то мере консолидировать общество.

Между тем вооруженное давление Армении не прекращалось. Едва ли не каждый январский день приносил сообщения о нападениях террористов на азербайджанские села, об армяно-азербайджанских столкновениях на дорогах и населенных пунктах НКАО, на границе Нахичеванской Автономной Республики с Арменией. Опираясь на поддержку населения, работники местных правоохранительных органов старались организовывать отпор группам боевиков из соседней республики. Иногда удавалось получить помощь и поддержку со стороны частей Внутренних войск МВД СССР. Но такая помощь не носила регулярного характера.

В этой обстановке азербайджанской оппозицией был взят курс на овладение властью любым путем. Последние два года бурных политических событий настолько радикально изменили политическую обстановку в республике, что вернуть ее под власть КПСС, казалось, уже было невозможно. Оставалось лишь вооруженное вмешательство. Чтобы избежать этой перспективы, руководство республики пыталось договориться с НФА как реальной общественно-политической силой. Однако и в этой острой, почти безвыходной ситуации власть и оппозиция не сумели шагнуть навстречу друг другу во имя безопасности населения. Многие сбитые с толку люди в какой-то момент поверили НФА, его лозунгам и обещаниям справедливости и свободы, продолжая в то же время ожидать от республиканских властей хоть какой-то дееспособности в защите безопасности, жизни населения от принимавших массовые масштабы террористических акций армянских вооруженных формирований. Но с каждым сожженным боевиками домом, с каждым раненым, погибшим азер-

байджанцем эти надежды катастрофически таяли. Адекватно росло отчуждение, ненависть к власти предрержащим, мстительные чувства по отношению к продолжавшим жить по соседству армянам.

В этой обстановке безвластия, при занятой Кремлем позиции сторонних наблюдателей, в Баку произошли армянские погромы. С 13 по 16 января было разгромлено более 800 квартир, погибло 59 человек, 156 получили телесные повреждения (из них 48 тяжкие). В числе погибших: 42 армянина, 2 азербайджанца, 1 русский, национальность 14 не установлена; 30 человек из них – в возрасте старше 60 лет, 21 женщина. Многие погромы и насилия совершались с особой жестокостью. По факту массовых беспорядков прокуратурой и КГБ Азербайджана было возбуждено уголовное дело и проводилось расследование. По подозрению в совершении этих преступлений было установлено более 200 человек, из которых более 70 – беженцы из Армении. Еще в дни событий было арестовано 53 человека, среди них 21 – безработные, 18 – рабочие, 3 – учащиеся ПТУ.

Республиканскими и военными властями при содействии многих жителей Баку, в том числе множества рядовых членов НФА, активно участвовавших в спасении сотен людей от погромщиков, был организован массовый выезд армян за пределы республики. В те дни из Азербайджана, в основном из Баку, было вывезено несколько десятков тысяч человек – одних эвакуировали на паромах по морю, других – воздушным путем. Таким образом, спустя год и два месяца после того, как в Армении было изгнано азербайджанское население, что сопровождалось гибелью женщин, детей, людей различного, в том числе пожилого, возраста, и в Азербайджане (за исключением НКАО) почти не осталось армян.

К 16 января на подступах к Баку была создана крупная оперативная группировка численностью более 50 тыс. военнослужащих. В ее составе – мотострелковая дивизия, несколько полков внутренних войск, отдельный учебный центр 1-го управления КГБ СССР, разведывательный батальон морской пехоты Черноморского флота. Достаточно было лишь одного из перечисленных подразделений, чтобы прекратить беспорядки в Баку. Однако в Москве якобы ожидали официального обращения руководства Азербайджана о введении чрезвычайного положения в столице республики.

Здесь следует напомнить о следующем. Согласно статье 119 Конституции СССР, определявшей компетенцию Президиума Верховного Совета СССР, в пункте 14 было установлено, что он полномочен в интересах защиты ССР и безопасности его граждан объявлять военное либо чрезвычайное положение по всей стране, а также в отдельных местностях, при обязательном рассмотрении данного вопроса с Президиумом Верховного Совета соответствующей союзной республики.

Руководство Союза добивалось от Баку не просьбы помочь прекратить армянские погромы, а ходатайства о введении в Азербайджане

чрезвычайного положения, которое «развязало бы руки», чтобы разобраться с азербайджанской оппозицией. Уже к концу 1989 года было очевидно, что если бы в тот момент состоялись выборы в Верховный Совет при соблюдении демократических условий, в Азербайджане уже тогда установился бы иной политический режим, с последующим выходом из состава СССР. То, что было возможно в отношении Армении, считалось недопустимым для Азербайджана.

Между тем многие члены бюро ЦК Компартии Азербайджана не поддержали предложение ЦК о введении ЧП в Баку.

Возник политико-правовой тупик на фоне неуправляемой ситуации в столице республики. С одной стороны, республиканская власть была не в состоянии самостоятельно разобраться с оппозицией, а с другой, в руководстве хорошо понимали, что разгром оппозиции в народе будет расценен как национальное предательство. Отсюда и патовая ситуация в январском Баку. Что же касается Москвы, то союзное руководство добивалось обеспечения легитимности последующих репрессивных мер. При этом представители союзного центра, находившиеся в Баку, встречаясь с лидерами НФА, не желали обсуждать требования оппозиции, поскольку не собирались их выполнять. Что же касается НФА, то его руководители не могли безоговорочно подчиниться, что означало бы утрату лидерских позиций. При этом делалась ставка на то, чтобы спровоцировать кровопролитие: последнее развязывало руки оппозиции.

Тем не менее выход, по крайней мере формальный, из патовой ситуации был найден. По инициативе А.Везирова, Президиум ВС Азербайджана принял (с многочисленными процедурными нарушениями) постановление «О неотложных задачах по нормализации обстановки в НКАО Азербайджанской ССР».

Исходя из сложившейся в НКАО опасной ситуации, участвовавших вооруженных акций с территории Армянской ССР и дестабилизации обстановки в ряде районов республики, Президиум ВС Азербайджанской ССР принял постановление:

«1. Ввести чрезвычайное положение в НКАО, а при необходимости в прилегающих к НКАО районах и вдоль Государственной границы СССР.»

По данному вопросу обратиться в Президиум Верховного Совета СССР...

2. Поручить Совету Министров Азербайджанской ССР принять необходимые меры по нормализации обстановки на территории республики, обеспечению безопасности граждан, порядка и законности.

3. Просить Министерство обороны, правоохранительные и другие исполнительные органы СССР оказать Азербайджанской ССР и Армянской ССР помощь в решении социально-экономических проблем беженцев в кратчайшие сроки.»

Возможно, имело место что-то похожее на торг – в обмен на введение ЧП в НКАО и некоторых районах Армении принятие мер по разоружению армянских боевиков, роспуск сепаратистских объединений и т.п. ПВС Азербайджана, опираясь на Указ ПВС СССР от 15 января, примет самостоятельное решение о вводе ЧП в столице республики. Тем самым создавались легитимные условия для использования союзным центром вооруженных сил для «восстановления» правопорядка в городе путем осуществления репрессивных задач в отношении массовой политической оппозиции. Возможно, был расчет и на то, что Указ от 15 января произведет в Азербайджане – хоть на какую-то часть общества – благоприятное впечатление, поскольку центр чуть ли не впервые признавал справедливыми основные претензии Азербайджана к союзным властям по поводу игнорирования агрессии армянских боевиков.

Однако всего этого не произошло, слишком запоздалым и двусмысленным было содержание Указа ПВС СССР от 15 января. В конечном счете, ни этот Указ, ни соответствующее постановление ПВС республики повлиять на реальный ход январских событий уже не могли. Несмотря на проявленную медлительность и видимые колебания руководства СССР, этот Указ свидетельствовал, что оно созрело для решительных действий в отношении Баку. Такими сигналами являлись жесткие оценки ситуации в Азербайджане, сама география введения чрезвычайного положения в районах Азербайджана и вдоль его границ с Ираном, а главное – требование, чтобы ПВС Азербайджана принял решение об установлении комендантского часа в Баку и Гяндже. Однако оппозиционные руководители массового протестного движения решили не реагировать на этот почти ультимативный документ. Возможно, центр как раз и рассчитывал на такую реакцию. После опубликования данного Указа ПВС СССР ситуация в Баку еще более обострилась.

В упомянутом Указе «Об объявлении чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской автономной области и некоторых других районах» говорилось:

«...обстановка в Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР и вокруг нее не только не нормализуется, но и продолжает ухудшаться. Значительно активизировались действия различных националистических и сепаратистских объединений, которые ведут подстрекательскую работу, втягивая в противоборство все более широкие слои населения. Экстремистски настроенные группировки организуют массовые беспорядки, провоцируют забастовки, разжигают национальную рознь и вражду. Ими осуществляются дерзкие преступные акции, минируются дороги и мосты, проводятся обстрелы населенных пунктов, захват заложников. В мирное время растет число беженцев, лишенных нормальных условий жизни и работы, имеются человеческие жертвы. Продолжается эскалация напряженнос-

ти на почве межнациональных отношений. Этому способствовали не соответствующие Конституции СССР акты по Нагорному Карабаху, принятые Верховным Советом Армянской ССР».

Впервые в публичном директивном документе высшим органом государственной власти СССР были даны жесткие оценки положению в НКАО, агрессивным действиям сепаратистских сил. Далее в Указе отмечается:

«В настоящее время особенно обострилась обстановка в городах Баку, Гяндже и ряде других населенных пунктов. Дело доходит до убийств, грабежей, попыток вооруженного свержения Советской власти, насильственного изменения закрепленного Конституцией СССР государственного и общественного строя.

В связи с изложенным и учитывая обращение Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР, руководствуясь пунктом 14 статьи 119 Конституции СССР, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Объявить чрезвычайное положение на территории Нагорно-Карабахской автономной области, прилегающих к ней районов Азербайджанской ССР, Горисского района Армянской ССР, а также в пограничной зоне вдоль Государственной границы СССР на территории Азербайджанской ССР.

2. Предоставить органам государственной власти и управления, иным уполномоченным на то государственным органам и должностным лицам в названных в статье 1 настоящего Указа местностях право применять следующие меры:

запрещать проведение собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, а также театрально-зрелищных, спортивных и других массовых мероприятий, контролировать средства массовой информации;

приостанавливать противоречащую закону деятельность организаций и самостоятельных объединений граждан или распускать их;

привлекать граждан для работы на предприятиях, в учреждениях и организациях, а также для ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств;

запрещать забастовки;

вводить комендантский час...

4. Для ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств, защиты прав граждан, охраны общественного порядка и безопасности, объектов жизнедеятельности населения привлекаются в соответствии с законом внутренние войска Министерства внутренних дел СССР. Для защиты граждан, охраны объектов жизнедеятельности населения привлекаются также воинские части Советской Армии, Военно-Морского Флота и Комитета государственной безопасности СССР.

Внутренние войска МВД СССР и привлеченные воинские части Советской Армии, Военно-Морского Флота и Комитета государственной безопасности СССР действуют на основе Конституции СССР...

7. Предложить Президиуму Верховного Совета Азербайджанской ССР принять все необходимые меры, включая введение комендантского часа в городах Баку, Гяндже и других населенных пунктах, для обеспечения безопасности населения, предприятий, учреждений и организаций, для привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушении требований действующего законодательства...

Потребовать от Президиума Верховного Совета Армянской ССР предпринять самые решительные шаги по пресечению подстрекательских действий с территории этой республики, разжигающих межнациональные страсти и национальную вражду между двумя народами...

8. Статьи 1–7 настоящего Указа вступают в силу с 23 часов местного времени 15 января 1990 года и действуют до отмены чрезвычайного положения...

*Председатель Верховного
Совета СССР М.Горбачев.
Москва, Кремль, 15 января 1990г.»⁵*

В течение всего 1989 г. руководство Азербайджана добивалось именно подобных оценок ситуации в регионе и адекватных им действий со стороны союзных властей. В том числе «о дерзких преступных акциях, минировании дорог и мостов, обстрелов населенных пунктов, захватов заложников». Впервые высказывалось требование к Армянской ССР предпринять решительные шаги по пресечению подстрекательских действий с территории этой республики, «разжигающих межнациональные страсти и национальную вражду между двумя народами». Теперь за последствия конфронтационных действий армянской стороны расплачиваться предстояло мирному населению Баку.

Карательная акция в Баку. В операции были задействованы крупные формирования сухопутных, военно-морских, военно-воздушных и воздушно-десантных войск Союза ССР, а также войск специального назначения КГБ и МВД СССР. Она сопровождалась развертыванием двух мотострелковых дивизий вдоль границы с Ираном и вводом дивизии особого назначения внутренних войск в Нагорный Карабах.

Очевидцы вспоминают, как решительно действовала армия и войска МВД. Самодельные баррикады тяжелая бронетехника прошла за минуты, любое движение в зоне следования войск пресекалось шквальным огнем. Ночью были блокированы все основные магистрали, аэропорты, вокзалы и морской порт. Ввод воинских частей и соединений в Баку

⁵ «Бакинский рабочий», 17 января 1990 г.

сопровождался обстрелами толп безоружных людей на улицах и площадях, жилых домов и медицинских учреждений. Танками давились проезжавшие мимо машины «скорой помощи», стоявшие на обочине автомабили, зафиксированы факты обстрела медицинских работников, оказывавших неотложную помощь на местах. Смерть наступала людей в квартирах, подъездах домов, в автобусах и на рабочих местах. К утру командовавший вводом войск министр обороны Д.Язов и помогавший ему министр внутренних дел В.Бакатин могли доложить Главнокомандующему, что задание выполнено: «город взят».

В Заключении Комиссии Верховного Совета Азербайджанской Республики по расследованию обстоятельств и причин трагических событий, связанных с вводом войск в г. Баку 19–20 января 1990 года, говорится: *«Ход событий показал, что время объявления в Баку чрезвычайного положения и введения комендантского часа скрывалось от народа и делалось все, чтобы эти акции застали бакинцев врасплох. Операция по вводу войск началась 19 января примерно между 21 и 22 часами из районов дислокации прибывших войсковых частей между поселками Туркян и Кала и сопровождалась обстрелом встречавшихся на пути следования случайных прохожих и автотранспорта. К 00 часам 20 января, т.е. еще до вступления в силу Указа от 19 января 1990 года, военнослужащими уже было убито 9 граждан. Массовый ввод в город войск начался с различных направлений, выходом войсковых частей Бакинского гарнизона и прибывших частей из мест временной дислокации, а также высадкой десанта с военных кораблей.*

Согласно собранным материалам, ввод войск в Баку сопровождался актами насилия со стороны военнослужащих. По свидетельству очевидцев, особой жестокостью отличались направленные в Баку резервисты и военнослужащие армянской национальности...

Зафиксированы случаи, когда военными добивались раненые, обстреливались случайные прохожие, жилые дома, магазины, медицинские и иные учреждения. Проезжавшие по улицам города танки и другая боевая техника обстреливали и давили проезжавшие мимо и стоявшие на обочинах автотранспортные средства. Автомашинны «скорой помощи» не допускались к раненым и также подвергались обстрелу»⁶.

Исторически сформировавшаяся в течение столетий многослойная топография азербайджано-армянских отношений в результате событий конфликта вокруг НКАО к февралю 1990 года полностью изменилась, разрушилась, утратив все свои структурные параметры.

Непосредственные, межличностные, межобщинные, межреспубликанские, социальные, экономические, культурные, бытовые, соседские, семейно-брачные, профессиональные и т.д. и т.п. связи и контак-

⁶ «Вышка», 21 января 1992 г.

ты, в том числе между нагорным и низинным Карабахом, внутри самого Нагорного Карабаха были окончательно разрушены и утрачены. Азербайджанцев не оставалось в Армении, армян – за исключением Карабахской зоны – в Азербайджане. Последним аккордом тотальной этнической чистки в цепи аналогичных событий стало уничтожение населения последнего малонаселенного города Ходжалы и захват Шуши. В бывшем НКАО также не осталось азербайджанцев.

Осталось пространство межнационального вооруженного противостояния вокруг административных границ бывшей НКАО.

Таков общий итог гуманитарной катастрофы, разрушившей мирные азербайджано-армянские отношения в масштабах всего региона Азербайджана и Армении. Эпизоды этой катастрофы связаны между собой причинно-следственной последовательностью конфликтных событий и действий сторон. Освещение этих событий конфликта, без учета их реальной хронологической последовательности и содержательной наполненности, чревато искажениями истинной картины событий и их последствий. Так, в солидном труде «Армения: проблемы независимого развития»⁷ события конфликта освещаются порой вне их хронологической последовательности. И в таком контексте делаются неправомерные выводы.

Проблема в том, что при таком подходе инициатор межнационального конфликта, в том числе совершавший насилия над мирными жителями, ставится на одну доску, как бы уравнивается со стороной, которая провоцируется на ответные действия. Картина событий еще больше запутывается, когда их последовательность «переставляется» местами и сторона «обороняющаяся» становится чуть ли не «агрессором».

В упомянутой книге говорится: «Межнациональные столкновения в 1989 году продолжались и приняли массовый характер. При этом акты насилия в отношении армянского населения Азербайджана сопровождались подобными же действиями в отношении азербайджанцев в Армении»⁸. На самом деле, как уже отмечалось выше, массовое изгнание азербайджанцев и заодно с ними курдов-мусульман, произошло в конце ноября – начале декабря 1988 года. От еще большего количества жертв их спасло, как известно, землетрясение, случившееся в декабре в Армении.

В цепи событий Карабахского конфликта это было первое массовое насильственное и полное изгнание национального меньшинства. Это не оправдывает насилие в отношении армян, живущих в Азербайджане. Но, по крайней мере, объясняет природу антиармянских настроений и агрессии толпы. Более того, до января 1990 года подобного исхода армян из Азербайджана не было. В течение 1989 года люди уезжали из

⁷ Армения: проблемы независимого развития / Под общей редакцией Е.М.Кожокина. – М., 1998.

⁸ Митяев В. Карабахский конфликт в контексте международных отношений // Армения: проблемы независимого развития, с. 491.

Азербайджана главным образом под давлением ухудшающейся обстановки, роста антиармянских настроений, отражающих события в Армении и НКАО. Отдельные факты насилия в отношении армян имели место, но они купировались, не разрастались в масштабные погромы, пока властные структуры не утратили свою дееспособность в январе 1990 года. В упомянутой книге отмечается, что «находящиеся в НКАО подразделения внутренних войск СССР выполняли в этот период [1990 г.] задачу сохранения Карабаха в составе Азербайджанской ССР. Действуя совместно с азербайджанскими подразделениями, войска МВД СССР окружили армянские населенные пункты, а азербайджанский ОМОН производил депортацию жителей, что сопровождалось насилием и грабежами. Мероприятия по депортации получили название операции «Кольцо».

На самом деле армянонаселенная часть Нагорного Карабаха вышла, как известно, из-под контроля республиканских властей с февраля-марта 1988 года; в 1989 году состоялся самопровозглашенный «выход» НКАО из состава Азербайджана и «объединение» с Арменией. Этот сепаратистский политический акт сопровождался переподчинением хозяйствующих и административных, управленческих структур НКАО органам власти Армении. Руководство СССР этим противоправным событиям никак не воспрепятствовало. Такая задача руководством Союза, собственно, и не ставилась. Оно изначально и без особых колебаний проводило неизменную политическую линию, направленную на то, чтобы стороны конфликта сами приходили к «консенсусу».

Этот в данной исторической ситуации иллюзорный подход не мог осуществиться уже потому, что Армения при поддержке влиятельной армянской диаспоры за рубежом и главных проводников политики перестройки в руководстве СССР уже добилась к этому моменту главного – Нагорный Карабах удалось оторвать от Азербайджана – политически, экономически, по административно-управленческой линии и в плане исторически сложившихся межчеловеческих, гуманитарных отношений. Но в Нагорном Карабахе еще оставалось, вернее, удерживалось азербайджанское население, находившееся в буквальном смысле слова в осадном положении.

Теперь самой актуальной для руководства Азербайджана стала задача не столько сохранения «Карабаха в составе Азербайджанской ССР», сколько защита от уничтожения, изгнания азербайджанского населения Нагорного Карабаха, разумеется, при помощи союзных властей, подразделений внутренних войск МВД СССР. Других возможностей спасти соотечественников у республики не было.

Постоянварская стабилизация ситуации в Азербайджане позволила его новому руководству более энергично добиваться практической реализации постановления ПВС СССР от 15 января 1990 года по Нагорно-

му Карабаху. Со всей остротой встали вопросы разоружения незаконных армянских вооруженных формирований как в нагорной, так и в низинной части Карабаха. Вопреки домыслам некоторых армянских и российских авторов, речь шла не о депортации армянского населения районов республики, которые были расположены за пределами административных границ бывшей НКАО. Речь шла о тех армянонаселенных пунктах, где вооруженными группами, прибывавшими из Армении, создавались так называемые «укрепрайоны», терроризирующие местное азербайджанское и армянское население. Задачей операции, получившей название «Кольцо», являлось разоружение групп боевиков, окопавшихся среди местного армянского населения, проверка паспортного режима с целью их выявления. Вместе с подразделениями МВД СССР в этой операции участвовали правоохранительные органы Азербайджана. В ходе этой операции была осуществлена проверка паспортного режима в соответствующих населенных пунктах, выявление групп боевиков, старавшихся «раствориться среди местного населения».

Операция проводилась жестко, с неизбежными в подобной ситуации издержками. Были пострадавшие среди мирного населения, которые теми же боевиками использовались в качестве живого, заградительного щита.

Только в 1990 году под давлением нового руководства Азербайджана президент СССР М. Горбачев принял указ о разоружении бандформирований, проникавших на территории НК и другие армянонаселенные пункты республики в Шаумяновском, Ханларском и других приграничных районах. Однако к реализации этого жизненно важного для Азербайджана вопроса военные власти приступили лишь в конце апреля-начале мая 1991 года. (!) Операция длилась лишь до известных событий августа 1991 года. Начавшийся демонтаж Союзного государства создал бесконтрольную ситуацию в регионе конфликта. Самоустранение подразделений Армии и МВД бывшего СССР открыло новую, наиболее трагическую, кровопролитную фазу карабахского конфликта – полномасштабные боевые действия вооруженных сил Армении на территории Азербайджана, продлившиеся два с половиной года.

4. Существуют определенные разноречия между конфликтующими сторонами относительно того, в какой конкретный исторический момент началась настоящая война. Бывший президент Республики Армения, в прошлом руководитель «Госкомитета обороны Нагорного Карабаха», одного из главных организаторов войны: «Война как таковая началась в декабре 1991 г... Были, конечно, перестрелки, диверсии, но войны, по сути, не было». «Однако, – признал Кочарян, – нам уже в 1989 году было ясно, что страна – Советский Союз – может развалиться, и мы тогда останемся один на один с Азербайджаном. И единственный

способ выжить для армян Карабаха был в создании организованных вооруженных сил»⁹.

Важное признание – карабахские армяне под руководством лидеров антиазербайджанского сепаратистского движения к войне готовились заблаговременно, пуская в ход оружие против карабахских азербайджанцев задолго до развала СССР. Что и неудивительно, располагая такими источниками информации в лице Ситаряна, Шахназарова, Брутенца и других лиц из ближайшего окружения Горбачева. Что же касается азербайджанской стороны, то для Азербайджана реальная карабахская война началась и продолжалась в течение всего 1989 года, с того момента, когда начали подвергаться систематическим нападениям азербайджанские населенные пункты НКАО; с того момента, когда стали нападать на пассажирские и грузовые поезда, следовавшие из Баку в Нахичеванскую Автономную Республику через территорию Мегринского района Армении. Прервав тем самым на долгие годы наземную связь автономной республики с Азербайджаном. Наконец, Армения начала войну с Азербайджаном с того момента, когда вооруженные группы боевиков стали нападать на населенные пункты приграничного Казахского и других районов Азербайджана; когда армянонаселенные деревни Азербайджана боевики из Армении превращали в опорные базы террористической деятельности, направленной против местного населения. Таким образом, еще до развала СССР это была война Армении с мирным азербайджанским населением на территории Азербайджана при потакательстве Кремля.

Впервые в Азербайджане всерьез заговорили о необходимости организации всенародного вооруженного отпора армянской агрессии в конце лета 1989 года, после очередных громких терактов, повлекших человеческие жертвы. То есть тогда, когда население республики, включая «верхи», изверилось в способности правоохранительных органов СССР защитить население республики. Оказавшись с армянскими вооруженными формированиями лицом к лицу – во всех отношениях в полномасштабных боевых действиях, без помощи и поддержки силовых структур бывшего СССР, азербайджанская сторона изначально была обречена на военные неудачи.

Вывод советских войск из Карабаха, игравших важную роль по сдерживанию конфликта, привел «в конце 1991 – начале 1992 г. к перерастанию акций партизанского характера в полномасштабную войну в Карабахе. Азербайджанские войска были не готовы»¹⁰. Именно в этот период была сотворена самая кровавая драма карабахского конфликта.

⁹ Армения: проблемы независимого развития / Под общей редакцией Е.М.Кожокина. – М., 1998. С. 492.

¹⁰ Митяев В. Внутривосточное развитие независимого Азербайджана в свете его геополитического положения // В книге «Независимый Азербайджан: новые ориентиры» / Под общей редакцией Е.М.Кожокина. Т. 1. М., 2000. С. 15.

Отрядами «самообороны» карабахских армян при поддержке российского (бывшего советского) 366-го мотострелкового полка был полностью уничтожен город Ходжалы. Он был расположен рядом со Степанакертом, занимал важное стратегическое положение близ областного аэропорта и магистральной автотрассы. В операции участвовали танки и БТРы, уничтожалось все живое на пути атакующих. Погибло 613 мирных жителей. Среди них 106 женщин и 83 ребенка, несколько семей были уничтожены полностью. 487 человек стали инвалидами, 1275 взяты в заложники. Судьба 159 из них неизвестна. Массовое преступление против человечности было осуществлено 26 февраля 1992 года. Словно в годовщину сумгаитских погромов в феврале 1988 года. Впрочем, организаторы и исполнители массовых убийств и не скрывали этого. Несмотря на попытки руководителей карательной акции в последующем отрицать свою ответственность за совершенную этническую чистку, скрыть случившееся оказалось невозможным. Главными «вещественными» доказательствами стали застреленные тела детей, женщин, в том числе и беременных, мужчин, стариков, усеявшие все пространство массового бегства жертв военного преступления, но ходжалинцев на этом пути ожидали заблаговременные засады, людей просто добивали.

Произошедшая драма потрясла Азербайджан, вызвала политический кризис в республике, привела к отставке президента А.Н.Муталибова, к смене политического режима – к власти пришла главная оппозиционная сила – Народный фронт Азербайджана.

Несмотря на кричащую жестокость массового военного преступления, совершенного в Ходжалах, эта трагедия долгое время оставалась на периферии внимания мирового общественного внимания. В статье о карабахском конфликте в уже упоминавшейся нами книге «Армения: проблемы независимого развития» события в Ходжалах были квалифицированы так: «Одна из крупных стычек при установлении контроля над поселком Ходжалу»¹¹. При этом указывалось, что 200 азербайджанских жителей города, «по словам представителей Нагорного Карабаха, переданы без каких-либо условий азербайджанской стороне»¹². Согласно данным армянских информационных агентств, якобы отряды самообороны НК оставили коридор для выхода мирных жителей из зоны огня. Однако «избежать жертв не удалось»¹³. На самом деле пресловутый коридор служил целенаправленной канализации бегства незащищенных

¹¹ Армения: проблемы независимого развития. – М., 1998. С.493. В более позднем издании – книги «Независимый Азербайджан: новые ориентиры», М., 2000 – признавалось, что «при взятии населенного пункта Ходжалы были совершены, по данным из азербайджанских источников, массовые убийства азербайджанских мирных жителей, сопровождавшиеся жестокостями, насилиями и пытками...» (с. 15).

¹² Бабанов И., Воеводский К. Карабахский кризис. – С.-Пб., 1992. С. 59.

¹³ Там же. С. 59.

людей. На выходе из «коридора» их ждал шквальный огонь из всех видов стрелкового оружия отрядов «самообороны». Еще одна версия: пресловутым коридором якобы воспользовались азербайджанские омовцы¹⁴, тем не менее от армянских пуль и погибли гражданские люди.

Последнее, что успел сделать А.Муталибов до вынужденного ухода в отставку – он потребовал вывода 366-го полка из Степанакерта, обвинив его в непосредственном участии в боевых действиях на армянской стороне. Это требование было выполнено, но на месте оставалось пепелище, и ничего уже в той ситуации сделать было невозможно.

Продолжением тяжелых неудач зимней кампании 1992 года в Нагорном Карабахе явилась тяжелая потеря – взятие Шуши армянскими вооруженными формированиями. Это был последний опорный пункт Азербайджана в Нагорном Карабахе. Взятие Шуши открывало армянам путь к так называемому Лачинскому коридору, соединившему НК с Арменией. Причем захват Шуши происходил в тот момент, когда в Тегеране при посредничестве руководства Исламской Республики Иран проходили мирные переговоры исполняющего обязанности Азербайджанской Республики Ягуба Мамедова с президентом Республики Армения Левоном Тер-Петросяном. Однако это обстоятельство не остановило армянскую агрессию. Развивая стратегический успех, армянские силы захватили Лачинский район, превратив его население в беженцев. Через Лачин было установлено постоянное сухопутное сообщение между Арменией и Карабахом. Таким образом, для того, чтобы Армения «соединилась» с Нагорным Карабахом, как минимум, понадобилось полностью очистить бывшую автономию от азербайджанцев, захватить соседний азербайджанонаселенный район, также превратив его население в беженцев.

Летом 1992 года азербайджанская сторона предприняла наступательную кампанию на южном направлении Нагорного Карабаха. В итоге был взят Мардакерт. В январе-феврале 1993 года контроль за Мардакертом перешел к армянским вооруженным силам. В марте ими был взят соседний с Лачинским Кельбаджарский район, также расположенный между административными границами НКАО и границей АР с РА. Таким образом, был создан еще один коридор между НК и Арменией. Следующий раунд наступательных операций армян привел к захвату Агдама на востоке от НК. В октябре 1993 года в результате наступления армянских сил были захвачены все азербайджанские районы к югу от НК вплоть до азербайджанско-иранской границы с центрами г. Физули, Джебраил, Кубатлы, Зангелан. Почти 200 км государственной границы Азербайджана с Ираном перешли под армянский контроль. Согласно терминологии армянской стороны, ею была создана некоторая

¹⁴ Бабанов И., Воеводский К. Карабахский кризис. – С.-Пб., 1992. С. 59.

«буферная зона», обеспечивающая безопасность и выгодное геополитическое положение самопровозглашенной НКАО.

В конце декабря 1993 года – начале января 1994 года азербайджанские вооруженные силы попытались переломить ход войны и добились определенных успехов, продвинувшись в направлении Кельбаджарского района. Вслед за этим был занят поселок Горадиз, открывший выход на север, в г. Физули, и на запад, а также к занятым армянами Джебраилскому, Кубатлинскому и Зангеланскому районам. После некоторой паузы наступление было продолжено в направлении Физули. В ответ последовали наступательные действия армянских вооруженных сил. Азербайджанские войска были остановлены, армяне вновь захватили Горадиз, а в апреле развернули боевые действия на северо-востоке с участием большого количества танков и БТР. В результате они значительно продвинулись в направлении Геранбоя (Шаумяновск)¹⁵.

К этому моменту стороны конфликта созрели для заключения перемирия в рамках миротворческой инициативы Российской Федерации под эгидой Содружества Независимых Государств. В начале апреля Ереван, Баку и Степанакерт (Ханкенди) посетила делегация межпарламентской ассамблеи СНГ, обсудившая со сторонами конфликта возможности его урегулирования. Было предложено провести в Бишкеке встречу делегаций парламентов Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха с участием парламентариев России и Киргизии для обсуждения вопросов урегулирования конфликта. Такая встреча состоялась в столице Киргизии 4 мая 1994 г. В итоге обсуждения внесенных предложений 5 мая был подготовлен итоговый протокол, представленный на согласование руководителям конфликтующих сторон. В частности, предусматривалось в полночь с 8 на 9 мая прекратить огонь и в самые сжатые сроки закрепить это подписанием документа, в котором будет предусмотрен механизм невозобновления военных действий. За этим должен последовать вывод войск с занятых территорий, восстановление коммуникаций, возвращение беженцев и продолжение переговоров. Одновременно предлагалось странам – участницам СНГ обсудить вопрос о создании миротворческих сил Содружества.

16–17 мая 1994 г. в Москве собрались министры обороны АР, РА и НК при посредничестве министра обороны РФ. Была достигнута договоренность полностью прекратить огонь в ноль часов 17 мая, а с 25 мая начать развод войск. На самом деле огонь был прекращен уже 12 мая. В разделительной полосе предусматривалось размещение наблюдательных постов миротворческих сил, укомплектованных в основном Вооруженными силами России.

¹⁵ Армения: проблемы независимого развития / Под общей редакцией Е.М.Кожокина. – М., 1998. С. 495–499.

Условия прекращения огня, включающие ведущую роль Вооруженных сил России в качестве гаранта невозобновления боевых действий, вызвали в Баку крайне отрицательную реакцию. Оппозиция, общественность и даже некоторые официальные представители правящих верхов считали неприемлемым ввод в страну российских войск. Таким образом, в окончательном варианте было подписано соглашение о режиме соблюдения перемирия без участия сил посредников миротворческих сил.

Конфликт был заморожен. Но поиски взаимоприемлемых условий урегулирования карабахского конфликта были продолжены; установилась ситуация «ни мира, ни войны», при которой 20% территории АР осталось под оккупацией армянских вооруженных сил.

С момента развала СССР карабахский конфликт стал одним из приоритетных объектов специального внимания авторитетных международных организаций. Этому способствовало вступление Азербайджана и Армении в Организацию Объединенных Наций. Особая активность была проявлена Советом по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), направившем еще в 1992 году в регион конфликта специальную миссию с целью изучения обстановки на месте. В итоге поездки были предложены следующие меры: прекращение огня, обеспечение гуманитарной помощи, введение эмбарго на поставки оружия и гарантирование прав человека. Но эти предложения при отсутствии механизмов их реализации остались благими пожеланиями.

Реальным шагом в направлении миротворчества стало создание в рамках СБСЕ специальной Минской группы по урегулированию карабахского конфликта. Совет Министров ОБСЕ в Хельсинки в марте 1992 г. дал согласие создать Минскую группу в качестве формата для переговоров по мирному урегулированию карабахского конфликта. Армения, Азербайджан, Белоруссия, Чешская и Словацкая Федеративные республики, Франция, Германия, Италия, Российская Федерация, Швеция, Турция и Соединенные Штаты Америки согласились участвовать в этой Конференции. Ассамблея обратилась к этим государствам с просьбой приложить усилия в достижении мирного решения конфликта. В этот же период для сбора информации в регионе конфликта побывал и спецпосланник Генерального секретаря ООН Бутроса Гали – Сайрус Вэнс. По его рекомендации ООН поддержала ведущую роль СБСЕ в усилиях, направленных на урегулирование конфликта. Однако в тот период участники конфликта рассчитывали решить территориальный спор собственными силами. Но, как показала военная кампания 1993 года, находившийся в глубоком политическом кризисе Азербайджан был не в состоянии взять верх над вооруженными силами армян достаточно убедительно. Осознание этого на уровне общественного мнения пришло, видимо, лишь к 1994 году.

Подчеркнем, что с самого начала карабахского конфликта международное право было на азербайджанской стороне. Вопрос был в том, чтобы овладеть политико-дипломатическим искусством, использовать это преимущество. С 1988 по 1991 год главным арбитром в территориальном споре между двумя союзными республиками выступали высшие органы государственной и политической власти СССР – Верховный Совет СССР и Политбюро ЦК КПСС. Эти органы власти неизменно подтверждали территориальную целостность Азербайджанской ССР, рассматривая Нагорный Карабах как ее неотъемлемую часть. Ту же принципиальную позицию заняло международное сообщество в лице Организации Объединенных Наций.

Совет Безопасности ООН не оставался безучастным к стремительно развивающемуся карабахскому кризису в постсоветский период. Так, в связи с вторжением армянских сил в Кельбаджарский район СБ ООН принял 30 апреля 1993 года резолюцию №822 (напомним, что это был третий район после Шуши и Лачина, захваченный армянами). СБ потребовал «немедленного прекращения всех военных действий и враждебных актов в целях установления и прочного прекращения огня, а также немедленного вывода всех оккупирующих сил из Кельбаджарского района и других недавно оккупированных районов Азербайджана»¹⁶.

23 июля 1993 г. был оккупирован Агдамский район. 29 июля СБ ООН оперативно принял резолюцию №853, которая подтвердила решение СБ ООН от 30 апреля того же года.

В августе 1993 г. были захвачены Физулинский, Джабраильский, Губадлынский районы Азербайджана. 14 октября 1993 г. Совет Безопасности принял резолюцию №874, в которой на этот раз выражалась серьезная обеспокоенность в связи с перемещением большого числа гражданских лиц в Азербайджане¹⁷. Как уже сообщалось, в ноябре того года был захвачен Зангеланский район, а его жители вынуждены спасаться бегством. 12 ноября СБ принял уже четвертую по счету резолюцию за №884, которая подтверждала предыдущие резолюции по карабахскому вопросу, выражала поддержку мирному процессу, осуществленному в рамках СБСЕ. Наряду с этим выражалась серьезная обеспокоенность по поводу сохранения напряженности в отношениях между Арменией и Азербайджаном.

Как известно, резолюции СБ ООН никак не повлияли на продолжающееся противостояние Азербайджана и Армении с Нагорным Карабахом. Но их политико-правовая ценность очевидна и является веским, принципиальным международным аргументом в борьбе за восстановление территориальной целостности Азербайджанской Республики. Разумеется, в этой борьбе ключевое значение имеет переговорный процесс

¹⁶ Azerbaijan in the family of the United Nations. – Baku, 2000. P. 328.

¹⁷ Ibid, p. 329

по урегулированию карабахского конфликта в рамках Минской группы ОБСЕ, образованной решением Хельсинкской сессии Совета СБСЕ 24 марта 1992 г. о созыве в Минске конференции по Нагорному Карабаху под эгидой СБСЕ. На Минскую группу была возложена задача урегулирования карабахского конфликта мирным путем, подготовка в этих целях соответствующих предложений и документов, проектов соглашений между сторонами конфликта. Окончательное завершение переговорного процесса и подписание итоговых документов предполагается на международной Минской конференции. В начале 1994 г. Минская группа (МГ) имела двух сопредседателей – представителей России и Финляндии. С 1997 г. руководят МГ три сопредседателя – представители России, США и Франции. Соответственно имеются сопредседатели Минской конференции ОБСЕ, которые должны подвести итоги переговорного процесса, если будут достигнуты положительные результаты. Однако по сию пору переговорщикам не удалось сблизить позиции сторон конфликта настолько, чтобы можно было говорить о положительных итогах переговорного процесса.

Армянская сторона в ходе боевых действий добилась того, что, казалось, было невозможным при советской власти – ни мирным, политическим путем, ни под давлением массовых демонстраций и забастовок, ни с помощью мобилизации общественного мнения в СССР и на Западе. Бывшая НКАО была отторгнута от Азербайджана вооруженной силой сразу же после развала СССР. Армянскими войсками была также оккупирована значительная территория республики, которая стала использоваться в качестве буферной зоны, что укрепило военно-стратегические преимущества Армении. Мир нужен и Азербайджану, совершенно не готовому к полномасштабной войне и не способному дать отпор агрессии соседа. Гуманитарное значение продолжающегося перемирия (достаточно хрупкого, по мнению многих) невозможно переоценить: прежде всего, речь идет о сохранении многих тысяч человеческих жизней. Однако противоречия, вызвавшие к жизни данный конфликт, не сняты, не преодолены, поскольку они-то и были заморожены. Мировым сообществом результаты карабахской войны не признаны, значит, они нелегитимны, незаконны, и это не устраивает ни Армению, ни Нагорный Карабах. Не устраивает существующее положение и Азербайджан, суверенитет которого грубо нарушен, значительная часть населения покинутых территорий, ныне находящихся под армянской оккупацией, оказались в положении беженцев.

Чем дольше длится ситуация «ни мира, ни войны», тем больше растет армяно-азербайджанская напряженность. Хотя карабахский конфликт относят к категории «замороженных», это верно лишь частично. Заморожена лишь военная составляющая конфликта. Но информационно-пропагандистская война не останавливалась ни на один день, прошедший после принятия соглашения о прекращении огня. Конфликт-

ные отношения, которые постоянно воспроизводятся в массовом сознании и поведении населения по обе стороны карабахского барьера, не ведут и не могут привести к миру. Более того, «замороженная» ситуация подталкивает армянскую сторону закрепить результаты своей победы, использовать вытекающие из нее выгоды, а другую сторону конфликта – восстановить свой суверенитет и свою территориальную целостность во что бы то ни стало, вернуть сотни тысяч людей на родную землю, к мирной и достойной жизни.

В этой «мирной» фразе противостояния сконцентрировалась вся суть, вся противоречивость конфликта, его причины и их предыстория. Отсюда все упорство, с которым армянская сторона стремится в ходе переговорного процесса сохранить, закрепить, узаконить завоеванные позиции. Азербайджанская сторона, в отличие от армянской, добивается того, чтобы переговорный процесс протекал в строгом соответствии с общепризнанными нормами и требованиями международного права, с решениями Совбеза ООН, других документов по карабахскому конфликту.

Обе стороны преодолеть эту антитезу самостоятельно не в состоянии. Международное сообщество, структуры, принимающие участие в переговорных процессах, не в состоянии предложить сторонам конфликта взаимоприемлемую формулу, совмещающую противопоставленные друг другу принципы международного права.

Основными вехами в переговорном процессе стали Хельсинкская дополнительная встреча Совета ОБСЕ 24 марта 1992 года, а также Будапештский и Лиссабонский саммиты ОБСЕ. В соответствии с решением Будапештского саммита ОБСЕ 1994 года был создан институт сопредседателей Минской конференции, на которых возложена обязанность «оперативно провести переговоры в целях заключения политического Соглашения о прекращении вооруженного конфликта (Большое политическое соглашение)», с тем чтобы его реализация устранила основные последствия вооруженного конфликта для всех сторон и позволила создать Минскую конференцию. В результате работы Будапештского саммита была предложена двухэтапная структуризация процесса урегулирования:

1. Первый этап – путем реализации Соглашения устранить последствия вооруженного конфликта, что означает полное освобождение всех оккупированных территорий и обеспечение возвращения перемещенных лиц в места постоянного проживания.

2. Второй этап предусматривал достижение всеобъемлющего мирного урегулирования.

После Будапешта сопредседателями были организованы и проведены 17 раундов переговоров и многочисленные консультации с участниками конфликта. За это время, по официальным источникам, было согласовано около 75% текста проекта Соглашения и его Приложений. Однако по принципиальным вопросам – полное освобождение всех оккупиро-

ванных территорий, включая Шушинский и Лачинский районы, безопасность участников конфликта и вывод подразделений вооруженных сил Армении с территории Азербайджана – согласие не было достигнуто. На Лиссабонском саммите 1996 года в Заявлении действующего председателя ОБСЕ были сформулированы три принципа урегулирования армяно-азербайджанского конфликта. Они таковы: 1) территориальная целостность Республики Армения и Азербайджанской Республики; 2) правовой статус Нагорного Карабаха, определенный в соглашении, основанном на самоопределении, представляет Нагорному Карабаху наивысшую степень самоуправления в составе Азербайджана; 3) гарантированная безопасность Нагорного Карабаха и всего его населения, включая взаимные обязательства по обеспечению соблюдения всеми сторонами положений об урегулировании.

Эти принципы были поддержаны всеми 53 государствами – участниками ОБСЕ, кроме Армении.

С ноября 1996 года армянская сторона прервала непосредственные консультации между советниками президентов Армении и Азербайджана. После Лиссабонского саммита и учреждения института тройного сопредседательства (Россия–Франция–США) был проведен всего один раунд переговоров (в апреле 1997 г.), закончившийся без особых результатов.

1 июня 1997 года сопредседателями Минской конференции ОБСЕ в ходе их визита в регион в новом составе были представлены предложения по урегулированию армяно-азербайджанского конфликта на основе т.н. «пакетного варианта». Его суть заключалась в том, чтобы наработать механизм параллельных переговоров, нацеленных на поиск решений по двум узловым проблемам противостояния: освобождение оккупированных территорий и будущий статус Нагорного Карабаха. На рассмотрение сторон были предложены проекты двух Соглашений: прекращение вооруженного конфликта и статус Нагорного Карабаха, в совокупности («пакет») составляющих всеобъемлющее соглашение об урегулировании нагорно-карабахского конфликта.

Несмотря на готовность Азербайджана приступить к конструктивным консультациям по существу указанных предложений, Республика Армения и представители армян Нагорного Карабаха категорически отвергли «пакетный» подход, мотивировав это тем, что в проекте Соглашения по статусу Нагорного Карабаха предпринимается попытка его предвосхитить, что противоречит решениям о его определении на Минской конференции.

19–23 сентября 1997 года в ходе новой поездки в регион армяно-азербайджанского конфликта сопредседателями МГ были представлены концептуально новые предложения, взявшие за основу «поэтапный» подход к урегулированию. В соответствии с новым планом на первом этапе путем реализации специального соглашения предлагалось:

- а) развертывание операции ОБСЕ по поддержанию мира;
- б) деэскалация военной напряженности в зоне конфликта путем реализации системы мер военно-технического характера;
- в) освобождение Агдамского, Физулинского, Зангеланского, Кельбаджарского, Джебраильского и Губадлинского районов;
- г) возвращение перемещенного населения на освобождаемые территории;
- д) нормализация основных коммуникаций в зоне конфликта. На втором этапе стороны призваны урегулировать ситуацию вокруг Лачинского, Шушинского и Шаумяновского районов и проблему статуса Нагорного Карабаха.

Несмотря на имеющиеся замечания к представленному документу, 1 октября Азербайджан официально уведомил сопредседателей МГ о своем согласии принять предложения по поэтапному урегулированию в качестве основы для переговоров.

10 октября в Страсбурге президенты Азербайджана и Армении в своем совместном Заявлении подтвердили, что «последние предложения сопредседателей являются обнадеживающей основой для возобновления переговоров в рамках Минской группы».

26 октября «президент» НКАО А. Гукасян заявил о неприемлемости предложений со-председателей о поэтапном урегулировании со следующей мотивацией: при поэтапном урегулировании нарушится военно-политический баланс в регионе в пользу Азербайджана, будут созданы реальные угрозы безопасности Нагорного Карабаха без международно-правовых гарантий его статуса. Он призвал сопредседателей признать НК стороной конфликта и организовать прямые переговоры «НК – Азербайджан», в ходе которых решать все ключевые проблемы одновременно, среди которых предлагалось определить основные элементы статуса НК и гарантий его безопасности на переходный период.

В ходе своего визита в регион 2–5 декабря 1997 года сопредседатели представили новую версию документа по «поэтапному» урегулированию. Обновленный вариант претерпел изменения в сторону уступок армянским представителям Нагорного Карабаха. В частности, предусмотрены положения по изменению формата Минского процесса и представлению армянам НК статуса стороны конфликта, сохранению всех незаконных структур в НК и Шушинском и Лачинском районах, корректировке мандата Сил ОБСЕ и их замене на наблюдателей, приданию операции ОБСЕ исключительно наблюдательных функций.

В то же время 19 декабря 1997 г. в Копенгагене на заседании СМВД ОБСЕ был распространен доклад сопредседателей, в котором подчеркивалась необходимость продолжить усилия по урегулированию конфликта на основе Лиссабонских принципов и предложений сопредседате-

лей. Действующий председатель ОБСЕ выразил свою поддержку предложениям сопредседателей.

6 марта 1998 г. на заседании Минской группы девять государств-членов вновь поддержали предложения сопредседателей по поэтапному урегулированию

13–17 мая 1998 г. в ходе визита сопредседателей в регион Армения было официально заявлено об отзыве согласия президента Республики Армения Л.Тер-Петросяна, вынужденного под давлением «карабахской оппозиции» уйти в отставку, с предложениями по поэтапному урегулированию карабахского конфликта. Новый президент РА Р.Кочарян выступил за пакетное урегулирование без предварительных условий, существенно затормозив переговорный процесс.

Позднее, в соответствии с новой ситуацией, сопредседателями Минской группы были представлены 9 ноября новые предложения в пакетном варианте урегулирования конфликта на основе разработанной ими концепции «общего государства». Азербайджан уже в ходе консультаций 9 ноября отверг данные предложения, а 19 ноября направил сопредседателям письменный ответ, в котором официально уведомил посредников о неприемлемости этих предложений. Азербайджан подтвердил свою готовность возобновить переговоры в рамках Минской группы ОБСЕ на основе предложений сопредседателей от 19 ноября 1997 года.

Делегация азербайджанской общины Нагорного Карабаха официально отвергла «пакетные» предложения. Армения и армяне НК заявили о неприемлемости для них указанной позиции азербайджанской стороны.

После некоторой паузы 2 апреля 1999 г. в Москве в ходе саммита СНГ состоялась встреча президентов Азербайджана и Армении, на которой была достигнута договоренность о проведении серии встреч для обсуждения вопросов мирного урегулирования армяно-азербайджанского конфликта. Обмен мнениями был продолжен сторонами на встречах президентов в Вашингтоне 24 апреля, 16 и 22 августа в Женеве, 10 сентября в Ялте и 11 октября 1999 г. в Садараке. В ходе встреч были достигнуты договоренности по проведению консультаций между МИД и МО Азербайджана и Армении по вопросам укрепления режима прекращения огня, мерам доверия, процедурам предотвращения и разрешения инцидентов на границе, а также по разработке согласованной базы для возобновления переговорного процесса в рамках МГ ОБСЕ. Во исполнение договоренностей были проведены встречи и консультации министров обороны (14 сентября и 11 октября) и министров иностранных дел (10 сентября, 30 сентября и 12 октября) Азербайджана и Армении. 18 сентября 1999 года в ходе визита действующего председателя ОБСЕ К.Воллебека в Баку им было заявлено, что встречи и консультации президентов Азербайджана и Армении не подменяют минский процесс ОБСЕ. Он призвал сопредседателей МГ ОБСЕ активизировать

свою деятельность и выдвинуть новое, приемлемое для обеих сторон, предложение.

18–19 сентября 1999 года в итоговом документе Стамбульского саммита ОБСЕ и в докладе Действующего Председателя было еще раз подчеркнuto, что Минская группа является наиболее подходящим форматом для решения карабахской проблемы. Продолжение диалога президентов Азербайджана и Армении было оценено как важное дополнение минскому процессу. Саммит призвал стороны к скорейшему возобновлению переговоров по урегулированию конфликта. Стамбульский саммит принял Хартию Европейской безопасности – юридически обязывающий документ, подтверждающий принципы ОБСЕ и вытекающие из них обязательства государств по соблюдению национального суверенитета и территориальной целостности стран.

13–15 декабря 1999 года состоялся первый визит нового состава сопредседателей МГ ОБСЕ в регион. Сопредседательством МГ было заявлено о начале работы над новыми предложениями, которые будут базироваться на элементах, по которым достигнута договоренность на встречах президентов Азербайджана и Армении. Сопредседатели МГ ОБСЕ заявили, что в деятельности по урегулированию конфликта ими будет уделено значительное внимание экономическому развитию региона конфликта. С этой целью сопредседательство МГ ОБСЕ выразило намерение обратиться к мировым финансовым институтам, общественным и неправительственным организациям с призывом направить экспертов в регион для проведения оценочных работ по его восстановлению.

24 января 2000 года в Москве в ходе саммита глав стран СНГ состоялась отдельная встреча президентов Азербайджана и Армении, а 25 января – четырехсторонняя встреча с участием президентов Азербайджана, Армении, Грузии и исполняющего обязанности президента РФ В.Путина. В ходе встреч были возобновлены консультации между президентами Армении и Азербайджана. Сообщалось, что политика «четверки» в регионе будет основана на принципах международного права и, прежде всего, на абсолютном признании принципа территориальной целостности суверенных государств.

28 января 2000 года в Давосе на Всемирном экономическом форуме были продолжены консультации между президентами Азербайджана и Армении по поиску путей мирного урегулирования конфликта. На встрече приняли участие министры иностранных дел двух стран.

20 июня 2000 года в Москве во время саммита глав стран СНГ состоялась четырехсторонняя встреча с участием президентов Азербайджана, Армении, Грузии и РФ. В ходе встречи обсуждался вопрос мирного урегулирования конфликта на Южном Кавказе, проблем укрепления региональной безопасности, включая сотрудничество в борьбе с международным терроризмом, а также в гуманитарных и других областях.

Был распространен текст совместного заявления, подписанного по итогам этой встречи президентов. В заявлении отмечается, что стороны «выразили приверженность продолжению встреч в этом формате, они приветствуют инициативы мирового сообщества и международных организаций, которые оказывают содействие в ускорении урегулирования конфликтов на Южном Кавказе. Главы государств условились, что такие встречи будут проходить не реже двух раз в год и будут, как правило, приурочены к заседаниям глав государств СНГ».

2–5 июля 2000 года состоялся визит сопредседателей МГ ОБСЕ в регион. В своей деятельности по урегулированию конфликта сопредседательством МГ ОБСЕ будет уделено значительное внимание экономическому развитию региона. С этой целью сопредседатели МГ ОБСЕ обратились к мировым финансовым институтам, общественным и неправительственным организациям с призывом направить экспертов в регион для проведения оценочных работ по экономическому восстановлению региона. В ходе визита сопредседатели МГ ОБСЕ заявили, что будут искать способы модифицировать план урегулирования карабахского конфликта. Президенты Азербайджана и Армении провели между собой более 40 встреч и переговоров. Поначалу они встречались только в рамках различных международных форумов, главным образом, саммитов СНГ. С апреля 1999 года начался прямой диалог двух президентов: первая встреча прошла в Вашингтоне, затем прямые переговоры были продолжены в октябре 2000 г. – в Нахичевани на азербайджано-армянской границе; в январе 2001 г. – в Париже; в марте 2001 г. – в Ки-Вэсте (США); в августе 2002 г. – на азербайджано-армянской границе в Нахичевани. Параллельно диалог Гейдара Алиева и Роберта Кочаряна продолжался в рамках крупных международных мероприятий.

После избрания президентом АР Ильхама Алиева состоялось еще несколько встреч президентов двух стран, в том числе 11 декабря 2003 г. – в Женеве, 28 апреля – в Варшаве. В 2004 г. было положено начало новому формату переговорного процесса, получившего название «Пражский процесс», по названию столицы Чехии, где состоялся новый раунд азербайджано-армянской встречи. Однако и он не завершился положительным итогом. Он был прерван вынужденной паузой, вызванной очередными президентскими выборами в Армении и в Азербайджане. В этой связи в январе 2008 года сопредседателями была принята попытка путем челночной дипломатии добиться того, чтобы контакты между сторонами переговоров не прерывались. Так, американский сопредседатель Мэтью Брайза выражал уверенность, что до президентских выборов в Армении президенты двух стран смогут достичь каких-то устных договоренностей: «До выборов никакого антракта в переговорах не будет. Мы ожидаем достижения устных договоренностей между президентами двух стран». Представитель Франции Бернар Фасье подчеркивал: «Мы

объяснили сторонам, что ни для кого в наших предложениях нет никакой ловушки или двусмысленности. Это лучшие предложения, которые наши страны могут предложить для достижения компромисса в процессе урегулирования карабахского конфликта». А сопредседатель от России Юрий Мерзляков ратовал за необходимость привлечения к обсуждениям (после согласования базовых принципов) всех сторон конфликта.

Суть предложений, о которых вели речь сопредседатели МГ СБСЕ, сводится, согласно сообщению заведующего отделом внешних связей президентского аппарата Азербайджана Новруза Мамедова: «На первом этапе предусматривалось освободить 5 из 7 прилегающих к бывшей НКАО районов, а затем – Лачин и Кяльбаджар». В дальнейшем предстоит разминирование, реабилитационные и строительные работы, размещение международных миротворцев, возврат беженцев на оккупированные территории, открытие коммуникаций между Азербайджаном и Арменией. «Азербайджанская Республика согласна на открытие железнодорожного сообщения Баку–Нахичевань и продление его до Еревана. Вся эта работа займет 15–20 лет, а после этого будет определен статус НК». По мнению же руководителя Международной кризисной группы Сабинны Фрейзер, «урегулирование должно включать в себя отказ от применения силы; вывод армянских сил из всех регионов Азербайджана, окружающих Нагорный Карабах; полное возвращение всех вынужденно переселенных азербайджанцев; договоренность о временном статусе Нагорного Карабаха и оказание значительной помощи международным сообществом, включая развертывание миротворческого контингента; взаимное согласие на проведение голосования по вопросу об окончательном статусе Нагорного Карабаха; создание соответствующих демократических условий».

С.Фрейзер утверждает, что именно этот документ был представлен несколько лет назад сопредседателями МГ сторонам в Мадриде. Так или иначе, и этот пакет предложений в рамках «Пражского процесса» так же не стал основанием для созыва Минской конференции. Очередная пауза в переговорном процессе продлится до ноября 2008 года.

В сложившейся ситуации напрашивается вывод, который может быть сформулирован следующим образом: план мира между конфликтующими народами, одобряемый узким кругом официальных лиц, не может быть успешным, что подтверждается долгим, но мало результативным переговорным процессом. Хотя речь в основном идет о нагорно-карабахском конфликте, это правило может быть распространено на все те конфликты постсоветского пространства, которые пытались и пытаются решить на политическом уровне без участия обществ. Но даже в том невероятном случае, когда народы выразят готовность поддержать предложенный формат мира, наступит новая фаза переговорного процесса – прямое столкновение интересов посредников – США, Франции

(ЕС) и России. Любой план разрешения конфликта ими будет рассматриваться в качестве механизма собственного геополитического доминирования в регионе. Это очевидно¹⁸.

На протяжении всего послевоенного периода Азербайджан неизменно демонстрировал приверженность мирному пути урегулирования конфликта, подчеркивая значимость прекращения огня в зоне армяно-азербайджанского противостояния. Так, особо отмечая своевременность и правильность принятого «решения», Гейдар Алиев в заявлении, посвященном пятилетию Бишкекских договоренностей, высоко оценил их значение. В этом заявлении, в частности, говорилось:

«В результате установления режима прекращения огня мы получили возможность укрепить свою государственность, осуществить демократические реформы, приватизацию, переход к рыночной экономике, сформировать государственные структуры, обеспечив независимость и суверенность Азербайджанской Республики. В обстановке перемирия разрушенная экономика страны стала возрождаться. В страну потекли иностранные инвестиции, столь необходимые для успеха экономических реформ. Азербайджан стал привлекательной страной для крупнейших иностранных компаний мира и широких деловых кругов... Наряду с этим Азербайджан продемонстрировал всему миру, что он проводит миролюбивую политику, направленную на мирное разрешение армяно-азербайджанского конфликта, на взаимовыгодное сотрудничество со всеми странами региона... Однако перемирие – это еще не мир. Ситуация «ни войны, ни мира» в условиях, когда продолжается оккупация более 20 процентов территории Азербайджана, около миллиона наших соотечественников остаются в положении беженцев и перемещенных лиц, никак не может нас удовлетворить. Поэтому мы будем впредь делать все возможное, чтобы путем переговоров достичь мирного урегулирования конфликта, освободить оккупированные территории и вернуть наших сограждан к родным очагам».

Несколько лет спустя, оценивая значение и своеобразие режима прекращения огня в зоне карабахского конфликта, президент АР Г.Алиев в одном из интервью СМИ 10 августа 2002 года заявил: «До сих пор в мировой практике не было такого, чтобы два государства, которые воевали несколько лет, несли большие потери, пришли к решению о прекращении огня. ...Были попытки пригласить сюда российские миротворческие силы, чтобы они встали между нами. Я не принял этого. Тогда мы договорились с Арменией, что сами обеспечим сохранение режима прекращения огня. Сами и обеспечиваем. В мире нет таких аналогов. Это не только наша заслуга, но и заслуга армянской стороны. Это говорит о том, что и армянская сторона хочет прекращения огня, и мы хотим».

¹⁸ Аббасов А. Пражский процесс завершен, забудьте // «Азербайджанский Конгресс», 3 марта 2008 г.

Невольно напрашивается вопрос: если враждующие стороны оказались способны самостоятельно, на двусторонней основе, поддерживать перемирие в течение теперь уже 14 лет, то почему до сих пор карабахский конфликт не урегулирован? И это притом, что за прошедшие годы накопился определенный переговорный политико-правовой опыт, который отражает интересы сторон конфликта, очерчены возможные контуры встречных компромиссов.

Ответы на эти вопросы не лежат на поверхности дипломатической практики. Корни армяно-азербайджанских противоречий многие аналитики не без оснований усматривают в трагических событиях, имевших место в XIX–XX веках, заложивших «бомбы замедленного действия», вызывающих детонацию по сию пору. На самом деле в основе современных событий карабахского конфликта лежат политические и, особенно, геополитические интересы и противоречия, а также глобальный конфликт эпохи «нового» передела мира. Воспользоваться возможностями, выгодами смутного времени, когда разваливается империя и меняются контуры мира, становится для определенных сил непреодолимым соблазном.

Парламентская ассамблея Совета Европы призвала правительство Азербайджана наладить контакты с политическими представителями обеих общин Нагорного Карабаха относительно будущего статуса региона.

В резолюции Ассамблеи подтверждены полномочия Минской группы ОБСЕ, ее посредническая миссия, подчеркнута важность формирования надежных предпосылок для долгосрочного урегулирования конфликта. Общим итогом стал основной вывод доклада о том, что региональная автономия с высокой степенью самоуправления может быть лучшим решением, чем раскол и независимость для Нагорного Карабаха.

18 июля 2005 года Секретариат Парламентской ассамблеи Совета Европы обнародовал доклад специального представителя по нагорно-карабахскому конфликту Горана Леннмаркера, рассмотренного на сессии ПА ОБСЕ в Вашингтоне.

Г.Леннмаркер предложил использовать в разрешении армяно-азербайджанского конфликта опыт европейской интеграции, отметив важность соблюдения четырех условий: страны конфликта должны осознать, что их национальной безопасности ничто не угрожает; должны соблюдаться высокие стандарты демократии, прав человека и прав меньшинства; экономическая интеграция должна стать наиболее надежным фундаментом развития; процесс интеграции должен подкрепляться свободой передвижения граждан, особенно молодежи.

Все эти предложения, как и предыдущие варианты урегулирования, так и не были реализованы. С 2004 года переговоры осуществлялись в рамках так называемого Пражского процесса. Однако и в этом перего-

ворном формате стороны зашли в тупик. Призывы к сторонам до начала президентских выборов в Армении и в Азербайджане в 2008 году дать принципиальное согласие на продолжение переговоров в очередной раз повисли в воздухе¹⁹.

Однако периодические паузы в переговорном процессе лишь подчеркивают тяжелую атмосферу карабахского тупика. Хотя конфликт заморожен и перемирие поддерживается самими сторонами конфликта, армяно-азербайджанская конфронтация – пропагандистская, информационная, – продолжается, способствуя воспроизводству взаимной неприязни и непонимания.

Впервые после 15 лет паузы по карабахскому вопросу ООН вновь вернулась к конфликту. Генеральная Ассамблея ООН 15 марта приняла резолюцию «Положение на оккупированных территориях Азербайджана». Официальный Баку сумел добиться одобрения документа, в котором не только подтверждается территориальная целостность страны, но и содержится требование о выводе вооруженных сил Армении с оккупированных азербайджанских земель.

В голосовании приняли участие 147 из 192 стран – членов ООН. Около половины государств предпочли воздержаться, а 39 против 7 поддержали резолюцию, представленную Азербайджаном. Документ был принят и получил официальную силу.

Генассамблея заявила, что, будучи серьезно озабочена тем, что вооруженный конфликт в нагорно-карабахском регионе Азербайджанской Республики и вокруг него продолжает создавать угрозу международному миру и безопасности, и учитывая его негативные последствия для гуманитарной ситуации и развития в странах Южного Кавказа:

1) вновь заявляет о неизменном уважении и поддержке суверенитета и территориальной целостности Азербайджанской Республики в пределах ее международно-признанных границ;

2) требует немедленного, полного и безоговорочного вывода всех армянских сил со всех оккупированных территорий Азербайджанской Республики;

3) подтверждает неотъемлемое право населения, изгнанного с оккупированных территорий Азербайджанской Республики, на возвращение в свои дома и подчеркивает необходимость создания надлежащих условий для этого возвращения, включая всеобъемлющую реабилитацию пострадавших от конфликта территорий;

4) признает необходимость обеспечения нормальных, безопасных и равных условий жизни армянской и азербайджанской общинам в нагорно-карабахском регионе Азербайджанской Республики, что позво-

¹⁹ Аббасов А. Трансформации конфликта // Азербайджанский Конгресс, 29 февраля 2008 г.

лит создать эффективную демократическую систему самоуправления в этом регионе в рамках Азербайджанской Республики;

5) вновь заявляет, что ни одно государство не должно признавать законной ситуацию, сложившуюся в результате оккупации территорий Азербайджанской Республики, и не должно содействовать или способствовать сохранению этой ситуации;

6) заявляет о поддержке международных посреднических усилий, в частности усилий сопредседателей Минской группы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, направленных на мирное урегулирование конфликта в соответствии с нормами и принципами международного права, и признает необходимость активизации этих усилий в целях обеспечения устойчивого и прочного мира согласно пожеланиям, изложенным выше;

7) призывает государства-члены и международные и региональные организации и механизмы эффективно содействовать, в рамках своей компетенции, процессу урегулирования конфликта;

8) просит Генерального секретаря представить Генеральной Ассамблее на ее шестьдесят третьей сессии всеобъемлющий доклад об осуществлении настоящей революции;

9) постановляет включить в предварительную повестку дня своей шестьдесят третьей сессии пункт, озаглавленный «Положение на оккупированных территориях Азербайджана».

Поддержали документ: Афганистан, Азербайджан, Бахрейн, Бангладеш, Бруней-Даруссалам, Камбоджа, Коморос, Джибути, Гамбия, Грузия, Индонезия, Ирак, Иордания, Кувейт, Ливия, Малайзия, Мальдивы, Молдова, Марокко, Мьянма, Нигерия, Оман, Пакистан, Катар, Саудовская Аравия, Сенегал, Сербия, Сьерра-Леоне, Сомали, Судан, Турция, Тувалу, Уганда, Украина, ОАЭ, Узбекистан, Йемен.

Воздержались при голосовании: Албания, Алжир, Андорра, Антигуа и Барбуда, Аргентина, Австралия, Австрия, Багамские острова, Барбадос, Бельгия, Боливия, Босния и Герцеговина, Ботсвана, Бразилия, Болгария, Камерун, Канада, Чили, Китай, Конго, Коста-Рика, Хорватия, Кипр, Чехия, КНДР, Дания, Доминиканская Республика, Эквадор, Египет, Сальвадор, Экваториальная Гвинея, Эстония, Финляндия, Германия, Гана, Греция, Гренада, Гватемала, Гайана, Гаити, Гондурас, Венгрия, Исландия, Ирландия, Израиль, Италия, Ямайка, Япония, Казахстан, Кения, Латвия, Либерия, Лихтенштейн, Литва, Люксембург, Мадагаскар, Мальта, Мавритания, Мексика, Монако, Монголия, Черногория, Мозамбик, Намибия, Непал, Нидерланды, Новая Зеландия, Никарагуа, Норвегия, Панама, Папуа, Новая Гвинея, Перу, Филиппины, Польша, Португалия, Республика Корея, Румыния, Санта-Лучия, Самоа, Сан-Марино, Сингапур, Словакия, Словения, Соломоновы острова, ЮАР, Испания, Шри-Ланка, Суринам, Свазиленд, Швеция, Швейцария, Таиланд,

бывшая югославская республика Македония, Тимор-Лесте, Того, Тринидад и Тобаго, Великобритания, Уругвай, Венесуэла, Замбия.

Страны, проголосовавшие против резолюции: США, Россия, Франция, Армения, Индия, Ангола и Вануату.

Не участвовали в голосовании: Беларусь, Белиз, Бенин, Бутан, Буркина-Фасо, Бурунди, Кабо-Верде, Центрально-Африканская Республика, Доминика, Чад, Кот-д'Ивуар, Куба, Демократическая Республика Конго, Эритрея, Эфиопия, Фиджи, Габон, Гвинея, Гвинея-Бисау, Иран, Кирибати, Кыргызстан, Народно-Демократическая Республика Лаос, Ливан, Лесото, Малави, Мали, Маршалловы острова, Микронезия, Науру, Палау, Парагвай, Руанда, Сент-Китз и Невис, Сент-Винсент и Гренадина, Сан-Томе и Принсипи, Сейшельские острова, Сирия, Таджикистан, Тонго, Тунис, Туркменистан, Объединенная Республика Танзания, Вьетнам и Зимбабве.

Как выяснилось позднее, Иран голосует «за».

Как передает АПА, не принявший участия в голосовании по резолюции «Об оккупированных территориях Азербайджана», Иран направил официальное письмо в ООН, в котором сообщил, что голосует за данный документ. Такую информацию обнародовал посол Азербайджана в ООН Агшин Мехтиев.

На самом деле безотносительно ко всем оговоркам и малоубедительным возражениям, политическая ценность принятой резолюции определяется тем, что на уровне самой главной международной организации зафиксированы противоправные реалии нагорно-карабахской проблемы. В будущем по нему можно будет проводить новые голосования и тем самым отслеживать динамику роста интереса к проблеме со стороны мирового сообщества.

Генеральная Ассамблея в указанном документе поддержала усилия Минской группы ОБСЕ по урегулированию конфликта, призвала другие организации и отдельные страны содействовать мирному решению данной проблемы. Однако сами члены Минской группы (Россия, США и Франция) проголосовали против принятия новой резолюции. Объяснения и мотивировка их действий вызвали удивление и возмущение Баку, поскольку ее текст был разработан на основе концепции разрешения конфликта, которую сопредседатели не раз предлагали сторонам.

В совместном заявлении, выпущенном МИД России от имени МГ ОБСЕ, говорится об одностороннем характере резолюции, несвоевременности и контрпродуктивности такого шага азербайджанской стороны.

В комментариях азербайджанского МИДа, напротив, утверждается, что новый документ ООН «послужил прояснению ситуации». «Азербайджан больше не намерен двигаться в темноте. Всем должно быть ясно, что для Азербайджана приемлемое решение конфликта только на основе принципа территориальной целостности», – подчеркнул замглавы МИДа Араз Азимов.

Принятие нового документа вовсе не означает намерение Азербайджана сменить формат переговоров. «В резолюции, наоборот, звучит поддержка деятельности Минской группы. ООН же является международным универсальным органом, где могут рассматриваться любые вопросы. Поставив эту резолюцию на голосование, мы не принизили чью-то роль. Деятельность Минской группы ОБСЕ должна быть продолжена, и я считаю, что в этот процесс должны включиться также другие страны – члены Минской группы», – резюмировал представитель азербайджанского МИДа. Он также не исключил внесения некоторых корректив в отношении Азербайджана со странами – сопредседателями МГ ОБСЕ.

В специальном заявлении внешнеполитического ведомства Азербайджана говорится, что данная своевременная и конструктивная резолюция поддерживает баланс, основанный на нормах и принципах международного права. Она же обеспечивает право населения Нагорного Карабаха на самоуправление в рамках территориальной целостности государства, частью которого является данная территория. Документ подтверждает право вынужденных переселенцев на возвращение в родные места и содержит требование о выводе оккупационных войск из всех оккупированных территорий Азербайджана.

Параллельно МИД Азербайджана конкретизировал свое отношение к проекту документа, подготовленного сопредседателями МГ ОБСЕ. «Мы заявляем, что данный проект содержит больше противоречий и неразрешенных вопросов, чем ясности, и данные вопросы являются особо важными. Баку принял к сведению поддержку территориальной целостности Азербайджана, выраженную сопредседателями, и надеется, что они будут придерживаться своего заявления и учтут позицию международного сообщества, выраженную в принятой резолюции, при работе над проектом основных принципов», – говорится в документе.

Условия для Азербайджана после принятия этой резолюции изменились, однако страна продолжит работу с сопредседателями МГ ОБСЕ. В то же время сопредседателям дали понять, что они не обладают монополией на решение карабахской проблемы.

Что же касается Армении, то все ее попытки в ООН привлечь на свою сторону больше сторонников не увенчались успехом. Кроме тройки МГ ОБСЕ, ведущей собственную игру, против проголосовали Индия, Ангола и тихоокеанское островное государство Вануату. В стремлении предотвратить неизбежное голосование представитель Армении на заседании Генассамблеи даже использовал некорректные термины и продемонстрировал неадекватную реакцию. Теперь не останется ничего, кроме как пугать мировую общественность коллапсом переговоров, возможностью новой войны и произносить клятвы о приверженности плану МГ ОБСЕ. Это уже успел сделать министр иностранных дел Вардан Осканян в пространным интервью армянским СМИ. Однако, как известно по

высказываниям самих сопредседателей, разночтения к предложенным принципам есть у обеих сторон.

Американский сопредседатель Минской группы ОБСЕ Мэтью Брайза поспешил успокоить Баку заявлением, что вне зависимости от того, что происходит в ООН, все должны знать, что Вашингтон и Баку тесно сотрудничают друг с другом. По его словам, Минская группа ОБСЕ разработала комплекс принципиальных предложений по разрешению карабахского конфликта, который «должен привести к возврату территорий Азербайджану и возвращению беженцев. Он предусматривает также коридор, соединяющий Карабах и Армению, и присутствие международных миротворцев». Он упомянул, что посредники работают над организацией новой ознакомительной встречи президента Азербайджана Ильхама Алиева и новоизбранного главы Армении Сержа Саркисяна, которая может пройти в рамках саммита НАТО в Бухаресте в начале апреля. По мнению американцев, «на повестке дня – принципиально новые предложения, которые лягут в основу мирного договора, способствующего процветанию региона».

На самом деле настойчивая позиция Азербайджана пришлась не по нраву многим и, в первую очередь, штатным защитникам Армении. Это понятно, поскольку Армения тем самым получила международное осуждение своей позиции. В самом названии резолюции, в ее пунктах фиксируется факт оккупации азербайджанских земель армянской армией. Вместе с тем необходимо знать принципы устройства ООН и голосования в Генеральной Ассамблее и особенности реакции ста воздержавшихся стран. Эти государства были вынуждены это сделать в связи с политической конъюнктурой, но они своим молчанием, по сути дела, подтвердили территориальную целостность Азербайджана.

Страны, которые голосовали против (Армения, Россия, Франция и США, а также островное тихоокеанское государство) – само по себе свидетельство поражения противников инициативы АР. При этом обращает на себя внимание то, что члены Минской группы за свою многолетнюю деятельность по урегулированию армяно-азербайджанского, нагорно-карабахского конфликта не выпустили ни одного документа деятельности в той или иной форме. Минской группе, похоже, «несправедливым» кажется территориальная целостность Азербайджана, вывод войск с оккупированных территорий, мирное решение карабахской проблемы. Только так можно объяснить их понимание сути процессов и складывающейся ситуации в регионе. Россия, Франция и США своей позицией еще раз подтвердили, что они на стороне агрессора.

Итак, долгожданное решение Генеральной Ассамблеи ООН состоялось. Его положительное значение для Азербайджана трудно преуменьшить. В документе подтверждена законность и актуальность всех резолюций Совета Безопасности ООН, принятых в 1993 году, в самый разгар

военных действий. Это очень важное напоминание о том, что на самом деле имеет место противостояние не просто конфликтующих сторон, а противостояние инициатора и жертвы конфликта. Генассамблея заявила о безусловной поддержке суверенитета и территориальной целостности АР и потребовала полного и безоговорочного вывода всех армянских сил с оккупированных территорий. Генеральная Ассамблея выразила поддержку миротворческой миссии Минской группы ОБСЕ.

Что же вызвало отрицательную реакцию главных переговорщиков по Карабаху? Ущемление прав и интересов его армянской общины? Вовсе нет. Резолюция однозначно признает необходимость обеспечения нормальных, безопасных и равных условий жизни армян и азербайджанцев в регионе.

Какое же решение МГ считает продуктивным? Их проект предусматривает возврат территорий Азербайджану, возврат беженцев и установление коридора, соединяющего Карабах и Армению. То, что члены МГ называют «коридором», это Лачинский район Азербайджана. У Нагорного Карабаха нет и никогда не было внешних границ с сопредельной Арменией. Значит, для того, чтобы Нагорный Карабах обрел «суверенитет», потребовался захват приграничных густонаселенных районов Азербайджана. В настоящее время оккупированные районы усиленно заселяются армянами, чуть ли не из Центральной Азии. Стало быть, это и есть мотив негативной реакции? Однако такая реакция не помогает справедливому решению проблемы, а скорее, усугубляет ее.

Трезво оценивая значение и возможные последствия принятия резолюции Генассамблеей ООН, следует отметить ее политическую и моральную ценность. Как известно, решение Генеральной Ассамблеи ООН на самом деле носит рекомендательный характер. Любая из стран-участниц Совета Безопасности может наложить вето на попытки ООН прямо воздействовать на ход того или иного конфликта. Но данный документ ориентирует мировое сообщество на справедливое урегулирование карабахского противостояния, длящегося более 20 лет, и на тот факт, насколько сложны и противоречивы сопряженные с ним обстоятельства переговорного процесса и интересы многих влиятельных международных основных игроков. А это значит, что исход конфликта будет определяться не только международным правом, но и международной политической конъюнктурой, геополитическими интересами в общем раскладе Черноморско-Каспийского региона.

В СМИ Азербайджана поступило заявление сопредседателей Минской группы ОБСЕ. В документе говорится следующее:

«Сопредседатели Минской группы ОБСЕ (Юрий Мерзляков (Россия), Бернард Фасье (Франция) и Майк Карпентер – советник представителя США Мэтью Брайзы) провели встречу 14 марта в Вене с министром иностранных дел Армении Варданом Осаняном и 15 марта в Париже с

министром иностранных дел Азербайджана Эльмаром Мамедъяровым.

После этих встреч сопредседатели Минской группы ОБСЕ вновь напоминают о том, что было не раз заявлено до принятия резолюции «О ситуации на оккупированных территориях Азербайджана» Генеральной Ассамблеей ООН: Франция, Россия и США поддерживают территориальную целостность Азербайджана и не признают независимости Нагорного Карабаха, отмечая при этом, что вопрос будущего статуса Нагорного Карабаха является пунктом переговоров между сторонами.

Сопредседатели Минской группы ОБСЕ остаются уверены в том, что любое мирное и справедливое решение конфликта потребует неизбежных компромиссов от обеих сторон.

Сопредседатели подчеркивают острую необходимость возобновления переговоров после паузы, вызванной президентскими выборами в Армении. В связи с этим сопредседатели выражают удовлетворение подтверждением обоими министрами иностранных дел необходимости продолжить дискуссии между сторонами.

Сопредседатели предложили обоим министрам организовать первую встречу между лидерами Азербайджана и Армении в кратчайшие сроки.

Сопредседатели выражают свою искреннюю надежду на то, что эта встреча, принятая принципиально с обеих сторон, состоится и приведет к возобновлению переговоров о мирном урегулировании нагорно-карабахского конфликта на основе документа о базовых принципах мирного урегулирования нагорно-карабахского конфликта, представленного сторонам 29 ноября 2007 года в Мадриде перед открытием Совета министров стран ОБСЕ».

Очередной цикл переговорного процесса урегулирования армяно-азербайджанского конфликта следует, видимо, ожидать после очередных выборов президента Азербайджана в октябре 2008 года.

Конфликт в Абхазии и Южной Осетии

Как говорилось выше, одним из факторов, способствовавших падению президента Шеварднадзе, была нерешенность абхазского и южно-осетинского вопросов. Клеймо сухумского позора легло печатью на все правление прежнего грузинского лидера. Ведь многим было памятно бегство Шеварднадзе из осажденного абхазцами Сухума в 1993 году, разгром грузинских войск и пленение практически всего состава грузинского правительства Абхазии.

Вновь дала о себе знать этно-конфессиональная проблематика в 2003 году на фоне ухудшающейся экономической и политической ситуации в Грузии. Помимо Абхазии и Южной Осетии, активнее требовать самостоятельности стало население Аджарии и Джавахетии.

Восстановление территориальной целостности страны стало одним из козырей предвыборной программы Михаила Саакашвили. Создав

фактически карманный парламент, новый лидер республики сделал попытку начать «собираение грузинских земель». Первым шагом на этом пути стало реформирование грузинской армии по натовским образцам, ее наращивание, перевооружение и обучение американскими военными специалистами.

Аджария покорилась достаточно быстро. 5 мая 2004 года Батуми признал над собой суверенитет Тбилиси. «Падение» Батуми нанесло сильнейший урон авторитету России не только в Грузии, но и в целом регионе.

Думается, российская дипломатия на том этапе не учла значения двух факторов морально-политического порядка.

Во-первых, на Кавказе понятию дружбы придают не только политико-дипломатическое значение, но и более расширительно – человеческое, в котором перевешивают кавказские представления о верности, чести, благородстве и т.д. То, как Абашидзе, лучший друг Москвы на Южном Кавказе, превратился в эмигранта, ввело в состояние шока многих в Батуми, Тбилиси и даже Баку, где аджарцев исторически рассматривают как этнически родственный народ. Во-вторых, за исторически короткий срок, начиная с Горбачева, все три южнокавказские республики испытали те или иные формы давления со стороны России, которые отложились в исторической памяти народов как свидетельства измены вековой дружбе, а у простых людей, продолжающих питать ностальгические чувства к советским временам, как склонность к предательству общих интересов. История с Аджарией, утратившей реальную автономию, только усилила недоверие к политике Москвы, которая, по мнению некоторых наблюдателей, «сдала» А.Абашидзе в результате закулисного сговора с американцами. Подобные суждения являются часто плодом политического вымысла, но они накладываются на благодатную, хорошо взрыхленную ошибочным курсом почву межгосударственных отношений, подчеркивая расхожее мнение о слабости Москвы.

Однако аналогичные действия грузинской власти в отношении Абхазии и Южной Осетии не принесли желаемого результата. В конце весны – начале лета 2004 года Тбилиси попытался осуществить силовой сценарий в отношении Цхинвала. 31 мая в зону грузино-осетинского конфликта, где имели право находиться лишь миротворческие силы, были передислоцированы грузинские войска, оснащенные тяжелой военной техникой. С этого момента берет начало длительный период взаимных грузино-осетинских военных вылазок, обстрелов приграничных населенных пунктов, дипломатических демаршей и маневров, закончившихся в конечном итоге для Грузии полным фиаско. Политические маневры вокруг Южной Осетии были со стороны Тбилиси обильно приправлены постоянно звучащими обвинениями в адрес России, которая

«всячески поддерживала сепаратистов».

В середине августа 2004 года Тбилиси и Цхинвал при посредничестве России заключили соглашение о прекращении огня, которое было нарушено буквально на следующий день. При этом обе стороны конфликта практически одновременно заговорили о «третьей силе», которая якобы провоцирует обострение противостояния. Однако тогда большой войны удалось избежать.

В середине июля 2006 г. парламент Грузии принял резолюцию, требующую вывода российских миротворческих сил из Абхазии и Южной Осетии. В ответ на это парламент Абхазии призвал международное сообщество, в том числе Россию, «незамедлительно начать процесс официального признания независимости Республики Абхазия», а также решил обратиться к ООН, ОБСЕ и другим международным организациям с просьбой «пресечь милитаристские планы грузинского руководства».

25 июля 2006 г. подразделения грузинских вооруженных сил и МВД были введены в Кодорское ущелье. Ущелье это составляет более трети территории Абхазии. Контролировалось оно местными вооруженными сванскими формированиями (батальон «Монадире») во главе с Эмзаром Квициани, отказавшимся подчиниться требованию тогдашнего министра обороны Грузии И.Окруашвили сложить оружие.

В результате спецоперации, проходившей в течение лета-осени 2006 года, Грузия восстановила контроль над Кодорским ущельем. 27 сентября 2006 года, в День памяти и скорби, указом президента Грузии Кодори был переименован в Верхнюю Абхазию, а в селе Чхалта на территории ущелья было размещено так называемое «законное правительство Абхазии» в изгнании²⁰.

В начале 2008 года президент Абхазии Сергей Багапш вновь заявил, что для международного признания его края есть все основания и, в первую очередь, правовые. «Обращаясь к международному сообществу, не приходится ожидать скорейшего положительного решения нашего вопроса, такие обращения были сделаны и раньше», – отметил президент. «Мы будем добиваться признания нашей независимости. Это может произойти не сегодня или завтра, поскольку трудно проанализировать ситуацию в складывающейся международной обстановке, но это может произойти в течение месяца, или в течение года-двух. Но эти обращения пойдут, и какой будет результат – покажет время», – подчеркнул Багапш²¹.

Ответ из Тбилиси на эти слова главы непризнанной республики последовал незамедлительно. Грузия «в период второго срока президент-

²⁰ Википедия (Интернет-энциклопедия). http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D1%80%D1%83%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D0%BE-%D0%B0%D0%B1%D1%85%D0%B0%D0%B7%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D1%82

²¹ Новости стран СНГ и Балтии // ИТАР-ТАСС. 27 февраля 2008 г.

ства Михаила Саакашвили обязательно восстановит территориальную целостность страны», – заявил глава МИД Давид Бакрадзе, выступая в прямом эфире тбилисской телекомпании «Рустави-2». «Мы твердо выступаем за мирное урегулирование абхазского и югоосетинского конфликтов в рамках международно признанных границ Грузии», – сказал он. «У нас есть четкий план и программа действий по восстановлению территориального единства страны, и мы обязательно реализуем этот план», – подчеркнул Бакрадзе²².

Слова официального Тбилиси были подкреплены весомыми аргументами – в районах, граничащих с Абхазией, по данным абхазских властей, оказалось сосредоточено до 12 тыс. человек. Подготовлено было также до 70 тыс. резервистов.

В начале мая 2008 года официальные представители Сухума напрямую заговорили о возможности грузинского вторжения, а глава МИД непризнанной республики заявил, что Абхазия готова передать свою территорию под военный контроль РФ.

29 и 30 июня в Сухуме и Гаграх произошли теракты. С 1 июля 2008 года власти Абхазии, чтобы обеспечить безопасность отдыхающих, закрыли границу с Грузией.

«Мы считаем, что взрывы в Гаграх и в Сухуме – это звенья одной цепи. Мы не исключаем, что эти однотипные преступления совершены одной и той же группой лиц или лицом. По всей вероятности, ими руководит одна и та же организация или лицо», – сказал пресс-секретарь генерального прокурора Абхазии Генри Гамисония. Кроме того, Гамисония отметил, что правоохранительные органы непризнанной республики усматривают во всех взрывах «грузинский след»²³.

Сейчас сложно судить, насколько серьезными и доказательными были эти обвинения, очевидно одно – теракты, помимо чисто психологического, имели и экономический эффект. Удар был нанесен по туризму – основной статье пополнения бюджета непризнанной республики. Общий поток туристов из России в Абхазию летом 2008 года снизился более чем на треть.

По словам министра иностранных дел Абхазии Сергея Шамбы, взрывы должны были показать мировому сообществу несостоятельность также и российских миротворцев. При этом Шамба подтвердил, что между Абхазией и Южной Осетией существует договоренность об оказании военной взаимопомощи²⁴. Грузия же обвинила в организации терактов... Россию.

²² Новости стран СНГ и Балтии // ИТАР-ТАСС. 27 февраля 2008 г.

²³ Ньюсру.ком. 1 июля 2008 г. <http://www.newsru.com/world/01jul2008/prokuratura.html>

²⁴ «Независимая газета», 7 июля 2008 г.

Нарастание напряженности в зоне грузино-абхазского конфликта начало вызывать беспокойство не только в РФ, но и на Западе. В результате к его урегулированию подключились Германия и Франция (председательствующая тогда в ЕС). Министр иностранных дел Германии Штайнмайер в Тбилиси, Сухуме и Москве представил трехэтапный план грузино-абхазского урегулирования. Первое, что предусматривалось планом, – подписание соглашения о неприменении силы и начало возвращения беженцев в Абхазию. На втором этапе предполагалось провести восстановительные работы и экономическую реабилитацию Абхазии (задачу сбора средств Германия готова была взять на себя). После этого должны были начаться переговоры о политическом статусе Абхазии.

Но обе конфликтующие стороны увидели в германском плане ущемление своих интересов. Не лишен он был серьезных недостатков и с точки зрения Москвы и Вашингтона.

Тбилиси посчитал, что план должен быть «усилен». В частности, соглашение с Абхазией о неприменении силы грузинское руководство не намерено было подписывать, мотивируя тем, что это может трактоваться как отказ от суверенитета над Абхазией, так как обязательство коснется не только армейских, но и полицейских и других сил обеспечения правопорядка. Кроме того, в плане Штайнмайера ничего не говорилось о российских миротворцах, вывода которых требовала Грузия. Обязательным условием для начала переговоров в Тбилиси считали возвращение беженцев с предоставлением им международных гарантий безопасности.

В Сухуме недовольны были тем, что никаких обязательств по выводу грузинских вооруженных сил из Кодорского ущелья план не предусматривал, и в нем почти не были учтены интересы Абхазии. Высказывались также опасения, что выделяемые средства на восстановление республики поступать будут сначала в Тбилиси, и уже грузинские власти будут определять, как, где и кому их расходовать. Кроме того, Абхазия ни под каким предлогом не намеревалась входить в состав Грузии.

Вторжение в Абхазию, путем в том числе и международных усилий, было предотвращено. Однако Грузия в проигрыше не осталась. Тбилиси, еще в феврале 2008 года отказавшийся от участия в работе Смешанной контрольной комиссии по урегулированию, стал требовать введения в ее состав представителей ОБСЕ и ЕС, а также Д.Санакоева, главы так называемого «правительства Южной Осетии». Дело при этом представлялось так, что абхазскую и южноосетинскую проблемы невозможно было решить только из-за России, с которой маленькой демократической Грузии без военной и политической помощи США и НАТО никак не справиться.

Весомость грузинским акциям придал демонстративный визит госсекретаря США Кондолизы Райс в Тбилиси 9 июля, безоговорочно поддер-

жавшей Саакашвили и фактически обвинившей в нагнетании напряженности в зоне конфликтов... российские власти, поддерживающие сепаратистов. Чуть позднее официальные представители Госдепартамента США Шон Маккормак и НАТО Д.Аппатурай почти одинаковыми словами заявили о том, что действия Москвы на Южном Кавказе «поднимают вопросы относительно роли России как миротворца и посредника на переговорах по урегулированию конфликтов». России, если она «не прекратит агрессивную политику в отношении Грузии», угрожали дестабилизацией обстановки в Чечне, Ингушетии, Дагестане и Кабардино-Балкарии.

Все вышеперечисленные заявления смахивали на открытый шантаж. Заявление сделал и МИД Грузии в связи с началом 15 июля военных учений Северо-Кавказского военного округа, на которых, среди прочих, отработывалась и задача проведения в случае необходимости спецопераций по «принуждению к миру». Одновременно в самой Грузии начались «странные», иначе не назовешь, учения с многозначительным названием «Немедленный ответ», в которых число американских участников чуть ли не в два раза превышало представительство хозяев. Учения полностью финансировались Пентагоном – только на боеприпасы и оснащение войск выделено было 8 млн. долларов.

2008 год стал фактически рубежным для Южной Осетии. Летом Тбилиси начал операцию по практическому присоединению непокорного анклава к Грузинской Республике. Сначала он увеличил до 24 количество незаконных блок-постов в зоне конфликта. Сами грузины признавали лишь факт занятия ими Сарабукской высоты, где было развернуто строительство мощного укрепленного пункта. Здесь, отмечали СМИ, была размещена элитная часть армии Грузии, полностью укомплектованная бойцами, прошедшими службу в составе коалиционного контингента в Ираке²⁵. Позже, по данным осетинской стороны, Грузия подтянула к зоне конфликта тяжелую технику и около 8 тыс. солдат и офицеров²⁶. В некоторых районах Южной Осетии позже были зафиксированы боестолкновения с применением грузинами артиллерии и минометов, а также авиации. С грузинской стороны был открыт гаубичный огонь по осетинским селам Дмениси и Убиат. Официальный Тбилиси при этом заявлял, что военные действия спровоцированы сепаратистами, а он лишь защищает своих граждан.

В ответ осетины объявили всеобщую мобилизацию. Однако позже приостановили ее и обратились с призывом к новому президенту России Дмитрию Медведеву, мировому сообществу и международным посредникам «спасти осетинский народ от очередного геноцида»²⁷.

²⁵ «Коммерсантъ», 7 июля 2008 г.

²⁶ «Новые известия». 7 июля 2008 г.

²⁷ «Независимая газета». 7 июля 2008 г.

Во второй половине июля 2008 года обстрелы грузинскими войсками осетинских сел приняли регулярный характер. Причем в отдельных районах по целям работали грузинские снайперы.

Россия попыталась урегулировать разрастающийся конфликт путем переговоров, однако ее усилия провалились, поскольку Грузия потребовала расширения переговорного формата (контакты велись на уровне госминистра Грузии по реинтеграции Темура Якобашвили и посла по особым поручениям МИД РФ Юрия Попова)²⁸.

В начале августа были зафиксированы первые крупные столкновения. 2 августа в перестрелке погибло шесть южноосетинских военнослужащих, с грузинской стороны ранения получили 9 человек²⁹. 6 августа, по сообщениям ИТАР-ТАСС, минометному обстрелу была подвергнута столица непризнанной республики – Цхинвал³⁰. В свою очередь Тбилиси обвинил «осетинских сепаратистов» в нанесении ударов по приграничным грузинским населенным пунктам – Эредеви, Приси, Авневи, Двани и Нули³¹.

«Мы готовы прекратить попытки аннексии нашей территории, и мы их не только прекратим, а если грузинская сторона не выведет все свои вооруженные формирования, то... мы начнем их вычищать», – заявил президент Южной Осетии Эдуард Кокойты³².

Нагнетание политической и военной напряженности вокруг Южной Осетии рано или поздно должно было закончиться масштабным взрывом. К такому выводу подталкивала логика развития событий. Взрыв этот произошел 8 августа, когда Грузия открыла против Южной Осетии боевые действия – начался штурм столицы непризнанной республики Цхинвала.

Почему Саакашвили выбрал именно этот день? Здесь большинство экспертов единодушны: грузинский президент подгадал начало операции под время открытия Олимпийских игр в Пекине. Расчет грузинского лидера в данном случае был прост – внимание мировых СМИ будет отвлечено спортивным праздником, и новый осетино-грузинский кризис не вызовет, таким образом, должного международного резонанса.

Буквально накануне войны была распространена «усыпляющая» информация о якобы предстоящей встрече грузинской и осетинской сторон, а сам Саакашвили выступил с заведомо нереализуемой инициативой о предоставлении широкой автономии Южной Осетии.

Возможно, планы Тбилиси и реализовались бы в полной мере, если бы не жестокость, с которой грузинские войска начали действовать в

²⁸ <http://www.newsru.com/world/07aug2008/nedogovor.html>

²⁹ <http://www.newsru.com/world/06aug2008/obstrel2.html>

³⁰ <http://www.newsru.com/world/07aug2008/fire.html>

³¹ Грузия online. 7 августа 2008 года. <http://www.apsny.ge/news/1218125574.php>

³² Цит. по: *Македонов Л.* Южная Осетия готова к зачистке // «Газета.Ru.», 7 августа 2008 г. http://www.gazeta.ru/politics/2008/08/07_a_2803648.shtml

Цхинвале. Сначала город был подвергнут бомбардировкам, потом в него ринулась грузинская пехота. К середине дня 8 августа 70% Цхинвала, где не осталось практически ни одного целого дома, находились в руках грузинских войск. От рук солдат за два с небольшим дня погибло более тысячи осетин, а свыше 30 тыс. стали беженцами³³. Кроме того, грузинские части нанесли удар по базам российских миротворцев в Южной Осетии, в результате которого погибло 15 российских солдат.

Россия некоторое время медлила с ответными действиями. По всей видимости, это было связано с тем, что оба наши руководителя отсутствовали на рабочих местах – Путин был на открытии игр в Пекине, Медведев находился в отпуске. Нельзя сбрасывать со счетов и того, что Москва до последнего верила в мирный исход противостояния, полагая, что Саакашвили не решится пролить кровь «грузинских граждан». 16 часов промедления обернулись трагедией для Южной Осетии.

После этого в направлении Цхинвала выдвинулись части 58-й армии. Вскоре они через Рокский тоннель достигли зоны боевых действий и нанесли удар по грузинским позициям. Началась операция по принуждению Грузии к миру.

Сразу оговоримся, что российские войска не вели полномасштабных боевых операций, а лишь подавляли огневые точки грузинских войск, препятствуя тотальному уничтожению населения Цхинвала. 10 августа грузинские части были оттеснены от столицы Южной Осетии, а российские войска перешли границу непризнанной республики и заняли подступы к ней на грузинской территории, в Гори. Одновременно в атаку перешли абхазские формирования, установившие контроль над Кодорским ущельем. Грузинские войска покинули этот плацдарм фактически без боя.

Параллельно с этими событиями в период с 8 по 10 августа по вопросу кризиса в Южной Осетии дважды собирался СБ ООН. Однако он так и не смог выработать приемлемого, устраивающего все стороны решения. В ходе дебатов в ведущем международном органе Россия настаивала на принятии такого варианта резолюции, который не только призывал бы стороны к прекращению огня, но и констатировал бы нарушения «соглашения, которые позволяли сохранять мир в регионе конфликта на протяжении последних четырнадцати лет»³⁴.

США не поддержали предложения России. Вообще позиция Америки по кризису в Южной Осетии была сформулирована предельно четко. Государственный секретарь Кондолиза Райс призвала Россию «прекратить воздушные и ракетные атаки на Грузию, уважать грузинскую тер-

³³ <http://www.newsru.com/russia/10aug2008/gertvy.html>

³⁴ *Артемов А.* Дипломатическое мычание // Газета.Ru. 11 августа 2008 г. http://www.gazeta.ru/politics/2008/08/09_a_2806030.shtml

риториальную целостность и вывести подразделения сухопутных войск с территории Грузии».

О том же говорили, встретившись на открытии Олимпийских игр в Пекине, президент США Джордж Буш и премьер-министр РФ Владимир Путин. Итогом их переговоров стала просьба американской стороны уважать грузинский суверенитет. «Я хочу подчеркнуть от имени президента, что США поддерживают территориальную целостность Грузии», – заявила официальный представитель Белого дома Дана Перино³⁵.

12 августа на основе доклада, представленного Министерством обороны, президент РФ Дмитрий Медведев принял решение о прекращении военной операции по принуждению Грузии к миру, цель которой, по его словам, была достигнута. Однако Грузия заявила, что ей для прекращения военных действий недостаточно одностороннего заявления России. Тбилиси желал видеть лишь подписанное всеми сторонами конфликта полноценное мирное соглашение.

На следующий день в Москву прибыл президент Франции Николя Саркози. В ходе его встречи с российским лидером был выработан план мирного урегулирования, основанный на шести принципах. Первый: отказ от применения силы в зоне конфликта, второй – окончательное прекращение всех военных действий, третий – свободный доступ к гуманитарной помощи, четвертый – возвращение вооруженных сил Грузии в места их постоянной дислокации, пятый – вывод вооруженных сил РФ на линию, предшествующую началу боевых действий, шестой – начало международного обсуждения будущего статуса Южной Осетии и Абхазии и путей обеспечения их прочной безопасности.

По завершении московской миссии Саркози поспешил с планом в Тбилиси, где ознакомил с ним Саакашвили. Грузия приняла проект мирного урегулирования, за исключением последнего пункта, который пришлось изменить. Из текста были изъяты слова о международном обсуждении будущего политического статуса Абхазии и Южной Осетии, и сделан акцент на международных переговорах с целью обеспечения стабильности и безопасности в конфликтных регионах Грузии³⁶.

Такой усредненный вариант документа был подписан всеми сторонами конфликта, и Россия начала вывод своих войск с территории Грузии.

8 сентября 2008 года шесть вышеозначенных пунктов плана были дополнены еще тремя (их президент Медведев и представители Евросоюза – Н.Саркози, председатель Еврокомиссии Ж.М.Баррозу и верховный комиссар ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности

³⁵ *Артемов А.* Дипломатическое мычание // Газета.Ru. 11 августа 2008 г. http://www.gazeta.ru/politics/2008/08/09_a_2806030.shtml

³⁶ <http://www.newsru.com/world/13aug2008/soglasen.html>, 13 августа 2008 г.

Х.Солана – согласовали в ходе переговоров, прошедших в Подмосковье). Они касались развертывания в конфликтной зоне миссии международных наблюдателей (200 человек), ответственной за поддержание мира между Грузией и ее отколовшимися анклавами, и обещаний Тбилиси не применять силу в отношении Абхазии и Южной Осетии.

Вторжение грузинской армии в Южную Осетию с его трагическими последствиями для мирного населения этой непризнанной республики и последовавшая за ним операция Российской армии по принуждению Грузии к миру – события, которые затрагивают не только непосредственных участников этих событий, но и внешние, как их принято называть, центры силы, и влекут за собой долговременные и многоплановые последствия. Многие хотели бы даже рассматривать их как не прямое военное столкновение России и США. Во всяком случае, можно говорить о конфликте интересов Москвы и Вашингтона на Южном Кавказе.

Резкое обострение военно-политической ситуации в зоне конфликтов Грузии с Абхазией и Южной Осетией, наблюдавшееся весной-летом 2008 года, обернувшееся, в конечном итоге, полномасштабной войной, никак нельзя назвать спонтанным. Обращает на себя внимание как синхронность развития опасных событий в обеих зонах, так и обозначившаяся ставка на силу, камуфлируемая заверениями М.Саакашвили о том, что грузинские власти «не начнут войны против собственных граждан» (давно ли усилиями России были остановлены такие войны?), и сопровождаемыми, как обычно, обвинениями Москвы в агрессивных намерениях, в аннексии грузинских территорий.

Создается впечатление вполне продуманных и спланированных акций, хорошо обеспеченных в информационном отношении и пользующихся поддержкой Соединенных Штатов, которые окончательно отошли от роли беспристрастного судьи и открыто встали на сторону Тбилиси.

Грузия важна не сама по себе, а, прежде всего, как наиболее удобный опорный район, как стратегически важный, ключевой и многофункциональный плацдарм, используемый США в экспансионистских (распространение своего влияния на весь Кавказ, Центральную Азию и далее – в восточном направлении), энергетических и военно-стратегических планах. Это и Большой Ближний Восток, во многих странах которого американцы укрепились «всерьез и надолго». Это и Иран (не говоря уже об использовании территории Грузии в случае развертывания Вашингтоном военных действий против этой страны, военное присутствие США в Грузии является серьезным сдерживающим фактором для Тегерана). Это и дальнейшая экспансия в Центральную Азию, которая в «матримониальных» планах Вашингтона выдвигается на первый план. Это, наконец, надежная опора в охватывающей Россию связке «новых демократий», которая выстраивается США последние десятилетия и которая уже протянулась от Балтики

до Каспия и, по всей видимости, будет продолжена вплоть до Забайкалья.

Попутно своей позицией в отношении Грузии республиканская администрация пыталась продемонстрировать твердость и бескомпромиссность в защите национальных интересов США. В Ираке и Афганистане они прочно увязли без видимых надежд на скорый успех, в ближневосточном урегулировании за последние годы сделан даже шаг назад. Грузия же явилась удобным поводом поднять свой авторитет в глазах избирателей накануне президентских выборов. И одновременно показать президенту Д.Медведеву, кто есть истинный хозяин положения на Южном Кавказе и в прилегающих районах.

«Грузинский фактор» также активно используется Вашингтоном для консолидации союзников по НАТО, в том числе для того, чтобы ускорить прием в НАТО Грузии и Украины. Это, помимо всего, широко откроет дверь в НАТО для остальных стран СНГ Южного Кавказа, Центральной Азии и других, обеспечит политическую и военную изоляцию России.

Вооруженная авантюра Саакашвили, приведшая к гибели мирных граждан Южной Осетии и российских миротворцев, не говоря уже о военных потерях обеих сторон, заставляет задаться вопросом: действительно ли США держат под контролем поведение грузинского лидера? Или новая война в Южной Осетии стала еще одним доказательством несовершенства внешнеполитических методов американской администрации – наряду с фактическим фиаско в Ираке, непродуманной политикой в Афганистане, непредсказуемой ситуацией в Пакистане, возросшей нестабильностью в зоне арабо-израильского урегулирования, балканскими событиями, включая отторжение Косово и признание его независимости?

Никто из американских и западных политиков не пытался признать связь между «прецедентом Косово», этим «ящиком Пандоры», и обострением ситуации с непризнанными республиками Южного Кавказа летом 2008 года. Никто из них не пытался хотя бы «пожурить» Саакашвили, политика которого в отношении России и отколовшихся территорий отличалась цинизмом, провокационными заявлениями, попытками столкнуть лбами Россию с западными странами. И уж тем более никто не пытался вспомнить начало 1990-х годов, когда Россия, сама находящаяся тогда в очень сложном положении, пришла на помощь народам Грузии, и что ситуация с той же Южной Осетией была доведена до кровопролития с массовой гибелью мирного населения в основном усилиями властей Тбилиси.

Придя к власти в 2004 году, М.Саакашвили главным приоритетом своей политики сделал «восстановление территориальной целостности» Грузии. Ничего плохого в этом не было бы, тем более, что и официальные

власти России все эти годы признавали территориальную целостность Грузии, подчеркивая при этом, что быстро эти конфликты, после кровавых событий начала 1990-х годов, не решить. Но беда в том, что Саакашвили с самого начала взял курс на силовое решение проблемы (что, кстати, сразу же поставило в сложное положение миротворческий контингент России в регионе), одновременно обвиняя Россию в поддержке сепаратистских режимов и в проведении антигрузинской политики.

Относительно быстрый и легкий успех со «строптивой» Аджарией, похоже, укрепил его веру в эффективность силового «метода» и способствовал тому, что Саакашвили, в ущерб социальным программам и экономике, основные усилия сосредоточил на реформировании, перевооружении и целенаправленной подготовке к войне с «сепаратистами» грузинской армии и при финансовой и политической поддержке США достиг в этом определенных успехов, что, по-видимому, и дало ему основание пообещать грузинскому народу, что в 2008 году грузинские беженцы вернутся в свои дома.

Вероятно, определенную роль в выборе и реализации этого курса сыграла вашигтонская администрация, представители которой постоянно твердят, что Грузия – достойный пример для стран, становящихся на путь демократии. Однако тут же возникает вопрос – может ли демократическая страна решать свои внутренние проблемы, применяя танки и «Грады» против своих же граждан (а именно так рассматривается в Тбилиси население «мятежных» республик)?

Грузия, конечно же, имела шанс решить свои территориальные проблемы мирно. Но для этого требовались длительные и трудные политические переговоры, требовалось, чтобы страна стала действительно демократической и экономически развитой, привлекательной для населения Южной Осетии и Абхазии. Но этого не произошло. Был взят курс на всестороннюю изоляцию «сепаратистских» республик, их экономическое удушение, от которого в первую очередь страдало мирное население, курс на войну. Действия правительства Саакашвили все больше стали напоминать поступки бездумного националиста З.Гамсахурдия. К моменту вторжения на границах с Южной Осетией было сосредоточено около десятка бригад грузинской армии, создан внушительный наступательный «кулак». Осуществлялась и соответствующая подготовка мирового общественного мнения, призванная выставить Грузию не защитником, а объектом «российской агрессии».

Просчитывалась, конечно, и реакция Кремля. Россия была поставлена в такое положение, что не могла не вмешаться, чтобы защитить своих миротворцев, которые стали одним из первых объектов нападения (кстати, со стороны своих грузинских «коллег» по миротворческому контингенту) и понесли большие потери, защитить жизни российских граждан, предотвратить еще большее кровопролитие.

Как писали западные СМИ, «действия России в Грузии многих шокировали». Их всеми силами пытались представить как «агрессию против суверенной страны». Но европейских защитников грузинской демократии почему-то не шокировали действия Грузии в Южной Осетии. И никого не волнует, что в результате «штурма» мирного города погибли около 1600 человек, в своей массе мирных жителей – детей, женщин, стариков, разрушены осетинские села, разрушен Цхинвал – центр Южной Осетии, почти 30 тыс. беженцев вынуждены были, спасая свои жизни и жизни своих детей, бежать на территорию России.

Западные СМИ, действуя, видимо, по принципу, сформулированному еще Ф.Д.Рузвельтом – «может быть, он и сукин сын, но это наш сукин сын», не хотят признавать, что военный конфликт в Южной Осетии был спровоцирован Саакашвили преднамеренно, при этом он делал все, чтобы представить его как столкновение между Россией и Западом, а Грузию – «передовым фронтом».

Чего же добился Саакашвили своим неудавшимся «блицкригом» против Южной Осетии под названием «Чистое поле»? За что были положены жизни тысяч осетин и многих грузинских молодых людей? «Поле», т.е. территория Южной Осетии, отнюдь не стало «чистым», оно полито кровью с обеих сторон, стало «полем ненависти», которое еще глубже и теперь на долгие годы разделило два народа, многие десятки лет живших мирно друг с другом. И теперь, как бы ни развивались события дальше (вполне вероятно, что грузинский президент на этом не успокоится и вновь попытается решить проблему самопровозглашенных республик силой), Грузии вряд ли удастся убедить осетин и абхазов стать частью Грузии. Таким путем еще можно завоевать «чистое поле», т.е. территорию, но не народ, который можно только изгнать или уничтожить.

Особо надо сказать о роли США в этих событиях. Не воспринял ли Саакашвили визит госсекретаря США Кондолизы Райс в Тбилиси 9 июля 2008 года (о котором выше уже говорилось), безоговорочно поддержавшей грузинского президента и фактически обвинившей Россию в нагнетании напряженности в зоне конфликта, как руководство к действию, месяц спустя отдав приказ на вооруженное вторжение в Южную Осетию?

США, надо сказать, весьма уверенно чувствуют себя в Грузии. В 2003 году между двумя странами было заключено соглашение о сотрудничестве в военной области. Американским военным на территории Грузии были предоставлены беспрецедентные привилегии – безвизовый режим пребывания, ношение оружия, освобождение от всех налогов и сборов, полный дипломатический иммунитет. Разрешена была переброска любой военной техники на территорию Грузии и ее передислокация на территории страны по первому требованию американского командования. И не потому ли Аджария с ее портом Батуми, через который и доставля-

ются в Грузию американские военные грузы, стала первым объектом силового воздействия со стороны режима Саакашвили?

Что касается позиции России, то, конечно, ни о какой аннексии грузинских территорий, ни о войне против Грузии и уж, тем более, о конфронтации с Западом речи с ее стороны не шло. Цель России – защита своих граждан, установление и поддержание мира в этом тревожном районе.

В конфликте вокруг Южной Осетии Россия проявила решительность и твердость, взяв осетинский народ под свою защиту и фактически оградив его от геноцида. Соответственно, эта позиция потребовала и логического продолжения – признания независимости отколовшихся от Грузии этнических анклавов.

26 августа обе палаты российского парламента рекомендовали Президенту Медведеву признать суверенитет Абхазии и Южной Осетии. На следующий день в Сочи собрался Совет безопасности РФ, в ходе которого было выработано окончательное решение о признании государственной независимости Аджарии и Южной Осетии. Решение это было закреплено соответствующим указом российского лидера (дипломатические отношения между Россией и непризнанными мировым сообществом южнокавказскими республиками были установлены 9 сентября 2008 года).

В своем заявлении Д.Медведев подчеркнул: «Учитывая свободное волеизъявление осетинского и абхазского народов, руководствуясь положениями Устава ООН, Декларацией 1970 г. о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами, Хельсинкским Заключительным актом ОБСЕ 1975 г. и другими основополагающими международными документами, я подписал указы о признании Российской Федерацией независимости Южной Осетии и независимости Абхазии».

«Россия призывает другие государства последовать ее примеру. Это нелегкий выбор, но это единственная возможность сохранить жизни людей», – заявил президент России³⁷.

Признав суверенитет Абхазии и Южной Осетии, Россия фактически предоставила этим пока еще квазигосударственным образованиям гарантии от применения в их отношении силы со стороны Тбилиси. Кроме того, нельзя недооценивать морального аспекта данного шага России. После продолжительного периода сдачи всех возможных позиций на международной арене Москва впервые заявила о самостоятельности своего внешнеполитического курса, который она теперь намерена выстраивать без оглядки на Запад. Впервые Россия продемонстрировала, что готова защищать своих союзников, а не бросать их на произвол судьбы из-за косых взглядов мирового сообщества.

Имело это решение и внутривнутриполитический эффект, серьезно повысив авторитет нового президента России Дмитрия Медведева, продемон-

³⁷ <http://top.rbc.ru/politics/26/08/2008/229753.shtml>

стрировавшего всей стране, что он способен самостоятельно предпринимать важные политические шаги.

Относительно международного аспекта необходимо сказать, что здесь демарш России мало что дал. Мировое сообщество продолжает считать Абхазию и Южную Осетию частью территории Грузии. Связана такая позиция, в первую очередь, с тем, что, победив в войне реальной, к сожалению, Россия проиграла войну информационную и дипломатическую. У мирового сообщества, находящегося под влиянием прозападных СМИ, по большей части складывалось искаженное представление о событиях, произошедших в Южной Осетии в августе 2008 года. В сознание западного обывателя массово внедрялся миф о том, что агрессор – Россия. При этом напрочь замалчивался факт вторжения грузинских войск в Южную Осетию, равно как и развернутый ими геноцид мирного населения непризнанной республики.

Каковы же политические итоги, и в первую очередь для России, южноосетинского кризиса?

Во-первых, война продемонстрировала, что альтернативой американо-российскому взаимодействию может быть только конфронтация и что, несмотря на достаточно лояльную риторику Белого дома последних лет, США по-прежнему считают Россию принципиальным геополитическим противником.

Во-вторых, война стала катализатором тех процессов, которые уже давно латентно протекали в мировой политике, – усиления конфронтационного потенциала между Россией и Западом, четкой антироссийской ориентации военного механизма НАТО, тактики постепенного вытеснения России с постсоветского пространства. Можно предположить, что вследствие новой войны на Кавказе данные тенденции приобретут дополнительный импульс.

В-третьих, в очередной раз встал вопрос о состоятельности СНГ. Выход Грузии из Содружества, последовавший по «горячим следам» войны, стал продолжением тех деструктивных процессов, которые происходили в этой международной организации последние годы. Все большее число бывших советских республик, ставших теперь суверенными государствами, тяготеет в плане политическом к Североатлантическому альянсу. Так, Узбекистан по итогам саммита НАТО в Бухаресте предложил преобразовать действовавшую до 2001 года Контактную группу по Афганистану из формата «6+2» (соседние с Афганистаном государства, США и Россия) в формат «6+3» (те же + НАТО), а «дружественная» Россия Армения обладает тем же уровнем сотрудничества с НАТО, что и «враждебная» Грузия.

Демарш Тбилиси поставил под вопрос не только «работоспособность» СНГ, но и прочность двусторонних отношений России со своими ближайшими соседями – ни один из членов Содружества не выразил подде-

ржку действиям Москвы в Южной Осетии. Отмолчалась даже братская Белоруссия.

Сдержанность постсоветских государств объясняется тем, что США располагают серьезными рычагами воздействия на их внешнюю и внутреннюю политику (так, в случае с Белоруссией, по всей видимости, свое влияние оказал предвыборный фактор: не исключено, что таким образом Александр Лукашенко сделал «реверанс» в сторону Запада, пытаясь обезопасить себя от возможной критики «недемократичности» парламентских выборов в Белоруссии в октябре 2008 года со стороны США и ЕС). В этой связи государства СНГ решили просто не вмешиваться, чтобы не вызывать лишнего раздражения со стороны Вашингтона.

Возвращаясь к Грузии, необходимо сказать, что ее членство в СНГ было обусловлено в основном экономическими факторами. Если бы не обострение ее конфликта с Россией вокруг Южной Осетии, официальный Тбилиси, вероятнее всего, не скоро бы еще решился на подобный шаг. Покидая СНГ, Грузия преследовала две основные цели – во-первых, форсировать процесс замены миротворческого контингента в зонах конфликтов на международный, во-вторых – простимулировать западные страны принять Тбилиси в члены Североатлантического альянса.

Война в Южной Осетии заставляет пересмотреть российскую позицию в отношении СНГ, политику союзничества и развития отношений с постсоветскими странами. Сделала ли Россия все возможное для укрепления Содружества? Где-то мы сами давали старт негативным тенденциям. Россия за последние годы растеряла старых друзей и не приобрела новых, а от тех, кто искренне хотел с нами сблизиться, мы по тем или иным причинам дистанцировались.

В-четвертых, конфликт в Южной Осетии продемонстрировал, что информационное обеспечение является все более важным фактором противоборства и что в этой сфере Россия по-прежнему отстает. И хотя государством сегодня выделяются немалые средства на ведение информационной и пропагандистской работы, используются они, мягко говоря, неэффективно.

В-пятых, вновь проявилась беспомощность международных институтов. ООН показала неспособность быстро вырабатывать решения в кризисных ситуациях и эффективно действовать в плане поддержания мира и стабильности. Незадолго до вторжения Грузии в Южную Осетию Москва предложила Совбезу ООН принять резолюцию с призывом к отказу от применения силы обеими сторонами. Это решение могло бы предотвратить кровопролитие, но было заблокировано западными странами. В то время как целый народ подвергался фактическому геноциду, СБ ООН «шлифовал» формулировки и «выпускал пар» в бесполезных дебатах.

В-шестых, США открыто взяли курс на изоляцию России, выстраивание «единого фронта» против нашей страны и в конечном счете на

усиление тенденций возврата к временам «холодной войны». С этой целью в Европу в августе 2008 год была послана Кондолиза Райс, которая провела ряд совещаний с западными союзниками и представителями международных институтов. Срочно было подписано соглашение с Польшей о размещении американских противоракет на ее территории и об усилении системы ПВО Польши. Кораблям Российского ВМФ было отказано от участия в совместных с ВМС НАТО учениях.

В целом, события на Южном Кавказе демонстрируют существенные изменения, происходящие в современном мире, архитектура которого, сложившаяся после окончания «холодной войны», претерпевает сейчас существенные изменения. На смену однополярности приходит многополярность, при которой есть несколько влиятельных игроков, соперничество между которыми может усилиться и стать более острым. При этом неформальные «правила игры» в трансформирующемся мире до сих пор не сформулированы, что повышает градус напряженности. В этих условиях перед российской властью стоит задача реализации сценария социально-экономического и политического развития, который позволил бы наиболее успешно выдержать усиливающуюся конкуренцию, опираясь на максимальную общественную поддержку.

Военные действия на Южном Кавказе, несомненно, должны скорректировать российскую повестку дня, возможно, темпы преобразований могут даже замедлиться. Больше внимания, чем ранее, необходимо уделять Военно-промышленному комплексу – при полном учете того факта, что втягивание России в полномасштабную гонку вооружений без учета реальных экономических возможностей может привести к столь же печальным экономическим последствиям, как и для СССР. Поэтому соотношение между развитием военных и гражданских отраслей экономики, скорее всего, будет носить взвешенный характер, без тупиковой народнохозяйственной милитаризации.

России постепенно удастся донести свою точку зрения до западных политиков, углубить расхождения в оценке ситуации между странами Старой Европы и США и их сателлитами в ЕС. В принципе практически снят вопрос о санкциях Запада против России. Вместе с тем в вопросе признания независимости этих республик продвинуться пока не удастся.

Традиционно Запад в России воспринимался противоречиво – как фактор, способствующий модернизации, и как источник военно-политической угрозы. Равно как противоречивым является и отношение Запада к России, которую там воспринимают то как загадочную полуазитскую империю, то как своеобразную часть европейской цивилизации. Последнее чаще проявляется во время кризисов – таких, как Наполеоновские войны, Первая и Вторая мировая войны – когда Россия входила в европейские коалиции, направленные против агрессивных сил. Впрочем, установление в послевоенный период в странах Восточной Ев-

ропы тоталитарных режимов по подобию сталинского вновь актуализировало «азиатский» стереотип.

В ходе российско-грузинского конфликта выяснилось, что целый ряд составляющих этих отношений нуждается в переоценке. В частности, конфликт вывел на поверхность все негативные аспекты в российско-американских отношениях, резко обострил конкуренцию между Россией и США на постсоветском пространстве, привел к беспрецедентному за последние два десятилетия осложнению этих отношений. Вряд ли они серьезно улучшатся в случае прихода к власти кандидата-демократа. В России существует примечательная особенность – когда у власти демократы, часть экспертов мечтают о республиканце, который не будет задавать неудобные вопросы о правах человека. И, напротив, нахождение республиканца в Белом доме вызывает ностальгию по демократам, которые якобы не будут проявлять излишнюю жесткость в кризисных ситуациях.

Такие представления существуют и сейчас, хотя они имеют мало общего с действительностью (вспомним хотя бы, что против Югославии воевал демократ Б.Клинтон). И дело здесь не в сенаторе Байдене, стороннике жесткой линии в отношении России, которого Обама сделал своим кандидатом в вице-президенты. У любого американского президента будет достаточно узкий коридор возможностей в отношениях с Россией, связанный с необходимостью российско-американского сотрудничества в афганской операции, нежеланием стимулировать рост цен на сырье (причем не только на нефть и на газ, но и на алюминий).

В то же время в случае прихода к власти сам Обама должен будет доказывать американскому обществу свой патриотизм и способность проводить эффективную внешнюю и военную политику (Маккейну особо доказывать этого не надо). Однако и в случае с избранием Маккейна, разумеется, вряд ли можно рассчитывать на быстрые изменения к лучшему.

Показал свою полную неэффективность совет Россия–НАТО, который так и не собрался в критической ситуации. Неудивительно, что его деятельность приостановлена – есть основания полагать, что она в течение длительного времени будет находиться в «замороженном» состоянии. Не исключено, что в случае присоединения в нынешнем декабре к Плану действий по присоединению к НАТО Украины и, возможно, Грузии, этот совет может и официально прекратить свое существование.

В то же время кризис выявил способность европейских стран к нормальному диалогу с Россией, отказу от экстремальных сценариев в отношениях с ней (типа введения экономических санкций). Разумеется, столь комфортных условий, которые были при Шредере и Шираке, у России больше не будет – нынешняя генерация европейских лидеров настроена по отношению к ней куда более сдержанно и ориентирована на конструктивные отношения к США при сохранении, разумеется,

собственной идентичности. Рассчитывать на новый большой «раздражитель» в отношениях между США и рядом стран Старой Европы, подобный войне в Ираке, было бы неверно. Однако между Россией и ведущими европейскими государствами постоянно существует контакт, который был актуален и для кризисного периода (вспомним посредничество Саркози). Такая позиция Европы, не желающей изоляции России, может быть связана как с ее зависимостью от российских энергоносителей, так и с нежеланием получить вблизи своих границ государство, находящееся в системном конфликте с ЕС.

Подобное развитие событий должно было бы внушать определенный оптимизм для перспектив отношений если не с Западом в целом, то с его староевропейской частью. Однако сейчас такой оптимизм носил бы явно преждевременный характер. Дело в уже упомянутом присоединении к натовскому Плану Украины и Грузии, которое (по крайней мере, в отношении Украины) стало более вероятным, чем до начала военных действий. Для Европы отказ в этом вопросе означал бы не только конфликт с США, но и недопустимую, с точки зрения европейского истеблишмента, уступку России. При этом европейцы рассматривают присоединение к Плану как часть длительного пути этих стран в НАТО, тогда как в России полагают, что это решающий этап, после которого атлантическая интеграция Украины и Грузии примет необратимый характер. Поэтому в декабре нынешнего года можно ожидать нового всплеска противоречий между Россией и Европой, причем с более серьезными последствиями.

В то же время и Россия не намерена идти до конца, выстраивая новый «железный занавес» – в условиях глобального мира самоизолирующаяся страна, ориентированная на автаркию, обречена на роль аутсайдера, неспособного вписаться в международное разделение труда и увечивающего свою зависимость от цен на энергоносители, которые не всегда могут быть высокими. В связи с этим надо вспомнить некоторые прогнозы начала 1980-х годов, которые гласили, что падения цен не будет еще в течение длительного времени (кстати, сейчас цены на нефть существенно снизились). Показательно, что, несмотря на явное разочарование российского руководства «политизацией» вопроса о вступлении России в ВТО, оно не отказывается от него как от своего стратегического выбора.

Поэтому возникает необходимость выработки здравого, рационального подхода к отношениям с Западом в условиях усиливающийся международной конкуренции, лишённого как идеализма, так и изоляционистских настроений, основанного на прагматизме и балансе интересов, диверсификации подходов к различным партнерам России.

Противоречия между Брюсселем, который не готов пока к полномасштабной «холодной войне» с Москвой, и Вашингтоном, занимающим

более радикальные позиции по этому вопросу, заключаются в разности их географического и экономического положения. Однако уровень этих противоречий не столь высок – и та, и другая сторона не настроены полностью разрывать контакты с Россией. Москва и Европа крепко связаны друг с другом в экономическом плане, и это осознают в Соединенных Штатах. По всей видимости, Западу выгодно сохранить Россию в «правовом поле», оказывая на нее давление, в том числе и через ведущие международные институты.

Отдельно необходимо отметить и такой факт: Европа долгое время играла на заинтересованности России в расширении сотрудничества с ней, звала Россию в ВТО, намекала на возможности более плотной интеграции. Однако на деле ЕС, выбивая из Москвы все новые и новые политические уступки, со своей стороны не предпринимал никаких реальных усилий, чтобы выполнить свои обещания. В результате, внутри российского политического истеблишмента постепенно вызревало разочарование не всегда положительной динамикой контактов между РФ и ЕС. И, наконец, наступил такой момент, когда Россия поставила свои национальные интересы выше желания интегрироваться в еврообщество, которое, положив руку на сердце, не особенно стремилось видеть нас в своих рядах.

Помимо всего прочего, такое положение дел диктует России необходимость внимательно следить за своей деловой репутацией на Западе, чтобы не подставляться под удар лишний раз, с особой тщательностью выполнять все взятые на себя обязательства по поставкам энергоносителей в Европу и Азию, не допуская спекуляций на тему «энергетического оружия».

**ЮЖНЫЙ КАВКАЗ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
(1992–2008 ГОДЫ)**

Корректор *А.Панюгина*
Верстальщик *Л.Листвин*

ФГУП «Издательский дом «Красная звезда»
123007 Москва, Хорошевское шоссе, 38
Тел.: (495) 941-26-66, 941-36-46

Отпечатано в типографии ФГУП
«Издательский дом «Красная звезда»

Подписано в печать 15.10.08 г. Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 24,5. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 186.